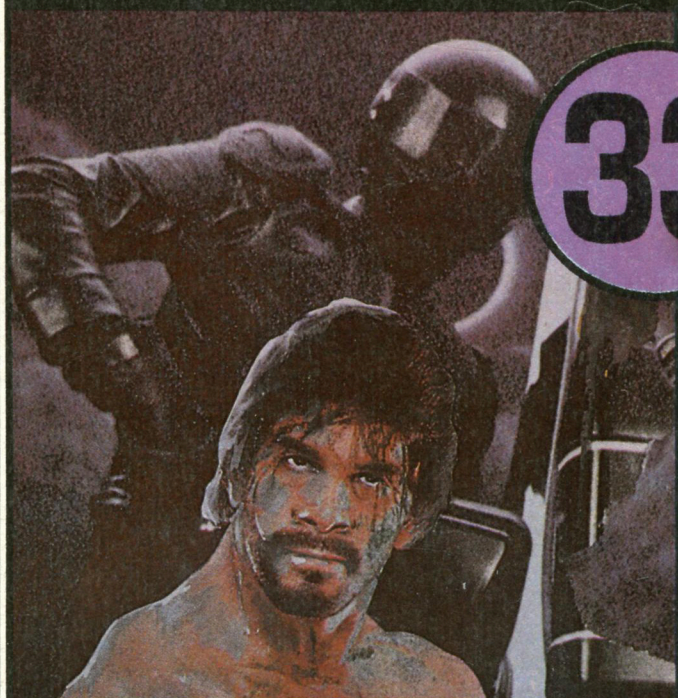

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ВЕЧНЫЙ ДИКАРЬ

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ВЕЧНЫЙ ДИКАРЬ

33

33

ВЕЧНЫЙ ДИКАРЬ
ЗА САМОЙ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДОЙ
ЗЕМЛЯ ПОТЕРЯННЫХ ЛЮДЕЙ

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ВЕЧНЫЙ ДИКАРЬ

В Е Ч Н Ы Й Д И К А Р Ъ
ЗА САМОЙ ДАЛЁКОЙ ЗВЕЗДОЙ
ЗЕМЛЯ ПОТЕРЯННЫХ ЛЮДЕЙ

«ПРИНТЭСТ»
ТАЛЛИНН, 1993

Перевод с английского С. Г л е б к и н а и А. Г у б е р г р и ц
Оформление серии Хейки Лоомана
Издание подготовлено при участии акционерного
общества «ВАЛЕВ»

ВЕЧНЫЙ ДИКАРЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

НУ ИЗ НИОЦЕНА

Ну, сын Ну, молча шел сквозь дикие заросли джунглей, и при каждом движении его тела мощные мускулы перекачивались под гладкой бронзовой кожей. Густые темные волосы юноши были грубо подстрижены заостренными камнями. Симпатичное лицо Ну выражало глубокую сосредоточенность: он тщательно принюхивался ко всем доносившимся до него запахам, стараясь уловить запах Оо, тигра-людоеда.

Сейчас его чуткие ноздри различили знакомый запах Та, огромного носорога, заросшего шерстью. Судя по всему, тот находился прямо на тропе, по которой следовал Ну. Однако сегодня Ну, сын Ну, не собирался охотиться на Та. Разве не шкура брата Та уже висела у самого входа в пещеру Ну? Да, это так, и тем не менее сегодня Ну охотился за огромной кошкой, свирепым саблезубым тигром Оо, чтобы Нат-ул, прелестная дочь старого Тха, стала супругой не кого-нибудь, а самого сильного и смелого охотника.

Не далее как вчера вечером, когда они вдвоем, рука об руку прогуливались возле беспокойного моря под светом огромной экваториальной луны, Нат-ул совершенно ясно дала понять ему, что даже он, сын вождя вождей, не может претендовать на нее до тех пор, пока ремень его набедренной повязки не будет украшен клыком Оо.

— Нат-ул, — сказала она ему, — хочет, чтобы ее мужчина был самым великим из всех людей. Она любит Ну больше самой жизни и готова связать с ним свою судьбу. Но в том совместном путешествии по долгой жизни, которое им предстоит, одной Любви мало, ее неперменными спутниками должны стать Гордость и Уважение.

При этих словах Нат-ул протянула свою тонкую руку,

чтобы погладить молодого великана по его темной шевелюре.

— Я и сейчас очень горжусь своим Ну,— продолжила она,— поскольку среди всех молодых людей племени нет более ловкого охотника и более отважного воина, чем Ну, сын Ну. Однако если сейчас, пока твои щеки еще не обросли бородой, тебе удастся в одиночку справиться с Оо, тогда с полным правом можно будет заявить, что сильнее Ну, супруга Нат-ул, нет никого во всем мире.

Юноше казалось, что он слышит звук нежного голоса Нат-ул и чувствует ласковое прикосновение ее руки. Эти воспоминания придали ему новые силы, и он еще быстрее устремился в глубь диких джунглей на поиски Оо, тем более, что день только-только начинался и можно было не опасаться внезапного нападения ночных хищников, незаметно подкрадывающихся к своим жертвам под покровом темноты. Мысли о Нат-ул заставили Ну торопиться, и он углублялся все дальше и дальше в густые заросли нехоженого леса.

По мере того, как Ну продвигался вперед, запах Та становился все сильнее и сильнее. Наконец, огромное неуклюжее животное предстало перед глазами Ну. Оно стояло на небольшой полянке посреди джунглей, поросшей высокой густой травой. Не будь голова носорога обращена прямо в сторону Ну, он, скорее всего, и не заметил бы юношу, поскольку даже чуткий слух Та не позволял уловить бесшумную поступь пещерного человека, двигавшегося против ветра.

Едва крошечные, налитые кровью глаза зверя остановились на человеке, как Та, представитель злобного и воинственного племени носорогов, опустив огромную голову, устремился на гибкого великана, посмеявшегося нарушить его уединенное раздумье.

Хотя внушительные размеры носорога делали его слишком неуклюжим и неповоротливым, он рванул к Ну со всей силы. Если бы не мгновенная реакция на опасность и ловкость натренированного тела пещерного человека, этот день, пожалуй, мог бы стать последним в жизни Ну из Ниоцена.

Однако юноша был готов к любым неожиданностям. С быстротой зайца он метнулся в сторону ближайшего дерева — огромного древесного папоротника, возвышавшегося на краю небольшой поляны. Легко, словно кошка, принялся он взбираться по отвесному стволу, безошибочно находя выступы, оставшиеся от старых веток и, как

казалось, едва касаясь их руками и ногами. Складывалось впечатление, что карабкаться по стволу дерева для Ну такое же привычное и легкое дело, как для любого из нас подниматься по лестнице.

Вооружение Ну нисколько не сковывало его движений: копье с каменным наконечником было подвешено на кожаном ремне через плечо, а каменный топор и нож заткнуты за пояс набедренной повязки, так что руки юноши были совершенно свободны. Окажись на месте Ну я или вы, читатель, мы бы, наверное, едва забравшись на нижние ветки этого гигантского папоротника, вознесшегося футов на пятьдесят над землей, издали бы вздох облегчения и возблагодарили бы Бога за то, что удалось так легко ускользнуть от страшного чудовища. Иное дело Ну. Хорошо зная повадки животных своей далекой эпохи, он повел себя совершенно по-другому.

Он нисколько не замедлил движения, добравшись до нижних веток и даже не задержался ни на мгновение, чтобы бросить взгляд на оставшегося внизу врага. Да и в самом деле зачем? Ну и так прекрасно знал, как поведет себя в подобной ситуации Та. Вместо этого Ну с ловкостью обезьяны двинулся по ветке и скрылся в широкой листве. Рискованный маневр, на который решился юноша, заставил бы побледнеть любого смельчака, однако Ну не колебался и не раздумывал ни секунды. Он легко и быстро бежал по раскачивающейся ветке и, дойдя до самого ее конца, с той же легкостью перепрыгнул на ствол ближайшего дерева-гиганта.

Юноша успел как раз вовремя. Едва успела ветка, прогнувшаяся под тяжестью его тела, выпрямиться, как Та со всей силы, подобно сошедшему с рельс и продолжающему двигаться по инерции локомотиву, нанес мощный удар головой по основанию дерева, на котором еще мгновение назад находился Ну. От звука этого страшного удара содрогнулось все вокруг, щепки разлетелись в разные стороны, и могучее дерево с оглушительным грохотом рухнуло наземь.

С соседнего дерева Ну с усмешкой глядел вниз на происходящее. Сегодня охота на Та не входила в его планы, и он, перепрыгивая с дерева на дерево, благополучно миновал поляну, после чего снова спустился на землю и продолжил свой путь к дальним скалам, где устроил себе логово зловещий людоед Оо.

Из дремучих зарослей, через которые пролагал свой извилистый путь юноша, за ним пристально наблюдали

из-под косматых нависших бровей маленькие обезьяньи глаза. При виде человека звери издавали угрожающее рычание, обнажая боевые клыки, однако Ну словно и не замечал этого. С раннего детства он привык к обезьяньей перебранке и отлично знал, что если он будет спокойно идти своей дорогой, не трогая зверей, то и они не причинят ему никакого вреда. Кто-нибудь менее опытный на его месте, может быть, попытался бы разогнать животных, угрожающе размахивая копьём или топориком, но этим он навлек бы на себя с полдюжины еще более свирепых тварей, против которых оказался бы бессилён любовью, даже самый доблестный и отважный воин.

Хотя обезьяны, как казалось, были настроены воинственно, пещерный человек видел в них, скорее, помощников и союзников, чем врагов. Между обезьянами и людьми давно уже сложилось нечто вроде дружеского союза. Основывался он в первую очередь на внешнем сходстве между антропоидами и троглодитами. В те давние времена огромные пространства нашей молодой планеты кишели бесчисленным множеством плотоядных животных и рептилий, мириады других наводняли ее моря, а в сыром теплом воздухе бряцали мощными крыльями гигантские летучие мыши, и человек вынужден был вести борьбу за существование от зари до зари, без каких-либо передышек. Интересы человека, который и сам лишь недавно спустился с дерева на землю, нередко заставляли его соприкасаться с обезьянами, большими и малыми, и в результате этих контактов между ними было заключено своеобразное перемирие, поскольку они оказались единственными обитателями планеты, обладающими даром речи. Хотя язык и тех и других был еще довольно скуден, он вполне удовлетворял их примитивным нуждам, а поскольку оба языка возникли в сходных условиях и во многом на основе одних и тех же потребностей, но в них оказалось много похожих слов и фраз. Так что в случае необходимости троглодиты и обезьяны могли общаться друг с другом. И сейчас, идя через земли обезьян, Ну воспринимал их злое бормотание не как угрозу, а скорее, как предупреждение в свой адрес о подстерегающих его впереди опасностях. Возникни прямо сейчас какая-нибудь угроза человеку, обезьяны непременно сообщили бы ему о ней. В этом, в сущности, и заключалась их роль союзников. В свою очередь, люди преследовали наиболее свирепых врагов обезьян, изгоняя их с земель антропоидов.

Все дальше и дальше вперед двигался Ну, изредка спрашивая попадающихся по дороге обезьян об Оо. Их ответы только укрепляли уверенность юноши в том, что его схватка с тигром произойдет еще до того, как солнце укроется на ночлег в свою темную пещеру.

Так оно и случилось. Выйдя из густых зарослей, Ну стал подниматься по отлогому холму, вершина которого была увенчана низкими вулканическими скалами. В этот момент ноздри юноши, ни на секунду не терявшего бдительности, уловили донесенный ветром сильный запах Оо. Вблизи не было почти никакого укрытия, кроме разве что густой травы, которой обильно порос склон, да нескольких одиноких папоротников, возносящих свои ветвистые вершины на сотню футов над землей. Впрочем, это обстоятельство нисколько не огорчило Ну. Ведь, окажись иначе, тигр мог бы, укрывшись где-нибудь поблизости, первым неожиданно напасть на него. В том, что саблезубый хищник не попытается спастись бегством, Ну не сомневался: это было не в характере зверя. Сам же Ну прятаться не собирался, он хотел встретиться с врагом лицом к лицу.

Сейчас юноша находился на расстоянии примерно ста ярдов от скал, и запах Оо стал настолько резким, что уже раздражал чувствительный нюх пещерного человека. Впереди, прямо за скалами, он заметил несколько пещер. Ну знал, что в одной из них находится логово его жертвы.

Ярдах в пятидесяти от скал трава почти совсем исчезла, лишь кое-где между камней, которыми была усыпана вся земля, поднимались одинокие растения. Выйдя на открытое пространство, Ну, наконец-то, вздохнул с облегчением. Последняя часть его пути пролегла через густые заросли, закрывавшие его с головой. Встреча с Оо в этих дебрях грозила Ну почти неминуемой гибелью.

Юноша принялся внимательно рассматривать входы в ближайшие пещеры. Земля возле одного из них была усыпана таким количеством гигантских костей, что не оставалось никаких сомнений в том, кто обитает в этой пещере. Именно здесь и должно было находиться логово страшного Оо, огромного саблезубого тигра. Словно в подтверждение догадки Ну в этот самый момент из сырой и мрачной глубины пещеры донеслось зловещее рычание, а затем Ну заметил в темноте проема две светящиеся желтые точки, нацеленные прямо на него.

Еще через мгновение могучий хищник, величественно ступая, вышел на свет. Он остановился, помахивая

хвостом из стороны в сторону, сверля неподвижным безжалостным взглядом человека, дерзнувшего бросить вызов ему, приводящем в ужас всех обитателей джунглей. Огромное тело тигра, по размерам не уступавшего крупному быку, было поистине великолепно: черные полосы на спине резко контрастировали с ярко-желтой шерстью, тогда как грудь и брюхо хищника отличались ослепительной белизной.

Стоило Ну сделать еще несколько шагов по направлению к людоеду, как тот угрожающе разинул пасть, обнажив два ряда кривых клыков, дюймов в восемнадцать высотой, а из его глотки вырвался леденящий сердце рев, после которого в джунглях на много миль вокруг воцарилась напряженная тишина.

Достав из-за пояса каменный нож, юноша поднес его ко рту и крепко зажал оружие зубами, готовый в любой момент воспользоваться им. В левую руку он взял копье с каменным наконечником, а в правую — тяжелый каменный топорик, одинаково эффективный как в дальнем, так и в ближнем бою.

Оо ползком двинулся к юноше. Из оскаленной пасти тигра капала слюна. Желто-зеленые глаза кровожадно блестели. Неужто этот жалкий пигмей, хрупкий человечик, дерзнет сразиться в рукопашном поединке с ним, бичом джунглей, охотником за людьми и мамонтами, приводящим в трепет весь мир?!

— Ради Нат-ул,— прошептал Ну, не спуская глаз с готовившегося к прыжку Оо.

Как только тигр рванулся к юноше и тот увидел стремительно надвигающуюся на него массу костей, мускулов, клыков и когтей, он мгновенно размахнулся каменным топориком и со всей мочи обрушил его на противника. Удар, нанесенный со страшной силой, прошелся тигру прямо между глаз. Тотчас же Ну с проворством кошки отскочил в сторону. Он успел как раз вовремя, так как в следующее мгновение мощная туша зверя оказалась на том самом месте, где только что стоял человек.

Юноша отлично сознавал, что топорик — слишком слабое оружие против тигра, способное лишь на мгновение оглушить это чудовище. Поэтому, едва лапы Оо коснулись земли, Ну вонзил в его лоснящийся бок свое тяжелое копье.

Но оправившийся от удара Оо уже снова поднимался на ноги, ревя и рыча от ярости и боли. От его воплей, казалось, содрогались небо и земля. Рев людоеда, огласив-

ший джунгли на много миль вокруг, заставил их диких обитателей, испуганно оглядывающихся в ту сторону, откуда донеслись эти ужасные звуки, спешно искать укрытия в своих сырых и мрачных убежищах.

Тигр метался из стороны в сторону, пытаясь достать своего противника. Юноша отчаянно маневрировал, не выпуская из рук древко копья и ловко уклоняясь от ударов. Реакция Ну была мгновенной, он упреждал любое движение разъяренного зверя, оставаясь вне пределов его досягаемости.

Наконец Оо умерил пыл и, остановившись, растянулся на брюхе. Медленно и осторожно вытягивая лапу, он попытался ухватиться за причинявшее ему боль копьё.

Между тем юноша с улыбкой, оскорбительной для Оо, властелина джунглей, глядел прямо в лицо врагу. При этом он сильнее и сильнее надавливал на копьё, стараясь глубже вонзить его в тушу тигра. Ну понимал, что если хищнику удастся ухватить древко оружия, то это сильно уменьшит его шансы на победу в поединке. Хотя Оо и ослабел от потери крови, в его огромном теле оставалось еще довольно сил, чтобы сопротивляться, пока острие копья не пронзит его сердце. Эта схватка могла закончиться только смертью одного из участников.

Наконец попытки тигра увенчались успехом, и он ухватился лапой за копьё. Крепкое дерево изогнулось под мощным натиском стальных мускулов и переломилось. В это самое мгновение Оо, зарывав, устремился на юношу. Ну схватил свой охотничий каменный нож, который до сих пор сжимал в зубах, и приготовился к поединку.

Мощным прыжком Оо сбил юношу с ног. Они покатились по земле, почти сплетаясь телами. Ну, которого порой вовсе не было видно под огромной тушей противника, вновь и вновь вонзал нож в белоснежную грудь ревущего в дикой ярости хищника.

Оставалось только поражаться, что тигру так ни разу и не удалось поранить человека ни острыми клыками, ни когтями. Наконец, зверь сдался. Предприняв последнее усилие в этой схватке титанов, он затих. Безжизненная туша Оо крепко придавила юношу к земле.

Ну с трудом освободился из-под убитого противника. В последний момент, неудачно извернувшись, Оо надавил на обломок торчащего из его туши копья и оно, пройдя вглубь, пронзило ему сердце.

Поднявшись на ноги, юноша перерезал глотку тигру. Хлынула кровь. Размахивая ножом и топориком, Ну пу-

стился в победный танец над телом поверженного врага. Он то издавал пронзительные вопли, подражая Оо, то переходил на гортанные крики, выражающие победное торжество пещерного человека.

Отовсюду, из-за соседних скал и из джунглей, раздались сотни ответных возгласов — раскатисто рычал пещерный медведь; ревел Зор, лев; выла гиена; трубил мамонт; глухо мычал бык, а из далеких болот и морей доносилось шипение и свист амфибий.

Исполнив победный танец, Ну принялся вытаскивать сломанное копьё из туши своего противника. Затем он извлек несколько крепких сухожилий из передней лапы Оо и ими наскоро связал древко оружия. В этой жизни, полной постоянных опасностей, ни на минуту нельзя было оставаться без копья с каменным наконечником.

Предприняв эту меру предосторожности, Ну начал отчленять голову Оо, которую намеревался с триумфом принести в пещеру своей возлюбленной. Орудия топориком и ножом, он провозился добрых полчаса. Наконец он поднял свой трофей высоко над головой и издал еще один радостный победный крик. Пускай знают все, что нет в мире охотника сильнее, чем Ну, сын Ну!

Как только последний звук его торжествующего крика растаял в тяжелом, влажном воздухе Ниоцена, тут же повсюду воцарилась полная тишина. Солнце, уже поднявшееся довольно высоко, внезапно скрылось во тьме. Земля качнулась и задрожала. Глухое ворчание донеслось из глубин юной планеты, и, словно в ответ, гром и грохот раздался с небес.

Напуганный троглодит озирался по сторонам, пытаясь обнаружить того гигантского зверя, из-за которого задрожала и взвопила в страхе вся земля, застонали небеса и солнце в ужасе спряталось в тучи.

Однако чудовища он не увидел. Повсюду вокруг в панике и страхе метались звери, птицы, пытавшиеся укрыться в своих убежищах. Движимый тем же примитивным инстинктом самосохранения, юный великан быстро схватил оружие и свой трофей и, словно антилопа, со всех ног устремился в спасительный мрак пещеры Оо.

Едва успел он укрыться внутри, как поверхность земли снова зашаталась и глубины ее разверзлись. Раздался ужасающий грохот падающих камней. Вход в пещеру, где укрылся юноша, внезапно закрылся и вокруг воцарилась

непроглядная тьма. Заживо погребенный в этой могиле Ну, сын Ну, Ну из Ниоцена, потерял сознание.

Случилось это сотню тысяч лет тому назад.

ГЛАВА 2

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

С первого взгляда на Викторину Кастер из Беатрисы, штат Небраска, ни за что нельзя было догадаться о том, что на самом деле представляет собой эта девушка. Ее огромные мечтательные глаза, изящные линии стройной фигуры, казалось, свидетельствовали о телесной хрупкости и изнеженности души, которые мы привыкли считать неотъемлемыми признаками подлинной женственности. Но это было насквозь обманчивое впечатление. Смею утверждать, что во всем белом свете существовало лишь две вещи, которых смертельно боялась Виктория Кастер,— мыши и землетрясения.

Охотно признаваясь в том, какой ужас она испытывает при виде мышей, о землетрясениях, однако, девушка говорила крайне редко. Только со своим братом Барни, ближайшим другом, которому она безгранично доверяла, девушка пару раз разоткровенничалась на эту тему.

Сейчас оба они гостили в обширном поместье лорда и леди Грейстоков в экваториальной Африке, в стране вазири, куда Барни Кастер приехал поохотиться. Впрочем, об охоте он тут же забыл. Да это и не имеет к истории, которую я собираюсь поведать вам, никакого отношения. Не имеет его к ней и Джон Клейтон, лорд Грейсток, некогда известный как Тарзан из племени обезьян, если не считать того, что я гостил у него в то же самое время, что и Кастеры, и благодаря этому могу теперь рассказать вам о том, о чем в противном случае едва ли когда-нибудь вообще стало бы известно.

На юге Узири, страны вазири, протекает горная цепь, а у ее подножия простирается огромная равнина, на которой в большом количестве водятся антилопы, зебры, жирафы, носороги и слоны. Привлеченные тучными стадами антилоп, зебр и жирафов, сюда частенько приходят на охоту львы, леопарды и гиены. Встречаются тут и бизоны — свирепые дикие звери, более грозные и опасные, чем даже львы. Так, во всяком случае, говорил мне Клейтон.

Места эти, действительно, представляли собой настоящий рай для охотников, и почти каждый день очередная компания отправлялась из низенького бунгало Грейстоков на поиски дичи и приключений. Виктория Кастер тоже частенько принимала участие в этих вылазках.

Она успела подстрелить двух леопардов, не говоря уже об огромном количестве антилоп и зебр, а как-то раз лицом к лицу столкнулась и с буйволом, которого сразила метким выстрелом наповал с расстояния в десять шагов.

На первых порах Виктория доводила брата своим поведением до состояния, близкого к нервному припадку, ибо далеко не каждый мужчина отважится на столь рискованные поступки, как она. Однако, увидев, что сестра умудряется сохранять совершенное хладнокровие перед лицом опасности, а меткость ее выстрелов вызывает восторженные похвалы даже у самых бывалых охотников, Барни ударился в другую крайность и стал смотреть сквозь пальцы на долгие отлучки Виктории. Бывало, на охоте она надолго отделялась от прочих участников, что, без сомнения, делало честь ее смелости. Сама Виктория высоко ценила предоставленную ей свободу, так как обычно от женщин и новичков на охоте не только требуют соблюдения множества мер предосторожности, но и на шаг не отпускают от остальных. Какая уж тут дичь, если тебя саму постоянно опекают!

Однажды вечером, когда Кастеры возвращались вечером с очередной охоты у подножия горы, Барни обратил внимание на то, что его сестра на редкость молчалива и, по всей видимости, чем-то расстроена.

— Что с тобой, Вик? — поинтересовался он. — Наверное, ты страшно устала?

Девушка посмотрела на него с улыбкой, но тут же на ее лице появилось тревожно-недоуменное выражение.

— Барни, — сказала она после недолгого молчания, — в этих горах есть нечто такое, что вызывает у меня странное чувство тревоги. Сегодня я проезжала мимо выступающих на поверхность вулканических скал, которые напоминают о страшных потрясениях, происходивших на планете в давние времена. При виде этих скал я вся затрепетала с головы до ног, и меня прошиб холодный пот. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: ты ведь знаешь, что меня всегда охватывает какой-то безотчетный страх при малейшем подземном толчке и даже при одном только упоминании о тех мощных силах, которые дрем-

люют под поверхностью земли. Но сегодня мной вдруг овладело невыносимо горькое чувство какой-то невосполнимой личной утраты, как будто я лишилась человека, которого любила больше всех на свете.

Виктория замолчала и после короткой паузы вновь продолжила свой рассказ.

— И знаешь, несмотря на эту невыразимую печаль, словно яркий луч надежды озарил мою жизнь. Я не в силах объяснить тебе, что бы это могло значить, хотя сердцем хорошо чувствую это.

В течение некоторого времени Виктория и Барни молча ехали рядом — стремя к стремени. Их пони уверенно прокладывали путь через высокую, по колено, траву. Девушка задумалась — видимо, она пыталась найти объяснение загадочному чувству, завладевшему ею. Что касается Барни Кастера, то он принадлежал к тому разряду людей, которые никогда не позволяют себе ни малейшей насмешки над тем, что выходит за пределы их разума. Последнее обстоятельство, вне всякого сомнения, объясняло, почему Виктория, как, впрочем, и многие другие люди, доверяла ему самые сокровенные мысли. Не понимая, что происходит с сестрой, Барни ничего не мог ей посоветовать и потому молчал. К тому же он испытывал сильное недоумение, как и всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться с очередным проявлением странного отношения Виктории к любым свидетельствам великих сдвигов земной коры, определивших облик нашей планеты.

Он припоминал, когда и в каких ситуациях прежде его сестра испытывала этот страх. Однажды это произошло в Саду Богов, а затем повторилось во время их совместного путешествия по Великому Каньону в Аризоне. Но особенно ярко запомнилось ему нервное потрясение, которое испытала Виктория, читая газетные отчеты о землетрясении в Сан-Франциско. Во всех прочих отношениях его сестра была совершенно нормальной и вполне уравновешенной молодой американской женщиной — впрочем, может быть, именно это делало ее единственный недостаток особенно явным.

Однако боязнь землетрясений была не единственной странностью Виктории Кастер. Другая заключалась в том, что она с непонятным и зачастую не обоснованным пренебрежением относилась ко всем мужчинам, просившим ее руки, — а таких было немало. Некоторые из соискателей казались Барни вполне достойными людьми,

и Виктории они нравились, но любить их!.. Она и мысли такой не допускала!

Продолжая свой путь по направлению к бунгалу Клейтона и размышляя о странностях характера своей сестры, Барни невольно вспомнил и о тех снах, которые обычно видела Виктория после каждого упоминания о великих потрясениях в природе. Это побудило его продолжить прерванный разговор.

— Твой... он появился, как обычно? — с улыбкой спросил Барни.

Девушка потянулась к брату и взяла его руку в свою. Глаза ее выражали одновременно и испуг, и надежду.

— О, Барни,— воскликнула она,— дорогой, ты никогда не смеялся над моими глупыми снами. Не будь у меня возможности откровенно рассказывать тебе обо всем, я бы, наверняка, давно сошла с ума. Но в последнее время я стала сомневаться, стоит ли говорить об этом даже с тобой — он стал приходить слишком часто! С тех пор как мы впервые охотились в окрестностях гор, я каждую ночь рука об руку гуляю с ним под огромной экваториальной луной возле беспокойного моря. Совершенно отчетливо, как никогда прежде, я вижу его фигуру и черты лица. Он очень симпатичный, Барни, высокий и сильный — мне бы хотелось встретить такого мужчину в реальной жизни. Наверное, это прозвучит смешно, но я никогда не смогу по-настоящему полюбить ни одного из этих слабовольных и бесхарактерных людишек, которые вечно вьются около меня — особенно теперь, после того, как гуляла рука об руку с таким мужчиной, как он, и по его глазам поняла, что он тоже любит меня. При этом, Барни, я все-таки побаиваюсь его. Не странно ли?

В этот момент к ним присоединились остальные охотники, и ни брат, ни сестра не возвращались больше к своему разговору.

Добравшись до бунгало, Кастеры обнаружили, что за время их отсутствия число гостей дома Клейтонов пополнилось еще двумя молодыми людьми в костюмах цвета хаки. Они прибыли только сегодня, не предупредив заранее никого о своем появлении. Один из них поднялся, едва увидев возвращающихся охотников, и поспешил им навстречу.

Это был высокий, атлетического вида мужчина. Как только Виктория Кастер узнала его, ею овладело замешательство: она не знала, радоваться ей или сердиться. Это оказался человек, с которым ей доводилось встре-

чаться и прежде и который более всех прочих напоминал героя ее снов. Но именно он ни разу не сказал ей ни слова о любви. Его приятель тоже поднялся из прохладного тенистого уголка низкой веранды и медленно направился навстречу охотникам. Выправка и осанка выдавали в нем военного человека.

— Мистер Картисс! — воскликнула Виктория. — Лейтенант Бутзов! — добавила она, приглядевшись к его спутнику. — Откуда и каким ветром вас занесло сюда?

— Мир опустел без вас, — с улыбкой ответил офицер, галантно поклонившись. — Вот мы и последовали за вами в дебри экваториальной Африки.

— После вашего с Барни отъезда Небраска стала очень скучным местом, — добавил мистер Картисс, — и едва я узнал, что Бутзов готов составить мне компанию, как мы, не теряя времени, отправились вслед за вами. И вот, пользуясь любезностью и гостеприимством леди Грейсток, мы здесь.

— Я попыталась убедить наших друзей, — заметила леди, которая, поднимаясь по ступенькам веранды, включилась в общий разговор, — что им не придется сожалеть о времени, проведенном у нас. В свою очередь, нам доставляет огромное удовольствие принимать в своем доме людей, с которыми у нас так много общих интересов.

Вечером того же дня мистер Вильям Картисс под каким-то предлогом изыскал возможность объясниться с мисс Викторией Кастер с глазу на глаз. Он откровенно признался ей в том, почему Беатрис, штат Небраска, внезапно показалась ему таким скучным городом. Именно после отъезда Виктории он понял окончательно и ясно, что для спасения собственной жизни ему необходимо немедленно отправиться вслед за ней, даже если проехать придется полсвета. Право слово, такая женщина стоит и больших жертв!

Странно было наблюдать за тем, как этот молодой человек, всегда славившийся железной выдержкой и самообладанием, сейчас запинаясь на каждом слове и то и дело краснел, словно плохо выучивший урок школьник. В конце концов, ему все-таки удалось более или менее внятно изъяснить главное — что он безумно влюблен в Викторию Кастер и отныне не сможет больше ни есть, ни спать, пока не добьется от нее обещания стать его женой.

Разумеется, на девушку не могло не произвести сильного впечатления то обстоятельство, что этот человек, не взирая на сложности и опасности, отправился в дебри

Африки только затем, чтобы признаться ей в любви. К тому же он, вместе со своим спутником Бутзовым, пустился в путь через один из самых диких районов джунглей почти без всякого снаряжения лишь по той причине, что здесь пролегла кратчайшая дорога от побережья к имению Грейстоков.

Было в Вильяме и еще нечто — то же самое, чем так затронул душу Виктории юный великан из ее снов — огромная физическая сила и презрение к трудностям и опасностям. Рядом с этими двумя любящими ее людьми (а герой снов был для девушки столь же реальным человеком, как и все остальные) Виктория ощущала одновременно и какой-то испуг и радостную беспомощность.

Картисс понял последовавшее за его признанием молчание как знак согласия и, воспользовавшись молчаливым одобрением своей спутницы, схватил ее за руки и трепетно привлек к себе.

— О, Виктория, — горячо зашептал он. — Скажи мне, скажи, милая, то, что мне так необходимо услышать из твоих драгоценных уст. Если я буду знать, что ты испытываешь ко мне хотя бы десятую часть того чувства, которое пылает в моей груди, я буду счастливейшим из смертных.

Виктория поглядела в его глаза, блескующие в лунном свете, и ответное признание уже было готово сорваться с ее губ. Правда, мысли о той другой, нереальной и неосязаемой любви, которая владела всем ее существом в течение уже нескольких лет, все еще не давали покоя. Однако холодный американский рационализм двадцатого столетия одержал верх над смутными томлениями души. Не пора ли ей, в самом деле, отрешиться от своих галлюцинаций и найти счастье в любви с совершенно реальным и серьезным в своих чувствах и намерениях молодым человеком?

— Билли, — начала она, — я...

Однако закончить ей не удалось. Не успела Виктория произнести те слова, которые должны были связать ее судьбу с Вильямом Картиссом, как откуда-то из самой глубины планеты донеслось мрачное громохание, и девушка почувствовала, как прямо на том месте, где они стояли, поверхность земли приподнялась и опустилась, подобно тому, как вздымается и опускается морская волна. Земля закачалась под ногами, а донесшийся издали яростный грохот, возможно, свидетельствовал о рождении новой горной цепи.

Застонав от ужаса, девушка бросилась бежать, и, пока опомнившийся Картисс попытался удержать ее, она уже исчезла по направлению к бунгалю. Гости, расположившиеся на веранде и на ступеньках, издали заметили ее возбужденный вид, а Грейстоки и их многочисленные слуги поспешили к девушке, предчувствуя, что с ней стряслось что-то неладное.

Барни Кастер тоже видел, как его сестра помчалась к дому и, зная ее страх перед землетрясениями, помчался к ней на помощь. С другой стороны к ней бежал Картисс. Он увидел, как, потеряв сознание, Виктория упала прямо на руки брата. Барни осторожно внес ее в комнату, где девушка была передана на попечение леди Грейсток и ее слуг.

ГЛАВА 3

СПЯЩИЙ НУ ПРОБУЖДАЕТСЯ

Подземные толчки, напугавшие Викторию и прервавшие ее объяснение с Вильямом Картиссом на равнине, еще сильнее ощущались на юге, в горах. Одна из огромных скал, свисавших над равниной, отколовшись от горы, с оглушительным грохотом рухнула вниз. На том самом месте, с которого только что сорвалась эта глыба, открылся вход в глубокую мрачную пещеру. Оттуда вслед за скалой хлынул настоящий камнепад. В потоке камней, больших и малых, неожиданно промелькнула в тусклом лунном свете какая-то фигура. Кажется, это был человек. По всей видимости, его выбросило из пещеры мощным подземным толчком.

Пролетев несколько сот футов, тело, наконец, замерло, зацепившись за широкий горный выступ. В течение некоторого времени лежавший не подавал никаких признаков жизни. Но вот он попытался пошевелить конечностями и снова надолго затих. Прошло несколько часов — неподвижное тело все так же безжизненно покоилось на горном склоне. Между тем джунгли постепенно возвращались к своей привычной жизни, нарушенной землетрясением. Внизу, по равнине, жадно урча, рыскали львы. Вышли на поиски пищи и другие лесные обитатели.

Уже погасли звезды, и на горизонте занимался новый день, когда лежавший на горном выступе человек, наконец, очнулся. Теперь было ясно видно, что это муж-

чина. Усевшись, он в совершенном изумлении огляделся по сторонам и, будто не веря собственным глазам, потер их руками. Пошатываясь, он поднялся на ноги. В этот самый момент лучи солнца озарили его бронзовую фигуру. Могучее юное тело с четким рельефом мускулов, с копной темных волос на голове невольно привлекало внимание своей молодостью и красотой.

Юноша огляделся по сторонам и, видимо, не обнаружив того, что искал, поднял голову кверху. Его взгляд остановился на отверстии, ведущем в пещеру, из которой он был столь неожиданно выброшен вчера во время землетрясения. Он тут же принялся быстро карабкаться вверх. При каждом движении каменный топор и нож ударялись о его обнаженные мускулистые бедра. На какое-то мгновение человек исчез в глубине пещеры, а затем появился снова, неся в одной руке копье с каменным наконечником, которое, по-видимому, недавно сломалось и было наспех скреплено. В другой руке юноша держал огромную голову какого-то свирепого зверя. Судя по голове, это животное чем-то напоминало азиатского тигра, хотя, надо заметить, что сходства тут было не больше, чем у королевского бенгальского тигра с домашним котенком.

Как вы уже, наверное, догадались, читатель, этим юношей был Ну, сын Ну. В течение сотен тысяч лет он пролежал замурованный в каменной могиле. Так жабь способны приостанавливать на определенные периоды времени жизнедеятельность своего организма. Землетрясение освободило его из склепа, а резкое падение с горного склона способствовало восстановлению дыхания. Сейчас Ну окончательно пришел в себя: равномерно билось сердце, гоняя по венам кровь и очищая легкие, все органы его тела функционировали так, словно и не было этого перерыва в жизни длиной в тысячелетия.

Застыв у входа в пещеру людоеда Оо, Ну внимательно озирает окрестности. На лице его выражалось чувство глубокого недоумения: он не находил почти ничего, что напоминало бы ему о той жизни, которая кипела здесь совсем недавно. Юноша и не предполагал, что с тех пор, как он укрылся от землетрясения в пещере убитого им тигра-людоеда, прошло так много времени. Ему-то казалось, что все произошло не далее, чем вчера.

А может, все это Ну просто снилось? На всякий случай он еще раз потер глаза и опять огляделся. Нет, видение не исчезало: все тот же странный мир, незнако-

мые деревья и кусты вокруг, и внизу, в долине, тоже какая-то необычная растительность. Ну ровным счетом ничего не понимал. Он медленно начал спускаться вниз. По правде говоря, его мучила жажда, и к тому же он изрядно проголодался. Внизу, как он успел заметить, паслись какие-то животные, но это были диковинные существа, подобных которым никогда прежде ему встречать не доводилось.

Юноша осторожно продвигался вперед, вслушиваясь в каждый шорох. Поди знай, какие опасности могут подстергать тебя в этом странном новом мире! Если бы Ну имел хоть какое-то представление о загробной жизни, он бы, наверняка, решил, что, погибнув во время землетрясения, вознесся на небеса и теперь блуждает в райских кущах. Однако у людей его эпохи еще не существовало религии, а был лишь смутный страх перед некоторыми природными явлениями — такими, как бури и землетрясения, движение солнца и луны. Именно они, повергая дикарей в ужас и недоумение, заставляли их задумываться о том, как устроен мир.

Ну глядел на солнце. Нет, это было не то огромное, словно распухшее, светило, лучи которого согревали густой, влажный воздух Ниоцена. А куда подевалось море, блестящая поверхность которого еще вчера ясно виднелась от входа в пещеру Оо? Сейчас, насколько мог охватить взгляд, повсюду расстилались бесконечные джунгли. Маленьким островком посреди этого океана деревьев выглядела равнина у подножия гор.

Ну встряхнул головой. Да, все это было, но оно осталось в прошлом. Теперь придется привыкать к совершенно незнакомым вещам, приспосабливаться к новым условиям жизни, установившимся на земле за то время, пока он спал.

В первую очередь надо позаботиться о копье. От него не будет особого проку, если не заменить сломанное древко. Ладно, решил Ну, пускай дичь, которую мысленно уже предназначил для своей трапезы, еще немного погуляет на травке. Он тем временем поищет в ближнем лесу подходящее дерево, прямое и крепкое, потому что только такое годится на древко для копья. В прежние времена, как хорошо знал Ну, в этом лесу попадались очень мощные, крепкие деревья с ровным стволом. Люди его племени не раз срубили самые маленькие из этих гигантов и с помощью каменных клиньев расщепляли их вдоль. Из одного такого дерева можно было сделать

десятка два, если не больше, рукояток для копий. Ну хотел бы отыскать совсем молоденькое деревце этой породы — у него не было ни времени, ни необходимого инструмента — клиньев и молотков, чтобы возиться с лесным великаном.

Юноша осторожно крался по джунглям. Со всех сторон его окружали незнакомые, удивительные деревья, подобных которым еще вчера не было в лесу. Высотой они не особенно поразили Ну, зато ветви их казались гораздо мощнее и крепче, чем у лесных великанов его эпохи. К тому же они располагались совсем низко, и Ну, для которого лазить по деревьям было столь же привычно, как и ходить по земле, не смог удержаться от соблазна. словно кошка, он перепрыгивал с одной ветки на другую, наслаждаясь легкостью, с которой может передвигаться по деревьям.

Вокруг встревоженно заверещали птицы. Их пестрое оперение и необычный вид поразили Ну, как и многое другое в этом новом мире. Маленькие обезьянки, ворча и пофыркивая, поспешили убраться прочь с его дороги. Какой это все-таки удивительно маленький мир, подумалось Ну. Еще ни разу ему не попалось растения или существа, которое можно было бы сравнить по размерам с теми гигантами и чудовищами, среди которых он провел предшествующий день! Это сильнее любых других доводов убеждало его в том, что он каким-то загадочным путем переместился в иной мир.

Вскоре троглодит заметил стройное прямое молодое деревце. Спустившись на землю, он проверил его прочность, несколько раз пригнув вниз. Кажется, он нашел, наконец, подходящий материал для древка копья. Прижав ствол к земле, Ну срубил его каменным топориком и очистил от веток. С этой заготовкой он поспешил вернуться на дерево, с которого только что спустился, ибо только там чувствовал себя по-настоящему в безопасности. Еще неизвестно, какое чудовище может внезапно появиться из зарослей! Опыт прошлой жизни заставлял Ну проявлять предельную осторожность. Устроившись, он приступил к работе. Ножом очистил ствол от коры и заострил его конец. Затем аккуратно снял каменный наконечник с сломанного древка, а ремень из сыромятной кожи, которым тот крепился, засунул в рот, чтобы размягчить его теплой слюной. Тем временем сам он продолжал обрабатывать дерево, стараясь, чтобы на поверхности ствола не осталось никаких неровностей. Нако-

нец, ремень достаточно размок, и юноша, вынув его из рта, плотно привязал им каменный наконечник к новому древку.

Увлеченный работой, он ни на минуту не терял бдительности и внимательно вслушивался в шумы, раздававшиеся в джунглях. Ему удалось различить кое-какие знакомые голоса, но преобладали неведомые, странные звуки. Ни разу не дали о себе знать ни пещерный медведь, ни Зор, могучий лев из Ниоцена, ни саблезубый тигр. Не слышно было ни мычания быка, ни свиста и шипения амфибий. Без этих привычных слуху звуков мир казался немым. Только прямо перед юношей, закрепленная на стволе дерева, зловеще скалилась морда тигра-людоеда — единственная вещь, напоминавшая ему о знакомой жизни.

Между тем маленькие обезьянки, по-видимому, снедаемые любопытством, осторожно подкрадывались к Ну. Он обратил на это внимание, но сделал вид, что ничего не заметил, и спокойно выжидал, что будет дальше. Наконец, увидев краем глаза, что одна из зверушек подобралась совсем близко, он обратился к ней на том языке, который хорошо понимали союзники троглодитов. Хотя с тех времен и прошли тысячелетия, обезьяний язык нисколько не изменился.

— Отчего ты боишься Ну, сына Ну? — спросил юноша. — Разве он когда-нибудь причинял вам вред?

— Такие же безволосые, как ты, убивают нас из палок какими-то острыми штуками, летящими по воздуху. Они поражают издали и производят много шума. Но ты, кажется, не из их числа. Нам никогда не приходилось встречать похожих на тебя. Ты, правда, не собираешься нас убивать?

— Да с какой стати? — удивился Ну. — Давай лучше будем друзьями. Я хочу только, чтобы ты объяснила, какие плоды из растущих здесь можно употреблять в пищу, а потом показала мне, как добраться до моря, возле которого обитает племя Ну, моего отца.

Тем временем остальные обезьянки, увидев, что странное существо не собирается причинять никакого вреда их товарищу, сгрудились вокруг. Едва услышав просьбу незнакомца, они тут же стремглав бросились в разные стороны, чтобы набрать для него орехов, плодов и ягод. Многие из них тут же позабыли, куда и зачем направлялись и, оставив свои дела, принялись резвиться во всю прыть. Они дергали друг друга за хвосты, весело

перепрыгивая с ветки на ветку, и с аппетитом уминали те самые плоды, которые только что собрали для своего нового друга. Хорошо хоть, что не все обезьянки оказались столь забывчивыми и рассеянными, и вскоре самые ответственные представители их племени вернулись к человеку, неся плоды, ягоды и гусениц. Изголодавшийся Ну алчно набросился на поднесенные ему дары.

Поглощая еду, он продолжал разговор с обезьянками. Выяснилось, что те ничего не могут сказать ему о местонахождении племени его отца, так как ни о людях этих, ни об огромном море, на берегу которого они обитают, зверушки ничего не слышали.

Починив копье и покончив с завтраком, Ну двинулся по направлению к равнине. По правде сказать, гостинцы обезьянок нисколько не насытили юношу, а лишь слегка утолили его голод. Может, плоды и насекомые и хороши для детей или человекоподобных обезьян, но настоящий взрослый мужчина должен есть мясо, теплое и сочащееся кровью. Об этом неустанно напоминал Ну его желудок. Чтобы обеспечить себе сытный обед, юноша намеревался подстрелить какого-нибудь из пасшихся на равнине животных.

Когда он вышел из джунглей, перед ним открылось обширное пространство, поросшее высокой густой травой, с разбросанными кое-где редкими кучками деревьев. Ближе всех к Ну оказалось небольшое стадо зебр. Животные не могли почуять приближение опасности, поскольку охотник двигался против ветра и совершенно бесшумно. Подойдя ближе и лучше разглядев зебр, Ну невольно подивился их цветистой раскраске. В качестве своей жертвы юноша выбрал крепкого молодого самца. Животное, разомлев от жаркого солнца, вяло отмахивалось хвостом от одолевавших его мух. Время от времени оно отрывалось от сочной травы, поднимало голову, выглядывая, нет ли поблизости какой опасности и принимаясь к запахам, доносимым ветерком.

Пещерный человек ползком подбирался к своей жертве через высокую траву, не выдавая себя ни единым звуком. Футах в пятидесяти от зебры Ну остановился, так как животное явно забеспокоилось, по-видимому, интуитивно ощутив близость врага, ни видеть, ни слышать, ни чують которого оно не могло.

Оставаясь лежать ничком на земле, юноша ухватился за древко копья и приготовился к атаке. Молниеносно вскочив на ноги, он метнул копье в свою жертву.

Зебра, заржав от ужаса, попыталась спастись бегством. Но копье с каменным наконечником настигло ее и вонзилось в спину почти в тот самый момент, когда она заметила фигуру человека, поднимающегося из травы. Остальные животные, обезумев от страха, бросились прочь, а их вожак, сраженный метким ударом, рухнул на землю.

Ну подбежал к своей добыче, держа наготове нож, однако животное уже испустило дух: мощное копье, насквозь пройдя сквозь тушу, пробило сердце. Отложив оружие, юноша отрезал несколько кусков мяса с задних ног зебры.

Время от времени он отвлекался от этого занятия и, точно так же, как убитое им животное, поднимал голову, оглядывался по сторонам и принюхивался к запахам, готовый мгновенно отреагировать на любую опасность. Неожиданно его ноздри уловили доносившийся издалека слабый запах человека. Ошибки быть не могло, однако что-то настораживало юношу. К знакомому человеческому запаху примешивались какие-то иные, совершенно неизвестные ему. Более странного сочетания ароматов пещерному человеку в жизни не доводилось встречать! Разумеется, запах хаки, оружия и пропахшего потом седла ни о чем не говорили обонянию Ну. Эффект был тот же самый, как если бы кто-нибудь обратился к нему, например, по-гречески.

Пожалуй, подумал Ну, было бы лучше укрыться в лесу, пока не выяснится, что именно за существа движутся сюда и сколько их. Рассудив так, он быстро направился в сторону джунглей. Страх перед лицом противника Ну не испытывал никогда. Если врагов окажется слишком много, чтобы сразиться с ними в одиночку, он попросту не выйдет из своего укрытия. Но никто не сможет сказать, что Ну, сын Ну, постыдно бежал с поля боя.

Миновав равнину и войдя в джунгли, юноша вспрыгнул на нижние ветки дерева, чтобы отсюда, из укрытия, проследить за приближающимися незнакомцами. В руке он по-прежнему держал голову Оо, хотя и не имел ни малейшего представления о том, каким образом отыщет Нат-ул, чтобы, положив трофей к ногам девушки, провозгласить ее своей женой.

Еще лишь вчера вечером они гуляли рука об руку вдоль берега. Где теперь искать этот берег?! Дорога к нему должна пролегать по ту сторону равнины, поскольку именно оттуда пришел вчера он сам, разыскивая логово

Оо. Но за это время все так переменялось! Юноша не обнаруживал ни единого ориентира, который мог бы помочь ему найти верный путь. Даже человекоподобные обезьяны ничего не знали о лежащем неподалеку море. Да и сам Ну отнюдь не был уверен, что находится в том самом мире, в котором пребывал еще вчера.

ГЛАВА 4

ТАИНСТВЕННЫЙ ОХОТНИК

Утром следующего после землетрясения дня Виктория Кастер не вышла из своей комнаты. Она осталась в постели, сказав леди Грейсток, что чувствует себя ослабленной после вчерашнего обморока. Правда же заключалась в том, что она боялась встречаться с Картиссом и подвергаться новому испытанию.

Как ей объяснить ему, почему подземные толчки и сопровождающий их грохот производят на нее столь сильное впечатление? Как передать те чувства, которые она при этом испытывает? Когда брат зашел навестить ее, Виктория, схватив его за руку, торопливым шепотом принялась рассказывать об ужасных галлюцинациях, преследующих ее с предыдущего вечера.

— Ах, Барни,— произнесла она.— Что происходит со мной? Что это такое? Как только раздался первый глухой рокот под землей, предвещающий толчки, я словно пробудилась от летаргического сна. Так же ясно, как сейчас я вижу тебя возле своей кровати, я увидела его — героя моих снов. Стоило мне бросить на него единственный взгляд, как я поняла, что никогда в жизни не смогу обвенчаться ни с мистером Картиссом, ни с кем другим. Мне непросто говорить об этом, Барни, даже тебе, но я... Я поняла, что люблю его и принадлежу ему. Я самой судьбой предназначена ему в невесты. Иногда мне приходится делать над собой страшное усилие, чтобы удержаться и не броситься в ночную тьму к нему навстречу. Прошлый раз я изо всех сил сдерживала себя, пока не упала в обморок. А нынче ночью я снова видела его во сне — совершенно одинокого, пытающегося отыскать меня в чужом и враждебном ему мире. Отыскать и взять в жены.

На мгновение Виктория умолкла. Было видно, что ей нелегко давался этот разговор.

— Ты даже представить себе не можешь, Барни,— продолжала она,— насколько он реален для меня. Это не то, что во сне — я видела его совершенно отчетливо и ясно: гладкая бронзовая кожа, величественная посадка головы, взъерошенные черные волосы, к которым я уже успела привыкнуть и которые мне так приятно перебирать пальцами, когда он целует меня.

— Он вооружен огромным копьем с каменным наконечником, это я заметила сразу, как только увидела его, а также ножом и топориком из того же грубого материала. В левой руке он держит свирепую голову какого-то могучего зверя.

— Он очень благородный человек, но из другого мира, точнее, из другой эпохи. У меня сердце сжимается при мысли о том, как он бродит сейчас где-то один-одинешенек. Ах, Барни, либо он реален и я непременно найду его, либо я действительно сошла с ума. Скажи мне, Барни, скажи ради Бога, веришь ли ты, что я в здравом уме?

Барни Кастер наклонился и нежно поцеловал сестру.

— Разумеется, Вик, ты совершенно нормальна,— успокоил он девушку.— Просто переутомилась, и этот старый сон стал для тебя чем-то вроде наваждения. Твои нервы до того расшатаны, что ты начинаешь верить невесть во что вопреки всем доводам рассудка. Возьми-ка себя в руки, Вик, поднимайся с постели и отправляйся с Картиссом на прогулку. Прогуляйся с ним и расскажи ему все то, что сейчас рассказывала мне, а потом скажи, что согласна выйти за него замуж. Ручаюсь, ты будешь мечтать о нем, а не об этом сказочном юном великане.

— Пожалуй, я действительно поднимусь и прокачусь верхом, Барни,— ответила девушка.— Что же касается замужества... Об этом надо как следует подумать.

Однако, поразмыслив, Виктория решила не присоединяться к компании, отправившейся этим утром на лошадях по направлению к горам, так как снова видеть следы мощных сдвигов поверхности земли у нее не было сил. Ее не стали принуждать, и поскольку Виктория настояла, чтобы мистер Картисс поехал вместе с остальными, то она осталась в бунгало в компании с леди Грейсток и слугами.

Двигаясь рысцой по холмистой местности по направлению к подножию гор, путники заметили стадо зебр, в панике мчавшихся им навстречу.

— Видно, кто-то охотится впереди,— заметил один из мужчин.

— Судя по перепуганному виду животных, у нас есть шанс подстрелить по меньшей мере льва,— ответил другой.

Проехав еще немного, они обнаружили тушу зебры. Барни и Бутзов, спешившись, принялись внимательно рассматривать ее, желая установить, кто убил животное. Вскоре Барни подозвал одного из спутников, опытного охотника за крупной дичью.

— Что ты об этом скажешь, Браун? — спросил он, указывая на разделанную заднюю ногу животного.

— Это дело рук человека,— отозвался тот.— Погляньте на рану в области сердца. Она нанесена явно не тем ножом, которым срезали мясо. Туша еще теплая, стало быть, произошло это несколько минут назад.

— Значит, это был не человек,— вмешался другой охотник,— иначе мы услышали бы выстрел. Погодите, вон едет Грейсток, давайте спросим, что он обо всем этом думает.

Тарзан из племени обезьян, проехавший пару сотен ярдов позади остальных с одним пожилым спутником, теперь остановился рядом с убитой зеброй.

— Что здесь такое? — спросил он, прыгивая с лошади.

— Браун считает, что это, похоже, дело рук человека,— пояснил Барни,— но никто из нас не слышал выстрела.

Тарзан осмотрел зебру спереди и сзади и перевернул ее на другой бок.

— Кто бы это ни был, тушу пробил насквозь,— произнес Бутзов, заметив рану на другой стороне туши.— Похоже на пулю, но почему мы не услышали выстрела?

— Не уверен, что ваша догадка справедлива,— возразил Тарзан, бегло оглядывая землю вокруг.

Нагнувшись, он тщательно исследовал тушу животного и примятую траву рядом с ней. Чуткий нюх Тарзана позволял ему различать множество запахов. Когда он выпрямился, остальные охотники вопросительно уставились на него.

— Человек,— наконец сказал он.— Белый человек был здесь. Это он отрезал куски мяса от задней ноги. Однако я не уловил ни малейшего запаха пороха — это значит, что рана нанесена не из огнестрельного оружия. Для стрелы она тоже слишком большая и глубокая. Остается копье. Но чтобы насквозь пронзить копьем

тушу зебры с расстояния, на которое животное может подпустить человека на открытой местности, нужна такая сила мускулов и меткость удара, какими обладает разве что супермен.

— И вы думаете?.. — начал Браун.

— Я ничего не думаю, — прервал его Тарзан, — кроме одного. Здравый смысл подсказывает, что мои органы чувств, видимо, обманывают меня: в стране вазири нет огромного белого гиганта, охотящегося за зебрами. Давайте-ка лучше поднимемся на гору. Может, нам удастся обнаружить следы этого старого разбойника, который ворует моих овец. Смею вас уверить, что если мы выследим и подстрелим его, то у нас появится возможность полюбоваться на самого большого льва, подобного которому ни одному из нас не доводилось видеть раньше.

ГЛАВА 5

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Пара удивленных темных глаз наблюдала из зарослей джунглей за тем, что происходило на равнине. Ну пребывал в крайнем замешательстве. Что это за существа, разъезжающие верхом на животных, подобных которым он даже во сне не видывал? Что за одежда на них? Поначалу юноша решил, что шлемы и хаки составляют единое целое с их телами, но когда один из незнакомцев снял шлем, а другой расстегнул куртку, Ну понял, что это всего-навсего предметы одежды, прикрывающие голову и тело. Оставалось лишь недоумевать, для чего люди напялили на себя такие дурацкие и неудобные одеяния. Троглодитам и в голову бы никогда не пришло вырядиться таким образом.

Когда компания поскакала к подножию гор, Ну пустился следом за ними, стараясь держаться против ветра. Он преследовал незнакомцев в течение целого дня, пока те безрезультатно искали льва, вторгающегося во владения Тарзана и таскающего его овец, и потом, когда они возвращались в бунгало.

Никогда еще в жизни ничто так сильно не занимало его, как эти необычные существа, а когда в самом центре равнины они неожиданно столкнулись со стадом антилоп и юноша услышал резкий звук, раздавшийся из темной маленькой палки, которую поднял вверх один из людей, а

потом увидел, как самец, тяжело подпрыгнув, замертво рухнул на землю, тогда к интересу прибавилось и глубокое уважение, а возможно, даже некоторое благоговение — страх был Ну неведом.

Проводив незнакомцев до самого дома, Ну устроился в кустарнике в четверти мили от бунгало. Он решил понаблюдать за тем, как будут дальше разворачиваться события. Станные запахи, доносившиеся со стороны ранчо, заставили его предпринять необходимые меры предосторожности. Удивительное смешение знакомых и незнакомых запахов совсем сбивало юношу с толку. Впервые уловив ноздрями запах туземцев, он застыл от удивления. Все перепуталось: черные слуги, воины вазири, многие из которых раньше частенько посещали своего бывшего вождя... И вдруг сквозь эту какофонию запахов до Ну донесся слабый, заглушаемый другими, мучительно знакомый аромат, заставивший его сердце учащенно забиться, а кровь прихлынуть к вискам.

Даже на время Ну не мог смириться с мыслью, что происходящее — всего лишь обман расстроенных чувств, результат страстного желания, поселившегося в его одиноком сердце, мечтаний о ней, каким бы неуловимым и ускользающим ни казался ее образ. С наступлением темноты он перебрался поближе к бунгало, как обычно соблюдая осторожность и стараясь держаться против ветра.

Сквозь окна юноше были хорошо видны фигуры людей, двигавшихся в освещенной комнате, однако разглядеть их лица он не мог, поскольку находился на изрядном расстоянии от бунгало. Он видел сидящих за столом мужчин и женщин, которые, как он догадался, что-то ели, нанизывая на странные палочки маленькие кусочки пищи, лежащей на плоских камешках перед ними.

Окна были распахнуты, и до Ну доносился оживленный смех и разговоры, но он не в состоянии был понять ни единого слова. Завершив трапезу, люди вышли из помещения и удобно устроились в прохладном полумраке возле самого входа в свою странную пещеру. Здесь они опять принялись смеяться и громко болтать, словно человекоподобные обезьяны, что вызвало у Ну снисходительно-пренебрежительную усмешку. Однако, хотя эти люди так разительно отличались от дикарей его племени, в юноше внезапно возникло неодолимое желание присоединиться к ним, принять участие в их разговоре.

Он уже подобрался совсем вплотную к веранде, как

вдруг вновь ощутил в почти неподвижном душном воздухе тонкий, еле уловимый аромат, который даже и запахом-то нельзя назвать и которому нет точного определения даже в языке современных мужчин. Однако Ну из Ниоцена безошибочно узнал бы его среди тысяч других. Сомнений не было: Нат-ул, дочь Тха, сидела вместе с этими странными людьми перед входом в их необычную пещеру.

И уже в который раз Ну не поверил собственному чутью, которое никогда прежде его не подводило. Что может делать Нат-ул среди этих людей? Как за короткий срок между двумя солнцами она успела выучить язык и перенять повадки незнакомцев? Это невозможно, уверял себя Ну. Но вот один из сидящих на веранде прямо перед Викторией Кастер людей чиркнул спичкой, чтобы прикурить сигарету. Когда огонь осветил лицо девушки, юноша невольно вскочил на ноги.

— Нат-ул! — сорвался приглушенный вскрик с его уст.

— Что это такое? — заволновался Барни Кастер. — Мне показалось, будто возле тех кустов кто-то разговаривает.

Он решительно поднялся, намереваясь выяснить, в чем дело, но сестра удержала его за руку.

— Не ходи, Барни, не надо, — умоляюще прошептала она.

Он бросил на нее вопрошающий взгляд.

— Почему? — поинтересовался он. — Никакой опасности нет, уверяю тебя. Ты тоже что-то слышала?

— Да, — тихим голосом откликнулась Виктория. — Я слышала это, Барни, но, прошу, не оставляй меня.

Он почувствовал, как дрожит ее рука. Один из сидевших рядом людей случайно услышал их беседу, но, конечно, не придавал ей особого значения. Вполне естественно, что цивилизованной белой женщине немного не по себе посреди ночи в африканских джунглях.

— Все в порядке, мисс Кастер, — заверил он. — Чтобы вас окончательно успокоить, пойду погляжу что там такое. Скорее всего, забежала какая-нибудь гиена.

Виктория рада была бы удержать его, но она чувствовала, что и так проявила излишнее волнение. Заставив себя рассмеяться, девушка заметила, что не стоит уделять столь много внимания пустякам, однако в ушах ее все еще звучало знакомое имя, которое она так часто слышала от героя своих снов.

Между тем на веранде принялись оживленно обсуждать, кто мог оказаться возле дома в столь поздний час. Кто-то предположил, что это, возможно, «старый разбойник», похититель овец, и предложил взять ружье. Виктория невольно вскочила, намереваясь отговорить мужчин от их затеи, но, видимо осознав, сколь нелепо будет выглядеть ее поступок, и чувствуя, что ничего толком объяснить она все равно не в силах, повернулась и ушла в дом.

Несколько мужчин спустились в сад. Примерно с полчаса они тщательно обшаривали окрестности, но никаких следов присутствия поблизости посторонних так и не обнаружили. Все время, пока продолжались поиски, Ну старательно маневрировал, держась прямо перед охотниками, но оставаясь вне поля их зрения. Когда мужчины возвратились на веранду, он снова устроился на прежнем месте, позади розового куста, и ни разу не пошевелился, пока все не разбрелись по своим комнатам и не легли спать.

За это время Ну успел снова проголодаться. Пещерному человеку ничего не было известно о законах, охраняющих право собственности, зато запах овец и прочей живности лорда Грейстока, запертой на ночь в загоне, все больше и больше распалял его аппетит. С гибкостью пантеры юноша перескочил через высокую ограду, за которой лорд Грейсток держал свою породистую скотину, составлявшую предмет его особой гордости. Испуганные животные заматались в загоне. Полными ужаса глазами они наблюдали за тем, как невесть откуда взявшийся человек лихо расправлялся с одной из самых упитанных овец в стаде. Досыта наевшись мяса прямо в загоне, Ну легко, как кошка, перескочил обратно через ограду и неслышной поступью направился к лужайке перед темным бунгало.

С противоположной стороны равнины к ранчо крадучись двигалась другая фигура. Это был могучий, с огромной гривой лев. Он то и дело останавливался, приносясь к запахам, доносимым слабым ветром, и злобно оскаливал свои свирепые клыки. Но из глотки его не вырвалось ни единого звука. Лев был стар и хитер, как лиса.

Когда-то, в прежние времена, и он, подобно своим собратьям, угрожающе фыркал и рычал, идя на охоту. Однако, много раз сталкиваясь с людьми, а особенно

с их оглушительно грохочущими палочками, несущими смерть, он усвоил одну мудрую истину: дольше и успешнее других охотится тот, кто охотится молча.

ГЛАВА 6

НУ И ЛЕВ

Уйдя к себе раньше обычного, Виктория Кастер, однако, не легла спать. Она даже не разделась, а молча сидела в неосвещенной комнате возле окна, пристально вглядываясь в таинственные джунгли, темнеющие вдаль, и в смутные очертания южных гор.

Она пыталась отделаться от глупого наваждения, которое в течение нескольких лет медленно и незаметно овладевало ею. С тех самых пор, как Виктория впервые ощутила себя женщиной, ее начали посещать странные видения, повторяющиеся теперь почти каждую ночь. Поначалу она старалась не задумываться над этим, хотя, разумеется, в настойчивой неизменности видений и было нечто странное. Со временем, однако, ночные фантазии стали гораздо более реальными, чем прежде, и, казалось, заключали в себе предзнаменование каких-то значительных событий ее дальнейшей жизни. Она предчувствовала, что должен произойти резкий переворот, который изменит всю ее судьбу. Теперь даже днем она не могла избавиться от мыслей о черноволосом юном великане. Когда нынче вечером она услышала, как он окликнул ее из-за кустов розы, девушка еле-еле справилась с собой. Конечно, умом Виктория понимала, что этот юноша не что иное, как плод ее воображения, но именно это и настораживало больше всего, так как означало, что ее рассудок совершенно расстроен, а нервы расшатаны.

Она должна бороться с силами, взять себя в руки и навсегда избавиться от этого наваждения. Она должна! Она д о л ж н а! Поднявшись, девушка принялась шагать взад-вперед. Ей было тесно в комнате, она буквально задыхалась. Виктория чувствовала, что там, снаружи, под открытым небом, в безграничных просторах джунглей — куда более подходящее место для борьбы, разворачивающейся внутри нее. Набросив на плечи шелковый шарф — дань привычке, ибо ночь выдалась жаркая, — она вышла

через окно на террасу, опоясывающую бунгало, и спустилась в сад.

Совсем рядом, за углом, возле открытого окна своей спальни, в пижамах и домашних туфлях, сидели, покуривая сигарами, Билли Картисс и брат Виктории. Картисс чистил ружье — то самое, которое он прихватил с собой нынешним вечером, отправляясь в сад на поиски нарушителя спокойствия. Мужчины не слышали легких шагов Виктории по лужайке, а угол здания скрывал девушку от их взоров.

Легко ориентируясь в освещенном луной саду, Виктория прогуливалась возле того самого розового куста, из-за которого накануне донесся знакомый голос. Она все больше и больше склонялась к мнению, что необходимо завтра же утром дать утвердительный ответ Билли Картиссу на его предложение — то самое, которое он сделал ей прошлым вечером, перед землетрясением. Но всякий раз, когда Виктории казалось, что вопрос уже решен окончательно, она невольно принималась сравнивать Билли с величественным героем своих снов, и внутри ее опять разгоралась ожесточенная борьба.

Две пары глаз внимательно следили за каждым движением девушки: ясные темные глаза из-за розового куста и другие — алчно блестящие, желто-зеленые глаза существа, спрятавшегося в кустарнике в том самом месте, где Виктория остановилась, намереваясь повернуться и пойти назад.

Раз двадцать Ну готов был выскочить из своего укрытия и заключить девушку в объятия, поскольку у него не было ни малейших сомнений, что перед ним — Нат-ул, дочь Тха, и прошла не сотня тысяч лет, а единственный день с тех пор, как они виделись последний раз. Однако его удерживало чувство какого-то безотчетного, смутного страха перед этим удивительным существом, которое было и Нат-ул и в то же время не Нат-ул, а как будто другая девушка в облике его возлюбленной.

Странные одежды, в которые она сейчас облачилась, тоже настораживали Ну: когда они последний раз гуляли рука об руку по берегу моря, лишь узкая полоска мягкой оленьей кожи прикрывала изящные тугие бедра Нат-ул. А ее близость с этими странными людьми, на языке которых она так быстро научилась разговаривать! Все это вместе взятое только отдаляло их друг от друга. Ну чувствовал себя очень одиноким, печаль все сильнее овладевала им, и даже присутствие рядом Нат-ул не столько об-

легчало, сколько, напротив, усугубляло его тоску. Постепенно юноша пришел к выводу, что, вероятно, Нат-ул больше не принадлежит ему. Он не знал, почему так случилось, но этот прискорбный факт, казалось, исправить нельзя уже ничем.

Девушка подошла совсем близко к его укрытию и, повернувшись, снова зашагала к кустам, темневшим ярдах в двадцати. Укрывшийся за их листвой «старый разбойник» уже возбужденно помахивал хвостом и вытягивал свои мощные лапы, готовясь к прыжку. Еле слышное рычание вырвалось из оскаленной пасти льва, предвкусавшего славную добычу. Звук был слишком слабым, чтобы его могла расслышать цивилизованная девушка двадцатого столетия, но чуткий слух прятавшегося в нескольких шагах от льва пещерного человека мгновенно уловил зловещее рычание зверя.

Одним молниеносным прыжком юноша выскочил из-за куста. В долю секунды он, сжимая в руке копьё, оказался возле девушки. Лев заметил противника, но не собирался упускать добычу, которая находилась на расстоянии одного прыжка от него.

Хищник издал свирепое рычание, от которого у девушки кровь застыла в жилах. Но тут возле нее возник юный полуобнаженный великан. Она увидела могучую руку, сжимавшую копьё. Размахнувшись, юноша занес оружие над зверем. Что было дальше, Виктория не видела, потому что в тот самый момент потеряла сознание.

Услышав грозное рычание льва, нарушившее ночную тишину джунглей, Картисс и Барни Кастер вскочили и стремглав помчались в ту сторону, откуда донесся этот странный звук. Картисс успел захватить свое ружье, которое как раз только что перезарядил. Свернув за угол бунгало, он заметил какую-то фигуру возле кустарника, ярдах в пятидесяти от себя. Подняв ружье, он выстрелил.

Громкое рычание льва и звук выстрела разбудили всех обитателей дома и, едва Барни и Картисс успели добежать до распростертой на земле девушки, как их уже окружила целая толпа чернокожих и белых людей.

Бездыханное тело огромного льва лежало футах в двадцати от Виктории Кастер. Бегло осмотрев сестру, Барни издал вздох облегчения: она была цела и невредима. Взяв девушку на руки, он понес ее в дом. Тем временем остальные принялись разглядывать убитого зверя. Прямо из середины его груди торчало деревянное древко копья. Потребовались усилия четырех сильных мужчин,

чтобы извлечь оружие из туши животного. При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что копье с каменным наконечником на конце, пройдя сквозь тело льва, пробило его сердце.

— Убийца зебры,— промолвил Браун, обращаясь к лорду Грейстоку.

Тот кивнул головой в знак согласия.

— Мы должны найти его,— сказал он.— Он оказал нам неоценимую услугу. Если бы не он, мисс Кастер уже не было бы в живых.

Однако, несмотря на то, что человек двадцать в течение нескольких часов самым тщательнейшим образом обследовали землю в саду и на равнине, никаких следов убийцы льва обнаружить им так и не удалось. Впрочем, объяснялось это довольно просто: пока они искали его повсюду, юноша находился прямо у них под носом. Он лежал под сенью низкого, усыпанного цветами куста с пулевым ранением в голове.

ГЛАВА 7

ВИКТОРИЯ ОТКЛИКАЕТСЯ НА ЗОВ

В течение всего следующего утра, устроившись на веранде, прямо возле выхода из столовой, мужчины обсуждали вчерашнее происшествие и внимательно изучали странное копье с каменным наконечником.

— Это, пожалуй, самая удивительная штука из всех, что мне приходилось когда-либо видеть,— заметил Грейсток.— Ручаюсь, что подобное оружие не могло быть изготовлено ни в одном племени современной Африки. Однажды мне доводилось видеть такой наконечник, правда, это было в Британском Музее. Его нашли при раскопках в пещере доисторического человека.

Из окна столовой, прямо за спинами охотников, девушка, затаив дыхание и широко раскрыв глаза, тоже смотрела на это грубое оружие. Для нее копье являлось еще одним конкретным доказательством реальности того, что она склонна была считать галлюцинацией — фигуры полуобнаженного великана, возникшей возле нее в тот самый момент, когда лев готовился к нападению, за мгновение до того, как она упала в обморок. Один из мужчин повернулся и увидел Викторю.

— Ах, мисс Кастер,— воскликнул он.— Вижу, вы уже оправились от вчерашнего. А вот и напоминание о том, как ваш спаситель поразил «старого разбойника» в самое сердце. Как вам нравится это копье?

Девушка подошла поближе. Веселая улыбка, которую она изобразила на лице, скрывала ее истинные чувства в этот момент. Она взяла копье Ну, сына Ну, в руки, и сердце ее преисполнилось гордостью, когда она ощутила тяжесть и мощь копья.

— Какой силой должен обладать человек, пользующийся подобным оружием! — воскликнула она.

Барни Кастер глаз не спускал с сестры, внимательно прислушивался к каждому ее слову. Едва он увидел копье, как ему тут же вспомнились описания героя снов, которыми делилась с ним Виктория. «Он вооружен огромным копьем с каменным наконечником. Я это видела своими глазами...»

Подойдя к сестре, молодой человек положил руку на ее плечо. Она посмотрела ему прямо в лицо, а затем совсем тихо, так чтобы не слышали остальные, прошептала:

— Это его копье, Барни. Я знаю.

Странное поведение Виктории давно уже беспокоило Барни. Сначала он опасался, что у девушки помутился рассудок. Но в последнее время все происходящее начинало приобретать еще более зловещий оттенок. А может, он и сам сошел с ума? Если же с ним все в порядке, тогда, выходит, где-то в этой дикой стране, действительно, бродит в поисках Виктории юный дикарь. А теперь, отыскав девушку, он, вероятно, попытается завладеть ею... Эта мысль заставила Барни содрогнуться. Необходимо немедленно предпринять решительные шаги, чтобы предотвратить трагедию. Действовать следует без промедления.

Он отозвал в сторону лорда Грейстока.

— Нам с Викторией придется покинуть вас,— сказал он.— Землетрясение и последнее приключение в саду настолько расстроили ее нервы, что, боюсь, если мы незамедлительно не возвратимся в мир цивилизации, она совсем расклеится. Надо уезжать как можно скорее.

Грейсток не стал ничего возражать. Он прекрасно видел, в каком состоянии находится мисс Кастер, как день ото дня она становится все более нервной. В такой ситуации, без сомнения, лучше вернуться домой. Было решено, что Кастеры отправятся в путь на следующий

день. Бутзов и Картисс вызвались проводить их, да и около полусотни чернокожих, которые собирались на побережье, могли составить компанию путешественникам.

В тот самый момент, когда Барни сообщал сестре о принятом решении, к лорду Грейстоку подбежал взволнованный слуга. Он сказал о том, что в загоне нашли овцу, убитую ударом ножа в шею. С туши были срезаны изрядные куски мяса. Рядом, на мягкой земле отчетливо виднелись следы босых человеческих ног.

Грейсток ухмыльнулся.

— Снова убийца зебры, — произнес он. — Что ж, пускай есть на здоровье.

Тут Грейстока окликнул крутившийся в саду Браун. Подозвав хозяина дома к кустам, возле которых нашли убитого льва, он указал пальцем на землю.

— Гляньте-ка, Клейтон, — сказал он. — Вчера в темноте мы проглядели кое-что любопытное.

Находившиеся на веранде гости поспешили в сад вслед за Грейстоком. Вслед за ними отправилась и Виктория Кастер, которую, словно магнитом, тянуло к этому месту.

В кустах оказалась маленькая лужица засохшей крови. В нескольких местах, где земля не была покрыта дерном, виднелись четкие следы босых ног.

— Должно быть, вчера Картисс ранил его, — воскликнул Браун. — Едва ли это дело рук льва — животное испустило дух сразу же, как только копье пронзило ему сердце. Но куда же, черт побери, он исчез?!

Виктория Кастер внимательно разглядывала траву неподалеку от куста. Она увидела то, что не заметили остальные — капли крови на земле ясно указывали, в каком направлении ушел великан. Следы вели на юг, в горы. Сердце девушки захлестнули жалость и сострадание к этому одинокому, раненому человеку, спасшему ее от смерти. Она живо представила, как, пошатываясь, истекая кровью, он бредет назад, в свое мрачное горное убежище. Наверное, сейчас он зовет ее, ждет ее помощи. Ей даже показалось, что она явственно слышит его голос. Да, она должна идти туда, к нему. Должна.

Виктория никому не сообщила о своем открытии, и вскоре все возвратились на веранду. Барни снова завел с ней разговор о предстоящем отъезде. Она не стала ни в чем перечить брату, что очень обрадовало последнего, так как он опасался, что нарвется на решительный отказ. У Барни даже сложилось впечатление,

что Виктории, как и ему самому, не терпится поскорее покинуть джунгли.

До отъезда Барни хотелось напоследок поохотиться. А тут как раз один из воинов вазири, вернувшись из разведки, сообщил, что в нескольких милях к северу от ранчо Грейстоков появилось стадо отменных бизонов. Мужчины стали немедленно собираться на охоту, и Виктория уговорила брата присоединиться к ним.

— У тебя нет никаких причин упускать такую возможность, — сказала она. — А я тем временем собираю вещи.

Итак, Барни уехал вместе с остальными, а Виктория принялась готовиться к отъезду. С утра в доме было полным-полно прислуги, занятой своими обычными делами, но к середине дня, когда жара стала нестерпимой, бунгало совсем опустело. Ранчо как будто вымерло — нигде не ощущалось никаких признаков жизни. Леди Грейсток, как и вся ее челядь, отправилась отдохнуть после обеда. Отвлечшись от своих дел, Виктория Кастер приблизилась к окну, и взгляд ее невольно устремился на юг, в сторону далеких гор. Прямо под окном возле пальмы стоял Теркоз, один из огромных волкодавов лорда Грейстока. Он с самого начала очень привязался к Виктории и всякий раз, когда ему позволяли, старался держаться поближе к ней.

Задумчиво и печально глядела девушка на горы, и страстное желание наполняло все ее существо. Прежде она боялась этих гор. Страх еще до конца не прошел, но она сердцем слышала зов, обращенный к ней оттуда. Виктория изо всех сил пыталась сопротивляться своему безумному желанию, но доводы разума оказывались бессильны перед внутренним голосом.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы, отбросив последние сомнения, сдерживавшие ее, девушка, наконец, решилась. В голове ее созрел план действий. Взяв ружье и боеприпасы, она бесшумно выскользнула на веранду. Здесь на гвоздях висели ремни. Один из них Виктория прицепила к ошейнику волкодава. Никем не замеченная, она прошла в сад и, подойдя к тому кусту, где утром Браун обнаружил засохшую кровь, остановилась. Отковырнув несколько комочков побуревшей земли, она дала понюхать их Теркозу. Затем девушка пальцем указала на землю — туда, где кровавый след тянулся к югу.

— След, Теркоз! — прошептала она.

Почувяв кровь, собака глухо зарычала и, прильнув носом к земле, двинулась к другому концу долины, по направлению к горам.

Виктория, крепко держа ремень, поспешила за нею. Через плечо у девушки висело вполне современное ружье, а в левой руке она держала допотопное копье с каменным наконечником — оружие своего дикаря, на поиски которого сейчас направлялась.

Она ни на секунду не задумывалась о целях и последствиях своего поступка. Зачем? Ведь это так естественно — найти одинокого, раненого человека, который нуждается в помощи. Ее место рядом с ним. Виктория знала, что нужна юноше, и этого было вполне достаточно. Она и себя ощущала теперь другим человеком, а уже не той изнеженной и избалованной девушкой из мира цивилизации, какой была совсем недавно. Невозможно сказать, когда и каким образом произошла в ней подобная метаморфоза. Может быть, путь от одного воплощения до другого вовсе не так долог, хотя, с точки зрения представлений людей о времени, эти инкарнации и разделяет бесчисленное число лет?

Тьма окутала долину, джунгли и горы, но Теркоз по-прежнему уверенно продвигался вперед, принахиваясь к земле. За ним, не отставая, следовала стройная фигура девушки. Издалека до путников донеслось рычание льва, где-то совсем рядом в ответ тут же простонал другой, и этот плачущий стон звучал куда страшнее, чем привычный рык. Кашель леопарда и жуткий смех гиены свидетельствовал о том, что ночные хищники джунглей вышли на охоту.

В ответ на эти звуки волкодав яростно ошетинился. Девушка сняла с плеча ружье, а поводок переложила в левую руку, которой держала копье. Страха она не испытывала. Неожиданно в нескольких шагах впереди из густой травы выскочило стадо перепуганных антилоп. Мгновением позже огромный зверь, зловеще рыча, мощным прыжком настиг одно из убежавших животных. Антилопа едва успела вскрикнуть от ужаса и боли, как раздался звук раздираемой стальными челюстями туши, и вокруг опять воцарилась тишина.

Чтобы избежать встречи с хищником, девушка свернула немного в сторону. Она прошла ярдах в ста от него. В лунном свете льву была видна и девушка, и сопровождавший ее волкодав. Стоя возле своей окровавленной жертвы, хищник свирепо уставился на пришельцев горя-

щими глазами, и, как бы предупреждая их зарычал. Теркоз огрызнулся в ответ, но Виктория, увлекая пса за собой, быстро прошла мимо, и успокоившийся царь зверей вернулся к своей добыче.

Минут пятнадцать потребовалось Теркозу, чтобы снова взять след, после чего они продолжили поиски. Уже у самого подножия гор девушка невольно вздрогнула, бросив взгляд на сохранившиеся здесь с незапамятных времен следы гигантских потрясений земной коры. Однако она продолжала упорно двигаться вперед.

Возле самого входа в мрачную пещеру Теркоз ошетинился и зарычал. Придерживая собаку, девушка вглядывалась вовнутрь. Глаза ее ничего не могли различить в крошечной тьме. Здесь след обрывался. Но тут Виктория сообразила, что могла ошибиться в своих предположениях. Вдруг пуля, выпущенная Картиссом, угодила в «старого разбойника»? Это значит, что кровавый след привел ее в скалистое логово раненого льва.

Отчаявшись что-либо разглядеть, девушка внимательно прислушалась. Сначала ей показалось, что она услышала, как внутри кто-то зашевелился, потом донеслось тяжелое дыхание и вздох.

— Ну! — прошептала она. — Ты здесь? Я пришла.

Ее даже не удивило то, что она неожиданно, не отдавая себе в этом отчета, заговорила на каком-то странном языке, ни слова из которого прежде не слыхала. Несколько мгновений все было тихо, а затем из глубины пещеры раздался ответ.

— Нат-ул! — это было произнесено таким слабым и тихим голосом, который даже и шепотом назвать нельзя.

Но она слышала. Ориентируясь с помощью рук, девушка двинулась в глубь пещеры. Вскоре она наткнулась на тело человека, распростертое на холодном камне. Ей с трудом удалось оттащить бросавшегося на него волкодава. Теркоз, наконец-то обнаруживший того, по чьему следу его пустили, никак не мог понять, почему ему не позволяют расправиться с добычей. Однако это был отлично выдрессированный пес, и, в конце концов, подчинившись команде, он сел на страже у входа в пещеру.

Виктория опустилась на колени перед распростертым на камне телом Ну, сына Ну. Она не была больше Викторией Кастер. Она была Нат-ул, дочерью Тха, склонившейся над человеком, которого любила больше жизни. Она ласково провела своими тонкими пальцами по

лбу Ну — у юноши оказался сильный жар. Нашупав рану на голове, девушка содрогнулась. Затем она приподняла раненого и, устроив его голову на своих коленях, нежно поцеловала в щеку.

Она вспомнила, что где-то на полпути вниз, на равнине, должен быть источник свежей, холодной воды. Свернув свою охотничью куртку, она соорудила из нее нечто вроде подушки, которую подложила юноше под голову. В сопровождении Теркоза девушка направилась к источнику. Наполнив водой шляпу, она возвратилась обратно в пещеру. В течение всей ночи она обмывала горящее лицо и рану Ну и время от времени смачивала холодной водой его пылающие губы.

Наконец раненый перестал беспокожно метаться, и девушка увидела, что жар спал, а юноша заснул. Когда первые лучи восходящего солнца, рассеяли мрак пещеры, Теркоз, потянувшись у входа, оглянулся, чтобы посмотреть, что делается внутри. Он увидел спокойно спящего черноволосого великана, голова которого покоилась на охотничьей куртке цвета хаки. Рядом с ним сидела девушка. Ее волосы в беспорядке разметались по плечам и по груди спящего мужчины, на которую она в изнеможении склонила голову. Теркоз зевнул и снова улегся на прежнем месте.

ГЛАВА 8

В ПЛЕНУ У АРАБОВ

Вскоре девушка проснулась и несколько минут удивленно озиралась по сторонам, не понимая, где находится. Ей показалось, что она видит очередной сон. Она ласково коснулась рукой лица спящего подле нее юноши. Лицо оказалось вполне реальным. Она отметила также, что жар прошел. Некоторое время девушка сидела молча, стараясь привыкнуть к новой и необычной обстановке, в которой очутилась. Она как будто раздвоилась и ощущала себя одновременно и американской девушкой Викторией Кастер и Нат-ул, хотя и не очень понимала, откуда родом и кто такая эта Нат-ул. Известно было только то, что она — возлюбленная Ну, встретившаяся с ним вновь после долгой разлуки.

Девушке нисколько не жаль было той удобной жизни, которую она бросила и к которой, в чем не возникало

ни малейших сомнений, никогда больше не вернется. Рассудок цивилизованной женщины двадцатого столетия подсказывал ей, что своим поступком она навсегда отрезала себя от прошлого — и несмотря на это она чувствовала себя счастливой.

Она склонилась над юношей и, нежно поцеловав его в губы, поднялась и направилась к выходу. Ее мучила жажда, и она решила спуститься вниз, к источнику. Теркоз увязался за ней.

Едва они вышли из пещеры, как из-за огромного валуна, расположенного поблизости, бесшумно выскользнули две фигуры в белых одеяниях. Ни девушка, ни собака не заметили незнакомцев и не видели того, как эти двое подавали какие-то знаки своим товарищам, находившимся внизу.

Виктория нагнулась над источником и, утолив жажду, стала набирать воду в шляпу. Угрожающее рычание Теркоза заставило ее поднять голову. Шагах в десяти от себя она увидела дюжину арабов в белых балахонах, а за ними — еще с полсотни чернокожих. Все они были вооружены и, судя по виду, весьма воинственно настроены. Один из арабов направил на Викторию свое длинноствольное ружье.

Он обратился к девушке на языке, из которого она не поняла ни полслова. Однако по интонации и выражению лица говорившего, Виктория догадалась, что в его речи содержалась какая-то угроза. Вероятно, араб предупреждал, чтобы девушка не вздумала прикасаться к своему ружью, лежавшему возле нее. Затем он сказал несколько слов своим спутникам, и к девушке направились двое арабов. Все это время их вожак держал Викторию на прицеле.

Теркоз мгновенно отреагировал на опасность и, зловеще рыча, бросился на ближайшего араба. Тот поднял свою дубинку и, размахнувшись, изо всей силы обрушил ее на волкодава. Удар пришелся собаке прямо по голове, и верный пес, не успев издать ни единого звука, рухнул наземь. Арабы подобрали ружье Виктории и, грубо подталкивая девушку, потащили ее к своему вожаку.

С помощью одного из чернокожих, негра с западного побережья, кое-как разговаривавшего по-английски, главарь шайки принялся расспрашивать Викторию. Когда он узнал, что перед ним гостя лорда Грейстока, злобная усмешка промелькнула на его дьявольском лице. Он вспомнил, что один из арабских караванов с рабами

и слоновой костью был перехвачен англичанином и послушными ему воинами вазири. Теперь появилась возможность отомстить. Распорядившись насчет пленницы, вожак приказал своим людям поторапливаться — в этой стране, кишашей врагами, медлить было нельзя.

Виктория попыталась выяснить, как собираются поступить с ней. Ей удалось узнать только то, что арабы намерены взять ее с собой на север. Девушка принялась объяснять, что ее друзья могли бы предложить за нее достойный выкуп, но араб лишь рассмеялся в ответ.

— При дворе султана Фулада за тебя дадут хорошую цену, — заметил он. — А англичанину это послужит хорошим уроком на будущее. Пускай не вмешивается в наши дела.

Здесь, на границе дикой страны вазири, теряются следы Виктории Кастер. Даже если бы друзья девушки узнали о том, что она попала в плен, они едва ли смогли бы угадать, каким извилистым путем шайка арабов направится в страну, расположенную к северу от Узири.

* * *

Наконец Ну, сын Ну, открыл глаза, пробудившись от глубокого сна, освежившего его и придавшего ему силы. Он тут же стал искать взглядом милое лицо, склонявшееся над ним накануне. Когда юноша обнаружил, что в пещере, кроме него, нет ни души, из груди его вырвался протяжный стон, полный безутешной тоски и печали. Значит, он по-прежнему один, значит, Нат-ул была с ним только во сне.

А ведь казалось, что все происходит наяву! Он до сих пор ощущал прикосновение ее прохладной руки к своему лбу, чувствовал, как ее изящные пальцы перебирают его волосы. Его щека еще хранила жар ее поцелуя, а воздух был наполнен ее ароматом, столь любимым и дорогим. Исчезновение прекрасного видения так раздосадовало юношу, что у него снова начался жар и бред. Пребывая в полубессознательном состоянии, он, естественно, не мог заметить, как вскоре после полудня в сумраке пещеры возникла крадущаяся фигура человека в хаки.

Это был Барни Кастер, за которым по пятам следовали Картисс, Бутзов и еще с полдюжины мужчин, отправившихся на поиски пропавшей девушки. Проходя мимо источника, они наткнулись на безжизненное тело пса. Неподалеку валялась шляпа Виктории. Направление

дальнейших поисков подсказала тропинка, недавно протоптанная на горном склоне среди скал. Так они оказались в убежище Ну.

Увидев внутри пещеры расprostертое без всяких признаков жизни тело, Барни не смог сдержать стона отчаяния. Он был уверен, что это его сестра и что она мертва. Однако, когда его глаза привыкли к полумраку, царившему в этих мрачных стенах, он понял свою ошибку. Это открытие, впрочем, не слишком сильно утешило его. Хорошо зная, что среди африканских дикарей беззащитную женщину может ожидать участь гораздо более зловещая, чем смерть, Барни, скорее, смирился бы с тем, что его сестра мертва, и ей, следовательно, ничто уже не угрожает.

Спутники Кастера осторожно двигались следом за ним. Один из мужчин зажег сухую ветку, и этот факел на несколько секунд ярко осветил пещеру. Тогда и обнаружилось, что в ней никого нет, кроме мужчины, лежащего на земле и, по-видимому, совершенно ослабленного и беззащитного. Подле него валялось копьё с каменным наконечником — то самое, которым был убит «старый разбойник» на ранчо Грейстока. Охотники сразу опознали оружие. Но как оно оказалось здесь? Кто принес его?

— Вот он, убийца зебры, — промолвил Браун. — А что это у него под головой? Похоже на охотничью куртку.

Барни вытащил одежду из-под головы юноши и, подняв вверх, развернул.

— Господи! — воскликнул Картисс. — Это же ее куртка.

— Видимо, он спустился вниз после нашего отъезда, забрал свое копьё и похитил Викторию, — заявил Браун.

Картисс выхватил свой револьвер и приблизил его к голове юноши, который по-прежнему находился в забытии.

— Сволочь! — прорычал он. — Пристрелить его мало! Отойди, Барни, я выпущу в него всю обойму.

— Нет, — спокойно произнес Барни.

— Почему? — недоумевающе спросил Картисс, пытаясь отстранить Кастера.

— Я не верю, что этот человек мог причинить зло Виктории, — ответил Барни. — Это достаточная причина для того, чтобы подождать до тех пор, пока мы узнаем всю правду. К тому же мне претит сама мысль об убийстве беззащитного человека.

— Разве это человек? Зверь! Бешеная собака! — упорствовал Картисс. — За одно только это его следует пристрелить. Вот уж не ожидал, что ты будешь защищать убийцу собственной сестры. Одному Богу известно, какие еще преступления совершил этот подонок.

— Не дури, Картисс, — оборвал его Барни. — Во-первых, нам неизвестно, мертва Виктория или нет. У этого человека жар, он без сознания, и вполне вероятно, что в таком состоянии он находится уже довольно долго. Видишь, у него в голове рана? Видимо, это ты попал в него прошлой ночью. Когда парень поправится, он, быть может, поможет пролить свет на историю исчезновения Виктории. Если окажется, что он виновен, я первый призову его к ответу. Я, а не ты! Но, повторяю еще раз, я уверен, что он и пальцем не мог тронуть мою сестру.

— Да что ты о нем знаешь? — не унимался Картисс.

— Я никогда не встречал его прежде, — ответил Барни. — Не знаю, кто он и откуда пришел. Но я знаю.. Впрочем, это не имеет значения. Главное то, что я никому не позволю его убить. Если выяснится, что он причинил Виктории зло, я расправлюсь с ним сам.

— Кастер прав, — вмешался Браун. — То, что собираешься сделать ты, Картисс, сильно смахивает на убийство. С чего ты взял, что мисс Кастер мертва? Это еще неизвестно. Возможно, этот дикарь знает что-то такое, что поможет нам отыскать и спасти ее.

Пока они спорили, в пещеру вполз Теркоз. Бедная псина еле волочила ноги. Удар араба не убил, а только оглушил ее. Придя в себя, пес, принюхиваясь и поскуливая, пополз к пещере в поисках Виктории. Охотники молча наблюдали за волкодавом.

Браун сказал:

— Если этот человек, действительно, причинил зло мисс Кастер и уложил Теркоза, пес ему обязательно отомстит. Давайте-ка поглядим, как он себя поведет. Нам незачем брать грех на душу. Если Картисс прав в своих догадках, Теркоз расправится с обидчиком сам, уж я-то его знаю.

Сделав несколько кругов по пещере, посапывая возле каждого камня и расщелины, собака подползла к охотникам и тщательно обнюхала каждого из них. Затем она направилась к безжизненному телу Ну и, лизнув юношу в щеку, улеглась рядом с ним. Положив морду прямо на

грудь юноши, собака не спускала с мужчин, стоявших напротив, своих свирепых волчьих глаз.

— Вот так-то,— произнес Барни и, подойдя к волкодаву, погладил его по голове.

Теркоз поднял морду и заскулил. Однако, стоило приблизиться Картиссу, как пес вскочил и, угрожающе рыча, заслонил тело Ну.

— Тебе лучше держаться от него подальше, Картисс,— предупредил Браун.— У этого пса свои симпатии и антипатии. Поди разберись в них! Во всяком случае, его не стоит раздражать, а то он совсем рассвирепеет. Прошлой осенью он уже загрыз одного типа. Давайте поглядим, как он отреагирует на остальных членов нашей компании.

Теркоз спокойно позволил каждому из охотников подойти к телу Ну. Но стоило попытаться приблизиться Картиссу, как пес, оцетинившись, начинал злобно рычать.

Мужчины принялись обсуждать план дальнейших действий. В этот момент Ну пришел в сознание и открыл глаза. При виде незнакомых людей вокруг он сел и потянулся за оружием. Однако Барни предусмотрительно отодвинул копье, топор и нож подальше от юноши.

Кастер положил руку на плечо дикаря.

— Мы не причиним тебе вреда,— заверил он,— если ты скажешь, что произошло с моей сестрой.

И, вплотную приблизив губы к уху юноши, Барни прошептал:

— Где Нат-ул?

Из всего сказанного Ну понял одно-единственное слово — Нат-ул, но дружеский тон незнакомца и его рука, лежащая на плече, свидетельствовали о том, что он не враг. Юноша отрицательно покачал головой.

— Ну не понимает язык незнакомца,— произнес он.

Затем, после недолгого молчания, он задал Барни тот же вопрос:

— Где Нат-ул?

Американец понял только имя, и это еще раз убедило его в том, что юноша, сидящий перед ним, и есть герой снов Виктории.

Когда стало совершенно ясно, что дикарь не понимает ни слова и что самостоятельно передвигаться он не в силах, было решено отправить его на ранчо с кем-нибудь из местных аборигенов, сопровождавших охот-

ников. Остальные намеривались продолжить поиски исчезнувшей девушки.

Теркоз позволил им поднять Ну на руки и вынести из пещеры. Юношу уложили на носилки, наспех сооруженные из попоны и двух копий, принадлежавших сопровождавшим группу воинам вазири.

Барни чувствовал, что в руках у этого юноши находится ключ к загадке, окружающей исчезновение Виктории. Возможно, ему известно и о том, где она находится сейчас. В то же время Барни опасался, что при первой же возможности дикарь попытается исчезнуть, и решил лично сопровождать его. Кастер не сомневался, что и без его участия мужчины приложат все силы, чтобы напасть на след Виктории. А он тем временем попробует придумать, как объясниться с дикарем.

Итак, они двинулись по направлению к ранчо. Четверо полуобнаженных чернокожих несли носилки, с одной стороны которых плелся Теркоз, а с другой шагал Барни Кастер. Четыре воина вазири сопровождали эту процессию.

ГЛАВА 9

НУ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ПОИСКИ НАТ-УЛ

Измученный и ослабевший, Ну не проявлял никакого интереса к своей судьбе. Если его захватили в плен враги — что ж, хорошо. По крайней мере, известно, чего ожидать. Вариантов всего два: рабство или смерть. Если рабство, то все равно остается надежда на побег. Если смерть, тогда, наконец, прекратятся его страдания в этом чуждом ему мире, где он оказался совсем один, вдали от людей своего племени и несравненной любимой Нат-ул, являющейся ему теперь только в снах.

Его удивило, откуда этому человеку в странном одеянии известно про Нат-ул. Ведь он совершенно отчетливо произнес ее имя. А может быть, она тоже захвачена в плен этими людьми? Ну же ясно видел ее у входа в пещеру незнакомцев в тот самый вечер, когда убил в саду мелкого Зора, собиравшегося напасть на нее. Это уж было точно не во сне, а наяву. Значит, она действительно их пленница.

Вспомнив про льва, юноша невольно заулыбался.

Такую малявку даже сравнивать смешно со старым Зором, охотившимся в лесах, где жили человекообразные обезьяны и обитавшим на склонах Бесплодных Скал. Он бы разделался с этим коротышкой в два счета! А Оо! При одном рычании саблезубого тигра-великана все живое старалось укрыться на Темных Болотах, куда Оо не рисковал соваться из-за своего огромного веса. До чего, однако же, непривычен мир, в котором оказался Ну! Он как будто попал в какие-то бесплодные земли, а между тем это был самый центр тропической Африки. Вся живность казалась мелкой и незначительной — хотя крупнее убитого им льва Браун и Грейсток никогда не встречали. К тому же юношу била дрожь — он не мог согреться даже под экваториальным солнцем.

Как тосковал он по той жизни, к которой привык с рождения и в которой все было другим: могучие звери, гигантские растения и жаркий, влажный воздух! А солнце! Какое там было солнце — до того огромное, что его, казалось, можно достать рукой.

В течение целой недели Ну лечили в бунгало Грейстоков. Были моменты, когда его жизнь висела на волоске, поскольку в пулевой ране, полученной им в висок, началось заражение. Наконец юноша начал поправляться, и дела его быстро пошли на лад. Сказывались молодость и отменное здоровье.

Одна за другой возвращались поисковые партии, не принося никаких известий о Виктории Кастер. Барни знал, что его друзья делают все возможное, чтобы напасть на след девушки, но не впадал в отчаяние, поскольку продолжал придерживаться мнения, что ключ к тайне, окутывающей исчезновение его сестры находится у этого странного великана.

Тем временем великан выздоравливал, лежа на койке, поставленной специально для него в комнате Барни. Так захотел сам американец. Картисса переселили в другое помещение, а Барни получил возможность почти неотлучно находиться при дикаре и ночью и днем.

Брат Виктории действовал так, исходя из своих принципиальных соображений. Во-первых, он хотел предпринять все меры предосторожности, чтобы предотвратить попытку побега со стороны юноши. Во-вторых, ему хотелось как можно скорее найти способ общения с дикарем. Раненый уже научился выражать свои простейшие желания по-английски. Легкость, с которой

юноша обучался языку, еще больше укрепила уверенность Барни в скором успехе своей затеи.

Картисс продолжал относиться к незнакомцу с подозрением и откровенной враждебностью. Он был уверен, что именно этот человек является убийцей Виктории Кастер. Не сумев склонить остальных к немедленной расправе над юношей, он требовал теперь, чтобы дикаря отправили в ближайшее цивилизованное место и передали в руки властей.

Барни, напротив, продолжал настаивать на том, что следует подождать, пока юноша научится более или менее сносно объясняться по-английски, а затем, обстоятельно допросив его, поступить соответствующим образом. Американец ни на минуту не забывал о том, что его сестру связывают с симпатичным великаном странные, необъяснимые узы. К тому же именно этот человек спас жизнь Виктории, когда «старый разбойник» напал на нее в саду.

Барни по собственному опыту знал, что такое любовь, ему довелось испытать тяжесть разлуки с любимой девушкой, и сейчас он невольно чувствовал симпатию к юноше, который, в чем американец был совершенно уверен, по-настоящему любит его сестру. Как бы фантастичны ни были ее сны, Барни оказался вынужден признать, что они заключали в себе нечто важное и пророческое, чего ни он, ни Виктория не в состоянии были понять до конца. Как бы там ни было, он считал своим долгом ради сестры в ее отсутствие защищать дикаря и заботиться о нем.

Прежде всего Барни постарался растолковать юноше его положение. Поскольку он пленник, то Барни сам станет следить за каждый его шагом, чтобы предупредить возможный побег. По ночам, когда все спят, юношу будет караулить Теркоз — об этом американец договорился с лордом Грейстоком. Впрочем, Ну как будто и не помышлял о побеге. Его единственное желание заключалось в том, чтобы как можно скорее овладеть языком, на котором разговаривали эти странные люди. Как только юноша почувствовал себя лучше, он стал уделять все свое время занятиям английским. Ну была предоставлена полная свобода передвижения по ранчо, но в прогулках его всегда сопровождал Барни. Иногда к ним присоединялись и другие обитатели дома. Оружие юноши было спрятано в кабинете лорда Грейстока.

Ну ждал появления Нат-ул. В том, что рано или

поздно она должна возвратиться в эту пещеру, которую его новые знакомые называют «бунгало», он не сомневался. Барни, в свою очередь, ждал, когда дикарь заговорит о его сестре. Так проходили дни.

Как-то раз Картисс подошел к сидевшему на веранде Ну, у ног которого лежал Теркоз. На пещерном человеке был поношенный костюм цвета хаки — самый большой оказавшийся в доме Грейстока и пришедшийся великану как раз в пору. При приближении Картисса волкодав, не поднимая морды с вытянутых передних лап, злобно посмотрел на него и глухо зарычал. Ну успокаивающе потрепал пса по шее.

Враждебное отношение Теркоза окончательно разъярило Картисса. Он люто ненавидел эту мерзкую собаку, а еще больше — самого Ну. Почему, Билли не знал и сам. Казалось, что его неприязнь никак не связана с исчезновением Виктории Кастер и с уверенностью в том, что юноша непосредственно виновен в случившемся.

Остановившись рядом с Ну, Картисс холодно произнес:

— Хочу задать тебе один вопрос. Меня уже давно подмывает это сделать, но все не удавалось поговорить с тобой с глазу на глаз.

Юноша кивнул головой в знак согласия.

— Что Ну может сказать вам? — спросил он.

— Ты должен сказать, где находится мисс Кастер, — ответил Картисс.

— Мисс Кастер? Не знаю, о ком вы говорите. Никогда не слышал про мисс Кастер.

— Ты лжешь! — завопил Картисс, теряя самообладание. — Ее куртка лежала у тебя под головой, когда тебя нашли в этой твоей пещере.

Ну медленно поднялся на ноги.

— Что значит «лжешь»? — спросил он. — Я понимаю еще не все слова на вашем языке, но о многом догадываюсь по интонации и манере говорить. Мне не нравится ваш тон, Картисс.

— Отвечай на вопрос, — прорычал Картисс. — Где Виктория Кастер? И, когда обращаешься ко мне, не забывай говорить «мистер». Мистер Картисс, понял, паршивый негритос!?

— Что значит «лжешь»? — настойчиво повторил Ну свой вопрос. — И что значит «негритос»? И почему я должен называть вас «мистер»? Мне не нравится, как вы разговариваете со мной, Картисс.

В этот самый момент на веранду вышел Барни. Одного взгляда, брошенного им на разгоряченных мужчин, было достаточно, чтобы он понял, как вовремя появился. Поза черноволосого великана напоминала пантеру, которая готовится к прыжку. Возле ног юноши грозно ощетинился волкодав. Картисс трясущейся от злости рукой вытаскивал свой револьвер. Барни тотчас же встал между ними.

— Что все это означает, Картисс? — резко спросил он.

В цивилизованном мире, где жить было удобно и легко, он в течение многих лет числил Картисса в своих лучших друзьях. Билли казался ему отличным парнем. Но в последнее время Барни стал замечать такие черты в характере своего приятеля, о которых раньше и не подозревал. Тупая, необъяснимая ненависть Картисса к полудикому юноше заставила Барни усомниться в широте души своего друга. Однако сильнее всего он разочаровался, когда узнал, что во время поисков Виктории Картисс выражал недовольство лишениями, которые пришлось испытать участникам экспедиции. Бутзов рассказал Барни, что Картисс постоянно отлынивал в лагере от всех поручений, и его работу приходилось выполнять остальным.

Сейчас Картисс даже не удостоил Барни ответом. Вместо этого он повернулся и ушел прочь. Ну положил руку на плечо американца.

— Что значит «лжешь», Кастер? — поинтересовался он.

Барни, как мог, удовлетворил любопытство юноши.

— Понятно, — сказал Ну. — А что значат слова «негритос» и «мистер»?

Снова Барни пришлось пускаться в объяснения.

— Кто такая мисс Кастер? — продолжал допытываться Ну.

Последний вопрос дикаря изумил Барни.

— Разве ты не знаешь?

— Откуда я могу знать?

— Это моя сестра, — ответил Кастер, пристально глядя в глаза юноши.

— Ваша сестра? — удивился Ну. — Я и не знал, что у вас есть сестра.

— Ты не знаешь мою сестру, Нат-ул? — закричал Барни.

— Нат-ул! — воскликнул Ну. — Нат-ул — ваша сестра?

— Да. Я полагал, что тебе это известно.

— Но вы же не Ахт, сын Тха, — задумчиво промолвил Ну. — А других братьев у Нат-ул нет.

— Я брат той самой девушки, которую ты спас от лва вон там, в саду, — сказал Барни. — Ее ты называешь Нат-ул?

— Да, это была Нат-ул.

— Где она сейчас? — допрашивал Барни.

— Не знаю, — ответил юноша. — Я думал, что вы держите ее пленницей и ждал, когда она снова появится здесь.

— Ты был последним, кто видел мою сестру, — не унимался Барни. Он чувствовал, что настало время разобраться с этим человеком. — Ты был последним, кто видел ее, — повторил он еще раз. — Она была в твоей пещере в горах. Мы нашли там ее куртку, а возле источника валялся бездыханный пес. Ты можешь сказать, что произошло? Куда делась Нат-ул?

Симпатичное лицо юноши выражало полное недоумение. Потрясенный услышанным, он долго не мог произнести ни слова.

— Она была там? — наконец промолвил он тихо. — Она была в моей пещере, а я-то думал, что мне это приснилось. Она ушла неизвестно куда, а я столько дней торчу здесь, ничего не предпринимая, пока она, одинокая и незащищенная, скитается по джунглям, подвергая себя опасности! Разве только, — в голосе Ну зазвучала слабая надежда, — она нашла дорогу обратно к нашему племени. Нет, едва ли! Это не удалось даже мне, мужчине и великому охотнику. Я не имею ни малейшего представления о том, в какой стороне находятся земли моего отца, Ну. Может, вы мне поможете?

В ответ Барни лишь отрицательно покачал головой. Его разочарованию не было пределов. Он был уверен, что юноша должен знать, где находится Виктория. У Кастера даже возникло подозрение, что дикарь бессовестно лжет, прикидываясь, будто ему ничего не известно. Сомнения обуревали его. Не очень-то верилось, что дикарю ничего не было известно о пребывании Виктории в пещере. А в том, что она действительно там была, Барни был уверен. Получалось, что Картисс прав в своих предположениях, и в таком случае все легко объяснялось: Ну похитил девушку в окрестностях бунгало, убил, а свое

копье и ее куртку забрал с собой в пещеру. Непонятным оставалось лишь то, как в горах оказался волкодав и почему он столь дружелюбно настроен по отношению к дикарю.

Между тем Ну повернулся и пошел в бунгало. Барни последовал за ним. Пещерный человек принялся бродить по дому, явно что-то выискивая.

— Что ты ищешь? — поинтересовался американец.

— Свое копье, — ответил Ну.

— Зачем оно тебе?

— Пойду искать Нат-ул.

Барни скрестил руки на груди.

— Нет, — решительно заявил он. — Ты никуда не выйдешь отсюда, пока не найдется моя сестра. Ты пленник. Понял?

На лице юноши появилась усмешка.

— Кто может остановить меня?

Барни достал револьвер.

— Я, — твердо сказал он. — С помощью этой вот штуки.

Казалось, дикарь на мгновение задумался. Он глянул на направленное в его сторону оружие, а потом бросил взгляд через открытое окно на далекие горы.

— Ладно, я подожду, — согласился он. — Ради Нат-ул.

— И не пытайся удрать, — предупредил Барни. — За каждым твоим шагом будут внимательно следить. Теркоз поднимет тревогу, даже если сам не сможет остановить тебя, хотя, думаю, ему это вполне по силам. На твоем месте я бы не стал связываться с Теркозом — когда разозлится, он свиреп и грозен, как лев.

Барни, который, закончив свою речь, тут же вернулся обратно, на веранду, не мог видеть, что последние слова вызвали улыбку у юноши. Хотя Кастер и говорил всем, что Ну, по-видимому, осознал тщетность любой попытки побега, однако ночью он накрепко запер дверь в их с Ну комнату, положил ключ под подушку, а свою койку придвинул прямо под окно. Предприняв все эти меры предосторожности, Барни успокоился. Он решил, что теперь даже кошка не сможет выскочить из комнаты, не разбудив его. Да и Теркоз не подведет.

Около полуночи дикарь открыл глаза. Мерное дыхание американца свидетельствовало о том, что он крепко спит. Ну протянул руку к спящему Теркозу, одновремен-

но издав одними губами еле слышный звук. Пес поднял голову.

— Ш-ш! — прошептал Ну.

Юноша сел на койке и осторожно поставил ноги на пол. Поднявшись, он взял тяжелого волкодава на руки. Пес поднял морду и преданно лизнул человека в щеку, не издав ни единого звука. Ну улыбнулся. Ему вспомнились слова Барни: «Теркоз поднимет тревогу, даже если сам не сможет остановить тебя».

Ну подошел к койке, на которой лежал безмятежно спавший Барни. Наклонившись над американцем, юноша положил руку на подоконник распахнутого окна. Совершенно бесшумно он перемахнул через кровать, выскочил в окно и, миновав веранду, вышел в сад. Здесь он поставил Теркоза на землю, велев ему ждать, а сам вернулся в бунгало за копьем, топором и ножом. Через несколько минут обнаженный юноша и мрачный волкодав уже шагали под тропической луной по направлению к горам на юге.

ГЛАВА 10

ПО СЛЕДУ

Когда Барни Кастер проснулся, было уже светло. Первым делом американец подумал о своем пленнике, но тут же, глянув на стоящую напротив кровать, обнаружил, что она пуста. Вскочив с постели, Барни, как был в пижаме, выбежал из комнаты и поднял тревогу. Немедленно приступили к поискам, однако никаких следов ни дикаря, ни сторожившего его Теркоза найти не удалось.

— Должно быть, он убил пса,— предположил Грейсток.

Но тела волкодава нигде не обнаружили.

Обитатели бунгало, вероятно, весьма удивились бы, если бы узнали, что в этот самый момент Теркоз, яростно оцетинившись, обнюхивал то место, на котором почти месяц назад при попытке заступиться за Викторину был оглушен арабом.

Пока пес обследовал это роковое место, его приятель-дикарь поспешил в пещеру и ножом выкопал голову Оо, которую когда-то запрятал в мягкой земле в одной из расщелин скалы. Голова тигра начала разлагаться, и

трофеей уже не выглядел столь внушительно, как прежде. Ну понял, что ему придется отказаться от мысли торжественно возложить это свидетельство своей охотничьей доблести к ногам невесты. Надо сохранить хотя бы череп и клыки тигра. Он извлек клыки из пасти хищника, а остатки его головы положил у входа в пещеру. До его возвращения стервятники очистят череп от гниющей плоти.

Вскоре громкий лай Теркоза возвестил о том, что он взял след, и Ну помчался вниз, где нетерпеливо ждал волкодав. Через минуту оба уже двигались по следам арабского каравана.

След был старый, но это не мешало им уверенно идти вперед. Волкодав обладал немного более острым нюхом, чем его спутник, зато дикарь мгновенно схватывал натренированным взглядом все приметы, оставленные по пути арабами. Вдвоем они действовали очень споро и слаженно, ведь сотни тысяч лет назад юноша не раз выходил на охоту в джунгли с далекими предками Теркоза.

Они двигались быстро и безмолвно, минуя джунгли, долины, нагорья, по которым пролегла дорога арабов. За день они преодолевали расстояние, которое караван проходил за неделю. На ночь путники устраивались у подножия какого-нибудь большого дерева или, когда путь лежал через горы, укрывались в темных пещерах. Иногда, если поблизости чувствовалось присутствие Зора, льва, юноша наскоро сооружал небольшой настил на высоких ветвях деревьев, и там, в безопасности, они спокойно спали до самого утра.

Станные вещи замечал Ну по пути, и увиденное, повергая юношу в изумление, все больше и больше укрепляло его в мысли, что он оказался в ином мире. Они проходили через деревни, заселенные чернокожими людьми. По-видимому, они враждовали друг с другом. В некоторых деревнях встречались лишь сожженные хижины да изуродованные трупы, в других — все население состояло из нескольких стариков и женщин.

Ну обратил внимание на жирафов, попавшихся им по пути — подобных животных в его мире не водилось, и на слонов, которые напомнили ему Глу, мамонта. Однако все эти звери были гораздо мельче тех, что видел Ну в прежней жизни, и не так свирепы. В давние времена почти не встречалось животных, которые, столкнувшись с представителями другого вида, не вступили бы с ним в смертельную схватку. Конечно, тогда тоже водились

маленькие трусливые твари, старавшиеся урвать себе пропитание и постоянно озабоченные лишь тем, как бы избежать встречи с многочисленными воинственными хищниками, готовыми растерзать их в любой момент.

По сравнению с той эпохой нынешние африканские джунгли казались Ну спокойным и малообитаемым местом. Звери, даже самые дикие, нападали редко: только если были голодны или защищали молодняк. Когда по пути повстречалось огромное стадо маленьких безволосых мамонтов, Ну специально подошел к ним совсем близко. И что же? Они только подняли на него свои свинячьи глазки и, поглазев, продолжали ощипывать ветви молодых деревьев, лениво шлепая большими ушами, чтобы отогнать назойливых мух.

Человекообразные обезьяны при появлении дикаря совсем одуревали от страха, и даже несколько попавшихся по дороге львов, поблескивая на солнце золотистой шкурой, спокойно прошли мимо, как будто и не заметили человека. Как тут было не удивляться! Жить в таком мире легко и безопасно. При мысли, что можно пройти много миль, не встречая ни малейшей опасности, Ну становилось грустно и одиноко.

Далеко позади дикаря по следу арабов двигалась дюжина белых людей в сопровождении полусотни воинов вазири. Не прошло и часа после того, как Барни обнаружил исчезновение Ну, и на ранчо прибыл гонец с севера, обратившийся к лорду Грейстоку от имени аборигенов с просьбой помочь в преследовании и наказании арабов, везущих рабов и слоновую кость, а по дороге опустошающих деревни, убивающих стариков и детей и захватывающих в рабство молодых мужчин и женщин.

Беседуя с гонцом, лорд Грейсток выяснил, что среди прочих пленников арабов находится молодая белая женщина. На ранчо тут же поднялась суматоха. Мужчины спешно переодевались в полевую форму, проверяли свое оружие и боеприпасы. Конюхи седлали лошадей, а воины вазири расписывали охрой, ярко-красной, голубой и белой красками свою холеную, черную кожу, нанося пестрый боевой раскрас на лица, руки и животы. Это означало, что вазири выступают на тропу войны.

О беглеце на время все позабыли, но, едва вышли в поход, как почти сразу же натолкнулись на его следы. Похоже было, что дикарь тоже следует по пути арабского каравана, но значительно опережая экспедицию Грейстока. Первое, что попало им и заставило вспомнить о

Ну, была туша бизона. Прямо у сердца зияла огромная рана, нанесенная, как теперь хорошо знали охотники, древним копьем с каменным наконечником. Куски мяса с боков были срезаны каменным ножом, зато разорванное брюхо бизона наводило на мысль о том, что Ёу делился своей добычей с каким-то диким зверем. Браун, склонившись, стал пристально изучать землю возле туши. Затем он выпрямился, бросил на Грейстока взгляд и рассмеялся:

— Вы, кажется, говорили, что он убил собаку? — язвительно поинтересовался он. — Гляньте-ка вот сюда! Они наслаждались своей добычей, сидя бок о бок друг с другом.

ГЛАВА 11

ПОХИЩЕНИЕ

Вот уже три недели Виктория Кастер была пленницей Шейха Ибн Асвада, однако кроме обычных и неизбежных тягот путешествия по Африке пожаловаться она не могла решительно ни на что. Ей было предложено ехать на одном из нескольких уцелевших ослов, и кормили ее не хуже, чем самого Ибн Асвада. Хитрый старый шейх отлично знал, что чем лучше будет выглядеть его пленница, тем больше он получит за нее при дворе султана Фулада.

Абул Мукаррам, правая рука Ибн Асвада, нахальный молодой араб, алчно поглядывал на хорошенькую пленницу, но, когда он обратился со своей бесстыдной просьбой к шейху, тот не терпящим возражений тоном отказал лейтенанту. Это не только не остудило пыл Абула Мукаррама, а напротив, усилило его вожеление. Желание обладать девушкой превратилось для него в навязчивую идею.

Необходимость заставила Викторию освоить язык сынов пустыни, и она уже могла довольно свободно вести разговор со своими похитителями. Абул Мукаррам часто ехал рядом с ней, пожирая распаленными от страсти глазами лицо и фигуру девушки и стараясь снискать ее расположение рассказами о собственной удали. Но стоило ему заговорить о своей любви, как Виктория, вспыхнув от ярости, отвернулась от лейтенанта и впредь не вступала с ним в беседы.

Об этом столкновении стало известно Ибн Асваду. Узнав от девушки всю правду, шейх резко отругал Абул Мукаррама, отправил его в конец каравана, а к пленнице приставил другого стражника. Злобные взгляды посрамленного Абула, которые с тех пор частенько ловила на себе Виктория, заставляли ее внутренне содрогаться, ибо она понимала, что в его лице нажила себе непримиримого и мстительного врага.

Ибн Асвад намекнул девушке на то, какая участь ожидает ее. Виктория, узнав, зачем ее везут сквозь джунгли, была потрясена. Уж лучше бы ее задрал лев или она умерла от голода! В голове Виктории возникали различные планы побега, но все они, увы, были невыполнимы!

Даже если ей удастся незаметно покинуть лагерь, сколько она выдержит в одиночку среди диких джунглей? Положим, произойдет какое-нибудь чудо, и она продержится несколько месяцев. Что с этого толку: ведь она никогда не найдет обратного пути на ранчо Грейстока!

День изо дня терзаемая этими мрачными мыслями, Виктория, в конце концов, совсем упала духом. У нее слезы выступали на глазах, когда она видела, как жестоко обращаются с рабами, несущими тяжелый груз: слоновую кость, шатры и провизию. Дикая резня, которую арабы учиняли после захвата очередного попавшегося по пути селения над его жителями, потрясала ее до глубины души и укрепляла в ненависти к этим зверям в человеческом обличье. Жестокостью и подлостью они превосходили каннибалов. А каким изощренным издевательствам они подвергали своих незащитных пленных!

Но вот однажды арабы натолкнулись на деревню, которую им так просто захватить не удалось. Они встретили ожесточенное сопротивление местных жителей. Свирепые, ярко раскрашенные аборигены сражались буквально за каждый дюйм, и Ибн Асвад решил, в конце концов, что жалкая деревушка не стоит таких жертв и лучше обойти ее стороной.

Воспользовавшись суматохой отступления, Абул Мукаррам приступил к реализации плана, который вынашивал уже давно. Пленные, в том числе и белая девушка, двигались во главе отступающего каравана, тогда как основная часть арабских воинов находилась в арьергарде, отражая атаки пустившихся в преследование дикарей.

Абулу Мукарраму был известен путь на север, ко-

торым они вполне могли воспользоваться вдвоем. Для каравана с рабами эта дорога была закрыта, ибо она проходила через английские территории. Если девушка добровольно согласится последовать с ним — хорошо, если нет — он отправится один, но не раньше, чем расквитается с ней за все. Абул направился мимо перепуганных рабов к арабам, охранявшим Викторию Кастер.

— Тебя хочет видеть Ибн Асвад, — сказал он одному из стражников. — Быстро отправляйся к нему.

Второй араб пристально и подозрительно поглядел на лейтенанта.

— Ты лжешь, Абул Мукаррам, — произнес он. — Ибн Асвад предупреждал, чтобы тебя ни под каким предлогом не оставляли наедине с девушкой. Пошел-ка ты!..

— Дурак! — зарычал Абул Мукаррам и, направив длинное дуло своего ружья прямо в живот стражника, нажал на спусковой крючок.

Пронзительно вскрикнув, араб замертво свалился с осла.

— Поехали! — крикнул Абул Мукаррам, схватив поводья осла Виктории и развернувшись на запад, в джунгли.

Девушка попыталась выскочить из седла, но сильная рука крепко обхватила ее за талию. Так они и двинулись в путь — плечом к плечу, продираясь сквозь дикие заросли. Виктория несколько раз звала на помощь, но ее крик был заглушен неистовыми воинственными воплями аборигенов. Минут через пятнадцать девушка и ее похититель вышли на тот самый путь, которым следовал караван, приближаясь к деревне. Звуки битвы позади них становились все слабее и слабее, пока, наконец, не утихли совсем.

Виктория Кастер быстро соображала, как бы ей избавиться от непрошенного спутника. Окажись у нее револьвер или нож, жизнь Абула Мукаррама повисла бы на волоске, поскольку девушка, понимая, что ей грозит, находилась на грани отчаяния. Она предпочла бы смерть той участи, которая ожидала ее. Однако Виктория была совершенно безоружна. Оставалось одно сопротивляться до конца, пустив в ход зубы и ногти, и до последнего момента надеяться на помощь, хотя рассудок и подсказывал ей, что надежды эти — не более, чем утешительная иллюзия.

В течение двух часов Абул Мукаррам без остановок двигался через джунгли, убегая от своего ограбленного

хозяина. С Викторией он почти не разговаривал, но и нескольких брошенных слов оказалось достаточно, чтобы понять, что отныне он чувствует себя полновластным хозяином положения и повелителем девушки.

Около полудня они вышли из джунглей на плоскогорье, где кустарника почти совсем не было, а деревья росли не так часто. Двигаться стало легче. Беглецы все еще шли по пути следования каравана, только в обратном направлении. К завтрашнему утру они должны были, по расчетам Абула, добраться до того места, где им предстояло снова повернуть на север и выйти на новый маршрут.

Возле небольшой речушки Абул Мукаррам остановился. Привязав ослa, он повернулся к девушке.

— Слезай,— приказал он и положил свою руку ей на колено.

ГЛАВА 12

ПЕЩЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ СВОЮ НЕВЕСТУ

День ото дня расстояние между Ну и похитителями Нат-ул сокращалось. Юноша видел это по многочисленным приметам, оставленным караваном по пути. Дикарь догадывался, что незнакомцы, по-видимому, захватили девушку в плен, однако это еще ничего не значило: ведь один раз Ну уже ошибся, предположив, что люди в хаки, в доме которых он оказался после исчезновения Нат-ул, тоже держат ее в качестве пленницы, и лишь потом узнал, что один из них называет ее своей сестрой. Все это было непонятно, и никак не укладывалось у юноши в голове. Нат-ул не могла быть сестрой Кастера, и при этом он своими глазами видел, что в обществе обитателей странной пещеры девушка чувствовала себя вполне счастливой и довольной. Да и сам Кастер заботился и переживал за нее, как и подобает любящему брату. Что касается Картисса, то он, очевидно, влюблен в Нат-ул — об этом Ну догадался по его разговорам с Кастером, которые случайно услышал. Когда и каким образом этот человек, требующий, чтобы его называли «мистером», успел так хорошо познакомиться с Нат-ул? Ведь с момента ухода Ну из родных пещер на берегу Беспокойного Моря до его пробуждения после страшных подземных толчков минуло совсем немного времени.

Правда, за этот короткий период в мире все так сильно переменялось! Ну много размышлял об этих удивительных событиях и все больше склонялся к мысли, что, вероятно, он проспал гораздо дольше, чем ему сначала казалось. Хотя, разумеется, юноше и в голову не могло прийти, что сон его длился сотню тысяч лет.

Он вспоминал также насмешки Картисса и отношение к себе его друзей. Ну не стоило особого труда понять, что манеры и привычки людей, с которыми свела его судьба, были столь же непохожи на его собственные, как эти последние, в свою очередь, отличались от образа жизни обитающих в джунглях животных. Куда более близкими показались дикарю манеры чернокожих полуобнаженных аборигенов, на которых белые люди смотрели свысока, гнушаясь даже есть с ними за одним столом.

Юноша обратил внимание на то, с каким подчеркнутым уважением относились аборигены к белым людям. С Ну они вели себя совершенно иначе. Ему хватило ума понять, что для обитателей странной пещеры и сам он был чем-то вроде низшего существа. Очевидно, несмотря на белый цвет своей кожи, Ну чем-то существенно отличался от прочих белых людей. Может, все дело заключалось в одежде? Он пытался привыкнуть к тем странным одеяниям, которые ему дали, но чувствовал себя в них настолько неловко, что при первой же возможности избавился от непривычных и сковывающих движение вещей.

Из размышлений юноши следовало, что раз Нат-ул эти люди считали за свою и относились к ней, как к равной себе, то, стало быть, она тоже обладает какими-то неизвестными ему качествами, позволяющими ощущать собственное превосходство. Если так, то она, очевидно, и на Ну станет смотреть глазами своих новых друзей — сверху вниз.

Все это очень огорчало Ну, поскольку он любил Нат-ул так же сильно, как способны любить вы, читатель, или я, или любой современный человек. Водрузив свою любимую на некий пьедестал, юноша с радостью и почтением готов был склонить голову у его подножия. Страсть его не имела ничего общего с тем варварским отношением к женщине, которое довольно часто встречается у представителей низших рас. Он готов был холить и лелеять свою возлюбленную и скорее сам пожертвовал бы жизнью, нежели допустил, чтобы хоть один волос упал с ее головы.

Непрерывно размышляя над мучавшими его вопросами, Ну ни на минуту не терял бдительности и внимательно изучал свежий след каравана. Все указывало на то, что уже через несколько часов он окажется у цели.

В нескольких милях к востоку от него двигались люди лорда Грейстока. Желая обойти стороной земли вазири, Ибн Асвад повел свою шайку окольным путем. Тяжело нагруженный караван медленно шел вперед. В данный момент арабы находились на таком расстоянии от ранчо Грейстока, которое, двигаясь напрямик, можно было преодолеть всего за несколько дней. Грейсток знал о том, в каком направлении идет Ибн Асвад — ему сообщили об этом гонцы из разных селений, спешившие за помощью. Он не намеревался в точности повторять маршрут каравана, избрав со своим подвижным отрядом более короткий прямой путь.

Вот и получилось, что Ну с Теркозом и отряд Грейстока, усиленный воинами вазири, почти одновременно с разных сторон настигали караван. Дикарь, которому не терпелось скорее увидеть Нат-ул, спешил. Вдруг он заметил нечто такое, что не привлекло внимания даже чуткого волкодава: рядом со следами, которые оставил караван, виднелись другие, совсем свежие отпечатки копыт двух ослов, двигавшихся в противоположном направлении.

В том, что эти животные принадлежали арабам, у Ну, внимательно изучившего следы копыт, не оставалось ни малейших сомнений. Он так привык за последние три дня к этим отпечаткам, что теперь не спутал бы их ни с какими другими. Но зачем эти двое повернули назад? Юноша остановился и, подняв голову, стал прислушиваться и принюхиваться, стараясь уловить малейший звук с той стороны, куда, судя по следам, направились эти двое, отделившиеся от каравана.

Но ветер дул в противоположном направлении, так что ничего учуять ему не удалось. Юношу одолевали сомнения: либо, круто изменив маршрут, отправиться за этими двумя, либо продолжить преследование каравана. По следам Ну понял, что ослы шли бок о бок друг к другу — значит, каждый вез на себе седока. В противном случае животные двигались бы гуськом по этой совсем не широкой тропе. Однако ничто не указывало на то, что одним из седоков могла быть Нат-ул.

Наконец Ну принял решение. Он двинулся вперед по основному следу, рассудив, что пленница должна на-

ходиться при караване — не отправят же ее обратно, да еще с одним-единственным охранником! Но едва юноша успел сделать несколько шагов, как из джунглей до него отчетливо донесся человеческий голос. Это был испуганный крик отчаянно защищавшейся женщины.

Круто повернувшись, Ну, подобно лани, рванулся на звук знакомого голоса. Волкодав, погнавшийся следом за ним, немного поотстал, поскольку юноша, вспрыгнув на ветки, стремительно перескакивал с одного дерева на другое, иногда пролетая в воздухе до двадцати футов. Внизу под ним, тяжело дыша, вывалив язык из вспененной пасти, мчался пес. Несмотря на почти невероятную скорость, они двигались совершенно бесшумно, словно призраки.

Вскоре джунгли кончились, лес стал совсем редким, и Ну отчетливо разглядел невдалеке фигуру араба в белом балахоне, стоящего на коленях, и женщину, расprostертую перед ним. Мускулистая рука мужчины вцепилась в горло пленницы, другая была занесена для удара над ее лицом.

Ну понял, что не успеет домчаться, чтобы предотвратить удар, но он мог на несколько мгновений отвлечь внимание араба. За это время юноша успел бы преодолеть расстояние, разделяющее их. Ну тотчас же издал дикий воинственный вопль, которым встречали противника люди его давно вымершего племени. Свирепый крик заставил встрепнуться сотни обитателей джунглей — кого в страхе, кого в ярости. Абул Мукаррам испуганно вскочил: за всю свою жизнь ему не доводилось слышать таких ужасных, леденящих душу звуков.

Увидев полуобнаженного великана, араб оставил девушку и рванулся за своим длинноствольным ружьем, оставленным подле осла. Виктория Кастер тоже посмотрела в сторону джунглей широко раскрытыми глазами, и из груди ее вырвался вздох облегчения и счастья. Между тем араб уже успел прицелиться в приближавшегося к нему юношу. Он успел выстрелить один раз, прежде чем Ну вырвал ружье у него из рук, но пуля просвистела мимо, а в следующее мгновение мужчины уже сцепились в яростной схватке. Бой шел не на жизнь, а на смерть. Араб наносил сильные удары по лицу и голове юноши, а дикарь, напрягая мощные мускулы, старался вцепиться противнику в горло.

Рядом с ними, злобно ошестинившись, метался волкодав, пытаясь улучшить удобный момент и броситься на

врага своего хозяина. Виктория Кастер, плотно прижав руки к груди, наблюдала за поединком двух мужчин из-за нее. Она видела, как красивая голова Ну все ниже и ниже склонялась над арабом. Когда наконец белоснежные зубы дикаря яростно впились в глотку Абула Мукаррама, девушка не испытала ни отвращения, ни тошноты.

Она слышала полувоплеск рычание Ну, вкусившего теплой красной крови врага. Она видела, как сильные челюсти вгрызались в глотку араба, раздирая ее на куски. Она видела, как могучая рука склоняла голову поверженного Абула Мукаррама. Она видела, как ее свирепый жених легко, словно котенка, встряхивает противника — и сердце ее наполнялось гордостью не знающей жалости первобытной женщины за своего могучего и удалого мужчину.

Виктории Кастер больше не существовало. Она была Нат-ул, девушка-дикарка из Ниоцена, и когда, отшвырнув безжизненное тело своего соперника в сторону, Ну распростер руки, готовясь заключить ее в объятия, она, не раздумывая, бросилась к нему. Это Нат-ул, дочь Тха, Нат-ул из племени Ну, обитающего за Бесплодными Скалами на берегу Беспокойного Моря, обвила руками шею своего повелителя и господина и приблизила пылающие губы к его рту.

Это она, Нат-ул наблюдала, как закружились вокруг трупа араба Ну и свирепый волкодав. Пещерный человек исполнял незамысловатый, но выразительный танец смерти своего племени: то склонялся к земле, то высоко подпрыгивал, потрясая в воздухе копьем с каменным наконечником, то выкрикивал таинственные слова песни давно минувшего времени, а рядом с ним, его столь же дикая невеста, усевшись на корточки, отбивала ритм своими изящными белоснежными руками.

Закончив пляску, Ну остановился возле Нат-ул. Девушка поднялась, посмотрела ему в лицо, и они еще долго стояли, не произнося ни слова. С тех пор, как некая чудодейственная сила разлучила их, у них не было возможности даже толком разглядеть друг друга. Ну показалось, что в Нат-ул за это время что-то изменилось. Конечно, это была она — тут не могло быть никаких сомнений, а все же что-то настораживало и пугало троглодита. Это было неуловимо и необъяснимо. Он заметил только одно: Нат-ул стала еще более прекрасна и соблазнительна.

Понемногу экстатическое возбуждение, которое овла-

дело девушкой во время поединка и пляски дикаря, стало проходить. Ритм танца затронул в ней какие-то тайные струны, пробудив давно уснувшие первобытные инстинкты. Она перенеслась во времени на сотни тысяч лет назад, в самое детство рода человеческого — и в эти мгновения она напрочь забыла и Викторию Кастер, и двадцатый век, и цивилизацию, ибо все это было в далеком будущем, за тысячи столетий от нее.

Но теперь она начинала снова смотреть на происходящее глазами человека, принадлежащего к изнеженному миру цивилизации. Перед ней стоял дикий первобытный человек. В глазах его бушевало пламя неутоленной страсти. Со всех сторон девушку окружала дикая природа, а за этим маячил другой, давно ставший для нее родным и привычным мир — мир городов, домов и благородных аристократов. Она вспомнила отца, мать и своих друзей. Что они сказали бы на это?

Она снова остановила взгляд на юноше. Ей стоило немалых сил удержаться, чтобы не броситься на его широкую грудь и, всласть выплакавшись, избавиться от одолевающих ее страхов и сомнений. Как бы она хотела прильнуть к нему, вслушаться в биение его могучего сердца и под защитой этих сильных рук снова ощутить себя той девушкой-дикаркой, какой была несколько минут назад. Но мучительный вопрос — «Что на это скажут родные и друзья?» — удерживал ее и заставлял с опаской относиться к стоящему перед ней дикарю.

По глазам девушки Ну заметил что-то неладное, но истолковал это по-своему. Ему показалось, что она боится его, тогда как это был страх за себя. А когда юноша вспомнил язвительные слова Картисса, ему даже почудилось презрение в ее взгляде — первобытные люди вообще гораздо чувствительнее своих более умудренных потомков.

— Ты не любишь меня, Нат-ул? — спросил он. — Незнакомцы настроили тебя против меня? Да может ли кто-нибудь из них принести тебе в подарок голову людоеда Оо? Вот гляди!

Юноша достал два громадных клыка, висевших на его набедренной повязке.

— Ну прикончил могущественнейшего из хищников и сделал это ради своей возлюбленной Нат-ул. Голова тигра находится возле его пещеры... И вот сейчас, когда я пришел, чтобы взять тебя в жены, я вижу страх в твоих глазах и еще что-то такое, чего прежде никогда не

замечал. Что же случилось, Нат-ул? Неужели люди в хаки могли заставить тебя разлюбить Ну?

Юноша обратился к возлюбленной на языке столь древнем, что никто из ныне здравствующих на планете людей не уловил бы смысла ни единого произнесенного слова. Однако Виктории Кастер он был так же понятен, как и ее родной английский. Казалось вполне естественным, что она ответила Ну на том же самом языке.

— Сердце говорит мне, что я твоя, Ну,— промолвила она.— Но опыт и рассудок заставляют удержаться от опрометчивого шага. Да, я люблю тебя, но не вижу особой радости в том, чтобы провести остаток жизни, бродя полуголой по джунглям. Уйди я сейчас с тобой хоть на один день — и могу уже никогда не вернуться к привычной жизни. А в мире цивилизации счастья нам тоже не будет — ты попросту погибнешь. Я смотрю сейчас на тебя, как на какое-то чудо, явившееся мне. Тебе кажется, что с тех пор, как ты расстался с Нат-ул и отправился охотиться на свирепого людоеда Оо, минуло несколько дней, а на самом деле прошли многие тысячелетия. Судьба распорядилась так, что ты нисколько не изменился за это время и очнулся ото сна все тем же неиспорченным пещерным человеком, попав сразу из каменного века в двадцатое столетие. Но со мной случилось иначе. Я тысячи раз рождалась и умирала, и рождалась снова, меняя свои воплощения, пока, наконец, сейчас опять не столкнулась с тобой. Если бы и ты в течение этих долгих лет тоже умирал и снова рождался, нас бы не разделяла такая пропасть, и мы могли бы сойтись на равных, пожениться и умереть, чтобы затем родиться снова, и снова быть вместе, и вместе пережить еще много-много жизней и неминуемых смертей. Но своей судьбой ты нарушил законы жизни и смерти — ты не умер, и сейчас, когда мы снова рядом, нас разделяют сотни тысяч лет. Между нами — бездна, преодолеть которую не можем ни я, ни ты. Для тебя есть только один путь, тот самый, по которому прошла я — умереть и вслед за тем родиться снова.

Многое из того, что говорила девушка, Ну просто не понял. К тому же Виктории, не находившей в примитивном языке дикарей нужных слов, приходилось то и дело обращаться к юноше на английском, которым он владел отнюдь не в совершенстве. Однако дикарь уловил главную мысль, какой бы туманной она ни казалась: из-за огромного смещения во времени, которое произо-

шло, пока Ну спал в пещере Оо, Нат-ул отделилась от него и только смерть юноши позволит ему перескочить через разделяющую их сейчас пропасть и сделать любимую своей женой.

Он взял копье, упер древко оружия в землю, а каменный наконечник придвинул к самому сердцу.

— Я ухожу, Нат-ул,— сказал он,— ухожу, чтобы возвратиться к тебе другим человеком, а не тем негритом, как назвал меня Картисс.

Девушка и юноша были так поглощены своими проблемами, что не обратили никакого внимания на обеспокоенного волкодава и не услышали зловещего рычания, которое тот издавал, поглядывая в сторону джунглей.

ГЛАВА 13

В ДЖУНГЛИ

Отряд Грейстока настиг караван Ибн Асвада так неожиданно, что ни с той, ни с другой стороны не было сделано ни единого выстрела. Спасаясь бегством от свирепых воинов вамболи, арабы наткнулись на преследующую их группу белых людей и вазир и вынуждены были сдаться без боя.

Грейсток тут же потребовал, чтобы ему немедленно передали пленную белую женщину. В ответ Ибн Асвад, ударяя себя кулаком по груди, клялся и божился, что такой пленницы нет и не было в его караване. Однако один из рабов поведал воину вазир о том, что произошло на самом деле, и, как только стало известно, что Виктория похищена одним из лейтенантов шейха всего несколько часов назад, отряд Грейстока тотчас же устремился в джунгли на поиски девушки.

Чтобы облегчить движение и прочесать как можно большую территорию, люди лорда разбились на маленькие группы — каждый белый человек взял себе в помощь нескольких чернокожих вазир — и, рассыпавшись по лесу, стали двигаться в том направлении, в котором, по словам раба, увез девушку Абул Мукаррам.

По джунглям шли в одиночку, не видя друг друга, но находясь на расстоянии слышимости. Случилось так, что Вильям Картисс, оказавшийся один под гигантскими деревьями джунглей, неожиданно увидел нечто такое, что заставило его тут же остановиться.

Невдалеке от него, совершенно невредимая, стояла девушка, которую он любил и поисками которой сейчас занимался вместе с остальными. Тут же валялось на земле тело убитого араба. Огромный волкодав издавал угрожающее рычание, поглядывая в сторону Картисса. А прямо перед девушкой стоял ненавистный белокожий дикарь.

Картисс уже собирался выскочить из укрывавших его зарослей, как вдруг заметил, что юноша упер древко копья в землю, острым концом нацелившись себе в сердце. Действия и выражение лица троглодита столь определенно свидетельствовали о его намерениях, что Картисс затаился и решил подождать, пока дикарь покончит с собой. В том, что он собирается сделать именно это, американец не сомневался. Он издали наблюдал за происходящим и кривил губы в презрительной усмешке.

Виктория Кастер тоже смотрела на юношу во все глаза, пытаясь угадать, что он хочет предпринять. По логике вещей, как только что убеждала дикаря сама девушка, ему оставалось одно. Однако любовь не подчиняется логике, и едва Виктория поняла грозное намерение Ну и осознала, какая утрата может ее постигнуть, как она с криком бросилась к возлюбленному, заслонив его от копья собственным телом.

— Нет! Нет! — закричала она. — Ты не должен делать это! Я не позволю. Я люблю тебя, Ну! Господи, как я люблю тебя!

И когда могучий дикарь снова заключил ее в объятия, девушка, захлебываясь от счастья, крепко прижалась к груди человека, который пришел из глубины веков, чтобы взять ее в жены.

Юноша обнял ее рукой за талию и, повернувшись, оба двинулись в западном направлении — туда, куда держал путь Абул Мукаррам. Увлеченные собой, они не заметили человека, выскочившего позади них из джунглей с искаженным злобой лицом, не видели, как он вскинул ружье и застыл, целясь в спину черноволосого великана. Не видели они ни быстрого прыжка волкодава, ни того, что произошло затем в нависшей над джунглями тишине.

Минут через десять Барни Кастер, пробравшись сквозь стену сплетающейся листвы, обнаружил такое, от чего у него перехватило дух. На небольшой полянке спокойно стояли два осла, помахивая хвостами и шевеля

длинными ушами, возле них валялся труп Абула Мукарама, а чуть поодаль, там, где кончались джунгли, он увидел распростертое на земле мертвое тело Вильяма Картисса, грудь и горло которого были разорваны мощными клыками. От него через поляну, не спеша удалялся свирепый волкодав, почуявший приближение Барни. Злобно зарычав, он оскалил свои окровавленные клыки, затем повернулся и исчез в джунглях.

Барни подошел ближе и принялся разглядывать землю возле ослов и тела араба. Он различил отпечатки мужской босой ноги и изящные следы женских ботинок для верховой езды. Американец поднял голову и посмотрел на джунгли, в которых только что исчез Теркоз.

Что повело его сестру в эти мрачные, дремучие дебри? Следует ли ему продолжать погоню? Барни очень сомневался, что сестра согласится вернуться без своего дикаря-великана. Где она будет по-настоящему счастлива — в безжалостном мире джунглей или в гораздо более безжалостном мире цивилизованных людей?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

СНОВА ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Виктория сознавала, что ее брат Барни наверняка следует за ними по пятам сквозь джунгли — чтобы разлучить ее с Ну и вернуть домой.

Воспоминания о мире утонченной цивилизации, который она покинула, не давали ей покоя. Может быть, пока не поздно, оставить свою сумасшедшую затею — бросить этого дикаря и вернуться к брату и к удобствам привычной жизни? Но не голос рассудка направлял сейчас поступки девушки. Ей руководила сила куда более древняя, чем вся история цивилизации, озаменованная достижениями лишь наших ближайших предков. Когда человек не обладал еще ни разумом, ни душой, он всецело подчинялся мощным импульсам, исходящим из самых его глубин и являющимся его полновластным хозяином. Это — инстинкт, благодаря которому развилась и сохранилась жизнь на нашей планете.

Именно инстинкт заставлял сейчас Викторию Кастер, чувствующую приближение брата, спешить вместе со своим возлюбленным все дальше и дальше в глубь джунглей. Разумеется, это давалось ей не без борьбы. Обуреваемая сомнениями, она уже готова была повернуть назад. Но тут Ну вопросительно глянул на нее.

— Они подходят, Нат-ул,— произнес он.— Ну не может сражаться с этими людьми, которые умеют с большого расстояния метать свинцовые молнии и пугать громом, похищенным ими с небес. Идем! Мы должны поспешить в пещеру Оо, а наутро двинемся дальше на поиски племени моего отца Ну, которое обитает за Бесплодными Скалами на берегу Беспокойного моря. Там, в нашем крае, мы с тобой будем счастливы.

Но страх все еще сковывал движения девушки. Тогда юноша поднял ее своими могучими руками и с драгоценной ношей на плечах помчался по направлению к пещере саблезубого тигра Оо. Девушка не сопротивля-

лась. Ее внезапно охватило блаженное чувство покоя и радости, как будто после долгого отсутствия она возвращалась наконец домой. За ними по пятам несясь волкодав Теркоз.

Время от времени Ну залезал на нижние ветки деревьев — люди в его давнюю эпоху передвигались по деревьям так же свободно, как и по земле. Вот и Ну перепрыгивал с одной ветки на другую с легкостью и проворством белки. Виктория Кастер, в которой жива еще была современная цивилизованная девушка, от ужаса только зажмуривала глаза при головокружительных прыжках своего возлюбленного. По мере того, как они двигались вперед, страх перед будущим не только не покинул ее, а напротив, еще более усилился. Мысленно она уносилась назад, в мир цивилизации. В этом мире все было привычно и хорошо, кроме одного — там не было Ну, и он не мог последовать за ней туда, даже если бы она и решила вернуться.

К исходу третьего дня молодые люди наконец добрались до пещеры Оо. Смеркалось. Рука об руку они вскарабкались вверх по скале. Вдвоем вошли в пугающую темноту мрачного логова тигра-людоеда.

— Завтра,— сказал Ну,— мы отправимся на поиски пещер людей нашего племени. Мы обязательно найдем их.

Тьма опустилась на джунгли, на равнину и на горы. Ну и Нат-ул крепко спали, измученные долгим и трудным путешествием.

И вот тогда, из самых недр земли раздался глухой и зловеющий грохот. Земля содрогнулась. Задрожали скалы. Огромные массы разбитых скал, сорвавшись с горных вершин, с шумом падали вниз.

Ну вскочил на ноги и тут же рухнул наземь, оглушенный и лишившийся чувств. Вокруг была непроглядная тьма. Никакой свет не проникал в пещеру снаружи. Страшный грохот продолжался всего несколько минут, в течение которых вздымалась поверхность земли. Наконец все стихло — истощив силы, планета успокоилась.

Ну лежал без сознания на том самом месте, где упал.

НАЗАД В КАМЕННЫЙ ВЕК

Когда Нат-ул проснулась, было уже утро. Солнечные лучи освещали пещеру, в которой она лежала на груде мягких меховых шкур. Возле нее спала женщина, старше ее годами, но все еще прекрасная собою. Прямо перед ними, у самого входа в пещеру, лежали двое мужчин. Один из них был Тха, ее отец, другой — ее брат Ахт. Женщина была матерью Нат-ул, Лу-тан. Сейчас она тоже открыла глаза и, потягиваясь, подняла над головой свои обнаженные загорелые руки. Заметив, что дочь проснулась, Лу-тан величественным движением тигрицы, воплощающим отменное здоровье и изящество, повернулась к ней, и лицо ее озарилось улыбкой, обнажившей ряд крепких, белоснежных зубов. Девушка тоже улыбнулась в ответ.

— Как я рада, что опять светло,— произнесла она.— Вчерашнее землетрясение так напугало меня, что всю ночь мне снились ужасные сны.

При этом воспоминании Нат-ул поежилась.

Тха тоже открыл глаза и поглядел на обеих женщин.

— Мне тоже приснился сон,— сказал он.— Мне снилось, будто земля опять содрогалась, скалы рушились, и Беспокойное море затопило и их, и наши жилища. На этом месте нельзя больше жить. После трапезы я пойду говорить с Ну о том, что надо искать новые пещеры в других землях.

Нат-ул поднялась и, пройдя между мужчин, подошла к выступу у самого входа в пещеру. Глазам ее открылась картина, хорошо знакомая и поразительно новая одновременно. Прямо под ней находилась открытая площадка у подножия скалы, по которой были разбросаны бесплодные валуны. Лишь небольшой прямоугольный кусок ее был расчищен от камней. Дальше тянулась узкая полоска тропических зарослей. Громадные древесные попоротники возносили свои могучие вершины на сотни футов над землей. Солнце, поднимаясь из-за края огромного моря, лежавшего прямо за джунглями, всходило на горизонте. И какое это было солнце! Темно-красное, распухшее до гигантских размеров! Несмотря на ранний час, было довольно душно, но Нат-ул привыкла к жаркому и влажному климату Ниоцена. Повсюду уже кипела жизнь. Мириады разнообразных тварей кишели

в джунглях, носились по воздуху, населяли бездонное море.

Нат-ул нахмурила брови. Она задумалась, пытаясь что-то вспомнить. Что же, в конце концов, сон: то, что происходит с ней сейчас, или то, что привиделось нынешней ночью?! Она встряхнулась. Потом бросила быстрый взгляд на свою одежду. Ничего особенного: рыжая оленья шкура, сандалии из толстой кожи Та, мохнатого носорога, которые крепились на ее стройных ногах при помощи кожаных застежек. Ну, разумеется, это ее привычный наряд, она всегда была так одета. «Всегда ли?» — тут же спросила девушка сама себя и задумалась, озадаченная собственным вопросом.

Ее рука машинально скользнула по голове к затылку. Взгляд девушки выразил недоумение, когда пальцы ощутили распущенные пряди волос, свободно спадающие на плечи. Видимо, чего-то не доставало в убранстве ее головы, но чего? Берета? Но откуда могла Нат-ул, дитя каменного века, знать о существовании беретов?

Она продолжала медленно ощупывать голову пальцами. Когда они наткнулись на повязку, которой девушка забирала волосы со лба, ее лицо озарила улыбка. Эту повязку сделал для нее Ну, сын Ну, из высушенной змеиной кожи. Она была такая нарядная, такая яркая: черный цвет соседствовал в ней с красным и желтым. При этом воспоминании к девушке, наконец, вернулось ощущение реальности. Она повернулась и возвратилась в пещеру. С деревянного крюка, вбитого в отверстие в скалистой стене, она взяла охапку изумительных перьев и прикрепила их к повязке на голове. Теперь пестрое оперенье украшало ее симпатичное лицо.

К тому времени встали и остальные обитатели пещеры — Лу-тан, Тха и Ахт. Мать Нат-ул колдовала возле кучи сухих веток, разводя огонь. Тха и Ахт вышли на выступ и полной грудью вдыхали утренний воздух. Нат-ул присоединилась к ним. В руках девушка держала пузырь. Втроем они спустились вниз, к подножию скалы.

Из пещер, расположенных по крутому склону, появлялись мужчины и женщины. Они здоровались с Нат-ул и ее спутниками, и каждый тут же начинал делиться впечатлениями о землетрясении, случившемся прошлой ночью.

Тха и Ахт направились в сторону моря к джунглям. Нат-ул остановилась возле небольшого источника с чистой ледяной водой, струящегося у подножия скалы.

Здесь находились и другие девушки, наполнявшие водой пузыри. Была тут Ра-ел, дочь Кора, который делал самые острые наконечники для копий. Была тут Уна, дочь Ну, вождя, и сестра Ну, сына Ну. И, кроме них, было еще с полдюжины других девушек. Прямые, словно стрелы, и гибкие, как пантеры, они невольно привлекали к себе внимание проходивших мимо мужчин. Наполняя свои пузыри водой из источника, девушки весело смеялись и оживленно болтали друг с другом.

— Ты не испугалась, когда задрожала земля, Нат-ул? — любопытствовала Уна.

— Страшно испугалась, — ответила Нат-ул. — Но еще больше меня напугал сон, который я видела уже после того, как земля успокоилась.

— А что тебе приснилось? — с любопытством спросила Ра-ел, дочь Кора — Кора, который лучше всех делал наконечники для копий.

— Мне приснилось, что я вовсе не Нат-ул, — ответила девушка. — Я оказалась в незнакомом мире среди совершенно незнакомых людей, мужчин и женщин. Самое поразительное, что я и сама была одной из них. На мне было множество одежд, но не из шкур. Я жила в пещере, которая совсем не похожа на пещеру — она построена на земле из того же материала, из которого сделаны деревья, — только нарезанного толстыми кусками, скрепленными друг с другом. В одной такой пещере было еще несколько пещер.

Нат-ул перевела дух и продолжила свой рассказ.

— Там было много мужчин и женщин, и у некоторых кожа была совершенно черная!

— Черная! — ахнули в изумлении остальные девушки.

— Да, — подтвердила Нат-ул. — И только у этих черных людей одежда чем-то напоминала нашу. Белые же люди были облачены в диковинные наряды. У их мужчин не было бород. В качестве оружия против своих врагов и диких зверей они используют короткие копья, которые издают страшный шум. Ими можно убить с большого расстояния.

— А Ну, сын Ну, там тоже был? — захихикав, поинтересовалась Ра-ел.

— Да, он пришел и забрал меня оттуда, — важно ответила Нат-ул. — Ночью, когда мы спали в пещере Оо, задрожала земля. А утром я проснулась в пещере Тха, моего отца.

— Ну не вернулся домой,— сообщила Уна.

Нат-ул удивленно посмотрела на нее.

— А куда пошел Ну, сын Ну? — спросила она.

— Нат-ул, дочери Тха, должно быть лучше других известно, что Ну, сын Ну, отправился на охоту за Оо, убивающим людей и мамонтов, чтобы потом положить голову тигра перед пещерой Нат-ул,— сказала Уна в ответ.

— Значит, он до сих пор не вернулся с охоты? — переспросила Нат-ул.— Он говорил, что собирается идти, но я решила, что Ну шутит — ведь никому на свете не удастся в одиночку справиться с Оо, убивающим людей и мамонтов.

Конечно, Нат-ул не произносила слов «люди» и «мамонты». Говоря о мамонтах, она называла их Глу, а людей — Па. Разговор девушек шел на языке, который сегодня сохранился лишь среди человекообразных обезьян, если вообще где-то сохранился. Язык дикарей состоял из односложных слов. Но, несмотря на всю примитивность, он, тихий и плавный, был исключительно красив, и, случись вам, читатель, услышать речь пещерных людей, вы оказались бы, без сомнения, очарованы ею. Когда девушкам не хватало слов, они прибегали к помощи жестов и мимики, весьма красноречиво выражая своими руками и глазами то, что неспособен был выразить язык. Ведь племя Ну немногим отличалось от тех первобытных людей, которые еще совсем не умели говорить и объяснялись друг с другом только при помощи жестов.

Наполнив пузыри водой, девушки разошлись по своим пещерам. Едва Нат-ул успела, придя домой, повесить пузырь, как возвратились Тха и Ахт — один с тушей антилопы, другой — с охапкой плодов.

В полу пещеры, возле самого огня, в скале было выдолблено небольшое дупло. Нат-ул налила в него немного воды, а Лу-тан, нарезав мясо антилопы маленькими кусочками, бросила их в воду. Затем она вытащила из огня небольшой раскаленный камень и бросила его туда же. Вода сразу зашипела. Эти аппетитные звуки повторялись всякий раз, когда Лу-тан один за другим доставала и кидала в котел раскаленные камни, пока, в конце концов, вода не закипела. Дав мясу повариться несколько минут, Лу-тан присоединилась к другим домочадцам, уже рассевшимся возле примитивной кастрюли в ожидании завтрака. Иногда женщина окунала палец в котел,

проверяя температуру, и, когда наконец решила, что еда готова, она кивнула Тха.

Мужчина воткнул свой каменный нож в кусок полусырого мяса и, вытащив его из котла, положил перед Лу-тан. Второй кусок получила Нат-ул, третий — Ахт, а четвертый Тха взял себе. Все четверо с достоинством приступили к трапезе. В их манерах не было ничего дикого и отталкивающего. За едой они весело переговаривались друг с другом, изредка над чем-то посмеиваясь. По всему было видно, что в доме Тха царят мир и согласие.

Ахт стал подшучивать над Нат-ул и Ну, сыном Ну, к которому, как он знал, сестра была равнодушна. Выяснив, что Ну до сих пор не вернулся домой, Ахт язвительно предположил, что, вероятно, гиена загрызла могучего охотника и помешала ему расправиться с Оо. Однако Лу-тан тут же поспешила на помощь дочери. Она сказала, что Ну, сын Ну, скорее всего обнаружил саблезубого тигра вместе со всем его выводком и решил не возвращаться, пока не уничтожит их всех.

— Я тоже переживаю за Ну,— вмешался в их разговор Тха,— но не из-за Оо. Ну, сын Ну, такой же великий охотник, как и его отец. Я буду рад снова видеть его живым и невредимым после всего, что могло случиться с ним нынешней ночью, когда дрожала земля, а из глубины ее доносился страшный рокот. Буду рад, если он вернется с охоты и возьмет мою дочь в жены, независимо от того, принесет он голову Оо или нет.

Нат-ул слушала слова отца молча. Она тоже начинала не на шутку беспокоиться. Вот ведь и ее отец, человек бывалый, а и тот со страхом говорит о силах, против которых бесслен человек, каким бы отважным и смелым он ни был.

После завтрака Тха, как и собирался, отправился в пещеру Ну, вождя племени. Здесь уже было много старых воинов и молодых людей. Их собралось столько, что внутри пещеры всем не хватило места. Узкий выступ у входа тоже был заполнен людьми. Тогда, по решению Ну, все отправились на небольшую расчищенную от камней прямоугольную площадку у подножия скалы. Это место было облюбовано для тех случаев, когда вместе собиралось много народу — здесь проводились советы племени, торжественные пиры.

Ну сел на плоский камень возле самого края площадки. С плеч его спадала косматая шкура огромного

пещерного медведя. На поясе, поддерживавшем его набедренную повязку, висели каменный топор с деревянной ручкой и каменный нож. Древко прямого, как стрела, копья с каменным наконечником, которое вождь держал в правой руке, упиралось тупым концом в землю. Черные волосы Ну были грубо обстрижены, а из-под повязки из тигровой кожи, надетой на его голову, торчало единственное прямое перо. Шею вождя украшало ожерелье из длинных острых клыков и когтей, а на всем его сильном бронзовом теле, с головы до пят, виднелись следы ранений, нанесенных этими самыми клыками и когтями, когда они еще оснащали лапы и пасти свирепых обитателей первобытных джунглей. Шкуру медведя Ну лишь набросил на плечи, поскольку утро выдалось теплое. В их жарком и влажном климате редко возникала острая необходимость в обильных одеждах, однако многие люди племени считали делом чести постоянно носить на себе трофеи, свидетельствующие об их смелости и удали, и соответствующим же образом украшали своих женщин.

Тха, второй человек в племени после Ну, выступал на совете первым. Поскольку язык дикарей был еще слишком юн, и слов в нем часто не хватало, приходилось прибегать к помощи жестов и разных знаков. Тем не менее, держать речь было весьма непросто: для этого требовалось богатое воображение, умственные способности, превышающие средний уровень, и некоторый актерский дар. Поскольку в те времена, когда искусство красноречия находилось еще в колыбели, убедить слушателей в правоте какой-либо точки зрения оказывалось очень сложно, то и ценилось подобное умение гораздо выше, чем теперь. Чтобы изложить перед Ну и воинами племени свои мысли, Тха должен был постоянно придумывать разные знаки и слова, передающие различные смысловые оттенки сказанного. Но выступление на совете было серьезным испытанием умственных способностей не только для Тха, а и для всей аудитории. В те давние времена люди умели внимательно слушать — им приходилось это делать, чтобы поспевать за мыслью говорящего. Даже в короткой речи заключался большой смысл. Кидаться словами попусту дикари еще не научились, о глупостях разговоров не заводили. Стараясь максимально сосредоточиться, они внимали говорящему не только ушами, но и глазами. Хуже всего было отвлечься и потерять нить рассуждений.

Отделясь от группы воинов, Тха шагнул на площадку для выступающих, специально оставленную свободной. Он увидел перед собой старейших мужчин племени, сидящих на корточках, за ними — остальных, стоявших на коленях. Позади всех толпились молодые мужчины племени Ну.

Тха зычно прокашлялся, содрогаясь всем своим мощным телом.

— Здесь, где мы обитаем, земля грохочет и дрожит, — начал он. — Скалы вот-вот рухнут. — Он указал в сторону пещер и сделал выразительный жест рукой вниз. — Мы все погибнем. Надо уходить отсюда. Надо искать новое место, где земля не трясётся. Звери есть повсюду. Плоды тоже есть повсюду. Злаки растут в долинах возле каждой реки. Мы можем охотиться везде, где пожелаем. Еды у нас будет вдоволь. Давайте заберем наших женщин и наших детей и покинем эти места.

Произнося свою речь, Тха наглядно изображал перед слушателями и охоту за дичью, и сбор плодов и зерна, и движение племени в поисках нового места обитания. Его жесты были исполнены изящества и достоинства. Воины слушали его с напряженным вниманием.

Закончив, Тха занял свое место среди старейших воинов и сел на корточки. Поднялся другой оратор, тоже пожилой человек. Он вышел на площадку и стал говорить, сопровождая слова жестами, об опасностях переселения. Он вспомнил многочисленные случаи, когда иноземцы, малыми группами и большими отрядами, приближались слишком близко к земле Ну и как тогда воины племени нападали на них, убивая всех, кто не успел спастись бегством.

— Другие поступят с нами точно так же, — заявил старик уверенным голосом, — если мы приблизимся к землям, на которых они обитают.

Едва он сел на свое место, как в центр из кружка молодых воинов пробрался Худ. Худ давно мечтал о Нат-ул, дочери Тха, и сейчас у него были свои причины поддержать ее отца. Во-первых, таким образом он мог снискать расположение старика. Во-вторых, если племя покинет эти земли немедленно, пока Ну, сын Ну, отсутствует, у Худа появится прекрасная возможность без всяких помех осуществить свои планы в отношении Нат-ул.

— Тха говорил мудрые вещи, — заявил Худ. — На

этих землях небезопасно дальше оставаться ни людям, ни зверям. Луны не проходит, чтоб не было грохота и сотрясения земли, и кое-где в горах уже начались обвалы. В любой момент может рухнуть и наша скала. Надо двигаться туда, где земля не дрожит. Нам нечего бояться чужаков. Пускай боятся старики и беременные женщины. Племя Ну — могучее племя. Оно может идти, куда пожелает, а тот, кто посмеет встать на нашем пути, будет уничтожен. Давайте послушаемся Тха и уйдем отсюда немедленно — в любой момент может произойти новое сотрясение.

После юноши говорили и другие воины. Страх перед землетрясением среди всех был столь велик, что почти никто не возражал Тха. Чуть ли не все были готовы покинуть родные места хоть сейчас же. Ну слушал соплеменников со степенным достоинством. Когда желающих выступить больше не оказалось, вождь поднялся со своего места.

— Хорошо,— произнес он.— Мы покинем эту землю.— Худ еле сдержал удовлетворенную улыбку.— Но,— продолжил вождь,— не раньше, чем вернется мой сын Ну.

Тут Худ нахмурился.

— Я пойду искать его,— заключил Ну.

На этом совет закончился. Мужчины племени занялись своими повседневными делами. Тха вместе с Ну отправился на поиски сына вождя. Группа охотников двинулась на север, к Бесплодным Скалам, у подножия которых, неподалёку от моря, накануне видели громадного мамонта.

Худ пошел к своей пещере и стал караулить, когда Нат-ул появится одна. Наконец, его терпение было вознаграждено. Он увидел девушку, идущую к источнику, возле которого никого больше не было. Худ бросился вслед за ней. Он настиг ее в тот самый момент, когда Нат-ул склонилась, чтобы наполнить водой пузырь.

— Я хочу,— сказал Худ, переходя сразу к делу,— чтобы ты стала моей женой.

С минуту Нат-ул пристально смотрела на юношу, а потом расхохоталась прямо ему в лицо.

— Пойди добудь голову Оо и положи ее перед пещерой моего отца,— ответила она.— Может быть, тогда Нат-ул и подумает о том, чтобы стать женой Худа. Впрочем, я забыла,— девушка внезапно перешла на крик,— Худ не ходит на охоту, он предпочитает оста-

ваться дома со стариками, женщинами и детьми, когда мужчины отправляются выслеживать Глу,— она особенно выделила слово «мужчины».

Юноша густо покраснел. Он совсем не был трусом — трусы на земле стали плодиться гораздо позже. Грубо схватив девушку за руку, он закричал:

— Худ докажет тебе, что он не трус! Он заставит тебя уйти вместе с ним и стать его женой. А если Ну, или Тха, или Ну, сын Ну, попробуют отобрать у Худа Нат-ул, Худ убьет их.

Говоря это, он тащил девушку к джунглям, которые лежали как раз между скалой и морем. Нат-ул сопротивлялась как могла, пытаясь освободиться, но Худ, закрыв одной мощной рукой ей рот, а другой обхватив за талию, продолжал двигаться вперед со своей добычей. Пройдя джунгли, он повернул вдоль берега на север. Здесь он опустил руку, зажимавшую девушке рот.

— Ты пойдешь со мной? — спросил он. — Или я должен тащить тебя целый день?

— По своей воле я не пойду, — заявила Нат-ул. — Иначе ни Ну, сын Ну, ни мой отец, ни мой брат не вправе будут убить тебя за то, что ты сделал. А сейчас у них это право есть, потому что ты увел меня насильно. Так делали только волосатые люди, жившие много времени назад, — они силой брали себе жен. Ты животное, Худ, и когда мои мужчины схватят тебя, они с тобой и расправятся как со зверем.

— Тебя ожидают ужасные страдания, — предупредил Худ, — поскольку, если ты не пойдешь со мной добровольно, племя убьет нашего ребенка.

— Никакого ребенка не будет, — решительно ответила Нат-ул, нащупывая под рыжей оленьей кожей рукоятку каменного ножа.

Худ нарочно держался поближе к берегу, чтобы его ненароком не заметили охотники на мамонта, возвращаясь из своего похода: ведь они тоже двинулись на север, хотя и с другой стороны джунглей, простиравшихся параллельно морю до самого подножья Бесплодных Скал.

Солнце было уже в зените, когда Худ потащил свою пленницу вверх по крутому склону Бесплодных Скал, которые юноша решил перейти, чтобы на той стороне найти безопасное убежище. Он знал, что после совершенного им поступка ему, возможно, не удастся вернуться в племя в течение целой полной луны. Да и тогда

он не сможет чувствовать себя совершенно спокойно, потому что в племени Ну уже на протяжении многих поколений не брали жен насильно. Люди верили, что у женщин, которые выходят замуж по собственному выбору, дети рождаются более красивыми, физически крепкими и смелыми, чем у тех матерей, которые не многим отличаются от пленниц или рабынь. Тем не менее Худ надеялся, что ему удастся убедить Нат-ул сказать, что она убежала с ним добровольно, и тогда ни один человек не сможет возразить против их брака. Но на это может потребоваться много дней.

С вершины Бесплодных Скал было видно далеко на север. Взору открывался совсем иной вид, чем с южной стороны. Внизу расстилалась огромная равнина с разбросанными по ней точками случайных деревьев. Неподалеку широкая река, берега которой заросли дикими джунглями, впадала в море. На равнине посреди высокой травы и диких злаков паслись стада антилоп и бизонов. Попадались здесь и овцы, а дальше, в джунглях, обитало множество диких боровов. Стоило кому-нибудь из хищников появиться на равнине, как все травоядные тут же обращались в паническое бегство. Блея, мыча, повизгивая или хрюкая, они неторопливо слонялись по равнине, то в очередной раз принимаясь жевать, то занимаясь любовью, только тогда, когда были уверены, что им ничто не угрожает. Да и куда бежать от кровожадных хищников? Ими кишмя кишат все окрестности, и, убегая от одного, непременно нарвешься на другого.

Худ повел Нат-ул вниз по северному склону Бесплодных Скал, подыскивая пещеру, в которой они могли бы временно обосноваться. На полпути между вершиной и подножием горы он нашел то, что искал. Земля перед входом в пещеру была усыпана обглоданными костями антилоп, бизонов и даже мамонта. Худ крепче сжал в руке копье. Это было логово Ура, пещерного медведя. Юноша поднял кость и бросил ее вовнутрь, в мрачную темноту. Ответного рычания не последовало — значит, Ура не было дома.

Он втолкнул Нат-ул в пещеру, а затем подкатил к входу несколько больших валунов — этого вполне достаточно, чтобы преградить огромному медведю вход в его дом. После этого юноша прополз внутрь через маленькое отверстие, которое оставил. В царившем в пещере сумраке он разглядел застывшую в дальнем конце фигуру Нат-ул. Худ направился к девушке.

ОГРОМНЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ.

Когда Ну, сын Ну, пришел в себя, лучи солнца уже пробивались сквозь щели в обломках камней, заваливших вход в пещеру, где юношу застигло землетрясение. Хотя дикарь все еще туго соображал, он, усевшись, тут же принялся шарить глазами по сторонам в поисках Нат-ул. Не обнаружив девушки, Ну вскочил на ноги и тщательно обшарил каждый угол своего убежища. Все тщетно — Нат-ул нигде не было! С минуту юноша стоял, приложив руку ко лбу, погруженный в глубокие раздумья. Он пытался до мелочей припомнить все, что произошло с ним в последнее время.

Наконец он вспомнил, что покинул селение своего племени, отправившись на поиски Оо, так как уже давно намеревался сделать это, чтобы, убив свирепого зверя, принести и положить его голову возле пещеры Нат-ул, дочери Тха. Но с чего он взял, что Нат-ул должна быть вместе с ним здесь, в этой пещере? Ну провел рукой по глазам, как будто пытаясь отделаться от каких-то назойливых видений. Увы, они продолжали мелькать в хаотическом беспорядке перед его мысленным взором — невиданные звери и незнакомые люди, а среди них — он и Нат-ул, блуждающие в странном, непривычном мире.

Ну встряхнул головой и даже несколько раз топнул ногой. Это же просто смешной сон! Правда, землетрясение ему не приснилось — оно, действительно, было вчера ночью. Это, а также то, что Ну оказался замурован заживо, представлялось очевидным фактом. Юноша вспомнил, что не застал Оо в его логове, а когда начались подземные толчки, он бросился в пещеру зверя в поисках убежища.

Затем внимание дикаря привлекла груда камней, завалившая вход в пещеру. Увидев, что она состоит из небольших обломков, он облегченно вздохнул и принялся разбирать кучу. Он убирал одни камни, а сверху тотчас сыпались другие. Пещера была уже наполовину завалена обломками, когда Ну удалось, наконец, проделать отверстие, через которое можно было протиснуться наружу.

Оглядевшись по сторонам, пещерный человек обнаружил, что землетрясение наделало не слишком много бед. Правда, вершина скалы рухнула вниз, и обломки ее

рассыпались повсюду. Они валялись на выступах и у подножия крутого склона.

В течение многих лет здесь находилось логово Оо. Здесь и искал его Ну, решивший преподнести своей невесте величайший из охотничьих трофеев. Однако сейчас вход в пещеру закрывали обломки скалы, и Оо придется, очевидно, поискать себе другое логово — может быть, даже очень далеко от здешних мест. Этого нельзя было допустить. Как же тогда Ну сможет выследить тигра? Дикарь не собирался давать хищнику возможность уйти, ибо, как мы уже говорили, имел на его голову свои виды.

Поэтому Ну немедленно приступил к работе. Несколько часов потребовалось ему, чтобы разобрать завал у входа в пещеру и расчистить от камней ближайший горный выступ. Трудясь в поте лица, юноша постоянно держал под рукой свое копье, каменный топор и нож — ведь Оо мог появиться в любую минуту. А поскольку огромная кошка двигалась почти фантастически бесшумно и появлялась всегда неожиданно, надо было и быть постоянно начеку. Наконец дикарь закончил свою работу и отправился вперед, выискивая добычу на завтрак.

Он твердо решил дожидаться прихода саблезубого тигра и прикончить его, чего бы это ни стоило. Разве не начинали смеяться мужчины и женщины племени, когда он возвращался с охоты на Оо с пустыми руками? Никто не сомневался в искренности его стремления померяться силами со свирепым зверем, поскольку никто не сомневался в мужестве Ну, и тем не менее юноша испытывал страшное унижение, возвращаясь домой не с головой своего врага, а с извинениями, что опять не смог его найти.

Едва Ну удобно устроился на ветке дерева, с которого ему были хорошо видны все подходы к логову тигра, как острый слух юноши уловил звуки, свидетельствующие о том, что кто-то движется сквозь джунгли позади него. Поскольку ветер дул в противоположном направлении, чутье дикаря ничего не могло подсказать ему. Пристально глядя в сторону, откуда раздавался шум, Ну всеми возможными способами старался выяснить, кто бы это мог быть. Надо было определить пришельцев еще до того, как они почувствуют его запах.

Вот наконец двое мужчин появились среди зарослей. Это были Ну и Тха, отправившиеся на поиски юноши.

Узнав идущих, Ну радостно поприветствовал их.

— Куда направляются Ну и Тха? — поинтересовался он, когда мужчины остановились под деревом, на котором он сидел.

— Они ищут Ну, сына Ну, — ответил ему отец. — Теперь, найдя его, они отправятся назад, к пещерам племени Ну. И Ну, сын Ну, пойдет вместе с ними.

Юноша пожал своими широкими плечами.

— Ну, сын Ну, останется здесь, чтобы дожидаться Оо и убить его, — заявил он.

— Спускайся и пойдем с нами, — настаивал старик. — Люди племени Ну покидают сегодня свои жилища и отправляются на поиски новых мест, где земля не трясется и не падают скалы.

Ну легко прыгнул на землю.

— Скажите мне, в каком направлении двинется племя, — предложил Ну, сын Ну, — чтобы я смог присоединиться к вам, когда расправлюсь с Оо. Если сегодня он не вернется в свое логово, завтра я отправлюсь вслед за вами.

Отец дикаря на минутку задумался. Доблесть и мужество сына вызывали у него чувство гордости. Когда юноша возвращался домой с головой людоеда или мамонта, старик ликовал не меньше, чем сам охотник. Он понимал и то, что Ну будет чувствовать себя опозоренным, если его снова заставят вернуться без добычи. Он положил руку сыну на плечо.

— Ладно, оставайся, сын, — согласился он. — Оставайся до следующего солнца. Племя пойдет на север мимо Беспокойного Моря по ту сторону от Бесплодных Скал. Из-за стариков и детей мы не сможем двигаться слишком быстро, и тебе не составит труда нагнать нас в пути. Если же ты не придешь, это будет означать, что Оо оказался сильнее сына Ну.

И, не произнеся больше ни слова, Ну и Тха повернулись и двинулись назад, к пещерам, а Ну, сын Ну, снова забрался на дерево, на свой насест.

Весь день он дожидался возвращения Оо. Человекообразные обезьяны, большие и маленькие, сновали снизу, сверху и сбоку от него. Иногда, проходя мимо, они обменивались с ним словом-другим. Внизу под деревом устроился на ночлег мохнатый носорог. Стая гиен прокралась с плато над скалами. Они окружили спящего птеродактиля. Огромное животное открыло свои маленькие глаза и вскочило на ноги, закрутившись так, что

поднялся ветер. Затем он в ярости бросился прямо на завывших гиен. Трусливые гиены помчались в сторону и спрятались за громадным носорогом. С быстротой кошки огромный зверь повернулся, пробудившись ото сна. Он повел своей головой, и один из его мучителей оказался отброшенным далеко в сторону, разодранный огромным рогом, насквозь пробившим его тушу. Как только носорог успокоился, гиены снова подобрались к нему. Повторилась прежняя история. Еще долго Ну слышал дикое ворчание окружающих добычу зверей, и вопли, которыми оглашались джунгли, когда носорог в очередной раз расправлялся с кем-нибудь из своих мучителей.

Потом возле скалы загрохотал пещерный медведь. У входа в пещеру Оо он остановился, осторожно принюхиваясь и издавая рычание, выражающее ненависть и гнев. Ну ждал ответного рыка давнего врага Ура, но его не последовало. Ну пожал плечами. Стало быть, Оо где-то далеко, иначе он ни за что не оставил бы вызов Ура без ответа.

Медведь двинулся дальше, к подножию скалы. Он приближался к дереву, на котором сидел Ну. На краю джунглей зверь остановился. Ну пристально наблюдал за ним. Если не голова Оо, то, может быть, голова Ура? Юноша теперь не сомневался в том, что сегодня Оо уже не вернется в свое логово, поскольку было уже довольно поздно. Да и будь саблезубый тигр где-нибудь поблизости, он бы обязательно откликнулся на голос пещерного медведя.

Ну легко спрыгнул на землю с противоположной от Ура стороны. В правой руке он сжимал свое длинное мощное копьё. В левой у него был каменный топор. Он приблизился к огромному зверю сзади. Лишь когда юноша находился в нескольких шагах от медведя, тот заметил его. Никто в джунглях не умеет двигаться так бесшумно, как первобытный человек.

Ур устался на дикаря, но в этот самый момент Ну могучей мускулистой рукой метнул копьё в зверя. Тот как раз двинулся вперед, желая схватить легкомысленное существо, дерзнувшее напасть на него. Копьё пронзило животному грудь, глубоко войдя в его мохнатую тушу.

Ну оставался на прежнем месте, выжидая и перебрасывая каменный топор из одной руки в другую. Пещерный медведь, встав на задние лапы, двинулся на человека,

Свирепо разинув пасть и раскинув лапы, он приближался, делая время от времени попытки ухватить древко торчавшего из его груди копья. Он так рычал от ярости и боли, что, казалось, земля должна содрогнуться.

Когда зверь занёс над ним передние лапы, Ну ловко извернулся и, замахнувшись, нанес удар медведю по голове, после чего мгновенно отскочил в сторону. Разъяренный Ур повернулся и снова двинулся на юношу. Именно этого и ждал Ну. Подпустив медведя поближе, он нанес ему последний, решающий удар топором по лбу, прямо между глаз.

Оглушенный Ур покачулся и рухнул на землю. Этим немедленно воспользовался Ну, который, одним прыжком оказавшись рядом с раненым зверем, прикончил его. Он не терял ни минуты. Отбросив топор, он набросился на зверя с каменным ножом, который несколько раз вонзил медведю прямо в сердце. Так и не успев прийти в сознание, медведь испустил дух.

Примерно полчаса понадобилось Ну на то, чтобы отчленить голову Ура. Затем юноша стал сдирать со зверя шкуру. Со своими примитивными орудиями он действовал проворнее, чем современные люди, вооруженные острыми стальными ножами. Не прошло и часа, как, содрав шкуру, Ну свернул ее и срезал с медведя большой кусок мяса. Собрав сухих листьев и веток, он развел огонь. Для этого он взял кусок твердого дерева и, вставив его заостренным концом в небольшое отверстие в другом куске дерева той же породы, принялся энергично вращать. Когда огонь разгорелся, Ну нанизал мясо на небольшую ветку и, покручивая его над огнем, приготовил себе ужин. Поглощая полусырое, закопченное жаркое, Ну чувствовал себя удовлетворенным: он победил могучего и опасного противника и вполне заслужил хороший ужин.

Утолив голод, Ну взвалил шкуру на плечи и отправился в обратный путь. Он двинулся прямо к скалам у Беспокойного Моря, поскольку не знал, покинуло ли уже племя насиженные места в поисках более спокойной земли или нет. Когда он вышел из джунглей к подножию скалы, была уже ночь. Беглого взгляда ему оказалось достаточно, чтобы понять: вождь Ну уже увел людей отсюда. Юноша забрался в пещеру, решив в последний раз переночевать дома. Утром он легко и быстро нагонит соплеменников.

Двигаясь по пещере в сторону Нат-ул, Худ ожидал, что девушка начнет сопротивляться, поэтому он пригнулся и вытянул вперед руки, готовясь к борьбе. Конечно, поднимать руку на Нат-ул ему не очень хотелось, но иного выхода не было.

— Худ,— неожиданно произнесла девушка.— Если я добровольно стану твоей, ты обещаешь всегда ласково обращаться со мной?

Юноша остановился в нескольких шагах от своей жертвы. Все складывается не так уж скверно, подумалось ему. Его совсем не прельщала перспектива взять в жены тигрицу, и он готов был с радостью пообещать, что угодно. А уж сдержит он впоследствии свое слово или нет, будет видно.

— Худ будет добрым супругом,— ответил он.

Девушка шагнула к нему, и Худ торопливо распростер свои объятия, готовясь заключить в них Нат-ул. Он не видел, что в правой руке она сжимает каменный нож. Об истинных намерениях Нат-ул Худ догадался лишь тогда, когда что-то острое вонзилось ему в спину ниже левого плеча. Худ попытался освободиться от объятий девушки, сопротивляясь изо всех сил, но она держала его железной хваткой и вновь и вновь вонзала в него нож.

Пальцами он попробовал ухватить ее за горло, но острыми зубами девушка вцепилась в его руку. Тогда, размахнувшись свободной рукой, он ударил ее по лицу. А в следующее мгновение нож пронзил ему сердце, и, издав тяжелый предсмертный стон, Худ опустился наземь.

Не медля ни минуты и даже не выяснив, ранен Худ или убит, Нат-ул рванулась к выходу из пещеры. Она быстро мчалась по Бесплодным Скалам и скоро оказалась в долине на другой стороне. По берегу девушка направилась к поселению своего племени, и не подозревая о том, что к этому моменту люди Ну уже покинули свои жилища, двинувшись на поиски новой земли. По пути они разминутись с девушкой всего на полмили. Вождь повел свое племя по дальней стороне джунглей, чтобы подобрать по дороге возвращающихся из похода охотников на мамонта. Уже настала ночь, когда Нат-ул, добравшись наконец до пещер, обнаружила, что в селении нет ни души.

Голодная и уставшая, она заползла в одну из маленьких пещер, высоко на склоне. В ночной темноте не было никакого смысла пытаться отыскать след ушедшего племени. К тому же в одиночку она была почти беззащитна против многочисленных хищников, под покровом ночи подстерегающих добычу.

Девушка уже задремала, как вдруг внезапно ее разбудил странный звук — будто кто-то двигался по склону скалы. Она лежала, едва дыша, и внимательно прислушивалась. Кто это мог быть: человек или зверь? Судя по звукам, неизвестный поднимался все выше и выше. Она поняла, что он — или оно? — обшаривает все пещеры. Еще несколько минут — и он доберется до ее убежища.

Нат-ул покрепче сжала в руке нож. Звуки доносились уже с выступа скалы, находившегося прямо под ней, но вдруг затихли. Затем они послышались снова, но, к великому облегчению девушки, неизвестный двинулся в обратном направлении, вниз по круче. Вскоре все стихло, но Нат-ул еще долго не могла успокоиться. Лишь через несколько часов она погрузилась в глубокий сон.

* * *

На рассвете Ну, сын Ну, проснулся. Он поднялся и, сладко потянувшись, вышел из пещеры. Яркий свет солнца ударил ему в глаза. В пятидесяти футах над ним спала девушка, которую он любил больше всего на свете. Прихватив оружие и медвежью шкуру, Ну спустился к источнику. Утолив жажду, он двинулся сквозь джунгли к морю. Здесь он сбросил набедренную повязку и взваленную на плечи шкуру и положил их на камень. В правой руке юноша сжимал нож, чтобы при необходимости защититься от населяющих Беспокойное море громадных рептилий. С наслаждением купаясь, Ну ни на минуту не терял бдительности и внимательно оглядывал воду и берег, готовый в любой момент встретиться с врагом. Страх в нем не было, ибо он не знал иной жизни, кроме этой. Он привык к тому, что в любой момент надо быть готовым защищать себя от какого-нибудь кровожадного обитателя моря, джунглей или гор. Ему это казалось естественным и нормальным. Вы, читатель, или я, окажись мы вдруг в первобытных джунглях, наверное, не выжили бы там и единого дня. Точно так же и Ну, попав

на угол 5-ой авеню и 33-ей улицы, в течение нескольких часов, пожалуй, мог бы продержаться, но рано или поздно все равно оказался бы сбит троллейбусом или такси.

Закончив купание, троглодит надел набедренную повязку и взвалил на плечи шкуру, взял оружие и двинулся по следу своего племени. И снова проходя у подножия скалы, юноша не знал о том, что наверху, над ним, спит сейчас его любимая девушка, ничего не подозревая о его присутствии.

Когда Нат-ул наконец проснулась, солнце было уже высоко. Девушка осторожно спустилась по склону скалы и огляделась по сторонам. В течение нескольких минут она прислушивалась, пытаясь уловить звуки, говорящие о местонахождении ее племени. Воздух был наполнен обычным шумом джунглей и моря.

Утолив жажду студеной водой из источника, Нат-ул двинулась в джунгли, надеясь найти какую-нибудь пищу, так как была голодна. Ей удалось отыскать кое-какие плоды и овощи, наловить кузнечиков, гусениц и маленьких грызунов, да вдобавок разжиться яйцами птиц и рептилий. Девушке не понадобилось много времени, чтобы утолить свой аппетит. Природа в те времена была куда более щедрой, чем сейчас. Правда, и желудки у людей и животных тех незапамятных времен были покрупнее наших.

Сквозь джунгли Нат-ул прошла на берег. Ей очень хотелось искупаться, но в одиночку она не рискнула. Она стояла возле моря, раздумывая, в каком направлении ушли люди ее племени. Девушка знала, что обычно они, отправляясь в путешествие — все равно на юг, или на север, — предпочитали двигаться по утоптанному прибрежному песку, ибо это было проще, чем продираться сквозь заросли джунглей. Однако приливом уже смыло все их следы.

Стоя на берегу моря и пытаясь продумать, как действовать дальше, Нат-ул решила, что если племя ушло на север, то она должна была столкнуться с ним вчера, возвращаясь с Бесплодных Скал. А поскольку они не встретились, значит, вождь Ну повел своих людей на юг.

И, повернувшись, Нат-ул двинулась на юг, не ведая о том, что все дальше удаляется от людей своего племени и от Ну.

СТРОИТЕЛИ ЛОДОК

Бредя на юг, Нат-ул держалась берега. Справа были джунгли, а слева простиралось до неизвестных ей пределов огромное море. Ей казалось, что она на краю земли — там было море, только море, пугающее море. На юго-востоке виднелись очертания островов. Это были хотя и таинственные, но все же знакомые вещи. Они частенько служили предметом разговоров ее народа. Что там? Живет ли кто-нибудь там? А если живет, то похожи ли они на мужчин и женщин? Для Нат-ул они были исполнены той же романтической тайны, что звезды и планеты для нас, но знала о них она еще меньше, чем мы о бесчисленных сверкающих островах безмолвного космического океана — для Нат-ул острова были дальше, чем для нас Марс. Лодка для Нат-ул была не меньшим чудом, чем например, телескоп.

Впереди, за небольшим холмиком человек пятьдесят-шестьдесят мужчин, женщин и детей были чем-то заняты на берегу ручья, впадавшего в море. Когда Нат-ул поднялась на холм и взгляд ее упал на незнакомцев, она тотчас же легла на землю и отползла за куст. Оттуда она принялась наблюдать за странными занятиями этих людей. Было совершенно очевидно, что они пришли сюда недавно, причем после долгого перехода. Они во многом отличались от всех, кого ей доводилось до сих пор встречать. Одеты они были в шкуры самых безопасных зверей — тех, что едят траву. Головы украшали рога буйволов и антилоп, что как ни странно, придавало им довольно-таки устрашающий вид.

Но наибольшее удивление у Нат-ул вызвали их жилища и работа, которой они все занимались. Их пещеры вовсе не были пещерами. Они были сделаны из длинных молодых деревьев, воткнутых в землю и скрещенных наверху и покрытых шкурами и ветками или пальмовыми листьями, а то и листьями растений, напоминающих слоновьи уши.

Оружие тоже было непохоже на знакомое Нат-ул. Каменные топоры были другой формы, а копья гораздо короче и толще, конец копья был острее. Кроме того, к нему был привязан конец длинной, сплетенной из сухожилий веревки, другой конец которой, свернутый, был закреплен на боку у воина. Нат-ул ничего не знала о лю-

дах, живущих рыболовством. Ее народ часто ловил рыбу. Иногда рыбу ловили и с помощью легких копий, но рыбная ловля не считалась делом. Поэтому она не могла знать, что копья незнакомого племени были предназначены для двух целей: служить и оружием и гарпуном.

Но больше всего ее заинтересовало занятие чужого племени. Они срубили несколько больших деревьев разной длины, от пятнадцати до двадцати футов. Обрезали и обожгли их, затем каменными топорами сняли кору и твердый слой древесины с верхней поверхности бревен. Мягкую губчатую сердцевину они выскабливали и затем разводили внутри бревен огонь.

Нат-ул только диву давалась. Она видела, что мужчины и женщины очень внимательно следили за огнем, заливая водой любую искорку, грозившую проникнуть слишком далеко от центра дерева. Пламя уходило все глубже и глубже, пока не осталась лишь тонкая оболочка затвердевшего от огня дерева.

Девушка была настолько поглощена этим странным зрелищем, что не заметила, что из джунглей позади и несколько правее ее вышел высокий молодой воин. На плечах его была косматая бизонья шкура, хвост которой волочился за ним по земле. На голове его был поставлен череп буйвола — примитивный вариант шлема — таким образом, что короткие толстые рога приходились на виски.

Спереди шкура расходилась, открывая его хорошо сложенное, мускулистое тело, прикрытое лишь набедренной повязкой из оленьей шкуры, за которую были заткнуты каменный нож и топор. В правой руке он держал крепкий гарпун, у пояса была свернута веревка из жил.

Он постоял несколько минут, следя за девушкой и горящими глазами разглядывая ее красивый профиль и тонкую, изящную фигуру. Затем очень осторожно, крадучись, стал подходить все ближе. Это был Тур из племени Строителей Лодок. Никогда в жизни Тур не видел такой красивой женщины. Смотреть на нее значило желать ее. Тур должен был заполучить ее. Он уже был совсем рядом, когда у него под ногой хрустнула сухая ветка.

Нат-ул вскочила как испугнутая антилопа. В тот же момент Тур бросился, чтобы схватить ее. С одной стороны от нее был он, с другой — лагерь, за которым она наблюдала. Броситься в сторону лагеря означало не-

мунуемый плен. Она стрелой бросилась в сторону Тура, прямо в его протянутые к ней руки, но когда он сомкнул их, оказалось, что он обнимает воздух. Нат-ул проскочила под его руками и понеслась на север как испуганная лань.

Тур бросился за ней, призывая ее остановиться, но страх только придал силы Нат-ул. Тур следовал за ней, отставая шагов на сто. Он знал, что какое-то время она будет в силах опережать его, но потом его могучие мускулы возьмут свое. Уже сейчас она стала бежать медленнее. Расстояние между ними больше не увеличивалось. Скоро оно начнет сокращаться. Он настигнет ее и тогда!..

На север от Бесплодных Скал Ну нагнал племя отца своего Ну. Он догнал их в период отдыха, и когда он явился, то заметил, что они чем-то смущены. Молодые женщины смотрели на него с печалью. Молодые друзья-воины не улыбались в ответ на его приветственное обращение к ним по именам.

Как полагалось возвращающемуся воину он направился прямо к Ну, отцу своему. Вождь сидел с Тха у небольшого костра, на котором жарилась обмазанная глиной белая куропатка.

Его отец поднялся и приветствовал его. При виде сына старик явно обрадовался, но улыбка так и не появилась на его лице. Он взглянул на голову и кожу Ура.

— Оо не вернулся? — спросил он.

— Оо не вернулся, — ответил сын.

Ну, сын Ну, оглядел присутствующих женщин, детей и смущенных воинов. Он обнаружил, что ее здесь нет. Его мать и сестра Уна подошли и поцеловали его.

— Где Нат-ул? — спросил Ну.

Мать и сестра переглянулись и посмотрели на отца. Ну, вождь, взглянул на Тха. Тха поднялся и подошел к юноше. Он положил руку ему на плечо.

— С тех самых пор как мать родила тебя, — произнес он, — я любил тебя, больше тебя я любил только моего сына Ахта. Однажды я испытал надежду, что ты станешь моим сыном, потому что увидел, что ты любишь Нат-ул, мою дочь. Но Нат-ул ушла с Худом. Мы не знаем как это случилось, но Ра-эль, дочь Кора, сказала, что она ушла охотно.

Он замолк.

— Это ложь! — закричал Ну, сын Ну. — Нат-ул никогда не пошла бы по собственному желанию ни с Худом, ни с кем-либо другим. Когда они ушли? Куда они пошли? Скажите мне, и я приведу Нат-ул, если она жива, и она сама скажет, что Ра-эль говорит неправду. Я приведу ее назад, если она еще жива, но если она не освободилась от Худа, значит, она мертва, потому что она скорее умрет, чем сочетается с кем-нибудь, кроме Ну, сына Ну. Я сказал. Какой дорогой они пошли?

Никто сказать ему этого не мог. Все, что они знали, — когда они все покинули свое старое стойбище, Худа и Нат-ул среди них не было, а потом Ра-эль сказала, что они убежали вдвоем. Когда он принялся расспрашивать Ра-эль, то не добился ничего нового. Она упорно утверждала, что Нат-ул ушла охотно.

— И охота же Ну, сыну Ну, быть таким дураком, чтобы следовать за женщиной, которая выбрала себе другого, когда есть красавицы, которых Ну, сыну Ну, достаточно только позвать? — заявила она.

Эти слова открыли юноше причину ее утверждения, что Нат-ул убежала с Худом по собственному желанию, и он еще больше утвердился во мнении, что девушка сказала неправду. Слова эти вызвали в его памяти множество мелких случайностей, на которые он раньше не обращал внимания, очарованный прелестью Нат-ул. Было очевидно, что Ра-эль хотела, чтобы Ну достался ей самой.

Юноша вернулся к отцу.

— Я иду, — сказал он, — и не вернусь, пока не узнаю правду.

Старик положил руку сыну на плечо.

— Иди, сын мой, — промолвил он, — сердцем отец с тобой.

В молчании Ну, сын Ну, направил свои шаги на юг к Бесплодным Скалам. Он намеревался вернуться к прежнему месту поселения своего народа и там разыскать следы Худа и Нат-ул. Сердце его пылало гневом при мысли о подлом поступке Худа. Племя Ну в своем развитии уже далеко ушло от животных. Им были уже известны определенные права собственности, в том числе неотъемлемые права мужчины на подругу, и даже более, неотъемлемые права женщины на друга жизни, выбранного ею. Ну ни на секунду не мог поверить в то, что избранником Нат-ул стал Худ. Он знал смелую натуру девушки, и зная ее, понимал, что если бы она действи-

тельно предпочла Худа, то проявила свои намерения открыто, перед всем племенем. Нет, Нат-ул никогда не сбежала ни с одним мужчиной, даже с ним самим.

Уже на полпути, в Бесплодных Скалах, внимание Ну привлек слабый стон, послышавшийся из пещеры с правой стороны. У него не было времени предаваться радостям охоты, но в звуке было что-то человеческое, поэтому он замер и прислушался. Стон повторился. Нет, сомнений не было — подобный звук мог издавать только человек. Ну осторожно подобрался ко входу в пещеру, из которой доносился стон. У входа он резко остановился, настолько поразило его увиденное.

Его глазам в скудном свете, попадавшем в пещеру через входное отверстие, предстал Худ, лежащий в луже крови. Дышал он с трудом. Ну позвал его по имени. Худ открыл глаза. Когда он увидел, кто стоит над ним, то слабо пожал плечами и затих, как бы говоря, что ничего уже со мной не сделаешь — хуже уже не будет.

— Где Нат-ул? — спросил Ну.

Худ качнул головой. Ну встал около него на колени и приподнял его голову.

— Эй, где Нат-ул? — закричал он, тряся умирающего. — Скажи, пока жив. Я не спрашиваю, по своей воле она пошла с тобой или нет — я знаю, что нет — я спрашиваю только, что ты сделал с ней? Где она? Жива ли она? А если жива, то где она?

Худ попытался заговорить. Это ему дорого обошлось, но несколько слов ему прошептать все же удалось.

— Это — она — сделала, — задыхаясь, прохрипел он. — Потом — ушла. Не знаю... — он задохнулся и умер.

Ну опустил его на каменный пол пещеры и выбежал. Он принялся обследовать поверхность скал, опускаясь даже время от времени на четвереньки и принюхаваясь к следам.

Приблизительно через полчаса, после многих повторных проверок поверхности скал, Ну пересек Бесплодные Скалы и направился к берегу Беспокойного Моря.

Здесь, как он и ожидал, следов маленьких сандалий Нат-ул было достаточно много, особенно четко они отпечатались в местах залегания особенно мягкой глины и на песке выше линии прилива. Следы вели на юг, и Ну, тоже поспешил на юг. Следы вели прямо к старой стоянке. Ну обнаружил, что Нат-ул провела ночь в пещере над тем местом, где он спал. Там осталась постель из травы и следы нежного аромата, который нам бы ни-

когда и не учуять, а для Ну он был совершенно четок и знаком.

Его охватило глубокое сожаление, когда он осознал, что Нат-ул была так близко, а он невольно допустил, что она оставалась в одиночестве, без защиты среди бесчисленных опасностей их дикого мира, и более того, — пошла одна навстречу мириадам иных опасностей.

Вернувшись к подножию скалы, он нашел еще один след девушки. И снова его путь лежал на юг, вдоль берега. Он торопливо шел по нему, пока он не закончился у кустов на небольшом холмике. Прежде чем Ну осознал, что следы кончились, он увидел деревню и людей, предававшихся, с его точки зрения, странному занятию. Он знал, что и Нат-ул остановилась здесь несколько часов назад по той же причине, увидел он, где она лежа наблюдала, точно так же как он сейчас. В течение нескольких минут он пристально вглядывался в группку хижин из шкур и пальмовых листьев, пытаясь найти признаки того, что Нат-ул находится там в плену.

Ну никогда не видел лодок, и даже не догадывался, что они существуют на белом свете. Его народ был с незапамятных времен занят только охотой. Племя его спустилось с дальнего огромного плато только несколько поколений тому назад. Тогда-то в первый раз его предки увидели океан. Но все равно, до сих пор у них не было необходимости бороздить его воды, не вступали они и в контакт с племенем Строителей Лодок, плавающим далеко на юг по реке, впадающей в Беспокойное Море.

Именно сейчас Ну и увидел впервые и лодки и Строителей Лодок. В первый раз увидел он и сооруженные людьми хижины, и Ну они показались непрочными и неудобными по сравнению с вечными пещерами. Строители Лодок пробыли на этой стоянке всего несколько дней. Что привело их сюда, так далеко от их родового поселения, расположенного южнее? Быть может, междоусобицы или какая-то новая сила погнала их в бесконечные странствия по свету — первобытная любовь к путешествиям, от которой страдаем частенько и мы, не в силах преодолеть ее.

Ну видел, что среди работавших быстрее всех с работой справлялся молодой гигант. Его торопливость граничила с неистовством. Ну заинтересовало, что может заставить затрачивать столько усилий на возню со стволом поваленного дерева. Ну такого рода работа не нравилась. Он, правда, никогда не занимался ничем, кро-

ме охоты, но интуитивно чувствовал, что эта работа ему неприятна. Он был охотник, воин, и даже в его примитивном, неискушенном сознании уже возникло своего рода презрение к нудной тяжелой работе. Устав наблюдать, он вновь обратил внимание на следы, по которым он следовал. Куда же пошла Нат-ул после того, как лежала позади этих кустов?

Ну ползал вокруг, пока не увидел признаки того, что девушка была вынуждена вскочить и умчаться. Затем он обнаружил и следы Тура. Кровь его закипела. Она горячо запульсировала в висках: Нат-ул, его Нат-ул в опасности!

Он увидел где девушка ускользнула от мужчины. Увидел он и четко отпечатавшиеся на песке следы Тура, помчавшегося вдогонку. Увидел он и то, что оба стремительно неслись вдоль берега в северном направлении — мужчина преследовал девушку, а затем, к своему удивлению, он обнаружил, что мужчина внезапно остановился, сделал несколько шагов вперед, постоял, глядя в сторону моря, затем повернулся и с сумасшедшей скоростью помчался в сторону странной деревни.

Следы девушки шли к северу уже в одиночестве — с мужскими их разделяло шагов сто. Ну следовал по ним с легкостью — они были свежие и четкие, единственные на полосе гладкого белого песка.

Пройдя по четким отпечаткам быстрых ножек Нат-ул шагов сто, Ну резко остановился в изумлении. Отпечатки ног резко обрывались на середине пути между океаном и джунглями. Вокруг был нетронутый песок. Они просто прекратились и все. Следы не шли в обратном направлении, не шли к океану, не направлялись к джунглям. Они просто оборвались, как будто Нат-ул провалилась в яму. Но ямы не было. Ну остановился и внимательно огляделся. Вокруг не было даже признаков каких-либо живых существ. Куда же делась Нат-ул? Что с ней стало? Если бы следы мужчины кончались там же, где и ее отпечатки на песке, то Ну пришел бы к заключению, что просто мужчина нагнал ее, схватил и понес в свою деревню; но мужские следы заканчивались шагах в ста от места, где исчезли следы Нат-ул, и к месту ее исчезновения не приближались. А легкость его стремительного возвращения в деревню и неизменность отпечатков говорили о том, что ему не пришлось нести на себе тяжелую ношу.

Некоторое время Ну стоял в задумчивости, а затем

повернул обратно к деревне. Здесь он снова лег и принялся наблюдать — он был абсолютно уверен, что эти люди в какой-то степени ответственны за исчезновение Нат-ул. Они знали, где она, а кроме того, исходя из его собственного суждения о девушке, он знал, что любой мужчина, увидев ее, легко со своими притязаниями на нее не расстанется. Ну видел женщин этого незнакомого племени — по сравнению с его Нат-ул они выглядели как самки обезьян. Нет, мужчина должен продолжать погоню в надежде захватить великолепную девушку. Ну поймал себя на том, что пытается угадать, кто из мужчин охотился на Нат-ул. Что-то подсказывало ему, что это должен был быть молодой гигант, что так лихорадочно трудился, а поэтому Ну принялся следить за ним особенно внимательно.

Наконец Тур закончил свою лодку. Древесина, которую Строители Лодок выбирали, отличалась, особенно в середине, мягкостью, поэтому легко выжигалась и долбить ее тоже было нетрудно. Огонь, что они разводили в выдолбленном стволе, исполнял сразу две функции — выжигал наиболее твердые верхние слои и укреплял оставшийся тонкий слой. В результате челноки были одновременно легкими и прочными.

Когда Тур закончил, он позвал нескольких соплеменников. Они подошли и помогли Туру спустить челн на воду. Одна из женщин тоже подошла к нему, неся длинную палку, один конец которой был толще другого. Толстый конец был плоский. Это было весло. Тур забросил его в лодку и пробежав линию прибоя, спустил свою лодку на гребень откатывающейся волны, вскочил в челнок и бешено выгребая веслом, одолел следующую накатывающуюся волну.

Ну следил за ним, широко раскрыв глаза. Уважение его к парню стремительно росло. Вот это спорт! Он не мог не признать, что это требует ловкости и смелости. Только храбрец может выдержать опасности, ожидающие его в этих страшных водах. Ну увидел, что он правит прямо в открытое море. Правда, вдали были видны острова. Доберется ли он до них? Ну с детства относился к этой далекой земле как к чему-то окруженному тайной. Этот народ нашел к ней дорогу. Ну научился многому — аэроплан изумил бы его меньше, чем эта грубая долбленка.

Некоторое время он следил глазами за человеком в лодчонке. Они становились все меньше и меньше, по

мере того, как ветер, волны и мощные удары веслом отнесли лодку все дальше в море. Теперь Ну вновь обратил внимание на остальных. Они тоже торопливо заканчивали свои лодки. Работая, они перебрасывались словами, голоса их звучали возбужденно, поскольку приходилось перекрикиваться через достаточно большое расстояние. Время от времени до Ну доносились их слова. Язык был понятен. Внимательно прислушавшись, он понял, что они говорили об отпльвшем и его отваге. Ну хотел услышать больше. Он осторожно пробрался сквозь густую растительность к полянке, на которой чужаки мастерили свои суденышки. Выбравшись из гущи спутавшихся между собой ползучих растений, закрывавших его, он сумел рассмотреть стоянку гораздо подробнее. Он увидел, что деревня была окружена кольцом пепла и золы — следы ночных костров, предохранявших от хищников. Увидел он и костры перед каждой хижинной, на которых готовили пищу. Увидел женщин и детей, мужское население деревни. Ничем особенным они не отличались, но одежда и оружие были не похожи на привычные Ну. Удивили его и глиняные горшки. Теперь он смог слышать их разговоры в подробностях.

— Должно быть, она красивая, — сказал какой-то мужчина, — иначе Тур не отправился через эту чужую воду к чужой земле искать ее, — и он ухмыльнулся, бросив понимающий взгляд на молодую женщину, кормившую грудью ребенка и продолжающую при этом чистить заостренным кремнем шкуру зубра, лежащую перед ней на земле.

Лицо женщины безобразно исказилось.

— Пусть он только ее притащит, — закричала она, — и красивой ей не быть. Я сделаю с ее лицом то же самое, — и она принялась неистово скрести шкуру.

— Тур очень рассердился, когда она сбежала от него, — продолжал мужчина. — Она была уже почти у него в руках, но он найдет ее, хотя я сомневаюсь, что от нее там что-нибудь осталось, что стоит привозить. Я думаю, что глупо Туру терять на это время.

Ну пришел в замешательство. Каким образом Нат-ул оказалась на далеких островах? По разговору он понял, что человек по имени Тур отправился за ней именно туда. Это невозможно. И все же по разговору же было ясно, что какой-то мужчина последовал за какой-то женщиной по воде к таинственным островам — женщиной, что

удивила его и за которой он охотился именно сегодня, и которая сбежала от него. Это могла быть только Нат-ул!

ГЛАВА 5

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НУ

Лодки все были готовы и мужчины принялись переносить их одну за другой к морю. Они складывали в них весла, топоры и гарпуны — точно так же, как это проделал перед ними Тур. Ну наблюдал за ними с лихорадочным интересом. Наконец все отправились в море, яростно выгребая против волн прибоя. В несколько более спокойных водах поодаль от берега лодки разделились и повернули в разных направлениях. Никто из них на острова явно не собирался. Ну увидел, как один из мужчин внезапно поднялся в лодке и метнул свое копье в воду. Моментально около лодки началось волнение. В каждой из лодчонок сидело по трое человек, двое в лодке, за которой наблюдал Ну принялись бешено грести прочь от того, что начало биться в море позади их. Ну догадался, в чем дело. Копье попало в какое-то огромное существо и началась битва. Было слишком далеко, чтобы видеть все в деталях, но Ну разглядел, что лодку тянет в открытое море. Затем он увидел, что лодку подтянуло ближе и с борта полетело в беснующеся существо еще одно копье. Тогда он понял, почему этот народ носил свои гарпуны на таких длинных веревках. Затем в лодке началось смятение: жертва принялась преследовать охотников. Мощный плавник стремительно взлетел над водой и со страшной силой обрушился на лодку. Остальные лодки поспешили к месту битвы, но не успели они добраться, как на спокойной поверхности моря оставались лишь два обломка долбленки и голова и плечи лишь одного из сидевших в челноке, вцепившегося в один из них. Через несколько минут его втащили в другую лодку, и маленький флот вновь принялся разыскивать добычу.

Вскоре он исчез за мысом, и только одна лодка осталась рыбачить недалеко от деревни. Судя по всему, люди в ней искали добычу менее примечательную, и Ну было видно, как они вытягивали из моря одну рыбину за другой. Вскоре лодка была полна до краев, и рыбаки

медленно — груз был тяжел — принялись грести к берегу.

Когда они причалили, Ну внезапно осенило. Зрелище опасностей, сопровождающих этот вид спорта на водах вызвало у него непреодолимое желание посоревноваться с чужаками, но сильнее все же оказалась другое соображение, пришедшее ему в голову.

Когда мужчины высадились на берег, к ним подошли женщины, таща огромные кожаные мешки, прошитые жилами. В эти мешки они переложили улов и потащили его, волоча по земле, в деревню.

Мужчины, чьи труды, видимо, были закончены, пристроились в тени деревьев поспать. Это была удача! Ну бесшумно пополз на четвереньках. В руках он крепко сжимал свое длинное копье и каменный топор. Лодка лежала на открытом берегу. Нигде поблизости не было возможности укрыться, чтобы женщины его не обнаружили. Воинственной натуре Ну это было даже в какой-то степени по душе. Не оставалось ничего другого, как бежать напрямик через деревню.

Он встал на ноги и тихо пошел мимо хижин. Не было никакой необходимости провоцировать тревогу, пока была такая возможность. Он шел за спиной молодой женщины, обрабатывающей шкуру зубра. Она не услышала его легких шагов. Но ребенок, игравший с хвостом зубра, взглянул прямо на него, когда он уже проходил мимо. Ребенок прижался к матери с душераздирающим криком. Моментально поселок пришел в движение. Красться уже не было никакого смысла. С мощным воинственным кличем Ну промчался через деревню на глазах у перепуганных женщин и ошеломленных спросня мужчин.

Ну мчался прямо к лодке, следом за ним бежали трое мужчин. Один подбегал к нему сбоку. Он был близко, настолько близко, что догнал Ну в тот самый момент, когда Ну добежал до лодки. Они оба замахнулись друг на друга своими чудовишными топорами, но Ну, сын Ну, был могучим воином. Он отразил удар, и прежде чем его противник успел прийти в себя, топор Ну раскроил ему череп как яичную скорлупку.

После этого Ну ухватился за лодку и потащил ее навстречу волне, как это делали у него на глазах чужаки. Но ему удалось сделать всего несколько шагов — он был вынужден повернуться и вступить в борьбу с догнавшими его воинами. Они с диким воем набросились на

него, в то время как женщины сгрудились на берегу, подбадривая их воплями. Ну оставил лодку и бросился навстречу врагу. Его длинное копье вонзилось в переднего воина из племени Строителей Лодок как раз в тот момент, когда тот был готов метнуть в него свой гарпун. Гарпунер упал. Раздался женский хор воплей и причитаний. К троглодиту приближался третий воин. Для метания копья расстояние было слишком мало, так что парень отбросил тяжелое оружие и ринулся в рукопашную с ножом. Мужчины, не замечая того, что оказались по колено в воде, сражались с такой яростью, будто искали смерти. Громадный вал накрыл обоих, сшиб с ног, подхватил и швырнул на берег. Но они продолжали сражаться, задыхаясь и захлебываясь в соленой воде; когда же вода отхлынула, то позади оставила труп со множеством ран в волосатой груди, нанесенных длинным острым ножом Ну, сына Ну.

Пещерный человек, совершенно мокрый, встал и снова повернул к морю. Лодку потащило волной. Женщины, разгневанные гибелью троих мужчин, бросились на победителя. Это были дикие создания, чуть менее злобные, чем мужчины. Длинные их волосы развевались по ветру. Лица были искажены гневом и ненавистью. Они громко выкрикивали проклятия, обвинения и угрозы, но Ну дожидаться их не стал. Вместо того, чтобы драться с ними, он двинулся к линии прибоя, чтобы вытащить лодку. Копье он потерял, но топор был при нем, а нож он снова заткнул за пояс.

Женщины вбежали в воду по талию, но Ну им было уже не догнать. Он уже добрался до лодки. Забросив в нее свой топор, он забрался в нее и сам, едва не перевернув утлую долбленку. Но устроившись, он взял весло — инструмент непривычный, но подражая увиденным жестам, принялся гребсти от берега.

Ему помогли отлив и ветер, но кроме этого, он очень быстро приспособился гребсти. Для начала он обнаружил, что если все время гребсти той рукой, что он метает копье, то лодка идет в противоположном направлении, и понял, почему чужаки гребли и с той и с другой стороны от лодки. Когда он принялся делать то же самое, суденышко стало двигаться прямее в том направлении, куда он стремился — к дальней таинственной земле.

На полпути между материком и ближайшим островом около лодки мелькнула ужасная тень. На поверх-

ности появилась длинная шея, увенчанная огромной головой рептилии, и разверзлась чудовищная пасть, чтобы проглотить путешественника. Выпуклые глаза уставились на него, и затем последовал удар. Но Ну отклонился в сторону и в свою очередь нанес удар ножом. Тварь скрылась под водой с шипением и криком боли, но через мгновение появилось по другую сторону лодки. Из ножевой раны струилась кровь. Тварь опять напала на человека, но нож снова вонзился в шею животного в тот момент, когда Ну скорчился, чтобы избежать удара самому. Тварь снова нырнула, но практически в тот же момент из воды появился мощный хвост и взметнулся над головой человека. Ну схватил весло и успел отогнать лодку вперед, в то время как это страшное орудие разрушения с громадным всплеском ударило по тому самому месту, где только что была лодка. Если бы ее настиг удар, то от нее остались бы только щепки. На несколько минут море только что не закипело и порозовело от крови разъяренного животного. Но вскоре, когда Ну уже отплыл вдаль, тварь прекратила свои метания, и на поверхность всплыл лежащий на боку труп рептилии.

Ну с удвоенной энергией греб к далекой цели. Он и сам не мог поверить в то, что надеялся найти в конце пути, но что же еще могло сподвигнуть его на продвижение среди бесконечных, бесчисленных опасностей на поверхности страшных вод. Тур тоже пошел на это. Это он преследовал Нат-ул. Продолжает ли он и теперь преследовать ее? Из донесшегося разговора на берегу Ну узнал, что тот преследует какую-то женщину, и если это действительно так, то Ну допускал возможность, что преследователь рассчитывал найти на отдаленном острове именно Нат-ул.

Ветер значительно усилился с тех пор, как Ну пустился в свое опасное путешествие. Волны стали высокими, на них появились белые барашки. Утлое суденышко спасал от разрушения только попутный ветер. Море кишело охотящимися монстрами. То тут, то там происходили битвы титанов. То и дело устрашающие рептилии, не остыв от удачной охоты, горя жаждой боя, кидались друг на друга.

Маленький челн избежал бесчисленные опасности и наконец его прибило к изъеденному прибоем берегу ближайшего из островов. Едва Ну высадился и вытащил подальше на берег лодку, как увидел неподалеку еще одну.

Он не сомневался, что она принадлежала Туру, и сжав топор, он поспешил по следу.

Ну нашел четкий и ясный след сандалий Тура, отпечатавшийся на песке, и не нужно было и второго взгляда, чтобы подтвердилось предположение троглодита о том, что человек именно с таким следом преследовал Нат-лу на берегу материка.

След вел вокруг скалистого мыса в глубокое и сумрачное ущелье. Там он шел вдоль быстрого ручья, впадавшего в море. Время от времени человек явно пытался взобраться на скалы, причем с разных сторон, но каждый раз он был вынужден оставить свои попытки — утес был обрывистым и опасным.

Для Ну подъем был делом нетрудным и он пребывал в недоумении, почему чужак каждый раз поворачивает назад, едва начав карабкаться: но Тур скалолазом не был. Его народ пришел с огромной плоской долины у моря, где скалы и пещеры были не правилом, а исключением, и практики скалолазанья у него не было.

В конце концов он был вынужден либо влезть на скалу, либо обойти стороной. Здесь он все же сумел взобраться на плато по другую сторону вершины. Здесь следы внезапно повернули на запад к вершине другого утеса. Торопливость, с которой следы свернули в другом направлении, означали для Ну то, что человека что-то привлекло и он бросился бежать, чтобы удостовериться в чем-то. Может быть, он обнаружил женщину, которую преследовал? Может, он уже погнался за Нат-ул? Может быть, он сейчас ею обладает?

Ну тоже свернул на запад и быстро двинулся по четкому следу. С тех пор как он вышел на след Тура, скорость его была значительно быстрее, чем у Строителя Лодок. Умение передвигаться на местности подсказывало ему это, так что он знал, что он постоянно нагоняет врага, не подозревающего до сих пор о том, что за ним ведется погоня.

Тур, видимо, поскользнулся на крутизне и покатился вниз самым глупым образом. На дне был густой лес, по которому можно было проследить за отпечатками его ног, ведущими опять к морю, после чего снова Тур пытался, но безуспешно забраться наверх.

Что он увидел или услышал, или что его сподвигнуло на безуспешные попытки влезть на противоположную вершину? Стоит ли Ну следовать за ним по ущелью, или лучше взобраться наверх, где никто ему не соперник?

Троглолит помедлил, размышляя. Затем он направился к скале и с легкостью, которой можно добиться долгой практикой и поколениями предков, занимавшихся скалолазанием, стремительно взобрался наверх. В его подъеме ему помогало все: и мощные бицепсы и предплечья, изогнутые корни и расщелины в скале. И наконец он наверху и выпрямившись, оглядывается.

Ну оглядывал окрестности тщетно — нигде не было видно и признака мужчины или женщины. Тогда он принялся исследовать землю, передвигаясь все увеличивающимися кругами, но привлекающего его внимания следа так и не нашел.

Он готов был вернуться вниз и вновь пойти по следу Тура, когда с запада донесся до его ушей жалобный женский крик.

И едва только в воздухе замер первый звук, как Ну, сын Ну, обезумев, бросился бежать в направлении звука.

ГЛАВА 6

ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Когда Тур вспугнул Нат-ул во время подглядывания за деревней Строителей Лодок, и она помчалась вдоль по берегу в северном направлении, надежд на скорость бега у нее было мало. Но ей просто ничего не оставалось иного, как бежать и слабо надеяться на какой-нибудь случай.

В случае удачи она хотела скрыться в джунглях, если ей удастся добежать до того места, где расстояние между морем и лесом невелико, а до него оставалось с четверть мили. Там она смогла бы ускользнуть от преследователя и добраться до расположенных неподалеку скал. А там опять появлялась великолепная возможность спрятаться от него или держать на почтительном расстоянии при помощи сбрасывания сверху камней до наступления ночи. А тогда можно будет идти дальше на север, потому что ясно, что ее племя в этом направлении не пошло.

Джунгли были уже неподалеку, но человек был много ближе. Сумеет ли она добраться до зарослей и ускользнуть прежде, чем он догонит ее? Но что бы то ни было, другого не оставалось: надо пробовать.

Внезапно над ее головой раздалось громкое хлопанье

крыльями. На песок перед ней упала черная тень. Она взглянула наверх, и храброе ее сердце стиснул леденящий ужас. Прямо над ней парила, выпуская когти и готовясь схватить ими девушку, огромная, даже во время Нат-ул уже почти вымершая, летающая рептилия — гигантский птеродактиль.

Мужчина позади предостерегающе крикнул. Он метнул свое заостренное копые в громадную тварь и попал в основание уплощенного хвоста. Чудовищное создание со свистящим криком боли и ярости бросилось на девушку. Нат-ул чувствовала: жуткие когти стискивают тело. Только толстая шкура, заменявшая ее одежду, оказалась достаточно прочной защитой против этих огромных орудий. Птеродактиль взлетел, унося свою жертву.

Нат-ул попыталась сопротивляться, но быстро осознала тщетность своих усилий. Даже пещерный медведь или носорог на ее месте тоже оказались бы беспомощными. Она не могла даже вытащить свое единственное оружие — каменный нож, потому что один из когтей зацепился за веревку, придерживающую ее набедренную повязку, за которую он был заткнут.

Под собой она видела вздымающиеся волны. Мерзкая тварь унесла ее далеко от берега. Огромные крылья с шумом взмахивали над ней. Длинная шея и отвратительная голова были вытянуты вперед, рептилия летела строго по прямой.

Затем девушка увидела под собой и немного впереди землю. Поняв, что тварь несет ее на таинственный остров посреди Беспокойного Моря, Нат-ул перепугалась. Она мечтала об этой таинственной, недостижимой земле. Среди ее народа ходило много рассказов об ужасных животных, населявших ее. Девушка иногда страстно хотела попасть туда, но вместе с храбрыми воинами своего племени. А попасть сюда в одиночку, да еще к тому же в когтях одного из самых страшных для первобытного человека созданий, это было свыше всякого понимания. Она словно отупела от безысходности жестокого рока.

Громадная рептилия была уже над ближайшим островом. Зубчатая скалистая гора возносила над его лысой верхушкой свою вершину, похожую на указательный палец, торчащий в воздухе над всеми остальными горными вершинами и джунглями, густо покрывавшими подножье гор. Именно к нему страшное создание и на-

правлялось. Пока они спускались, Нат-ул смогла увидеть, какую страшную смерть готовит ей похититель.

Из похожего на чашу гнезда из глины и травы, торчащего на самом конце «пальца», высывали свои длинные шеи юные птеродактили, они вскрикивали и шипели от радости при виде возвращающейся с добычей матери.

Птеродактиль спускался к гнезду по спирали, облетая его все уменьшающимися кругами. Затем мать зависла на секунду над гнездом и ослабила хватку, с которой сжимала добычу. Нат-ул упала прямо к широко разрезающим рты птенцам, а мамаша, сделав прощальный круг над своим потомством, улетела за добычей уже для себя самой.

Достаточно было Нат-ул коснуться гнезда, как одновременно клацнули все три усаженные острыми зубами пасти. Хотя птенцы были еще молоды, но зубов у них было много, когти острые, да и хвосты сильны.

От первого нападения девушка увернулась и схватилась за нож. На истерику и нервы не было ни места, ни времени. Страшная смерть смотрела ей в лицо. Шансов на спасение практически не было, но инстинкт самосохранения был столь велик и силен, что Нат-ул сражалась с помощью каменного ножа просто героически.

И как ни странно, ножа действительно оказалось достаточно. Все три головы одновременно рванулись к нежному кусочку, принесенному мамашей. Уклонившись от щелкающих челюстей, Нат-ул дождалась, когда все три головы опять одновременно потянутся схватить добычу, и полоснула ножом две из них по длинным тощим шеям. Воздух наполнился звуками боли и свистом. Их убогий мозг был в состоянии только просигнализировать, что они ранены, и они накинулись друг на друга в ярости от испытываемой боли. Гнездо мгновенно превратилось в ад. Двое раненых напали друг на друга, а третий, проигнорировав Нат-ул, яростно кинулся на собратев.

Воспользовавшись этим, девушка быстро перелезла через край гнезда. Прямо под ее ногами отвесная стена высокой скалы, возвышавшейся над окрестностями футов на сто. Кое-где виднелись лишь вертикальные трещины да чуть заметные выпуклости более твердой породы — вот и все, чем можно было воспользоваться при спуске. Но в гнезде ждала неминуемая смерть. А здесь была хотя бы надежда.

Свесившись с края гнезда, Нат-ул висела на руках до тех пор, пока не нащупала ногами почти незаметную ямку в отвесной стене. И она принялась медленно спускаться, хватаясь за все расщелины и выступы. Временами казалось, что она вот-вот упадет. Ей пришлось дважды «прокрутиться» вокруг верхушки скалы, прежде чем найти еще опору. И каждый раз, когда казалось, что все кончено, она находила какую-нибудь зацепочку, бугорок, на который можно было поставить ногу или уцепиться рукой и спуститься еще на несколько дюймов подальше от страшного гнезда.

Наконец она спустилась к подножию гигантского утеса, но даже и здесь отдыхать было рано. Мамаша в любой момент могла вернуться и утащить ее обратно в свое адское гнездо.

Дальнейший спуск был местами не легче. Но наступил момент, когда Нат-ул оказалась у подножия гор на равнине, густо поросшей лесом. Здесь, совершенно измученная, она легла в траву. Она знала, что опасности на этом не кончились, но сейчас для нее ничто не существовало, даже ужас. Подложив руку под голову, она уснула.

Вокруг кипела лесная жизнь, но ее эти звуки только еще больше убаюкивали. Ветер с моря гладил ее щеки, шевелил мягкие роскошные волосы, рассыпавшиеся по плечам. Он освежал и ласкал ее, но ничего не нашептал ей о том, что с дерева за ней следят прищуренные злые глаза. Он не предупредил ее об отвисшей нижней губе и волосатой груди, в которой учащенно билось сердце, по мере того, как владелец всего этого пристально ее разглядывал. Он ничего не сказал ей о том, что здоровенное тело соскользнуло с ближайшего дерева и крадется к ней. Он не рассказал ей, но треснувшая под осторожной ногой крадущегося ветка сказала многое.

Для первобытного человека не составляло труда перейти от сна к бодрствованию — иначе было не выжить. Едва только раздался хруст ветки, как Нат-ул уже была на ногах лицом к лицу с новой опасностью. Она увидела нечто человекообразное, двигавшееся в ее направлении. Она увидела гигантское тело, покрытое рыжеватой шерстью, поросячьи глазки и волчьи клыки, длинный торс на коротких кривых ногах, походку вразвалочку. Мгновенно окинув все это взглядом, она повернулась и помчалась к скале, с которой так недавно спустилась.

Пока она быстро взбиралась вверх, существо бросилось вдогонку, а за ним следовало еще полдюжины ему подобных. Нат-ул они были известны как волосатые древесные люди. От обезьяньего народа они отличались тем, что по земле передвигались только на двух ногах, и тем, что если их убить и нарезать для еды, то у них было на ребро меньше. Как страшно было попасть им в лапы, ей было известно — еще хуже, чем в гнездо там, наверху.

На высоте около ста футов Нат-ул оглянулась. Волосатый был ярдах в двенадцати ниже ее. Девушка подкатила обломок скалы и сбросила вниз. Он увернулся и с пронзительным криком продолжал преследование. Она молниеносно полезла выше. Через еще футов сто она опять остановилась и посмотрела вниз. Древесный человек догонял. Она сбросила на него кусок кварца. За ним следом шли остальные шестеро. Обломок попал в верхнего из преследователей. Он опрокинулся и покатился на тех, кто карабкался за ним. Он сбил одного из них и они полетели вниз на скалы у подножья.

Торжествуя и усмехнувшись, Нат-ул продолжила подъем. Она уже была недалеко от вершины. В этом месте гора была не слишком крутой и можно было почти обходиться без помощи рук. На полдороге она поскользнулась на округлом камне. Она тяжело упала на землю, стараясь за что-нибудь ухватиться. Камни, что попадались под руку, не выдерживали ее веса. С возрастающей скоростью она покатилась к обрыву перпендикулярно стоящей скалы навстречу смерти рядом с телами двоих, обогнавших ее на пути к гибели.

На краю обрыва появился первый из оставшихся преследователей. Он был прямо на пути быстро катившегося тела Нат-ул. Получив удар, он не удержался и свалился в пропасть. Но тело его сослужило свою службу. Оно ослабило скорость падения Нат-ул — она мягко перекатилась через край скалы и смогла ухватиться за нее, что еще сократило скорость.

Прямо по краю вершины шел узкий выступ. Здесь Нат-ул удалось остановиться, но ухватиться было не за что, и она медленно перевалилась через край — прямо в руки одного из человекообразных.

За ним был еще один из его собратьев, а несколько ниже торопился третий и последний из оставшихся в живых преследователей. Ближайший вцепился в Нат-ул, чтобы вырвать ее из рук завоевателя, отшатнувшись оскалив клыки и рыча. Но второй преследователь

был настойчив. Он явно домогался добычи целиком, поэтому подошел ближе. Выступ, на котором они все стояли, был слишком узок. Драка означала гибель всех троих.

Тот, что держал Нат-ул, с кошачьей ловкостью отпрыгнул в сторону, повернулся и легко, как серна, перепрыгнул на уступ ниже. На его пути находился отставший древесный человек. Встретиться с ними означало тотчас же слететь вниз в долину. И отставший мудро отошел в сторону, но тот час же продолжил преследование. За ним следовал третий — обманутый.

Тут-то и началась бешеная погоня, от которой бледнела даже бесстрашная пещерная девушка. Человекообразный, достигнув подножья скал, бросился в джунгли, к деревьям. Не снижая скорости он продолжил бегство по нижним ветвям. Казалось, он летит, настолько быстро он пробирался в спутанных зарослях первобытного леса.

За ним вплотную следовали остальные двое, рыча и вопя и явно не собираясь отказываться от того, чтобы отобрать у него добычу. Он нес Нат-ул на плече, крепко прижимая огромной ручищей. Все, что делалось позади, ей было прекрасно видно. Преследователи начали постепенно их нагонять. Передний уже потянулся, чтобы схватить девушку. Похититель бросил взгляд назад и обнаружил признаки посягательства на его добычу. Резко повернувшись на своем шатком пути, он злобно огрызнулся на ближайшего преследователя, и тот, показав зубы и рыча, отступил. Затем существо продолжило свой полет по ветвям, а оба сородича его тоже продолжили погоню.

Дикая погоня продолжалась. Дважды они пересекали возвышенности, разделявшие одну равнину от другой. Но преследователи становились все настойчивее. Все чаще счастливчику приходилось останавливаться и драться то с одним, то с другим. В конце концов, на краю джунглей у узкого скалистого ущелья, тварь совершенно озверела от ярости. Человекообразное существо внезапно повернулось к своим преследователям, швырнуло Нат-ул на землю и рыча, бешено бросилось на них.

Бежали они к тому времени уже бок о бок, поэтому при неожиданном его нападении у них не было времени уклониться в сторону. Он схватил их своими гигантскими ручищами и все троем покатались на землю, терзая друг друга, душа и рыча при этом на всю округу.

Нат-ул осторожно поднялась на четвереньки. Глаза ее, не отрываясь, следили за дикой троицей. Но они внимания на нее не обращали. Было ясно: все их помыслы сосредоточились на борьбе не на жизнь, а на смерть. Нат-ул встала на ноги и не оглядываясь помчалась к узкому ущелью за их спинами. Она бежала изо всех сил, чтобы как можно больше увеличить расстояние между дикими тварями и собою. Куда вело ущелье, она не имела ни малейшего представления. Какие ужасы поджидали ее там, она и не думала. Она знала только, что надежды для нее уже нет, потому что никогда ей не выбраться с острова и не добраться до материка. Племя ее не смогло бы оказать ей помощь все равно, даже если бы и узнало о том, где она находится, что само по себе уже невероятно. Сомневалась она и в том, что сможет долго выдерживать опасности таинственного острова. Даже хорошо вооруженному могучему воину не поздоровилось бы в этом месте воплощенного ужаса. А что же говорить о девушке, вооруженной одним только ножом?

Она не сомневалась, что Ну уже разыскивает ее, но прошло слишком много времени и прилив смыл следы ее сандалий на песчаном берегу. Где же ему искать? И даже если он пошел по ее следу до того, как он был смыт прибоем, как он догадается, что настигло ее или сумеет прочесть и понять, почему оборвался ее след на песчаном берегу?

Чужак видел, как крылатая рептилия кружила над ней и унесла ее прочь, но даже если Ну выйдет на него, то как он узнает правду, потому что как только они встретятся, начнется смертельная битва, ибо таковы были тогда правила поведения при встрече чужих.

А если даже Ну случайно раскроет, что она была утащена в таинственную страну, то как он последует за ней, даже если наперекор рассудку поверит, что она еще жива?

Нет, надежды не оставалось. Оставалось только бороться за существование, противопоставляя свой разум и проворство грубой силе и ловкости разных тварей до конца дней, конца, ждать которого, быть может, уже недолго.

Повороты ущелья, в котором она скрылась, заглушали шум драки, происходившей сзади, так что до ушей ее доносились лишь отдельные крики боли и ярости. Она надеялась, что они будут драться, пока не погибнут все

трое. В ином случае, победитель продолжит погоню.

Остановившись, чтобы послушать, продолжается ли еще драка, она оглянулась и потому в этот момент не увидела, что достигла края узкого каньона и что перед ней берег и море. Не увидела она и человеческую фигуру, остановившуюся при входе в ущелье, и мгновенного движения, которым человеку удалось спрятаться за валуном.

Удовлетворенная тем, что ее никто не преследует, Нат-ул продолжила свой путь по каменистой земле. Она увидела и море, и далеко впереди, за морем, материк. Она поспешила к берегу, чтобы как можно ближе быть к любимой своей земле.

Когда она приходила мимо валуна, ее внимание было привлечено шуршанием гальки под сандалием прячущегося за ним человека. Она подалась вперед, а затем повернулась, чтобы убежать, но было поздно: их разделяло слишком малое расстояние. Он уже дотянулся до нее. Одной мускулистой рукой он схватил ее за развевающиеся волосы, другой — стиснул запястье мгновенно замахнувшейся на него девичьей руки с зажатым в ней блистающим длинным ножом.

Он рассмеялся ей в лицо — это был чужак, что преследовал ее на берегу материка — и притянул к себе. Нат-ул сражалась как тигрица, но не выдержала и вскрикнула.

ГЛАВА 7

НОЧНЫЕ КОСТРЫ

Тур потащил девушку, все еще сопротивляющуюся, к лодке. Тут он увидел лодку, на которой приплыл Ну, и удивился. Кто бы это мог быть? Пристальное изучение показало, что это суденышко изготовлено его соплеменниками. Кто-то из них последовал за ним. Стоя по колено в воде и крепко держа Нат-ул, он издал громкое приветствие.

Тарахтение камешков, падающих со скалы, привлекло внимание обоих. Навстречу им проворно спускался великан. С плеч его спадала шкура пещерного льва. Одна прядь его длинных густейших волос стояла торчком.

Туру достаточно было и одного взгляда, чтобы понять, что это не его соплеменник. Это был чужак, а значит, враг. Нат-ул тотчас узнала Ну. Она вскрикнула от

счастья, на что в ответ последовал ободряющий возглас Ну. Тур бросил девушку на дно лодки, продолжая придерживать ее одной рукой, потому что она возобновила сопротивление с удвоенной силой, а свободной рукой он сначала подтолкнул свою, а потом и чужую лодку к более глубокой воде.

Даже в неудобном положении Тур действовал стремительно — это была его стихия, а в жизни его племени приходилось выходить и не из таких ситуаций. В конце концов ему удалось толкнуть лодку Ну на гребень подкатившего вала и лодку сразу же отнесло от берега. Свою лодку ему удалось не только в то же самое время направить на гребень волны, но и вскочить в нее самому.

Нат-ул пыталась стать на колени, громко зовя Ну и пыталась в отчаянии броситься за борт, но Тур крепко держал ее, гребя одной рукой, и когда Ну добежал до воды, они были уже вне пределов досягаемости. Недосягаем был и его челнок. Море, разделявшее его и Нат-ул, кишело хищными рептилиями. Каждую секунду расстояние между ними увеличивалось. Но троглодит не медлил. Быстрым движением он скинул шкуру и вытащил свой топор, бросил его на шкуру, и в одной лишь набедренной повязке и вооруженный только ножом, бросился в бушующий прибой страшного моря.

Когда Нат-ул увидела это, то с удвоенной силой возобновила усилия, чтобы задержать Тура. Встав все же на колени, она ухватила обеими руками за шею похитителя, тяня его вниз до тех пор, пока он уже не смог грести. Тур старался освободиться. У него не было желания убить или покалечить свою пленницу — она была слишком хороша для этого — он хотел ее во всей ее красе и совершенстве.

Постепенно Ну стал их нагонять. Дважды его атаковали какие-то скользкие чудовища. Один раз он одержал победу, а во второй раз на него напали двое и в конце концов, забыв о нем, вступили в схватку друг с другом. Наконец он добрался и до лодки Тура. Нат-ул с отчаянием изо всех сил старалась воспрепятствовать действиям Тура, повиснув у него на руках. Он не мог ничего делать, а Ну уже схватился за борт и попытался закинуть ногу.

Тур резким движением освободил свою правую руку. Нат-ул попыталась нейтрализовать ее снова, но мелькнул здоровенный кулак и обрушился на ее голову. Все вокруг

потемнело, она отпустила Тура и упала без сознания на дно лодки.

Тур мгновенно схватил весло и вскочив на ноги, принялся яростно бить им по голове и рукам Ну. Парень храбро пытался влезть в лодку, не обращая внимания на побои, но они были чересчур зверскими, и оглушенный, он скользнул обратно в воду. Тур схватил весло, направил свою угловую лодчонку к материку.

Когда Нат-ул пришла в себя, она увидела, что лежит на мохнатых шкурах в тростниковой хижине под пальмовой крышей. Руки и ноги ее были связаны прочной веревкой из воловьих жил. Когда она попыталась освободиться, то жилы впились в ее нежную плоть, причинив жуткую боль. Она вытянулась на спине, глядя на воронкообразный потолок хижины.

Она сразу узнала где она. Это была одна из этих странных пещер, где жили люди, за работой которых со стволами деревьев она следила. Она повернула голову ко входу. Снаружи были видны мужчины и женщины вокруг маленьких костров. Они ели. Было уже темно. Вдали виднелись еще костры, гораздо больше — они предназначались для отпугивания хищников.

За полосой этих больших костров слышалось рычание и кашель во тьме — хищники бродили, жажда крови мужчин, женщин и детей, находившихся под надежной защитой огня.

Малыш случайно подобрав горящую ветку, бросил ее в ночных бродяг. В ответ послышался целый хор сердитых вскриков и низкое, вибрирующее рычание. Звери на какое-то время отошли и сверкающие их глаза исчезли в стигийской тьме ночи.

Как-то один из пещерных львов, расхрабрившись от привычности костров первобытных людей, проник через кольцо предохранительных костров. Он прыгнул прямо в середину кучки людей, сидевших за семейной трапезой, прямо на старика у костерка. Мгновенно полсотни воинов схватили свои копья, и не успел лев со своей добычей направиться обратно во тьму, как его пронзило с полсотни гарпунов. Он свалился в кусты, с ним вместе и его добыча. Воины бросились вперед, размахивая топорами. Что такого, что с дюжину копий попало вместо мародера в старика? Они скакали и вопили в диком восторге, потому что лев умер еще до того,

как хоть один топор коснулся его. Старик умер тоже. Его они швырнули зверям за линией костров, а со льва сняли шкуру.

Зрелище было ужасное, но на заре человечества ни для кого, в том числе и для Нат-ул, ничего собой необычного не представляло. Она привыкла к подобному еще с раннего детства. Правда, для ее соплеменников опасность нападения диких зверей по ночам была гораздо меньше: они жили в пещерах, вход в которые нетрудно было заблокировать на ночь от любых хищников. Но ей были знакомы и вечерние костры, которые они разводили у подножья скалы во время пиров или советов, привычна она была и к неожиданным нападениям расхрабренных особей.

В конце концов люди разошлись по хижинам. Оставались только две девушки, в обязанности которых входило поддерживать сильный и яркий огонь в ночи. Нат-ул было знакомо и это, и она знала утилитарную основу этого явления. Женщины ниже всего ценились среди имущества племени. Лучше всего было терять в ночных набегах именно их, а юношей, из которых получатся со временем воины, нужно беречь. Смерть девушки стоит немного — ее предназначение все равно будет исполнено, если она криками разбудит воинов.

Но почему не использовать старых и ни к чему другому не пригодных женщин? Дело в том, что у молодых инстинкт самосохранения сильнее, чем у стариков. Старуха менее ценит свою жизнь, менее внимательна — может уснуть и дать огню погаснуть — ей все равно жить остается недолго, так какая разница, прожить еще несколько лет или несколько месяцев, да и вообще жизнь не слишком ценилась у первобытных людей.

Молодые женщины, напротив, будут ревностно следить за огнем, чтобы сохранить жизнь, а потому и жизнь всего племени. Отсюда, видимо, и получил начало обычай, согласно которому огонь в храмах должны были в последствии поддерживать священные девственницы, но это уже в еще тогда не воздвигнутом и даже еще никому не снувшемся Риме.

Сейчас же в хижине, где лежала Нат-ул, потемнело: вход закрыла мужская фигура — это был Тур. Нат-ул узнала его сразу. Он подошел и опустился около нее на колени.

— Я отослал женщин подальше, — сказал он. — Грон готова разорвать тебя на куски, да и другие с удоволь-

ствием помогут ей. Но ты не бойся их. Обещай, что не будешь сопротивляться или пробовать убежать, и я освобожу тебя от пут насовсем. Иначе мне придется связывать тебя всякий раз, когда мне надо будет уйти, и тогда нечего говорить, что сможет натворить Грон, потому что ты будешь беспомощна, а меня рядом не будет. Что ты скажешь?

— Я скажу, что как только руки мои будут свободны, я буду сражаться, пока не убью или не буду убита, — ответила девушка, — а когда будут свободны мои ноги, я побегу как только смогу быстро.

Тур пожал плечами.

— Как знаешь. Пользы тебе от этого никакой, разве что придется тебе всегда быть связанной.

Он наклонился и принялся развязывать узлы у нее на ногах. Снаружи у входа в хижину мелькнула какая-то тень. Тур не услышал слабого звука чьих-то легких шагов. Он стоял на коленях спиной ко входу и был занят распутыванием тугих узлов. Пути на лодыжках он уже развязал, теперь трудился над узлами на коленях. Девушка лежала тихо, глядя в сторону входа. Снаружи было еще не так темно, как внутри хижины. Она решила лежать неподвижно, пока он ее не развяжет, а тогда будет драться до тех пор, пока он не будет вынужден ее убить.

Внезапно она заметила тень, закрывшую часть входа. Существо было недостаточно велико для четвероногого, но вполне могла быть гиена или дикая собака. Нат-ул была готова предупредить парня, но потом решила, что для нее это будет не только легкая смерть, но и своего рода месть похитителю.

Она замерла, пока Тур трудился над последним узлом. За его спиной появился молчаливый ночной разбойник. Нат-ул представила себе клыки и мощные челюсти. Сейчас раздастся рычание и тварь кинется на свою добычу.

А может быть она кинется вовсе не на него, а на ее незащищенное горло? Она вздрогнула, ощутив присутствие смерти. Тур распустил последний узел и с удовлетворенным тихим восклицанием размотал веревку, связывавшую ее колени.

Тут Нат-ул увидела, как существо поднялось на задние ноги и прыгнуло на спину Тура. Дикого рычания не было — ни звука. Молчаливая атака была еще страшнее, чем рычание и звуки, дающие понять породу животного.

Тур покатился, чтобы поднять своего врага. Они схватились в жестокой битве. Нат-ул вскочила на ноги. Руки были еще стянуты путами, но ноги были свободны. Это был шанс! Проскользнув мимо двух озверевших в драке, она выбралась из хижины и помчалась в сторону джунглей.

ГЛАВА 8

СМЕРТЬ НА КОСТРЕ

Ну, сыну Ну, наполовину оглушенному веслом Тура, все же удалось продержаться на плаву до тех пор, пока он не пришел в себя. Увидев тщетность своих усилий догнать лодку, в которой бесчувственное тело Нат-ул удалялось к материку, он повернул обратно к берегу острова. Некоторое время он, отдыхая, лежал на горячем песке. Затем поднялся и посмотрел вдаль на море. Далеко впереди была видна точка, приближающаяся к противоположному берегу. Это должна была быть лодка с Нат-ул. Ну заметил место — неподалеку возвышался острый пик высокой скалы.

Ну задумался о лодке, что донесла его до острова. Он принялся разглядывать море, но лодки пропал и след. Тогда он побрел вдоль берега. Позади груды омываемых волнами валунов он нашел что искал. Он был готов закричать от восторга. Перед ним была лодка, да еще и весло лежало по-прежнему на ее дне. Он помчался к ней и вытащил ее на берег, затем поспешил к тому месту, где оставил одежду и топор, захватил их и вернулся к своей долбленке.

Преодоление линии прибоя времени у него заняло немного. Он вскочил в челнок, схватил весло и выгреб подальше. На пути ему пришлось не раз сражаться с обитателями морской стихии и веслом и топором, и каменным ножом. Путешествие было отмечено и дуэлями и битвами, что отняло у человека много времени. Но он не отчаивался. Ничего другого он и не ожидал, он был к этому привычен. Это была его жизнь, а также жизнь любого существа на земле и в пучине морской в эти жуткие дни дикости.

Было уже совсем темно, когда мощный шум прибоя впереди дал Ну понять, что берег близок. Он уже в течение некоторого времени видел впереди огни Строителей

Лодок, и к ним-то и направил свое суденышко. Лодка его вонзилась носом в песок в сотне ярдов на север от деревни. Ну выбрался из лодки и оставил ее там. Он сомневался, что придется еще ею воспользоваться, но решил, что если будет жив и вернется к своим, то непременно построит такую же к восторгу людей его отца.

Возле стоянки Строителей Лодок Ну, как и ожидал, увидел обычных спутников человеческого жилья — ночных разбойников — хищных зверей. Но он шел таким образом, что ветер дул со стороны зверей, и незамеченным прошел в джунгли. Там он едва не столкнулся с пещерным медведем, поспешавшим к поселению в поисках добычи, а потом буквально налетел на залегшего в высокой траве здоровенного носорога. Но добравшись до джунглей он предпочел взобраться на дерево, поскольку среди ветвей опасаться кого бы то ни было не приходилось. На нижних ветвях, правда, время от времени можно было встретиться с пантерой, но хотя они в то время были гораздо более могучими, чем современные, Ну их презирал: они редко нападали на охотников, да и к тому же их было легко согнать, да и убить при помощи умело брошенного топора. Рептилии, пожалуй, представляли собой наибольшую опасность для путешественников по деревьям, потому что там частенько прятались громадные змеи, в объятиях которых любые охотники были беспомощны как дети.

По деревьям Ну зашел в тыл к поселению. Когда же расстояние между деревьями было очень велико, то он соскакивал на землю и преодолевал его быстро и легко, как серна. Наконец он по джунглям добрался до места. Костры были вблизи от того дерева, на котором он засел. Он видел девушек, подкладывавших в них дрова, а позади них были видны и обитатели поселения вокруг своих маленьких семейных костров, грызущие кости или высасывающие из них костный мозг.

Видел он и набег льва на лагерь. Видно ему было и как лев схватил старика, а воины набросились на него с копьями. Заметил он и то, что внимание всех было отвлечено тем что происходит. Даже девушки, поддерживающие костры, побежали через всю деревню посмотреть, как убивают зверя.

Воспользовавшись этой необыкновенной удачей, Ну соскочил на землю и пробежал к хижинам, расположенным кругом внутри круга защитных костров, так что с внутренней стороны они отбрасывали достаточно

густую тень. Здесь Ну лег в самом темном месте, что смог найти. Полежав немного неподвижно, он прислушивался и принюхивался. Ничего не обнаружив, он встал на четвереньки и продвинулся на несколько футов дальше в тень хижин. Там он опять залег, слушая и нюхая воздух. В течение получаса он таким образом обследовал внутренний круг пространства, образуемого хижинами. Все уже улеглось, кроме девушек возле костров.

Наконец возле одной из хижин Ну услышал тихие голоса. Он совсем затих, тесно придвинувшись к жилищу так, чтобы нос приходился на стыке покрытия из шкур и пальмовой крышей. И его великолепный нюх подтвердил: внутри была Нат-ул, но с ней был еще кто-то!

Ну осторожно пополз ко входу в хижину. Но даже здесь было темно, хотя все хижины стояли лицом к кострам. Девушки в это время подкладывали в костры много дров, и они горели слабо. Здесь Ну отчетливо услышал голос Нат-ул. Над ней виднелась склоненная мужская фигура. Ну вспыхнул от гнева и ярости. Он опять встал на четвереньки и бесшумно как зверь проник в хижину и встал позади Тура, ничего об этом подозревающего. Затем он беззвучно поднялся во весь рост и бросился на спину врага.

Он оскалил зубы и вытащил нож, и они покатались по полу хижины дерясь, кусаясь и царапаясь. Но Тур закричал, зовя на помощь, поскольку Ну оказался сильнее. Правда, и Тур был опытным бойцом, что помешало Ну достаточно быстро найти жизненно важное место ножом, но так и так Тур был весь в крови от множества ран и укусов.

В ответ на его крик послышались воинственные крики по всей деревне. Воины, вооружась короткими копьями, бежали отовсюду. Женщины и дети спешили вслед за ними. Грон, подруга Тура, была среди первых. Она услышала и узнала голос своего мужчины и догадалась, что он в беде. Она тигрицей влетела в хижину, где сохранилась красивая чужачка. За ней подбежали воины. Один из них тащил горящую ветку из ближайшего костра и бросил ее внутрь, нисколько не заботясь о том, куда она попадет. К счастью для дерущихся, она пролетела над ними в дальний угол хижины. Моментально сухая листва на крыше загорелась, и внутри хижины все осветилось.

Когда воины увидели, что внутри всего навсего один

человек дерется с их соплеменником, они рванулись вперед и хотя Ну сражался храбро, его быстро одолели. Хижина начала разгораться внутри, так что пришлось пленника вытащить наружу. Здесь ему связали руки и ноги, и обратили все свое внимание на то, чтобы предотвратить пожар в деревне. Они копьями придавили хижину к земле и принялись глушить пламя свежими шкурами.

Даже в момент наивысшего возбуждения Ну ни на миг не забывал о Нат-ул, и когда горящая ветвь осветила хижину изнутри он в первую очередь обвел взглядом все вокруг, но Нат-ул исчезла.

Он недоумевал, что же могло случиться с ней. По тому как она лежала на полу, он сделал вывод, что она была крепко связана — иначе бы она сопротивлялась зубами и ногтями. Когда хижина была потушена, он огляделся снова. Но ее не было. Он увидел другую женщину, она была хороша собой, но со зверским выражением лица. Каждая линия искаженного страстью лица отражала ненависть, ревность и ярость. Это была Грон. Она подошла к нему.

— Ты кто? — закричала она.

— Я Ну, сын Ну, — отвечал он.

— Ты из тех же, что и женщина в хижине, в которой ты нашел моего мужчину? — продолжала она.

Ну утвердительно кивнул.

— Она должна стать моей подругой, — сказал он. — Где она?

Только сейчас до женщины дошло, что прекрасной узницы здесь нет. Она повернулась к Туру.

— Где эта женщина? — взвизгнула она. — Куда ты ее спрятал? Больше тебе не удастся скрывать ее от меня. На этот раз я вырву у нее сердце и напьюсь ее крови!

Тур остолбенело огляделся.

— Где женщина? — обратился он к воинам, но они, казалось, не знали.

Моментально начали розыск по всей деревне. Воины прочесали все хижины, между ними и заросли перед деревней. Ну лежа ждал результатов поисков. Сердце его преисполнилось радости, когда стало ясно из сообщений разыскивающих, что Нат-ул в деревне нет.

Грон повернулась к Ну.

— Твоя женщина от меня скрылась, — завопила она, — но ты сам за нее ответишь, — и она бросилась на него, связанного и беззащитного.

В ярости она готова была выцарапать ему глаза, но

вмешался какой-то высокий воин. Он схватил ее за волосы и грубо оттащил от ее жертвы. Затем все так же за волосы свалил на землю.

— Забери отсюда свою женщину,— обратился он к Туру.— Разве женщина правит моим народом? Забери и побей ее так, чтобы она знала, что женщине нет места в мужском деле. А потом возьми себе другую, потому что этой надо показать ее место.

Тур схватил несчастную Грон и поволок ее к себе в хижину, откуда позже послышались удары и крики и стоны женщины.

Ну был возмущен. Среди его народа с женщинами так не обращались. Он посмотрел на крепкую фигуру вождя, стоявшего над ним. Интересно, почему они его еще не убили? Это же самое простое дело, так ведь обычно поступают с пленниками-мужчинами. Среди его племени уже все было бы давно кончено ударом копья в сердце. Где же сейчас Нат-ул? Сможет ли она найти безопасный путь назад, к своему племени? Ему захотелось прожить до тех пор, пока он не увидит ее в безопасности, в пещере ее отца.

Вождь пристально разглядывал его, но все еще не делал даже попытки убить его.

— Ты кто? — наконец спросил он.

— Я Ну, сын Ну,— отвечал пленник.

— Ты откуда пришел?

Ну кивнул на север.

— От Бесплодных Скал,— ответил он.— А если ты туда пойдешь, племя моего отца нападет на тебя, бьющего женщин, и убьет вас всех.

— Ты много говоришь,— сказал вождь.

— Я говорю правду,— возразил Ну.— Люди моего отца хорошо над вами посмеются — мужчины одеты в коровьи кожи. Сразу видно, что вы за люди. Воины моего отца носят шкуры Ура, Зора и Оо, а на ногах сандалии из шкур Та и Глух. Они мужчины. Они хорошо посмеются, когда пошлют женщин и детей, чтобы они палками погнали вас обратно.

Это была страшная насмешка. Вождь Строителей Лодок задрожал от гнева.

— Ты еще увидишь,— заорал он,— что мы за мужчины. А смерть твоя еще покажет, такой ли ты храбрый, как говоришь. Ты умрешь завтра, когда день окончится и зажгут костры, ты начнешь умирать, но пройдет много времени, прежде чем ты умрешь, и все время ты будешь

проклинать женщину, носившую тебя, и умолять нас прекратить твои мученья.

Ну засмеялся ему в лицо. Он слышал о далеких племенах, пытавших своих пленников, и понял, что собирается делать вождь. Ну что ж, он им покажет, как умрет сын Ну.

Двое воинов по приказу вождя оттащили Ну в ближайшую хижину. У входа поставили стража, поскольку бегство Нат-ул показало, что следует быть более бдительными.

Долгая ночь миновала. Из Беспокойного Моря снова поднялось солнце. Обитатели деревни зашевелились. До Ну донесся запах готовящейся пищи. Он был очень голоден, но ему никто не предложил ни кусочка. Он хотел пить, но никто не принес ему и воды, а он был слишком горд, чтобы просить у пленивших его.

Если ночь казалась долгой, то день длился вечность, и хотя он знал, что наступившая тьма будет знаком для начала его страданий, он радостно встретил признаки того, что солнце садится.

Как бы жестоко они ни собирались его мучать, все равно мученьям придет конец. Он умрет рано или поздно — с такими мыслями Ну, сын Ну ждал конца.

Рыбаки все вернулись. Внешнее кольцо костров уже было разожжено, горели и маленькие костры для приготовления пищи. Люди сидели вокруг них, поджав ноги, и пожирали еду совсем по-звериному. После того, как с едой было покончено, несколько мужчин притащили невысокий столб и расковыряв землю копьями, вкопали его посреди между хижинами и внешним кольцом костров.

Затем двое вошли в хижину, где лежал Ну. Они схватили его за ноги и потащили через всю деревню. Женщины и дети тыкали в него острыми палками, швыряли камнями и плевались. Ну, сын Ну, ничем не показывал своего протеста. Лицо его было совершенно бесстрастно, никакие издевательства и боль не отражались ни на секунду.

В конце концов стражи остановились около столба, торчавшего в земле. Они вздернули Ну так, чтобы он стал на ноги и крепко привязали к столбу. Вокруг него были положены дрова. Он понял, что его хотят медленно поджарить, потому что дрова были положены таким образом, чтобы языки пламени до него не доходили. Смерть должна быть медленной, чтобы доставить как можно

больше удовольствия зрителям видом его долгой и мучительной агонии. Но Ну, сын Ну, не собирался доставлять им радость унижением. Он оглядел дикие лица вокруг, полные нетерпения, презрительно усмехаясь. Он презирал их не потому, что они собирались его убить, это вполне обычное поведение по отношению к чужакам, нет, он презирал их за то, что они носили «коровьи кожи», и за то, что их мужчины работали, вместо того, чтобы посвятить все свое время и силы охоте и войне.

Лодки, конечно, хорошо иметь — Ну даже думал изготовить одну по возвращении к своим людям, но сделать это своей жизнью — фу! Это отвратительно! Если ему будет суждено остаться в живых, он вернется к Строителям Лодок с воинами отца и заберет все лодки, что пожелает.

Размышления его были прерваны церемониями, проводимыми вокруг. Люди танцевали, исполняли какие-то примитивные песни, затем один из воинов поджег дрова, окружавшие жертву, привязанную к столбу.

ГЛАВА 9

СРАЖЕНИЕ

После того, как Ну, сын Ну, покинул своего отца и людей своего отца в поисках Нат-ул и Худа, вождь долго сидел молча. Рядом с ним сидел Тха, отец Нат-ул, а вокруг сгрудились остальные соплеменники. Перед лицом печали, охватившей вождя и главного его приближенного, все хранили молчание. Среди собратьев Ну и Нат-ул всегда были любимцами. Худа не любили, и велик был гнев по отношению к нему.

Ну, вождь, заговорил.

— Мы не можем пускаться на поиски нового дома, — промолвил он, — оставив двоих наших детей.

Слушатели понимали, что он говорит не о Худе, Худ, принесший печаль племени, утерять все свои права. Это всех удовлетворяло. Один из молодых воинов поднялся. Он молча прочертил копьем линию на земле с востока на запад в северном направлении от себя.

— Ну, сын Ну, проходил все испытания вместе со мной — мы оба стали мужчинами и воинами в один день. Вместе мы охотились на нашего первого льва. — Он по-

молчал, затем, указав на прочерченную линию, продолжал:

— Я никогда не пересеку этой линии, пока не отыщу Ну, сына Ну.

Закончив говорить, он выпрямился и, скрестив на широкой груди руки, повернулся к вождю лицом.

Среди соплеменников послышались одобрителные замечания. Глаза всех обратились к Ну. Что он сделает? Внезапно Ахт, брат Нат-ул, резко вскочил и встал рядом с непокорным. Он ничего не сказал — просто продемонстрировал свои намерения.

Ну, вождь, посмотрел на юношей из-под косматых бровей. Наблюдавшие за ним были готовы голову отдать на отсечение, что по губам его скользнула тень мрачной улыбки. Он тоже поднялся. Затем подошел к молодым строптивцам и стал рядом.

Первым значение этого понял Тха, он тотчас же встал и подошел к Ну. Затем понимание пришло и к остальным, и почти сразу же все племя выстроилось вдоль линии, прочерченной Дагом лицом на юг. Начались песни и танцы. Мужчины размахивали своими топорами и высоко подкидывали копья. Женщины били в ладоши, а дети бегали и прыгали, путаясь у всех под ногами.

Через несколько минут Ну отправился на юг, велел двадцати воинам оставаться с женщинами и детьми, которые не торопясь должны были возвращаться к старой стоянке, пока вождь с отрядом воинов не разыщет следов Ну и Нат-ул.

Прежде всего они обнаружили труп Худа. Затем оттуда им удалось найти следы Ну и слабые, старые отпечатки сандалий Нат-ул, что дало им понять, что Ну не удалось с ней здесь встретиться.

Они пошли дальше по берегу в направлении своих старых жилищ и постоянно получали неопровержимые подтверждения того, что те, кого они разыскивают, следовали тем же путем. Когда они добрались до пещер уже было темно, а на следующее утро отыскать следы было затруднительно, потому что во многих местах прилив смыл их. Тогда Ну разделил воинов на три отряда. Один, с которым остался и он, должен был продолжить путь на юг вдоль берега, второй должен был прочесать джунгли на расстоянии мили и затем тоже свернуть на юг, в то время как третий должен был направиться на запад, в глубь материка. Таким образом, один из отрядов так или

иначе должен был либо найти разыскиваемых, либо по крайней мере их следы.

Один из отрядов возглавил Тха, и Ахт пошел с ним. Даг остался с Ну, вождем. Они быстро пошли вдоль берега и растянулись цепочкой во всю его ширину, от воды до джунглей, чтобы ничто не ускользнуло от их внимания.

Несколько раз ложный след уводил их в джунгли, из-за чего они потеряли много времени, и к наступлению темноты так никого и не обнаружили.

Они раскинули лагерь на берегу около края леса, разведя вокруг костры для защиты от хищников. Затем легли спать, оставив двоих сторожить и поддерживать огонь.

Одним из стражей был Даг. Когда ночью стемнело окончательно, он обратил внимание, что вдали виден свет. Он показал своему товарищу зарево и сказал:

— Это люди. Это свет сторожевых костров.

Затем в том же направлении слышались дикие крики. Даг был готов разбудить Ну, когда его зоркие глаза засекли что-то осторожно передвигающееся между джунглями и стоянкой. Это что-то видимо только что выползло из густой растительности. В обычном случае Даг решил бы сразу, что это хищник, но внезапное выяснение, что неподалеку находится поселение, вынудило его быть более осмотрительным и осторожным.

Конечно, люди редко выбирались из джунглей после наступления темноты, но все же что-то в движениях этого существа ему подсказывало, что это человек передвигается на четвереньках.

Даг обошел лагерь, опасаясь незваных гостей. Кое-где он подбросил в костер веток, в одном месте поправил выпавший и дымящийся рядом с костром хворост. Но все время он тем не менее продолжал следить за движениями существа, направляющегося к лагерю.

В более ярком свете костров ему теперь было лучше видно и он увидел, что существо время от времени оглядывается.

— Есть ли у него спутник или спутники? А может быть его кто-то преследует? — Даг внимательно разглядывал джунгли позади движущегося создания.

— Ага! Так вот это кто!

Из сумрака леса вышла черная тень и пошла вслед существу, находившемуся как раз посередине между джунглями и лагерем. Дагу незачем было и разглядывать эту тень, чтобы определить, кто это. Гибкое тело, черная

масса, образующая жесткую гриву, два желто-зеленых огня — это вне всякого сомнения был Зор, лев, вышедший на охоту.

Даг что-то шепнул своему напарнику. Они оба внимательно рассматривали существо, не пытаясь скрыть, что видят его.

— Это человек, — шепнул напарник Дагу.

И тут Зор со страшным ревом кинулся вперед, а существо впереди него выпрямилось и стало полностью видно в свете ближайшего костра. Даг, закричав так, что проснулись все, бросился за линию костров, занеся копье с каменным наконечником в броске на нападающего Зора.

Копье пролетело буквально на расстоянии ладони от плеча потенциальной жертвы Зора и вонзилось в грудь зверя. В этот же момент Даг заслонил собой существо, встав перед Зором лишь с каменным топором и ножом, чтобы сразиться с рассвирепевшим, раненым демоном-разрушителем.

Он на ходу бросил несколько слов тому, вместо кого он подставил себя.

— Беги за линию костров, Нат-ул! За Зором следом идет его подруга! — закричал он.

И действительно, легко перепрыгнув линию песка, появилась матерая львица, гривастая как и самец.

Рядом с Дагом встал и его товарищ, а со стороны лагеря бежали еще стрелки с копьями. Зор, поднявшись на задние лапы, напал на Дага, который ловко ускользал от него, отпрыгивая то в одну, то в другую сторону, избегая страшных ударов могучих когтистых лап, и успевая ударять его по голове своим тяжелым топором.

Второй воин встретил разъяренную львицу ударом копья. Острие вошло точно в широкую грудь. Пока человек крепко держал его за рукоять, увертываясь то в одну сторону, то в другую, зверь отступая и катаясь по земле, щелкал на него зубами.

Но теперь уже и вождь и другие воины добежали до места битвы. В тела Зора и его подруги уже вонзилось несколько десятков копий, топоры летели им в головы, а могучий Ну влез на спину Зора с одним ножом. Он вцепился в мохнатую гриву, раз за разом втыкая нож зверю в спину до тех пор, пока рычащий зверь не покатился набок, чтобы больше не подняться.

Львица была более живуча, чем ее повелитель: истыканная копьями, вся в ключьях от ножей, она нашла в

себе силы броситься еще раз в атаку на одного из замешкавшихся пещерных воинов. Мощная лапа прошлась по всему его телу, и когда он упал, чудовищные челюсти с кошмарным хрустом сжали его голову.

Львица угрожающе рыча стояла около своей жертвы, а первобытные воины, пританцовывая, образовали круг, выжидая момента для нападения и мести за своего товарища.

Нат-ул, внутри кольца костров, подкладывала ветки в огонь, так чтобы воинам было все видно вокруг. Она еще находилась в волшебном изумлении — так неожиданно она оказалась среди своих. Она едва могла дожидаться, когда же одолеют наконец львов, потому что дело, которым были заняты все ее помыслы, не терпело отлагательств.

Но наконец дикая подруга Зора свалилась мертвая, и как только Ну, вождь, вернулся в лагерь, Нат-ул бросилась к нему навстречу.

— Скорее! — закричала она. — Они убивают Ну, твоего сына, — и она показала в направлении на юг, туда, где совсем четко теперь было видно зарево.

Ну не стал задерживаться, чтобы расспросить ее. Он просто позвал за собою своих воинов.

— Нат-ул говорит, что они там убивают Ну, сына Ну, — показал он в сторону огненного свечения. — Пошли!

Пока Нат-ул вела их вдоль берега и через джунгли, она рассказала Ну, вождю, обо всем, что с ней произошло с тех пор, как Худ ее украл. Она рассказала о своих наблюдениях, о Строителях Лодок. О том, как один из них охотился на нее, о страшной твари, утащившей ее в гнездо. Рассказала она и о странном создании, пробравшемся в хижину, где ее держали, о том, как оно напало на Тура сзади. О том, как она выскользнула из хижины во время драки и убежала в джунгли, освобождаясь от пут во время бега. Она вздрогнула во время рассказа о том, как ей пришлось пробираться сквозь строй диких животных, чтобы попасть из поселка Строителей Лодок в джунгли.

— Я до конца ночи оставалась на огромном дереве совсем рядом с чужой деревней, — продолжала она. — Утром рано я отправилась на поиски еды, собираясь идти на север до тех пор, пока не доберусь до старых пещер, где смогу жить в относительной безопасности. Но все время я думала о том, кто же мог напасть на Тура

в хижине накануне ночью, и чем больше я думала, тем яснее мне казалось, что это может быть только человек — а иначе, кто кроме человека может пройти незамеченным через защитные костры?

Поэтому, поев, я вернулась опять к деревьям на краю деревни и принялась наблюдать. Солнце было прямо над мной — прошла половина дня. До наступления темноты мне уже было не успеть дойти до старых пещер, а кроме того, на меня могли в любой момент напасть чужаки или Ур, Зор или Оо. Поэтому я решила, что останусь до следующего утра, подожду, а потом пойду к пещерам. И потом мне что-то говорило, что надо остаться. Что это было, я не знаю; но это было как будто существуют две Нат-ул, одна из них хочет как можно быстрее уйти с земли чужаков, а другая настаивает, что она должна остаться. Под конец вторая я победила, я решила остаться и нашла удобное место на большом дереве, что растет прямо около лужайки, где стоит деревня чужаков, и там я оставалась до темноты.

И вот потом я увидела то, что послало меня сюда. Сначала я увидела ваши огни, и удивилась, кто же мог прийти с севера. Я знала, что чужаки все вернулись к вечеру, так что это не могли быть они, а первое племя на север, что я знаю — мое собственное, так что я надеялась, хоть и не верила, что это кто-нибудь из воинов Ну.

И потом я увидела что-то, что происходило в деревне подо мною. Воины вошли в хижину, из которой они вытащили пленника. Они тащили его за ноги через всю деревню и вокруг нее, а женщины и дети мучали его и плевали в него.

Сначала я не могла рассмотреть пленника, но потом они его поставили на ноги и привязали к столбу, где собирались изжарить его живьем, и тут я увидела его лицо.

О Ну, ты не можешь не догадаться, кто это был — тот, кто последовал за мной так далеко, преодолел столько трудностей и опасностей и добрался даже по ужасным водам, чтобы спасти меня.

— Ну, сын Ну,— промолвил старый воин и гордо вздернул голову, пробираясь сквозь джунгли к деревне.

Отряду постоянно угрожали со всех сторон хищники. Дважды им пришлось сразиться с особенно наглыми тварями, но в конце концов они все же добрались до края джунглей возле деревни — цели своего пути.

Их глазам предстало странное зрелище. Мужчины и

женщины метались из стороны в сторону с гневными криками. Позади них пылал выложенный кругом костер. В центре этого круга, как сказала воинам Нат-ул, был привязан к столбу Ну, сын Ну. Его медленно поджаривали, может статься, он уже мертв.

Ну собрал воинов вокруг себя. Двоим он велел остаться с Нат-ул. Затем сопровождаемый остальными, Ну, вождь, с белым пером над благородным лицом и в мохнатой шкуре Ура, пещерного медведя, бесшумно прокрался к деревне взволнованных Строителей Лодок.

Могучих воинов с мощной мускулатурой было сорок. Сильными руками они сжимали великолепные копья и тяжелые топоры. За набедренными повязками у них были заткнуты каменные ножи на случай рукопашной схватки. Первобытные мозги их были заняты единственной мыслью: убивать, убивать, убивать!

Они подошли к самым кострам, но взволнованное население не заметило их. Только когда одна из девушек вспомнила о своих обязанностях и решила подбросить веток в огонь, увидела их — красивые дикие лица прямо около костров.

С испуганным предупреждающим криком она повернулась и бросилась к своим. На секунду шум затих, слышался только крик девушки: — Воины! Воины!

Но Ну и его воины уже были в деревне. Воины Строителей Лодок бежали навстречу атакующим. Женщины и дети бросились в другой конец деревни прятаться. Обитатели Скал бросились на Строителей Лодок и атака сопровождалась воплями и боевым кличем. Дождь тонких длинных копий был встречен короткими толстыми гарпунами обитателей деревни.

Тогда воины бросились в битву с топорами. С самого начала сражения никто не сомневался в исходе битвы — невозможно было противостоять воинам племени Ну, охотникам на диких животных, воинов. Это были мастера своего дела. Они все теснили и теснили людей в «коровьих» шкурах до тех пор, пока тем не пришлось присоединиться к своим женщинам и детям искать укрытие.

Теперь все пространство, окруженное кострами, было заполнено захватчиками, и когда Нат-ул ворвалась в толпу воинов своего племени, чтобы первой добежать до Ну и перерезать его путы, последний из Строителей Лодок скрылся во мраке за пределами деревни на пути к лодкам.

Ну, вождь, следовал за Нат-ул по пятам. Они, пренебрегая страшным жаром, вместе добрались до столба.

Девушка бросила взгляд на дымящийся столб и землю вокруг, повернулась и кинулась в объятия к Ну.

Ну, сына Ну, не было, тела его не нашли нигде.

ГЛАВА 10

МЕСТЬ ГРОН

Страдающая и измученная жестокими побоями, нанесенными Туром, Грон весь следующий день пролежала в своей хижине. Тур ей больше не досаждал. Похоже, он вообще забыл про нее. Мысль об этом вновь вызвала в ней дикую первобытную ревность, не смотря на зверские побои накануне.

Весь день она лежала, лелея ненависть к Туру. Весь день она обдумывала самые различные дьявольские варианты мести. На груди она спрятала каменный нож. Туру даже повезло, что он не навестил ее. Когда он бил ее, нож был тоже при ней, но тогда ей и в голову не пришло направить лезвие против своего мужчины, но теперь, когда он бросил ее, когда он думает о новой подруге, мысли ее обратились к силе оружия.

Грон выбралась из своей хижины только в темноте ночи. Она уже сутки не ела, но голода она не чувствовала: все чувства и эмоции парализовал яд ненависти и ревности. Грон спряталась позади всех сородичей, столпившихся вокруг фигуры у столба.

Ага, они хотят получить удовольствие от мучений пленника! Грон поднялась на цыпочки, чтобы посмотреть через плечо стоявшей впереди женщины. Та обернулась и, узнав ее, ухмыльнулась.

— Тур получит большое удовольствие от смертных мук друга той женщины, которую он возьмет вместо тебя, Грон,— язвительно заметила она.

Грон ничего не отвечала. Еще не пришло ее время выказывать то, что у нее на сердце. Она согласна была бы скорее умереть, чем показать этой женщине, как она страдает.

— Потому-то он так и разозлился,— продолжала мучительница,— когда ты попыталась лишить его удовольствия.

При этих словах Грон осенило. Да, Тур с ума сойдет от злости, если пленнику удастся сбежать. Взбесится и

Скарб, вождь, что велел Туру избить ее и взять себе другую женщину.

Грон опять встала на цыпочки и долго и внимательно принялась разглядывать лицо человека, привязанного к столбу. Пламя разведенного вокруг костра уже освещало его фигуру и черты лица почти так же ярко, как солнечный свет. Мужчина был очень красив. В племени Скарба не было ни одного мужчины, кто мог бы сравниться с чужаком. В глазах Грон вспыхнул блеск. Если бы она смогла сбежать с таким красавцем, это было бы прекрасной мстью Туру. А если бы можно было сбежать именно с пленником, то наказаны были бы и Тур и Скарб! Но это, конечно, невозможно — через несколько часов этот человек будет мертв.

Грон принялась бродить по деревне — ее ненависти было слишком тесно на одном месте. Она бродила туда-сюда как рассерженная тигрица. И то и дело то одна, то другая из соплеменниц отпускала на ее счет язвительное замечание.

Теперь так будет всегда. Как она ненавидела их всех. Когда она в очередной раз проходила мимо своей хижины, она слышала жалобный плач своего ребенка. Она совсем забыла о нем. Она поспешила в хижину и схватила его на руки — он лежал среди выдровых и лисьих шкур.

Это был ребенок Тура — его сын. Он уже начал ходить на отца. Как Тур гордился этим. Грон захлебнулась от ужасных мыслей, пришедших ей в голову. Она принялась разглядывать ребенка, которого держала теперь на вытянутых руках, в сумрачном свете хижины.

Как Тур будет страдать, если что-нибудь случится с его первенцем, его единственным сыном! Грон буквально отшвырнула крошечный комочек обратно на шкуры и выскочила из хижины.

С полчаса она без устали бродила вокруг поселка, раздираемая противоречивыми эмоциями. Множество раз она приближалась к месту огненной казни, где человек у столба страдал от приближающихся все больше и больше языков пламени. Непосредственно его они еще не коснулись, но уже давали ему понять о приблизившихся муках.

Внезапно она столкнулась лицом к лицу с Туром. Руки ее невольно сложились жестом мольбы и призыва. Она оказалась прямо на пути Тура. Мужчина остановился, взглянул на нее, затем с усмешкой, искривившей его лицо, он поднял руку и ударил ее по лицу.

— Вон с дороги, женщина! — рывкнул он и прошел мимо.

Группа соплеменниц, стоявшая неподалеку, видела все это. Они шумно расхохотались над ней, бросая злобные взгляды и отпуская замечания. Но не стоит их особенно гневно осуждать — прошло множество лет и поколений, прежде чем их тогда еще не родившиеся сестры научились хотя бы скрывать точно такие же эмоции.

Грон похолодела, затем вспыхнула, потом опять похолодела. Вспыхнула она от гнева и унижения. Похолодела же от пришедшего ей в голову решения — страшного решения. И внезапно она лишилась рассудка. Она рванулась и помчалась в хижину, где лежал ее малыш. В темноте она нашла крошечное создание. Это был ребенок, дитя Тура. Тур любил его. На секунду она прижала его мягкую щечку к своей щеке, приложила теплое тельце к груди. Затем... Господи, прости ее, ведь она была дикарка, доведенная до отчаяния.

Затем уронив жалкий комок на пол хижины, Грон выбежала вон. Глаза ее были безумны, волосы разметались, закрывая лицо. Она помчалась вновь к толпе своих соплеменников, наблюдавших за жертвой, упрямо отказывающейся удовлетворить их жажду наслаждения чужими страданиями — Ну даже не вздрогнул. Жар огня уже причинял ему ощутимые страдания, но даже единым движением не показал, что замечает огонь или хотя бы присутствие людей.

Грон понаблюдала за ним. Ее ждала такая же судьба, когда Тур и Скарб обнаружат содеянное ею, потому что мальчики для племени священны.

Затем Грон вновь вернулась к тем словам, что ей на этом же месте сказала ее соплеменница. Как же осуществить свою месть, довести ее до конца? Практически это казалось не осуществимым. Столб со всех сторон был окружен любопытствующими.

Грон подумала и побежала к находящимся на противоположном конце поселка сторожевым кострам... Там не было никого. Даже девушки, поддерживающие огонь, покинули свой пост, чтобы насладиться агонией пленника. Грон схватила из кучи хвороста, припасенной для подкладывания в костер, ветку с большими листьями. Ею она прибила огонь в двух кострах, оставив проход между кострами, достаточный для того, чтобы предположить, что по нему прошли дикие звери. Затем она бегом вернулась к толпе зевак...

Подбегая, она закричала в явном ужасе. Стоявшие вблизи повернулись, привлеченные ее воплями.

— Зоры! — кричала она. — Огни погасли, и четыре Зора вошли в хижины, и пожирают детей. Вот с этой стороны, — и она показала в обратном направлении.

В тот же момент все племя кинулось к хижинам. Сначала воины, а за ними женщины и дети. Жертва осталась у своего столба в одиночестве. Как только все повернулись к пленнику спиной, Грон проскользнула за огненное кольцо.

Ну увидел женщину и узнал ее. Он увидел у нее в руках нож. Она хотела его убить еще прошлой ночью, и теперь дождалась своего часа. Да, пожалуй, это будет лучше, чем медленная смерть на костре.

Но нож Грон не коснулся его. Вместо этого женщина быстро перерезала жилы, которыми он был привязан к столбу. Как только путы упали, женщина схватила его за руку.

— Быстро! — вскрикнула она. — Быстро! Они сейчас вернутся — никаких Зоров в деревне нет!

Ну не стал выяснять ничего. Первые несколько шагов он шатался как пьяный, потому что туго стянутые ремни нарушили кровообращение. Но Грон наполовину поддерживая, наполовину подталкивая, повела его через огонь по направлению к внешнему кольцу костров в стигийскую тьму ночи на берегу.

По мере того как Ну двигался, кровь все лучше и лучше циркулировала по сосудам, так что к тому времени, как они подошли к воде, он уже снова великолепно владел всем телом.

Грон провела его к челну.

— Быстро! — снова велела она, и они вывели лодку на линию прибоя. — Они скоро здесь будут и мы умрем оба.

В деревне уже отчетливо слышались гневные крики, и огонь освещал мечущееся между сторожевыми кострами и местом казни племя. Линию прилива они уже миновали, и лодка оказалась в более спокойных водах. Грон забралась в нее и Ну был готов занять место напротив, когда в шуме, доносившемся из деревни, послышались новые ноты. Вместо гневных выкриков в деревне раздавался боевой клич. Даже на таком большом расстоянии Грон и Ну было видно, что в поселении Строителей Лодок идет сражение. Что бы это могло значить?

— Они передрались между собой, — предположила

Грон.— А пока они дерутся, давай поспешим, чтобы до возвращения дня мы ушли далеко вперед.

Но Ну не торопился отплывать. Ему хотелось узнать о причине сражения побольше. Соплеменникам не было никакого резона кидаться друг на друга с такой враждебностью, тем более, что не было и провоцирования вражды. Ну показалось издали, что в деревне стало больше людей, чем раньше. Что же все-таки это все могло значить? Для троглодита это могло означать только одно — нападение врага, и ему хотелось оставаться неподалеку до тех пор, пока он не сможет узнать, кто напал на деревню.

Но Грон не хотела ждать. Она схватила свое весло и принялась грести.

— Подожди! — велел Ну, но женщина продолжала настаивать, что следует поторопиться или они пропадут.

Во время спора Грон внезапно выпрямилась, указывая на берег.

— Смотри! — прошептала она, — они нас обнаружили. За нами погоня.

Ну посмотрел в том же направлении и увидел достаточно ясно, несмотря на тьму, что к берегу движутся две фигуры. Он увидел, что они взялись за лодку и потащили ее вперед, а в таком случае только немедленное отправление может их спасти. Он схватил весло и при поддержке Грон выгреб в открытое море.

— Мы можем сейчас свернуть и ускользнуть от них, — шепнула она.

Ну кивнул.

— Мы свернем на север в сторону моей страны, — сказал он.

Грон не возражала. Ей было все равно, на юг или на север. Жизнь кончена, для нее счастья ожидать не приходится. Мысленно она вернулась в сумрачную хижину, где на выдровых и лисьих шкурах лежал жалкий комочек.

Они молчали, усиленно работая веслами. Позади них время от времени мелькало преследующее их каноэ.

— Почему ты спасла меня? — спросил наконец Ну.

— Потому что я ненавижу Тура, — ответила она.

Ну замолк, размышляя. Но думал не о Грон. Мысли его были заняты судьбой Нат-ул. Куда она делась после того, как спаслась от Строителей Лодок? Удалось ли ей благополучно добраться до племени? Знала ли она, что это он, Ну, вошел в хижину, где она лежала и спас ее от

Тура? Он подумал, что нет, иначе она осталась бы и сражалась бы бок о бок с ним.

Грон прервала его раздумья. Она указала на корму. Не более чем в пятидесяти ярдах от них Ну увидел очертания другой лодки с двумя гребцами.

— Спешите! — шепнула Грон. — Они нас нагоняют, а кроме моего ножа, оружия у нас нет.

Ну сосредоточился на работе веслом. Ускользнуть от преследователей и двинуться на север возможности не было. Нужно было прежде выиграть расстояние, достаточное для того, чтобы преследователи не смогли понять, в каком направлении они скрылись. Но похоже было, что им это не удастся — обогнать двоих — как бы они не старались от них отделаться.

Было самое темное время ночи — часы перед наступлением рассвета. Они боролись что было сил. Кажется, расстояние стало увеличиваться. Через несколько минут можно будет свернуть. Но едва они попытались это проделать, как им навстречу устремилась сильная волна прибоя. Оба они были изумлены. Что случилось? Куда они попали? Они ведь гребли прямо в открытое море, но ошибки быть не могло — перед ними был берег. Повернуть назад означало попасть прямо в руки преследователя — этого не хотелось им обоим в одинаковой мере. Если бы Ну был вооружен, он, не задумываясь, вступил в борьбу с обоими, но, имея лишь обычный нож, да два деревянных весла, это было совершенно бессмысленно.

Они, напрягая все силы, провели челн через линию прибоя и гребли, пока лодка не вонзилась носом в песок. Тогда они оба выскочили на берег и протащили лодку еще дальше, чтобы более мощный вал не отнес ее в море.

Так где же они? Ну смутно догадывался. Он понял, что они попали на тот же самый остров, с которого он видел, как Нат-ул увозил Строитель Лодок, и с которого он сам так недавно выбрался.

Но он был не совсем прав. Их бешеная гребля в темноте привела к тому, что они обошли с севера ближайший остров. На самом деле они высадились на южном побережье самого крупного из островов группы, лежащей несколькими милями северо-восточнее от того острова, на котором Ну уже побывал.

Но что за разница? Один не лучше другого. Оба острова принадлежали Таинственной Стране. Оба были населены устрашающими летающими рептилиями, и легенды

рассказывали, что здесь живут страшные люди. А Ну был безоружен!

Кому из нас не снилось, что мы гуляем по улицам полуодетые или вовсе голые? Какое жуткое чувство мы испытывали во сне! Но даже оно не может ни в коей мере сравниться с ощущением троглодита, попавшего в чужую страну без оружия, даже без ножа!

Ну был расстроен, но надежды не терял. Он не обратился к женщине с вопросом: «Что мы будем делать?». Дикарь мог надеяться только на самого себя. Его вынуждали к тому и наследственность, и окружающая среда, и все могущественнейшие законы природы. Иначе бы он исчез с лица земли, не получив возможности передать по наследству потомкам свой облик — не было бы и потомков. Какие-нибудь другие формы живых существ, раскопав случайно их кости, удивились бы их структуре и привычкам древнего чудовища, чьи задние конечности настолько крупнее передних, что с их точки зрения должно было бы затруднять передвижение, превращая его в болезненное кувыркание.

Но Ну, сын Ну, не относился к расе, обреченной на вымирание. Он знал, когда надо сражаться, а когда следует избегать столкновений. В данный момент не с кем было избегать столкновений, но безопасное убежище найти было необходимо, и сделать это следовало в первую очередь. Он схватил Грон за руку.

— Пошли! — сказал он. — Надо найти пещеру или дерево, чтобы спрятаться до наступления дня.

Женщина бросила взгляд через плечо — чисто по-женски.

— Смотри! — прошептала она, указывая на линию прибоя.

Ну взглянул и увидел, что на гребне волны неясно вырисовываются очертания лодки с двумя гребцами. Одного взгляда было достаточно. Преследователи были близко. Ну, все еще держа Грон за руку, двинулся к темным теням в глубине берега. Женщина быстро бежала рядом.

Ну немало удивляло, что женщина бежит от своих, чтобы спасти его, чужака и врага. Он опять задал тот же вопрос, на который женщина ответила так эмоционально.

— Почему ты так стараешься спасти меня от своего же народа?

— Я воюю не стараюсь спасти тебя, — отвечала жен-

щина.— Я хочу свести Тура с ума, вот и все. Он подумает, что я сбежала с тобой, чтобы стать твоей женщиной. По мне, ты можешь и умереть, мне важно, чтобы Тур так подумал. Я ненавижу тебя, но не так сильно, как Тура.

ГЛАВА 11

ЗУБРЫ

Ну вел Грон сквозь ночную мглу вперед к тропическому лесу, покрывающему пологий склон от берега вглубь острова, внутренне веселясь при мысли о поражении Тура и прямоте высказывания его спасительницы.

Но теперь Ну был защитником. Он мог бы и оставить женщину на произвол судьбы. Она вполне ясно сказала, что не испытывает к нему никакой любви — настолько ясно, насколько это можно выразить с помощью слов: «Я ненавижу тебя, но не так сильно, как Тура». Но ему даже в голову не пришло бросить Грон. Она — женщина. Она спасла ему жизнь. А мотив можно во внимание и не принимать.

Ну в темноте нашел большое дерево. Он влез на нижние ветви, чтобы произвести разведку, но никаких опасных врагов там, к счастью, не обнаружил, спустился вниз и помог Грон взобраться на дерево. Здесь им предстояло провести время до наступления утра — невооруженным идти ночью через джунгли можно только в случае действительно крайней необходимости.

Ну было не привыкать спать на деревьях. Его племя частенько проделывало так во время больших переходов или если очень затягивалась почему-либо охота, в ходе которой они слишком удалялись от своих пещер. Но Грон жизнь на деревьях была вовсе незнакома. Она в ужасе вцепилась в ствол дерева в позе, исключавшей возможность уснуть.

Ну показал ей, как наилучшим образом расположиться на ветви, опершись спиной на ствол, но даже и тогда она боялась заснуть и свалиться во сне. В конце концов Ну обнял ее рукой за плечи, чтобы подстраховать, и они заснули.

Солнце было уже высоко, когда спящие проснулись. Грон раскрыла глаза первая. В первый момент она никак не могла понять, где она оказалась, настолько непривыч-

ной была обстановка. Что это? На чем лежит ее голова? Она подняла глаза. Перед ней было загорелое чеканное лицо похожего на бога Ну. Постепенно сквозь сон она начала припоминать. На плечах она почувствовала поддерживающую ее мощную руку.

Это был ее враг — враг ее народа. Она посмотрела на Ну новыми глазами, как будто пробуждающийся день принес пробуждение и ее душе. Мужчина был несомненно красив — красив мужской красотой, воплощением силы. Грон сонно прикрыла глаза и снова прижалась к сильно-му, коричневому от загара плечу. Но наступило полное пробуждение, а с ним и возвращение всего происшедшего. У нее перед глазами вновь возник жалкий комочек среди выдровых и лисьих шкур на полу далекой теперь хижины.

Задохнувшись, едва удержав крик, Грон резко выпрямилась. Движение разбудило Ну. Он открыл глаза, посмотрел на женщину и убрав с ее плеч руку, встал во весь рост на ветке.

— Нам надо прежде всего найти еду и оружие, — сказал он, а потом вернуться к земле, где моя страна. Пошли.

Он быстро оглядел пространство вокруг и под деревом. Хищников видно не было. Ну спустил женщину, легко спрыгнул сам. Фруктами, росшими вокруг в изобилии, утолили голод. Затем Ну направился вглубь острова в поисках твердого дерева для древка копья. Поначалу можно было бы обойтись даже и копьем с обожженным на огне острием, пока не удастся найти зеленый нефрит или осколок кремня.

В поисках они поднимались в горы и спускались по склонам, идущим вдоль береговой линии, но нигде им не удавалось найти ни прямого куска твердого дерева, ни единого осколка нужного для наконечника или топора минерала.

Они шли все дальше и дальше по направлению к видневшейся далеко внизу долине, поросшей лесом. Там могли расти нужные им породы деревьев. В конце концов они подошли к совершенно отвесному обрыву высотой сотни две футов, у подножия которого и начинался лес.

Они постояли, глядя на непривычный ландшафт: довольно открытый лесной массив, начинающийся на краю плато и уходящий в уже невидимую даль, над которым лежала легкая теплая дымка. Далеко за лесом чуть виднелись очертания далеких гор, их зубчатые верхушки пронзали дымку, закрывавшую их основание.

— Давай спустимся,— сказал Ну, спуская ноги с обрыва.

Грон отшатнулась, испуганно вскрикнув.

— Ты упадешь! — закричала она.— Давай поищем дорогу полегче!

Ну взглянул вниз и засмеялся.

— Что же может быть легче? — удивился он.

Грон склонилась над обрывом. Она увидела скалистую стену, поврежденную во многих местах скатившимися валунами, узкие выступы более твердых пластов, сумевших противостоять эрозии. В некоторых местах виднелись нагромождения осыпавшихся камней, готовых податься под неловко ступившей ногой, а внизу россыпи острых камней, готовых принять разбитое, изувеченное тело выбравшего себе эту дорогу к лесу. Ну увидел, что Грон ничуть не успокоило увиденное.

— Пошли! — повторил он.— Со мной ты в безопасности.

Грон взглянула на него, почувствовала восхищение его смелостью и ловкостью, невольное восхищение врагом. Она почувствовала, что в его словах: «Со мной ты в безопасности» нет обмана. Она села на край и спустила ноги в бездну. Ну опять взобрался наверх и взял ее за руку, ведя за собой вниз. Как он умудрялся при этом держаться, она не могла себе представить, но так или иначе он, поддерживая ее, находил выступы, чтобы зацепиться рукой и опереться ногами. Путь действительно чудесным образом был не столь уж труден. Задолго до того, как они спустились, Грон перестала бояться и даже сама начала находить впадины и выступы, что облегчило еще путь им обоим. Когда же они спустились и стояли на каменной осыпи, она взглянула на него с плохо скрытым восхищением. Она мысленно сравнила Ну с Туром, Скарбом и другими мужчинами племени Строителей Лодок, но сравнение было далеко не в пользу последних.

— Те, кто преследуют нас, здесь остановятся,— промолвила она,— потому что я не вижу нигде другого спуска со скал,— и она повела головой вправо и влево.

— Я и забыл, что за нами могут идти,— сказал Ну,— но стоит нам найти то, что нам нужно и у меня будет копье и топор — пусть тогда только сунутся: Ну, сын Ну, встретит их как подобает.

Они пересекли каменистую осыпь и вступили на заросшую травой лужайку у края леса. Они не прошли и полдороги к лесу, как послышался шум и перед ними

среди деревьев появились зубры, предводительствуемые вожаком. Завидя людей, самцы принялись реветь, а самки попрятались за мохнатыми спинами своих повелителей.

Перед ними было мясо, а у них лишь один нож. Ну схватил оружие Грон.

— Возвращайся к скале,— велел он,— на случай, если они нападут. Я притащу молодую самку.

Грон повернулась, чтобы сделать как он велел, а юноша повернул направо, чтобы обойти стадо, но тут по обеим сторонам стада появилось несколько мужчин. Они были одеты в шкуры животных, которых сопровождали, и вооружены копьями и топорами. При виде Грон и Ну они подняли дикий крик и бросились за ними. Ну понял бессмысленность столкновения без оружия. Он схватил Грон за руку и помчался обратно к скалам. Пастухи следовали по пятам, издавая кровожадные победные крики. Они считали, что добыча уже загнана в тупик. Скала сама остановит их, и там можно будет быстренько покончить с мужчиной, а женщину взять в плен.

Они не были скалолазами или обитателями скал и ничего не подозревали о способностях и возможностях Ну. Иначе они не замедлили бы своих шагов, не заходили бы вправо или влево, предполагая, что преследуемые могут попробовать бежать в сторону. Ну и Грон пробежали через каменную осыпь и у подножия скалы, где, по рассуждениям преследователей, они должны были остановиться, жертвы не промедлили ни секунды. Ну буквально вспрыгнул на отвесную стену, втащив за собой и женщину. Пастухи взвыли от злости и разочарования. Ну где это видано! Это было невозможно, но тем не менее прямо у них на глазах мужчина, да еще обремененный женщиной, поднимался по непроходимой стене.

Пастухи бросились к подножью скалы, но Ну и Грон были уже вне пределов досягаемости. Повернув голову, Ну определил, что с помощью оружия их все же снять со стены еще можно. Он вытянул правую руку и нащупав готовый отвалиться обломок скалы, рванул его и сбросил вниз прямо на головы преследователей. Обломок упал на одного из них, оставив лишь мокрое место.

Ну принялся карабкаться вверх с новой силой, и прежде чем пастухи пришли в себя, он вывел Грон из пределов досягаемости копья. Присев на корточки на узком выступе и втащив туда Грон, Ну осыпал преследователей обидными эпитетами. А затем подытожил их,

скинув на головы пастухам достаточное количество увесистых камней, чем вынудил вопящих врагов отойти на безопасное расстояние.

Противник не проявил ни малейшего желания следовать за беглецами. Они явно были не лучшими скалолазами, чем Грон, за что вызвали презрение Ну. Эх, если бы у него только был топор, он бы слез и уничтожил их!

Грон, сидящая рядом с ним, была полна удивления, смешанного с каким-то еще непонятным ей самой чувством. Ее враг стольким рисковал, чтобы спасти ее. Ведь наверху, на вершине скалы Ну забыл, что женщина не его племени и не способна так же лазить по скалам, а когда обнаружил, что она тщетно пытается найти опору для ног, то несмотря на угрозу для жизни, помог ей. Тур бы никогда так не поступил.

Женщина поглядывала украдкой на молодого гиганта рядом с ней и чувствовала, что с ней что-то происходит. Он уже не казался ей врагом. Он был защитником ей, и она в поисках защиты смотрела на него с куда большей уверенностью, чем раньше на Тура. Она знала, что Ну прокормит ее — она зависела не только от его защиты, но и от этого тоже. От своего мужчины она и не ждала никогда большего. Своего мужчины! Она снова застенчиво взглянула на Ну. Ах, какой бы спутник жизни вышел из него! А почему бы и нет? Они одни в этом мире, вдали от людей, быть может, навсегда. Грон вдруг поняла, что питает надежды на то, что навсегда. Интересно, о чем сейчас думает Ну.

Юноша, казалось, весь предался радости от дразнения страхолюдных дикарей у подножия скалы, но на самом деле мысли его были заняты планами спасения. А почему? Только ли потому, что стосковался по родным местам и своим? Далеко не только. Ну мог бы быть счастлив, оставшись и на этом острове навсегда, но при условии, что вместо Грон была бы другая. Он думал о Натул — другие женщины не могли бы заменить ее. Да и думал он о спасении только для того, чтобы вернуться на материк и вновь заняться поисками дочери Тха.

Еще около часу пастухи оставались на лужайке у подножия скалы, а затем, видимо поняв бесплодность этого занятия, собрали свое разбредшееся стадо и исчезли в лесу в том же направлении, откуда явились. Еще приблизительно через полчаса Ну спустился вниз. На поверхности скалы он обнаружил пещеру и оставил там Грон, сказав, что раздобудет ей еды сам, потому что в

случае погони ему будет легче одному, чем с ней.

Спустя немного времени он вернулся с едой и питьем. Воду он принес в пузыре, который всегда носил на ремешке. Он не обнаружил ни пастухов, ни твердого дерева, ни других материалов, нужных ему для оружия.

— Есть, конечно, более простой способ, — поделился он с женщиной, пока они ели, сидя у входа в пещеру. — У пастухов есть копья, топоры и ножи. Будет гораздо легче пойти за ними и отобрать у них оружие, чем делать самому. Побудь здесь, Грон, здесь безопасно, а Ну последует за чужаками и скоро вернется с оружием и мясом самой жирной зубрихи. Тогда мы вернемся на берег не боясь врагов, найдем лодку и вернемся в страну Ну. Там тебя хорошо встретят, потому что Ну, мой отец, вождь, и когда он узнает, что ты спасла мне жизнь, он будет к тебе добр.

Сказав это, Ну соскользнул со скалы, пересек лужайку и через секунду исчез из виду, смешавшись с лесными тенями.

Поначалу ему было трудно разобраться со спутанными следами стада, но затем он нашел место, где пастухи явно собрали своих подопечных и дальше погнали более или менее компактным стадом по направлению к противоположной стороне леса. Ну шел осторожно, готовый предупредить нападения и даже появление человека или зверя. Ведь любое живое существо может быть его врагом. Он часто останавливался, прислушиваясь и нюхая воздух. Дважды ему пришлось залезать на дерево при приближении хищников, но как только они удалялись, Ну слезал и продолжал идти по следу.

Протоптанная стадом тропка вела к дальнему концу леса, и здесь перед Ну развернулось редкой прелести зрелище, подобного которому ему видеть не доводилось. Солнце склонилось к западу над широкой долиной, раскинувшейся перед ним — лес кончился на гребне покатого холма, спускавшегося к голубому сверкающему озеру, лежащему среди зеленых лугов милях в двух от него.

На поверхности озера покачивалось десятка два или больше странных сооружений. Они явно были делом рук человеческих. Ну был в этом уверен, хотя никогда в жизни ему не приходилось такое видеть. Для себя он называл их «пещерами», точно так же как и хижины Строителей Лодок он тоже называл «пещерами», ведь для него любое место обитания человека было «пещера». А это

были без сомнения жилища людей, потому что были видны человеческие фигуры, снующие по узким мосткам, соединяющим покрытые тростником сооружения с берегом озера. По этим длинным мосткам они проводили и зубров, видимо для того, чтобы на ночь уберечь от ночных хищников, лесных и полевых.

До самой темноты Ну с неослабевающим интересом следил за жизнью плавучей деревни. Затем в относительной безопасности ночи он пробрался поближе к воде. Он перебежал от одного дерева к другому, прятался за кустами, камнями и впадинами, чтобы пробраться по возможности незамеченным. Под конец он залег в густых зарослях тростника на самом берегу озера. Раздвинув стебли, он смог наблюдать за всем, что происходит в селении, оставаясь в укрытии. Взошла луна и ярко осветила необычный поселок. Теперь только Ну увидел, что на самом деле хижины не плавают по поверхности озера. Он разглядел столбы, уходящие одним концом в воду. Жилища стояли на них. Он увидел мужчин и женщин, и детей, собравшихся на широких платформах вокруг большинства хижин и на узких мостках, соединяющих деревню с берегом. Перед многими хижинами горели огни, разведенные в маленьких глиняных очагах, предохраняющих настил от возгорания. Ну чувствовал приятный запах готовящейся рыбы, и рот его наполнился слюной при виде того, как зубы Обитателей Озера вонзаются в сочные куски мяса или как они поглощают содержимое раковин, а сами раковины бросают в воду.

Но как бы он ни был голоден и ни нуждался в куске мяса, объектами его непосредственного желания были длинное копье, тяжелый топор и острый нож волосатого великана, стоявшего на страже на ближайшем настиле. Именно на него Ну и поглядывал чаще всего. Жители деревни закончили свой ужин, крошки и остатки были сброшены в воду поблизости от жилищ, и завязались шумные разговоры у огня. Дети возились и кувыркались на краях платформ, частенько достаточно опасно близко к воде. Юноши и девушки уединялись в темных уголках и шептались у низкой ограды мостков. Громкоголосые воины в тысячный раз вспоминали героические подвиги. Молодые матери, кормя младенцев, с жаром предавались сплетням, кивая и качая головами. Старухи, седые и беззубые, но крепкие и проворные в силу неумолимого закона выживания сильнейших, возились с детьми по-

старше или занимались разными домашними делами, которые еще в силах были выполнять.

Стало еще темнее. Детишек разогнали по соломенным, крытым шкурами постелям. Еще с полчаса продолжались разговоры взрослых, но постепенно и они по двое, по трое начали расходиться на покой. На деревню опустилась тишина, а Ну все еще прячась в тростнике, продолжал наблюдать за стражем. Парень время от времени отходил, чтобы подложить веток в костер, горевший почти около берега и закрывавший в этом месте проход в деревню. Мимо него не мог бы пройти ни один хищник, да и любое другое существо не смогло бы проделать это, оставаясь незамеченным, так как костер горел ярко.

Ну начал прикидывать, как же ему все-таки пройти к караульному незаметно. Кидаться напролом к сторожевому костру было бы безумием, потому что у сторожа было достаточно времени поднять тревогу и собрать все население деревни, прежде чем Ну до него добрался.

По воде, конечно, тоже можно, но и здесь есть великолепная возможность быть увиденным в зеркальном отражении освещенного лунным светом озера, а особенно легко разглядеть пловца при таком свете именно со стороны поселения. Мостки отбрасывали на воду тень. Вот если бы ему удалось добраться до них и вылезти из тени прямо на уровне караульного, прежде чем тот осознает, что перед ним враг. Но шансы были настолько невелики, что Ну продолжал ждать, надеясь на то, что обстоятельства предоставят ему более удачный вариант решения проблемы.

Вообще-то говоря, он охотно бы избежал неизвестных опасностей незнакомого озера, в котором могли водиться бесчисленные кровожадные твари, но это было уже несущественно, так как независимо от желания троглодиту предстояло сделать мгновенный выбор между смертью знакомой и судьбой непредсказуемой.

Чуткий слух позволил Ну уловить осторожное движение в тростнике позади него с подветренной стороны, куда доносился его запах. Поступь хищника была практически не слышна в шорохе тростника, а особенно его шаги при приближении к жертве. Вы или я никогда не смогли бы их услышать из-за своей неприспособленности и тьмы различных звуков в первобытной, дикой ночи: кашель и урчание гигантских кошек, переходящее в леденящий душу рев, мычание скота, испуганные вскрики и вопли загнанной дичи, жужжание насекомых, шипе-

ние и шуршание рептилий, шорох и шелест травы и деревьев. Но Ну от нас отличался. Он, конечно, внимательно следил за возможным появлением и передвижением крупных зверей, но и помимо этого его возможности и способности были таковы, что он улавливал чуть более неосторожный шаг, незаметное изменение в походке подкрадывающегося к добыче хищника. Зверь унюхал его запах, донесенный ветром, и осторожно заходил к нему со спины.

Ну не надо было и видеть, чтобы знать, как огромные лапы бесшумно и осторожно поднимаются и ступают так, что даже трава не колыхнется, какая у животного опущенная и уплощенная голова, настороженные уши, как мягко помахивает хвост, чуть колеблясь на конце опущенной кисточкой. Он все это видел, зная чем все это грозит ему. Ни направо, ни налево бежать не было смысла, а перед ним лежало незнакомое озеро. Он был безоружен, а могучий кот был почти рядом.

Ну посмотрел на стража. Парень, подложив дров в костер, как раз вернулся на пост. Он стоял, перегнувшись через перильца и пристальной смотрел в воду. Что там такое? Ну уставился на караульного. Рядом с ним на платформе появилась еще одна фигура. А! Это женщина. Она тихонько подкралась к часовому сзади, часто со страхом оглядываясь. Затем что-то тихо сказала. Мужчина повернулся и при виде женской фигуры протянул руки и прижал ее к себе.

Лицо ее было прижато к его плечу, он отвернулся от Ну, глядя на рыжие волосы, доходившие женщине до пояса.

И в этот момент громадный хищник за спиной Ну прыгнул.

ГЛАВА 12

ЛОЖЬ ТУРА

В тот же момент, что зверь бросился вперед, Ну кинулся в озеро. Место было неглубокое, фута два-три, но пещерный человек держался дна и поплыл налево к мосткам. Он знал, что лев не последует за ним в воду — гораздо страшнее были неведомые обитатели озера. Каждый миг он ожидал нападения и острых зубов, но никто на него не покушался.

Когда запас воздуха в легких иссяк, он перевернулся на спину и всплыл, но так, чтобы над поверхностью воды были только рот и нос. Вдохнув полную грудь воздуха, он снова нырнул и продолжил путь к деревянному настилу. Ему казалось, что прошла вечность, пока рука его не коснулась шершавого настила. Он тотчас же всплыл и к своему восторгу увидел, что находится прямо под проходом, недоступный взору стража и его подруги.

На берегу позади себя он слышал сердитое рычание обманутой кошки. Его заинтересовало, не вызвал ли его прыжок в воду усиленное внимание и осторожность часового. Но судя по тихой беседе над головой, к которой он внимательно прислушивался, этого не произошло. Прекрасно! Они все еще миловались там, не думая о близкой опасности.

Ну страстно хотелось, чтобы они, наконец, уже расстались. Пока женщина там наверху, он к задуманному приступать не хотел. В течение часа, стоя по пояс в воде, он ждал, но наконец ее шаги стали удаляться. Он подождал, чтобы она дошла до хижины, а затем с кошачьей ловкостью влез по скользкому столбу и схватился за край настила. Он осторожно подтянулся так, чтобы глаза его оказались вровень с ним.

Шагах в десяти от него часовой медленно шел в сторону берега подложить веток в сторожевой костер. Он был спиной к Ну и находился примерно посередине между ним и берегом. Лучшего и желать было нельзя.

Пещерный человек быстро вскарабкался на платформу и осторожно легкими шагами последовал за стражем. Часовой подошел к куче хвороста около костра и наклонился над ним, чтобы взять охапку дров, и в этот момент Ну бросился на него сзади. Ну бросился на него с целеустремленностью и скоростью нападающего льва и как лев бросился всем телом. Он обеими руками сжал горло стража, чтобы тот не смог позвать на помощь, а зубами впился в мышцы позади ключицы, чтобы его было не так просто стряхнуть.

Часовой, ошеломленный нападением, боролся, чтобы оказаться сверху врага. Он вцепился в пальцы, сжавшие ему горло, чтобы хоть чуть-чуть ослабить хватку и позвать на помощь, но сжимавшие его тиски одолеть не удавалось. Тогда жертва нападения попыталась протянуть правую руку, чтобы достать нож. Ну этого ждал. Тотчас же правая рука его на горле разжалась, и он сделал движение столь стремительное, что его пальцы

сомкнулись на пальцах часового на ноже практически в одно и то же время.

Так что теперь лезвие вылетело из ножен, вытянутое двумя руками, и началось испытание на силу и ловкость, которое должно было решить исход борьбы. Обитатель Озера попытался вонзить нож в тело напавшего на него сзади. Ну удалось отжать нож вверх и в сторону. Вновь страж направил нож назад. На этот раз Ну не стал резко изменять его траекторию. Просто его могучие мышцы тихонько стали одолевать противника, да и левая рука все еще мощно сжимала горло часового. Ну медленно, но верно отводил его руку с ножом вверх. Сначала до груди, потом до плеча, и все это время волосатый великан пытался вонзить нож в тело противника, находящегося сзади.

В тот момент, когда рука с ножом находилась на уровне плеча стража, Ну внезапно толкнул ее влево вниз и удержал на уровне сердца оборонявшегося, затем сделал движение в противоположном направлении, лезвие, ведомое обоими, вонзилось в сердце Обитателя Озера. Ну молча вылез из-под навалившегося на него тела врага. Борьба окончилась, все было тихо. Ну, не задерживаясь, собрал желанное оружие с тела поверженного противника, и молча и беззвучно, как привидение, исчез в темноте в направлении леса и гор.

Грон, оставшись одна в пещере, погрузилась в задумчивость. Ее тело охватывало то отчаяние при воспоминании о ребенке, то праведный гнев при мысли о подлости и несправедливости Тура. Пальцы ее сжимались будто на горле этого жестокого животного. Она все время сравнивала его с Ну и каждый раз при сравнении понимала силу новой страсти к чужестранцу. Страстная любовь внезапно разразилась с такой силой, что невольно причиняла боль. Она перебирала в памяти мелкие эпизоды, где проявились его доброта и поддержка, к чему она была совершенно непривычна. Среди ее народа подобное поведение мужчины было бы воспринято как проявление слабости, но Грон уже знала, что за поведением благородного воина не лежало и тени слабости.

Она долго сидела, напрягая зрение и слух, чтобы не пропустить первых звуков его возвращения. Но он не возвращался и ее начали охватывать опасения. Он ушел абсолютно безоружным в поисках оружия в совершенно

чужой дикой стране. Он мог уже погибнуть, но все же Грон не верилось, что кто-то в состоянии одолеть такого силача.

К утру, однако, она пришла в отчаяние и свернувшись клубочком на траве, которую Ну принес для нее, уснула. Лишь спустя несколько часов после наступления рассвета ее разбудил какой-то звук, идущий извне. Это копые царапало по поверхности скалы, поскольку его тащил карабкающийся наверх человек.

Грон вскрикнула от радости, увидев кто идет, счастливая, что он сумел преодолеть все тяготы и опасности рискованного предприятия. Ну посмотрел наверх, улыбаясь, и продемонстрировал добытое им оружие. Он заметил, что женщина встречает его с совершенно иным выражением лица — она просто-таки сияла от приветливой радостной улыбки. Раньше он как-то вообще не замечал внешности Грон, а теперь был поражен, что она оказалась молодой и весьма миловидной. Но все это не шло в сравнение с тем, что последовало. Как только он ступил в пещеру, Грон бросилась ему на шею, и прежде чем он успел что-либо сообразить, прижалась губами к его губам.

Ну со смехом освободился. Он не любил Грон — сердце его было занято Нат-ул, и все помыслы его были заняты планами продолжения поисков ее после возвращения в свою страну, поисками той, что станет спутницей его жизни. Все еще смеясь и поддерживая Грон, чтобы она не свалилась с узкой закраины пещеры, он сказал:

— Я принес немного еды, и после того как немного посплю, мы вернемся к морю. По дороге я смогу поохотиться — у меня теперь есть оружие. Но теперь я должен поспать, я вымотался. Посторожи, пока я посплю.

Обнаружив, что у столба у места казни никого нет, Ну, вождь, и Нат-ул удивленно и вопросительно посмотрели друг на друга. Мужчина принялся внимательно изучать столб.

— Он не обгорел, — произнес он, — следовательно, и Ну не мог сгореть. А вот, — указал он, — и ремни, которыми он был привязан.

Он поднял один из них, изучая.

— Они перерезаны! Кто-то пришел до нас и освободил Ну, сына Ну.

— Кто же это и куда они направились? — спросила Нат-ул.

Ну покачал головой. — Я не знаю, да и не могу оставаться здесь, чтобы выяснить, потому что мои воины преследуют чужаков, а я должен быть с ними, — и с этими словами Ну, вождь, перескочил через не вполне потухший костер вслед за вопящими воинами, догонявшими врага.

Но Нат-ул была полна решимости и ничто не могло ее остановить в поисках Ну, сына Ну. Едва вождь оставил ее, как она повернула к хижинам. Сначала, решила она, следует поискать в хижинах и по деревне, а потом в случае неудачи она отправится в джунгли и вдоль берега — он должен быть еще где-то поблизости. Пока Нат-ул обследовала хижины Строителей Лодок, в одной из хижин из-под груды шкур высунулась чья-то голова и прислушалась. Судя по тишине, военные действия происходили в отдалении, деревня была покинута. Из-под шкур появилась и рука, откинула их, и наружу вылез мужчина. Он вскочил на ноги. Это был Тур. Когда пещерные люди его окружили во время битвы, он, воспользовавшись тьмой, спрятался под шкурами в одной из хижин.

Теперь же, решил он, настало время бежать, поскольку все враги заняты преследованием его сородичей. Он подошел ко входу в хижину и осторожно выглянул. Но тут же отпрянул — он увидел силуэт, выходящий из соседнего жилища. Это была женщина, и она направлялась к хижине, в которой он прятался. Свет сторожевых костров заиграл на ее лице. Тур удовлетворенно втянул в себя воздух — это была та самая женщина, которую он когда-то захватил в плен и которая сумела от него сбежать.

Нат-ул быстрым шагом направилась к хижине. Она думала, что деревня абсолютно пуста. Но когда она вошла, то сразу заметила мужскую фигуру, несмотря на почти полный мрак в хижине. Она подумала, что это кто-то из соплеменников в поисках добычи. Случалось, что некоторые не в силах были дожидаться полного истребления противника и жадно кидались на поиски добычи.

— Ты кто? — спросила она, и не дожидаясь ответа, пояснила: — Я разыскиваю Ну, сына Ну.

Тур быстренько воспользовался замеченной им возможностью.

— Я знаю, где он,— сказал он.— Я один из людей Скарба, но я проведу тебя к Ну, сыну Ну, если ты дашь обещание защитить меня от ваших воинов, когда мы вернемся. Мои сородичи бежали, и мало надежды догнать их, разве что ты пообещаешь мне помочь.

Нат-ул это предложение показалось естественным и разумным, и она поспешила принять его.

— Тогда пошли! — закричал Тур.— Нельзя терять время. Его спрятали в бухте на юг от деревни. Он крепко связан, но оставлен без охраны. Если мы поторопимся, то успеем добраться до него раньше, чем мои сородичи. Если мы сможем ускользнуть от твоих, чтобы не тратить время на мое опознание и всякие выяснения, то можем еще успеть.

Тур в сопровождении Нат-ул быстро вышел из хижины. Мужчина старательно прятал от девушки свое лицо, особенно когда они проходили линию сторожевых костров. Он был уверен в ее страстном желании найти Ну, сына Ну, а потому знал, что если он пойдет впереди, то она последует за ним, даже не задумываясь о том, кто ее ведет. И он не ошибся. Нат-ул быстро следовала по пятам Тура и по покинутой деревне, и через береговую полосу, где издали у воды еще слышались звуки битвы.

Тур обошел сражающихся с севера, направляясь в бухточку, где он оставил свою лодку. Он без труда нашел ее и столкнул в воду, затем перенес в нее Нат-ул и провел суденышко через линию прибоя. Все это заняло немного времени — в бурлящем прибое он чувствовал себя так же спокойно, как и на суше.

Усевшись на корме напротив Нат-ул, сидевшей на носу, он повел свою лодочку за пределы накатывающихся валов. Нат-ул взяла второе весло, что лежало у ее ног, и принялась грести, хотя и неловко, но не без пользы. Она едва могла дожждаться, когда же они наконец достигнут заветной бухты, и каждое усилие с ее стороны добавляло скорости их движению.

Тур направил лодку в открытое море. Он собирался повернуть на юг после того, как они отойдут от берега на достаточно большое расстояние, и, двигаясь потихоньку, дожждаться своих. Он был совершенно уверен, что к рассвету его соплеменники обязательно отправятся в море и тоже пойдут в южном направлении.

Внезапно он разглядел очертание одной из лодок впереди по курсу. Очень может быть, что еще дальше

впереди есть и другие лодки. Видимо, ему последнему посчастливилось добраться до лодки. Окликать их он не стал по двум причинам. Во-первых, он не хотел, чтобы девушка поняла, что он вовсе не гребет к югу в какую-то бухту — вымышленное место пребывания ее мужчины — и кроме того, он не хотел привлекать внимание к лодкам, чтобы не вызвать погони по морю.

Существовала и третья причина, заставившая его молчать: он опасался, что в лодке, маячившей впереди, воины вражеского племени, отправившиеся в поисках беглецов. Тур не знал, что племя Ну не было знакомо с навигацией — им и во сне не снилось такое устройство, как лодка.

Так что Тур вел свою лодку вслед за впереди идущей в полном молчании. Нат-ул стало казаться, что бухта находится уж слишком далеко. В темноте она не могла сориентироваться и понять, что они идут в открытое море. Спустя долгое время она услышала слева от лодки шум прибоя. Она была озадачена и смущена. Если плыть на юг, как они собирались, то прибой должен быть справа по борту.

— Где мы? — спросила она. — Куда ты меня привез?

— Ты скоро будешь со своим мужчиной, — ответил Тур, но в голосе его была плохо скрытая нотка злорадства, что не ускользнуло от Нат-ул.

Девушка замолкла. Она перестала грести и сидела, прислушиваясь к грохоту прибоя, навстречу которому они, как она уже поняла, шли. Что это за берег? Мысль ее усиленно работала. Она была приучена руководствоваться хорошо развитым чувством определения места и направления, и хотя оно не слишком помогло ей на воде, тем не менее уберегло от безнадежной растерянности, охватывающей современных людей, стоит им заблудиться. Нат-ул знала, что на север они ни разу не поворачивали с тех пор, как отчалили, а кроме того, она знала, что материк слева от них находится не может. Значит, прибой по левую руку может шуметь лишь на одном из островов, которые, как ей было прекрасно известно, лежат вдали от материка. Конечно, угадать, на какой остров они высадятся, она была не в состоянии, но любой из них, по ее мнению, был достаточно опасен.

Нат-ул быстро обдумала критическое положение, в которое попала. Она знала, что мужчина привез ее туда, где она окажется полностью в его власти. Ее сородичи

за ними последовать не смогут. Так что помочь ей или вступить за нее некому.

Тур в это время яростно греб. Он провел лодку по ту сторону огромного вала, который затем подхватил их и вынес на берег. Как только киль лодки коснулся песка, Тур выскочил и оттащил суденышко как можно дальше, чтобы следующим валом их не смыло обратно в океан.

Нат-ул вышла из лодки на берег. В руке она продолжала сжимать весло. Тур направился к ней. Он подошел совсем близко, так близко, что даже в темноте она разглядела его черты и узнала его. Он протянул руку, чтобы схватить ее.

— Иди,— сказал он.— Иди к своему другу.

Нат-ул стремительно взмахнула тяжелым веслом, и оно со свистом обрушилось на его голову. Тур, поняв опасность, отшатнулся, но лопасть весла все же задела его лоб. Человек качнулся как пьяный, сделал шаг вперед и повалился лицом в мокрый песок. Нат-ул тотчас же отшвырнула весло и как перепуганная лань помчалась навстречу черным теням джунглей, подступающих к песчаному берегу.

Огромный вал накрыл распростертое тело Тура. Он перевернул его и повлек в море, но вода привела парня в чувство, он закашлялся и встал на четвереньки, стараясь противостоять волне. Это ему удалось: волна отхлынула. Он медленно встал на ноги и побрел к берегу подальше от воды.

Голова страшно болела. Кровь стекала по щеке и капала на волосатую грудь. Он совершенно озверел от ярости и жажды мщения. Если бы он только мог добрать-ся до Нат-ул и сдавить ее горло! Но ему было до нее не дотянуться, потому что Нат-ул уже устроилась на дереве в тени ночных джунглей. До наступления дня она была столь же недосыгаема, как если бы находилась за тысячу миль. А через еще полчаса Ну и Грон забрались на другое дерево всего в миле от берега. Ах, если бы Нат-ул знала об этом, сколько страданий, отчаяния и сомнений она смогла бы избежать.

Тур побежал в том направлении, в котором он решил, судя по звуку шагов, скрылась Нат-ул. Да, вот она! Тур ускорил шаги. Жертва его была под деревом на краю джунглей. Парень бросился вперед с криком удовлетворения, который замер у него на губах при звуке львиного рычания. Тур повернулся и помчался со всех ног. То, что он принял за Нат-ул, оказалось огромным пещерным

львом, стоявшим над добычей. Туру повезло, что лев уже наелся. Поэтому он не стал преследовать новую дичь, и перепуганному Туру удалось спастись, взобравшись на соседнее дерево. Карабкался он дрожа и трясясь — ведь он был рыбак и строитель лодок, а не охотник на диких зверей, как соплеменники Ну и Нат-ул — прародители будущих воинственных народов.

ГЛАВА 13

НАТ-УЛ УБИТА ГОРЕМ

Когда Нат-ул проснулась, солнце было уже высоко. Она внимательно оглядела все вокруг, раздвигая листву, но следов пребывания Тура поблизости не обнаружила. Осторожно спустившись с дерева, она опять огляделась. На берегу недалеко друг от друга виднелись две лодки. Кому могла принадлежать вторая? Естественно, кому-то из сородичей Тура. Значит, на острове кроме Тура есть еще враги. Она повертела головой, но на берегу не было ни людей, ни зверей. Если удастся добраться до лодок, то можно столкнуть в воду обе, а на одной из них попытаться выбраться с острова. Тогда догнать ее не сможет никто. Она ничуть не сомневалась в том, что сможет добраться до материка — наследственность и окружающая среда лишь укрепили ее уверенность в себе.

Она опять внимательно изучила окрестности. Затем быстро зашагала к ближайшей лодке. Она толкала и пихала тяжеленную пирогу, пока наконец, — ей показалось, что прошла вечность — она не почувствовала, что песчаные объятия ее начинают понемногу отпускать, и лодка сдвинулась с места. Медленно, дюйм за дюймом она продвигала ее все ближе к тому месту, где ее смогут подхватить высокие волны. Она уже почти управилась с первой лодкой, как что-то заставило ее поднять глаза. В тот же миг все мечты о бегстве растаяли, потому что она увидела бегущего к ней Тура. Даже если ей удалось бы спустить эту лодку в море и влезть в нее, Туру ничего не стоило бы обогнать ее на другой. Вода для него была такой же родной стихией, как суша, пещеры и джунгли для нее.

Бросив лодку, она помчалась обратно в джунгли. Сотнях в двух ярдов позади бежал Тур, но она знала, что достаточно ей добежать до зарослей, и тогда спра-

виться с ней сможет человек половчей Тура. Она тотчас же нырнула в самую гущу, где мчалась по земле, а где и по нижним ветвям деревьев.

Она бежала весь день, почти не останавливаясь, потому что пересекая по пути холмы и горы и оглядываясь, она всякий раз видела, что Тур продолжает преследование. Было уже темно, когда она остановилась у обрыва, дна его видно не было. Вокруг была крошечная тьма. Вокруг неумоимо бродили вышедшие на охоту звери. Она слышала их мяуканье, рычание и вой, чувствовала их запах.

Скала, на которой она так вовремя остановилась, не успев сорваться в пустоту, была, судя по доносившимся снизу звукам ночи, высокой. Что же делать? Насколько она могла понять, вершина скалы была голой, во всяком случае на бегу она не заметила никаких деревьев.

Спать на открытом месте опасно, просто фатально. Столь же рискованно спускаться по неизвестному обрыву. Нат-ул прилегла на краю обрыва, теряясь в догадках. Женщина, одна, практически безоружная, в незнакомой дикой стране. Надежда на возвращение к своим развеялась, как дым. Да и что может она одна, преследуемая, в окружении неведомых опасностей?

Она очень проголодалась, страшно хотелось пить и спать. Она готова была пожертвовать даже спасением ради возможности лечь поспать. Придется рискнуть. Закутавшись по возможности в шкуру, заменявшую ей одежду, Нат-ул растянулась на твердой скале над обрывом. Она закрыла глаза и наверно тотчас бы уснула, если бы тихий звук ярдах в десяти не прогнал сонливость. Что-то приближалось — она была уверена, что смерть. Теперь она услышала тяжелое дыхание крупного животного, а через мгновение ветер донес до нее несомненный запах огромной кошки.

Альтернатива предоставить себя на съедение хищнику была лишь одна, и Нат-ул, ни секунды не медля, использовала ее. Она соскользнула с края обрыва, и повисла на руках. Быстро, но без паники, она принялась нащупывать ногами опору.

На поверхности обрыва не было ни единого выступа, ничего, что дало бы ей возможность уйти от зверя, крадущегося к ней. Почувствовав на руках горячее дыхание и каплю слюны, она похолодела от ужаса. Сверху раздалось басовитое рычание. Видимо, зверь был удивлен

странным положением жертвы, висящей в воздухе. Но удивление не могло длиться долго, зверь постарается вскоре вытащить добычу наверх — схватит за руку или вцепится когтями в волосы. В этот момент пальцы Нат-ул скользнули и она полетела вниз во тьму и пустоту.

Летела она всего несколько футов, но быстро пришла в себя, ощутив под ногами узкий выступ. Ужас ее начал проходить, хотя и теперь было страшно вспомнить, как край скалы поддался под ее руками. Ее не пугало, что животное может последовать за ней. Выступ был неизвестной ей ширины, может, можно по нему пойти и дальше, а может быть, он тут же и обрывался. Единственное, что она могла — это стоять, где стоит и надеяться на лучшее. Поэтому она устроилась как можно было прочно в ожидании событий. Она слышала, как зверь сердито рычал, расхаживая по краю обрыва, время от времени ложась на край и принюхиваясь, вытягивая громадную лапу со страшными когтями и пытаясь ее вытянуть наверх.

Продолжалась эта охота около часа, пока наконец разочарованный и голодный зверь не удалился обратно в джунгли на поиски более нормальной добычи. Лев еще долго выражал свое неудовольствие вслух при помощи низких горловых звуков.

Нат-ул принялась ощупывать выступ вокруг себя. Поверхность скалы была выветрившаяся, но не сглаженная, что означало, что выступом не пользовались в качестве прохода или тропы, то есть люди здесь не ходили, да и животные им не пользовались. Девушка облегченно вздохнула: хоть этого можно было не опасаться.

Она медленно и осторожно продолжала нащупывать себе дорогу, но уступ не расширялся, а наоборот, становился все уже. Девушка тем не менее решила продолжить обследование до тех пор, пока не удастся найти место, где она смогла бы поспать в относительной безопасности. Поскольку тут такого места не было, она решила попробовать спуститься ниже. Она свесила ноги с уступа и пыталась нащупать обутыми в сандалии пальцами поверхность скалы. В конце концов ей удалось нащупать выступ. В течение получаса Нат-ул, можно сказать, ползала по поверхности скалы, пока случайно нога ее не попала в пустоту в отвесной стене — это оказалась пещерка. Она долго прислушивалась. Но из пещеры не доносилось никаких звуков — ни дыхания, ни рычания. Довольная Нат-ул заползла в необитаемую

пещеру и мгновенно заснула, сраженная усталостью после целого дня непрерывного бега.

Разбудил Нат-ул скребущий звук, донесшийся снаружи. Она приподнялась на локте и стала внимательно вслушиваться. Что же это за звук? Ей не надо было много времени, чтобы опознать его, звук был знаком с детства любому обитателю пещер. Это был звук трения древка копья, закинутого за спину воина, взбирающегося на скалу. Вот оно трется о довольно гладкую поверхность, а здесь постукивает о неровности. Какие испытания несет ей этот звук?

Нат-ул тихонько подползла ко входу в пещеру. Отсюда перед ней открывался вид на скалу справа, но скалолаза она не увидела: его закрывал нависающий выступ под входом в ее укрытие. Но Нат-ул была потрясена, увидев женщину, выглядывающую из пещеры чуть выше и футов на пятьдесят вправо от ее пещерки. Она отшатнулась вглубь, боясь быть обнаруженной. Затем она услышала странный радостный вскрик, видимо это было приветствие скалолазу. Она увидела, что женщина пытается спуститься навстречу ему. Она увидела, наконец, и того, кто карабкался наверх. Сердце ее дрогнуло от счастья, и губы сложились, чтобы назвать его имя, но счастье было недолгим и звуки имени замерли на губах. Это был Ну, сын Ну, и женщина, встречавшая его, закинула руки ему на шею, покрывая его губы поцелуями. Это была Грон. Теперь Нат-ул ее узнала. Она отшатнулась, чтобы ее никто не увидел, и закрыла лицо руками. Слезы потекли по тонким смуглым пальцам. Она не увидела, как с легким равнодушным смешком Ну освободился от объятий Грон. Судьба безжалостно скрыла это от глаз Нат-ул, но открыла ее глаза для того, чтобы показать, как ее возлюбленный удаляется в пещеру, обхватив Грон за талию.

Нат-ул вскочила. Слезы гнева, ревности и оскорбления слепили ей глаза. Она выхватила из-за пояса нож. Ее молодое дикое сердце обуревала жажда убийства. Она вылезла на уступ и сделала несколько торопливых шагов по направлению к пещере, где скрывались Ну и Грон. Она дошла почти до входа, затем внезапно остановилась. Ею овладело новое чувство, и она разразилась вновь потоком слез — слез разбитой и обманутой любви.

Она еще раз попыталась войти в пещеру, но на сей раз ей помешала гордость. Затем она печально отвернулась и принялась спускаться со скалы. Чем дальше она

лезла, тем быстрее. Когда же наконец она спустилась к лесу, то помчалась как лань прочь от места ее самой глубокой печали и разочарования. Она неслась по лесу, безразличная к опасностям, таившимся в его полумраке. Выбежав из лесу, она остановилась на небольшой лужайке, постепенно переходящей в небольшой холм. За ним вдалеке виднелись горы, пронзающие своими вершинами покрывающую долину легкую дымку.

Она двинулась дальше. Ей было все равно, что лежало впереди, главное — увеличить расстояние между ней и неверным Ну, ненавистной Грон. Убежать как можно дальше, чтобы никто никогда не смог ее найти, кроме смерти, которую в этом диком жестоком мире долго ждать не придется.

Она дошла примерно до половины лужайки, когда на гребне холма перед нею появился зубр. Животное остановилось и уставилось на девушку, затем опустило голову и замычало. Вслед за ним появились один за другим еще несколько. Как правило, зубры — животные мирные и нападают только оказавшись в безвыходном положении, но среди них встречаются самцы с, что называется, воинственными наклонностями. В таком случае невооруженный человек должен наивысшую доблесть проявить в скорейшем исчезновении с глаз животного. Нат-ул остановилась, прикидывая расстояние между собой и быком и между собой и ближайшим деревом.

Пока Нат-ул, влекомая ревностью и обманутой любовью, неслась прочь, Ну в пещере вновь был вынужден освободиться от страстных рук Грон.

— Оставь, прекрати миловаться, Грон, — сказал он. — Между нами любви быть не может. В племени Ну, моего отца, у мужчины может быть лишь одна подруга. Моей подругой будет Нат-ул, дочь Тха. А у тебя уже есть твой мужчина — Тур. Ты мне об этом сама сказала, и я видел, как его ребенок сосал твою грудь. Я люблю только Нат-ул, тебе должно любить только Тура.

Женщина гневно топнула обувью в сандалию ногой.

— Я ненавижу его! — закричала она. — Я ненавижу его! Я люблю только Ну, сына Ну.

Мужчина покачал головой, но продолжал говорить с ней мягко и ласково, потому что чувствовал жалость к несчастной женщине.

— Это бесполезно, Грон, — объяснил он, — разговаривать об этом. Мы останемся вместе до тех пор, пока не вернемся каждый в свою страну. Но ни о любви, ни о

разговорах о любви не может быть и речи. Ты поняла?

Женщина взглянула на него. Чувства, терзавшие ее сердце, внешне на ее лице не отразились. Быть может, это был гнев отвергнутой, а может, печаль разбитого сердца... Она шагнула к нему, остановилась, закрыла лицо руками и села на пол пещеры, всхлипывая.

Ну отвернулся и вышел на выступ перед пещерой. Он быстро обежал глазами раскрывшуюся перед ним панораму. Взгляд его остановился на фигурке, выбежавшей из леса и остановившейся на полянке перед холмом, спускающимся в долину у моря, расположенного в глубине острова. Это была женская фигурка. Она быстро побежала к холму. Ну нахмурился. Что-то знакомое было в грациозных движениях, в быстром мелькании маленьких ножек во время бега по траве лужайки. Кто бы это мог быть? Кто из соплеменников мог попасть на этот отдаленный остров? Конечно, это лишь случайное сходство, но как бешено забилося его сердце при виде этой далекой фигурки! Неужели это возможно? Но каким чудом могла здесь оказаться Нат-ул?

Ну увидел, что на краю плато появились пастухи с зубриним стадом. Сумеет ли девушка скрыться от них? Ага, животных она уже заметила — остановилась и стала оглядываться в поисках дерева. Ну было известно, что женщины частенько побаиваются этих мохнатых быков. Он с гордостью подумал, что его Нат-ул ничего не боится, почти ничего на этом свете. Только две вещи наполняли ее храброе сердце ужасом — мыши и землетрясения.

Теперь Ну было видно, что один из пастухов торопится вперед. Вот все они заторопились, чтобы узнать, что заставило вожака остановиться. Они помчались вперед, с оружием наизготовку: вожак замычал и принялся рыть копытом землю. Увидит ли их девушка? Сумеет ли убежать? Они ее уже увидели, и она их тоже. Интересно, сородичи это или нет? Если да, то она поспешит к ним. Нет! Она повернулась и помчалась назад к лесу. Пастухи помчались вслед. Ну задрожал от волнения. Если бы он только знал! Если бы он только знал!

Грон подошла и встала рядом. Он даже не заметил ее присутствия. Глаза женщины тоже остановились на бегущей через лужайку фигурке. Она стиснула руки, крепко прижав их к груди. Ею обуревал тот же страх, что овладел Ну. Быть может, чувства его передались ей телепатическим путем.

Наблюдатели заметили, как пастухи догнали беглянку, схватили и потащили обратно к краю плато. Здесь все стадо собралось и повернуло назад, вскоре исчезнув за вершиной холма. Ну помедлил в нерешительности. Он знал, что пленница не может быть Нат-ул, и все же что-то заставляло его пойти к ней на помощь. Они повели ее к Обитателям Озера! Надо ли ему следовать за ними? Следует ли? Это будет страшно глупо, но а если это все-таки действительно Нат-ул? Даже не оглянувшись, мужчина принялся спускаться со скалы. Женщина, поняв его намерение, шагнула следом и протянула к нему руки.

— Ну,— вскрикнула она. Голос ее был тихим и умоляющим. Юноша не обернулся. Он ничего не слышал, ничего не чувствовал, ни о чем не думал; кроме страха и надежды, вызванных изящной фигуркой пленной девушки, бредущей к скрытой вдали долине у озера, для него ничего не существовало.

Грон моляще протягивала к нему руки. Она долго молча стояла в такой позе. Но Ну продолжал спускаться. Лишь только спустившись, он тут же помчался рысью к лесу. Грон закрыла руками лицо и, глухо стenea, опустилась на выступ у пещеры ничком.

ГЛАВА 14

«Я ПРИШЕЛ СПАСТИ ТЕБЯ»

Ну добрался до края плато как раз в тот момент, когда пастухи вместе с пленницей дошли до жилищ на озере. Он увидел, как толпы взволнованных туземцев сбежались к ним навстречу. Он увидел, как пленницу пихали и толкали. Пастухи что-то рассказывали и часто показывали на плато позади них. Явно нападение Ну на караульного минувшей ночью очень встревожило и возбудило их, и они связывали пленение девушки с этим событием и с появлением накануне страшной ночи Ну и Грон на скале. Все это наполнило жителей деревни страхом перед вторжением с юга. Только этим можно объяснить раннее возвращение пастухов с их зубрами с пастбища.

Используя при спуске в долину все, что можно для укрытия, прячась за кустами и деревьями в самой долине, Ну осторожно пробрался к самому озеру. Он был твердо

намерен удостовериться, кто же на самом деле пленница, потому что до сих пор не в силах был поверить, что это Нат-ул. Приблизительно в миле от озера он остановился в удобном месте, чтобы дожидаться темноты, так как ближе к озеру не было хорошего укрытия, а кроме того, туземцы постоянно сновали в разных направлениях, доя свою скотину поблизости от жилищ.

Когда стемнело, Ну подобрался поближе. Он снова спрятался в тростнике, но на сей раз гораздо ближе к деревянным переходам. Ему очень хотелось знать, в какой из хижин поместили пленницу. Он понимал, что прочесывать всю деревню будет чистым безумием, но иного способа найти ее он придумать не мог.

Наконец-то обитатели деревни удалились на покой, за исключением караульных, расставленных на узких мостках, соединявших поселок с берегом. Ну молча пробрался под ближайший переход. Перейдя вброд мелкое место, он зашел сзади одного из караульных. Там он полез под одну из хижин и таким образом перешел на другую сторону еще дальше. Здесь было уже по шею. Он бесшумно влез по одному из опорных столбов. Часто оставаясь, чтобы прислушаться, он наконец добрался до такого уровня, что смог ухватиться руками за край настила. Затем он подтянулся вровень с настилом мостков и осмотрелся. Вокруг была полная тишина; тишина и тьма царили над поверхностью озера. Он подтянулся еще, выжался на руках и схватился за перила, оперся одним коленом о настил, вылез, перекинул ноги через перила и принялся красться к хижине.

Спрятавшись в ее тени, он напряженно прислушивался в течение нескольких минут. Изнутри доносилось тяжелое дыхание спящих. Над головой его было отверстие, заменявшее окно. Ну снова подтянулся и тихонечко влез внутрь. Внутри была крошечная тьма. Он втянул в себя воздух в тщетной надежде уловить знакомый аромат Нат-ул, но даже если она и была здесь, то любой признак ее присутствия был заглушен потовыми испарениями мужчин, женщин и детей, вповалку спавших в помещении, и вонью, издаваемой плохо обработанными зубриными шкурами, на которых они спали.

Оставался только один способ окончательно удостовериться — спуститься в хижину, что он и проделал с кошачьей ловкостью. Пол был буквально покрыт спящими. Ну осторожно переступал через спящих, проходя и низко наклоняясь над каждым. Из-за темноты при-

шлось вновь заменить зрение обонянием. Он обошел все помещение и убедился, что Нат-ул здесь нет, и как раз в этот момент на пороге хижины появился мужчина. Это был страж. Ну вжался в стену почти рядом с входом. Что привлекло парня сюда? Неужели его забеспокоило движение в хижине? Ну сжал нож и замер. Человек остановился у входа.

— Трок! — позвал он. Один из спящих пошевелился и сел.

— Ммм? — промычал он.

— Вставай и иди — твоя очередь охранять, — объяснил часовой.

— Угу, — ответил тот сонно, и часовой вышел из помещения.

Ну слышал, как тот, кого называли Троком, встал, собрал оружие, обул сандали, встряхнул и принялся натягивать свою кожаную одежду, готовясь заступить на дежурство. И тут Ну осенила сумасшедшая идея. Он крепче сжал нож и внезапно шагнул к Троку.

— Тс-с! — шепнул он. — Я постою на страже вместо тебя, Трок.

— Ммм? — сонно удивился тот.

— Я за тебя покараулю, — повторил Ну. — Я должен встретиться с... — тут он неразборчиво пробормотал что-то похожее на имя, — она сказала, что придет ко мне ночью во время второй стражи.

В ответ Ну услышал хихиканье.

— Дай мне твою одежду, — сказал Ну, — пусть они все думают, что это ты, — и он протянул руку за украшенной рогами шкурой зубра.

Трок передал ее Ну, слишком довольный, что может снова вернуться ко сну, прерванному его приятелем. Ну напялил бычью голову на свою собственную, использовав морду в качестве забрала и опустив ее пониже, чтобы скрыть лицо. Ну вышел на платформу. Другой часовой стоял, нетерпеливо поджидая его, а увидев своего сменщика, повернулся и пошел к другой хибарке, стоящей подальше к середине озера. Всего этой линией мостков было соединено семь хижин: Ну побывал в самой ближней к берегу.

В какой же из них находится пленница, да и вообще, может быть, ее поместили в другой линии. Всего линий мостков и соответственно линий хижин Ну насчитал не менее десяти, и они были расположены на большой площади, растянувшись в длину не меньше чем на милю

вглубь от берега. Но он был уверен, что они поместили ее в хижину этой линии: он сверху видел, как ее вели по мосткам. Конечно, ее потом могли перевести и в другую. Существовал лишь один способ точно узнать, где она. Он подумал о сговорчивом и сонном Троке — не рискнуть ли еще раз воспользоваться его глупой доверчивостью. Ну пожал плечами. Без посторонней помощи он явно не успеет найти девушку до наступления рассвета, а к этому времени это будет уже несущественно — он все равно живым отсюда не уйдет. Что такое жизнь как не серии удач, больших и маленьких. Ну что ж, он еще раз попытает счастья.

Он снова вошел в хижину и производя шум подошел к Троку. Подойдя, он потряс спящего за плечо. Трок приоткрыл глаза.

— В каком месте находится пленница? — спросил Ну. Он чуть не сказал «пещере», но он уже слышал, как Грон называла эти штуки из тростника и пальмовых листьев, что защищали их от дождя, каким-то другим словом, и сообразил, что может выдать себя, если ошибется в названии. Поскольку в основном его язык и язык Обитателей Озера был похож, то он и употребил общее для всех слово.

— В самом конце, конечно,— пробурчал сонный Трок.

Расспрашивать подробнее Ну не рискнул. В конце может быть и по этой линии, под самым концом можно понимать и последнее отсюда скопление хижин, а где оно — Ну не знал: с юга или с севера. Но он почувствовал, что человек пытается разглядеть его в темноте. Ну вышел. Не возбудил ли он излишних подозрений, зайдя чересчур далеко?

Трок сел на шкуре, следя за удаляющейся фигурой. Его одолевали сомнения. Что это за парень? Он, конечно, должен его знать, но никак не может вспомнить. А почему он заинтересовался, где пленница? Ведь в деревне все хорошо об этом знали. Трок заволновался. Ох, что-то ему это не нравится. Он попытался встать. Ух, до чего же хочется спать! Да и вообще, в чем дело? Ведь все в порядке. И он снова повалился на шкуры.

Снаружи Ну прошел к берегу и подложил в костер веток. Затем он вернулся на мостки и, быстро миновав хижины, подошел к самой дальней. Около входа он подождал, прислушиваясь и тихонько принюхиваясь. По его

огромному телу пробежала внезапная дрожь, сердце бурно заколотилось — Нат-ул была там!

Он вошел — хибарка была маленькая. Аромат Нат-ул был единственным запахом, доносившимся оттуда: она, должно быть, была одна. Ну пробирался в темноте, ощупывая руками воздух перед собой и осторожно нащупывая обутыми в сандалии ногами пол. Его вел его великолепный нюх, и в конце концов, он набрел на нее, крепко связанную, в дальнем углу комнаты.

Он склонился над ней. Она спала. Он положил ей руку на плечо и когда почувствовал, что она вздрогнула, другой ладонью прикрыл ей рот. В это же время он приложил губы к ее уху и шепнул, что не надо кричать.

Нат-ул вздрогнула и открыла глаза.

— Тс-с,— успокоил ее Ну.— Это я, Ну, сын Ну,— он отнял руку от ее губ и усадил ее. Сам стал рядом на колени, обнял ее и ласково зашептал, но она оттолкнула его.

— Что ты тут делаешь? — холодно спросила она. Ну остолбенел от удивления.

— Я пришел спасти тебя,— прошептал он,— забрать тебя в скалы по ту сторону Беспокойного Моря, где живет наш народ.

— Уходи! — ответила Нат-ул.— Иди к своей женщине!

— Нат-ул! — воскликнул Ну.— Что случилось? Почему ты изменилась? Может быть, на тебя напала болезнь после всего, что тебе пришлось пережить,— болезнь, которая превращает человеческий разум в разум обезьяньего народа? Для Ну нет другой женщины, кроме Нат-ул, дочери Тха.

— Есть еще и чужачка, Грон,— горестно закричала Нат-ул.— Я видела ее в твоих объятьях, я видела, как ваши губы встретились, и тогда я убежала. Возвращайся к ней. Я хочу умереть.

Ну схватил ее за руку и крепко сжал.

— Ты видела то, что ты видела, Нат-ул,— сказал он.— Но ты не слышала, что я сказал Грон, что я люблю только тебя. Ты не видела, как я отцепил ее руки. А потом я увидел тебя вдалеке, видел, как пастухи пришли и схватили тебя, и я даже не посмотрел на чужую женщину, а поспешил за теми, кто взял тебя в плен и спрятался до темноты. Вот я здесь, Нат-ул, и это подтверждает мою любовь к тебе, если ты в ней сомневаешься.

О Нат-ул, Нат-ул, как ты могла сомневаться в любви Ну к тебе!

По тому, как и что он говорил, девушка поняла, что он говорит правду, да даже если бы он лгал, она все равно поверила бы ему, так ей хотелось услышать хоть слово утешения от него. Она прижалась щекой к его руке, вздохнув от облегчения и счастья, а он обнял ее. Но следовало поспешить — действовать быстро и немедленно. Насколько срочно — Ну мог бы понять, заглянув в хижину, где Трок лежал на шкурах, совершенно проснувшись.

Бестолковые его мозги и то заподозрили что-то странное в том, что кто-то приходил спрашивать, где пленница. И он все возвращался мысленно к этому событию. Все это было очень странно, и чем больше Трок об этом думал, тем больше он просыпался, и тем больше осознавал необычность и таинственность расспросов и действий незнакомого парня.

Трок сел. Он внезапно понял, что из-за его небрежности и невнимания с обитателями деревни может что-нибудь случиться, да и законы того времени были суровы, а приговор приводился в действие незамедлительно. Он разволновался и вскочил на ноги. Даже не пытаясь накинуть на себя шкуру, он схватил оружие и выбежал из жилища. С первого взгляда он увидел, что караульного на месте нет. Он опять вспомнил, как незнакомец расспрашивал о том, где находится пленница и повернул по направлению к ее хижине.

Он бежал быстро и бесшумно и добежал до входа в хижину как раз в тот момент, когда Ну из нее выходил, так что при выходе он был встречен обнаженным воином. При виде Ну и девушки, шедшей следом, Трок громко закричал, поднимая тревогу. Он занес руку с копьем, но Ну сделал то же самое в тот же момент. Оба копья полетели одновременно, и одновременно Ну, Нат-ул и Трок пригнулись, чтобы избежать удара. Оба копья пролетели над головами, не задев никого, а воины бросились друг на друга с поднятыми топорами.

В ответ на призыв Трока из каждой хижины неслись мужчины. Ждать схватки с противником Ну не мог. Нужно было рискнуть и покончить с противником одним движением, пусть даже ценой потери топора. Он взмахнул им, топор на какое-то мгновение будто завис в воздухе, затем как бы упал вперед, отпущенный. Жестокое каменное орудие убийства полетело как ядро и попало

Троку прямо в лицо, превратив его в кровавое месиво.

Пока Обитатель Озера падал, мертвый, головой вперед, Ну схватил Нат-ул за руку и оттащил за угол хижины, подальше от несущихся на них воинов, вопящих и угрожающих оружием. У перил площадки Ну поднял Нат-ул и перенесся через перила, поставил прямо в воду под площадкой, а затем прыгнул и сам.

Несколькими сильными взмахами они проплыли под деревней, а когда уже выбирались на берег, то слышали топот воинов, мечущихся над их головами. Все племя было на ногах и шум стал просто оглушительным. Когда двое выбрались на берег, они были тотчас же замечены с озера, и мостки загрели и застонали от бега сотни воинов, бросившихся в погоню за беглецами.

Впереди была опасная первобытная ночь, позади не меньшая опасность погибнуть от рук озверевших противников. Но останавливаться и принимать бой с единственным оружием — ножом — было просто глупо. Единственная надежда была на скорость и возможность добежать до леса и взобраться на дерево прежде чем их смогут схватить озверевшие люди, бегущие за ними, или обычные хищники, вышедшие на охоту.

Оба — и Нат-ул, и Ну — были легки на ногу. По сравнению с ними Обитатели Озера были лентяями, из-за чего за пять минут бега беглецы настолько обогнали своих преследователей, что те, видя тщетность погони и боясь удалиться от хижин на слишком большое расстояние и попасть в лагерь к слишком сильному противнику, прекратили преследование и вернулись на озеро.

Фортуна благоприятствовала Ну и Нат-ул, как это всегда бывает с храбрецами. Они добрались до леса на плато, даже не встретив сколько-нибудь замечательных хищников. Там они нашли себе убежище на дереве, где и оставались до рассвета. Утром они продолжили путь к скалам, преодолеть которые нужно было, чтобы выйти к морю. Что касается Грон, то они договорились забрать ее к своим, где она может жить в безопасности до конца жизни, если ей того захочется.

К подножию скал Нат-ул и Ну добрались уже днем. Грон видно не было. Но на вершине скалы за ними следили из-за густо заросшего травой укрытия два хитрых глаза. Наблюдатель видел мужчину и девушку и узнал их. Ну что ж, можно и подождать, пока они взберутся.

Нат-ул и Ну легко лезли вверх. Когда они добра-

лись примерно до середины, мужчина наверху покинул свое укрытие и начал спускаться им навстречу. Он неловко споткнулся о камень, который скатился вниз, обнаружив тем самым его присутствие. Ну взглянул наверх, то же сделала и Нат-ул.

— Тур! — воскликнула она.

— Тур, — отозвался Ну и удвоил свои усилия.

— Ты безоружен, — предостерегла его Нат-ул, — а он наверху. Преимущество на его стороне.

Но пещерному человеку не терпелось покончить с парнем, навлекшим на Нат-ул все трудности и страдания, что ей пришлось пережить. Он вытащил нож и зажал его между зубами, чтобы быть готовым к немедленному применению. Он карабкался вверх как кошка. По пятам, не отставая, следовала его дорогая дикарка Нат-ул. Она тоже сжимала белыми крепкими зубами нож. Тур был готов к теплому приему. Он добрался до уступа как раз перед входом в пещеру. Рядом с уступом на скале свободно лежал готовый сорваться вниз обломок весом тонны в две. Тур внезапно заметил его. Нат-ул и Ну взбирались на скалу как раз под тем местом, где он находился. Тур мгновенно оценил возможности использования этого камня. Он пробрался с тыльной стороны и упершись спиной в скалу, принялся сталкивать обломок ногой. Камень наклонился и покачнулся. Понимая грозящую им опасность, Ну оглянулся в поисках возможности отхода в сторону, но удача на сей раз была на стороне противника. Именно на этом участке скалы это был единственно возможный путь наверх. Они удвоили свои усилия, чтобы добраться до врага до того, как ему удастся обрушить на них камень.

Но Тур тоже удвоил свои усилия, чтобы ускорить падение камня. Он изменил положение тела, упершись теперь в скалу плечом, а в камень — рукой и ногой и неистово пихая его. Чудовищный обломок сильно раскачивался, угрожая скалолазам. Еще немного и он должен рухнуть.

В это время из пещеры позади Тура выглянула женщина, разбуженная звуками голосов снаружи. Это была Грон. Она обвела глазами все происходящее. Она увидела Ну, а с ним Нат-ул. Мужчину, которого полюбила, и женщину, всегда стоявшую и стоящую между ними; она ведь уже поняла, что Ну никогда не полюбит ее, жива Нат-ул или умрет.

Увидев, чего добивается Тур, она улыбнулась. Спустя

несколько мгновений мужчина, отвергнувший ее любовь, и женщина, которую она ненавидит со всем пылом своей дикой ревнивой души, будут сметены, раздавлены и уничтожены, погибнут у подножия скалы.

Тур! Она, внезапно сузив глаза, принялась рассматривать своего супруга. Тур! Он ее ударил! Он ее отверг! Стыд зажег ее щеки. Тур! Ее муж. Отец ее ребенка!

Камень раскачивается. Ну и Нат-ул лезут из всех сил наверх. Ну увидел ее, но ясно прочел эмоции на ее лице. Нечего и пробовать просить ее о помощи. Старая любовь к мужчине выплыла из прошлого и вновь охватила ее. Она присоединится к Туру в момент победы, надеясь его тем самым вернуть. Кроме того, Ну отнюдь не недооценивал силу ненависти, которая могла вспыхнуть в женском сердце после того, как мужчина отверг ее любовь.

Похоже, что следующий толчок будет последним и камень полетит им на головы. Грон, стояла, сжав свои обнаженные груди с такой силой, что ногти вонзились в нежную плоть и на бронзовой коже выступила и потекла кровь. Отец ее ребенка. Ее ребенок! Несчастное создание, которое она погубила и бросила в жалкой лачуге на берегу! Ее дитя, ее мертвое дитя! В смерти его повинен Тур и его жестокость по отношению к ней.

Тур собрался для последнего толчка. На губах его змеилась улыбка. Он стоял спиной к Грон — иначе бы он не улыбался. Даже Ну не улыбнулся, увидев за его спиной искаженное лицо женщины, обезображенное ненавистью и жадой крови. Обнажив нож, Грон пробралась к Туру. Сверкнувшее лезвие вонзилось ему в спину и грудь. Он с криком обернулся к мстительнице. Когда его взор остановился на лице матери его ребенка, он громко закричал и с криком же рухнул мертвый.

Затем Грон обернулась к взбиравшейся к ней паре. Ну собирался произнести слова благодарности, но они замерли у него на губах: Грон стояла молча, готовая встретить их — с ножом. Что она собралась делать? Ну и Нат-ул были в недоумении, но пути к отступлению не было, а путь к свободе и дому загораживала вооруженная ножом женщина.

Ну уже добрался до нее. Грон занесла нож над головой. Ну прыгнул вперед и наверх, чтобы отвести ударом оружие от груди, но Грон оказалась проворнее. Нож вонзился, но не в Ну. Грон всадила острое лезвие в свое

собственное разбитое, измученное сердце, и в то же мгновение полетела вниз со скалы.

Смерть, даже такая внезапная и страшная, не была чем-то необычным для первобытных влюбленных. Они увидели, что и Грон и Тур мертвы. Ну забрал у погибшего его оружие, и рука об руку парочка отправилась на поиски пути к берегу. На пути этом ничего экстраординарного им встретить не довелось, лишь обычные опасности и испытания, что встречались в это время любому живому существу на каждом шагу. Они нашли лодку и добрались до материка, а там и до родных скал и племени в целостности и сохранности. Встретили их с диким восторгом, так как все уже считали их обоих мертвыми.

Этой ночью они гуляли рядышком под огромной экваториальной луной по берегу Беспокойного Моря.

— Скоро,— сказал Ну,— Нат-ул станет женой Ну, сына Ну. Ну, мой отец сказал это и Тха, отец Нат-ул тоже говорил. Когда родится следующая луна, мы будем вместе.

Нат-ул прижалась к нему.

— Мой Ну — великий воин,— промурлыкала она,— и великий охотник, но он не принес голову Оо, убийцы людей и мамонтов. А ведь он обещал положить ее перед пещерой Тха, моего отца.

— Ну пустится на поиски Оо, как только начнется следующий день,— спокойно отвечал он,— и не вернется до тех пор, пока не получит голову убийцы людей и мамонтов.

Нат-ул расхохоталась ему в лицо.

— Нат-ул просто пошутила,— объяснила она.— Мой мужчина доказал, что он более велик, чем просто охотник на Оо. Я не хочу большую зубастую голову, Ну. Я хочу только тебя. Не надо идти за ним на охоту — хватит и того, что если он на нас нападет, ты убьешь его. Ведь никто из нас не сможет сказать, что сделал это без тебя.

— Я все равно завтра отправлюсь на охоту на Оо,— стоял на своем Ну.— Я никогда не забываю своих обещаний.

Нет-ул пробовала отговорить его, но он был непреклонен, и на следующее утро Ну, сын Ну, отправился в скалы у Беспокойного Моря на поиски логовища Оо.

Нат-ул весь день ждала его возвращения, хотя и знала, что может быть, пройдет несколько дней, прежде чем он вернется. А может случиться и так, что он не

вернется никогда. Тяжелое предчувствие неминуемой опасности угнетало ее. Она то входила, то выходила из пещеры, в тысячный раз вглядываясь в ту сторону, куда ушел Ну.

Внезапно земля содрогнулась. Все задрожало и затряслось. Нат-ул полными ужаса глазами смотрела, как ее сородичи несутся наверх в свои пещеры. Небо затянуло тучами, грохот, доносившийся из недр, перешел в ужасающий оглушительный рев. Земля содрогалась так сильно, что даже скалы, в которых прятались люди, тряслись и дрожали как листок во время урагана.

Нат-ул убежала в самый дальний и укромный уголок отцовской пещеры. Там она, сжавшись в комок и спрятав лицо, затихла под львиными и медвежьими шкурами. Вокруг собрались и другие члены семьи, тоже охваченные ужасом.

Через пять минут все было кончено. Чудовищно содрогнувшись, огромная скала поднялась на пятьдесят футов вверх, треснула и рассыпалась на куски над лесом у своего подножья. Затем наступила тишина — тишина страшная и зловещая. В течение пяти минут над землей господствовала тишина смерти, а затем из морской дали послышался небывалый звук, который суждено было услышать только некоторым диким зверям, и океанская волна высотой в гору обрушилась на то место, что так недавно было деревней Ну, вождя.

ГЛАВА 15

ЧТО СКРЫВАЛА ПЕЩЕРА

Когда Виктория Кастер открыла глаза, первое, что она увидела, было лицо ее брата Барни, склонившегося над нею. Она взглянула на него в совершеннейшем недоумении. Затем, протянув к нему руки, она спросила:

— Где я? Что произошло?

— С тобой все в порядке, Вик,— отвечал молодой человек.— Ты в целости и сохранности в бунгало лорда Грейстока.

Девушка недоуменно и растерянно нахмурила брови.

— Но землетрясение,— продолжала она,— землетрясение было или нет?

— Совсем небольшое, Вик, но можно считать, что и не было — оно ничего не повредило.

— А сколько времени я в таком положении?

— Ты упала в обморок минуты три назад,— успокоил ее брат,— я только успел положить тебя здесь и послать Эсмеральду за бренди, как ты открыла глаза.

— Три минуты,— пробормотала девушка,— три минуты!

Ночью, когда все улеглись, Барни Кастер сел около кровати своей сестры, и она просто и без истерики долго, до самого утра рассказывала ему историю, которую я уже вам рассказал: историю Нат-ул и Ну, сына Ну.

— Я думаю,— сказала она, закончив рассказ,— что я стану счастливее после этого видения или как бы его ни называть... Я встретила человека своей мечты и жила той жизнью, какой мы жили бесчисленное количество лет тому назад. Даже если он будет продолжать являться мне в мечтах и снах, это уже не будет беспокоить меня. Я рада, что это только греза, и что м-р Картисс не был убит Теркозом, и что все остальные страшные вещи тоже не происходили на самом деле.

— Ну,— улыбнулся Барни,— может быть, ты теперь будешь в состоянии выслушать то, что Картисс пытался тебе сказать.— Сказано это было полувопросительным тоном.

Виктория Кастер покачала головой.

— Нет,— возразила она.— Я не могу его полюбить после всего. Я не могу объяснить тебе почему, но может быть, то, что я пережила за эти три минуты, открыло мне больше, чем просто туманное и далекое прошлое. Знаешь, Теркозу он никогда не нравился.

Барни не стал настаивать. Он поцеловал сестру, пожелал ей спокойной ночи и отправился в свою комнату отдохнуть несколько часов: уже занимался рассвет.

На следующий день было решено, что Виктория и Барни отправятся к побережью как только смогут найти носильщиков. Это могло занять не больше нескольких дней. Бутзов, Картисс и я решили их сопровождать.

Это был последний день их пребывания на ранчо Грейстока. Остальные отправились на охоту, а Виктория и Барни остались, чтобы закончить паковать вещи. Когда с этим было покончено, девушка попросила в последний раз проехать верхом по широкой богатой дичью долине Узири.

Они не проехали и мили, как Барни понял, что его сестра преследует какую-то конкретную цель, потому что она ехала быстро, никуда не сворачивая, не произ-

нося ни слова, прямо к подошве суровых гор, служащих границей страны Вазири с этой стороны — именно в том направлении, которого она всегда избегала. Часа через два пути они прибыли к подошве крутой скалы, которая раньше так пугала Викторию и вызывала у нее дурные предчувствия.

— Ну что за мысль, Вик,— сказал Барни,— я думал, что ты уже покончила с этим.

— Так оно и есть, Барни,— ответила она,— или так будет с завтрашнего дня, но я не могла уехать, не удовлетворив любопытства. Я хочу точно знать, что здесь нет пещеры, в которой может быть погребен мужчина.

Она спешила и принялась карабкаться вверх по скале. Барни был поражен ловкостью и силой хрупкой девушки. Держаться наравне с ней во время подъема стоило ему много усилий.

Внезапно она остановилась на узком выступе. Когда Барни, безнадежно отставший, добрался до нее, то увидел, что она совсем побелела, а затем побледнел и сам, когда понял, на что она смотрит. Землетрясение сдвинуло огромный валун, годами составлявший часть поверхности скалы. Теперь он футов на шесть отошел в сторону и открыл вход в сумрачную пещеру.

Барни взял Викторию за руку. Она была ледяная и слегка дрожала.

— Хватит,— велел он,— пошли, это уже слишком, Вик. Тебе опять будет плохо. Давай вернемся к лошадям, мы уже видели, все, что хотели увидеть.

Она покачала головой.

— Нет, я не пойду до тех пор, пока не обследую эту пещеру,— вызывающе произнесла она. Барни прекрасно знал, что она все равно своего добьется.

Они вместе вошли в запретный грот. Барни шел впереди, зажигая одной рукой спички, а другой сжимая винтовку со взведенным курком, но внутри не было никого, кто бы мог их обидеть.

В дальнем углу слабый огонек спички осветил нечто такое, от чего Барни замер. Он повернулся к девушке как бы желая показать, что посмотреть больше нечего и можно уходить, но она уже увидела сама и двинулась вперед. Она заставила брата зажечь еще спичку, и перед ними оказался разрушающийся огромный скелет мужчины. Около него лежало сломанное копьё с каменным наконечником, каменный нож и, конечно же, каменный топор.

— Смотри! — шепнула девушка, — указывая на что-то, лежащее по другую сторону скелета.

Барни поднимал спичку до тех пор, пока она не осветила своим слабеньким светом этот предмет — оскалившийся череп громадной кошки, верхнюю челюсть которой украшали два могучих, восемнадцатидюймовых изогнутых клыка.

— Оо, убийца людей и млекопитающих, — прошептала Виктория Кастер благоговейно, — и Ну, сын Ну, который убил его для Нат-ул — для меня.

ЗА САМОЙ ДАЛЁКОЙ
ЗВЕЗДОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы сидели в гостях на вечеринке в Даймонд Хэде. После затянувшегося обильного обеда, когда мы удобно устроились в мягких креслах, разговор зашел о легендах и суевериях древних гавайцев. Среди нас оказалось много старожилов этих мест, а также немало тех, в чьих жилах американская кровь смешана с гавайской, и мы с удовольствием слушали их рассказы.

Большинство гавайских легенд довольно наивны, хотя часто и занимательны, зато многие их суеверия очень жестоки и зловещи.

Признаться, сам я не суеверен по характеру и не верю в призраки, так что все услышанное в тот вечер воспринял, скорее, как увлекательные сказки. И уж, конечно, они никоим образом не могли быть связаны с тем, что произошло позже той ночью. Я даже едва ли думал об этих рассказах, после того как покинул гостеприимный дом наших друзей, и не знаю, зачем упомянул сейчас о них, — разве только потому, что они имеют известное отношение к удивительным и загадочным явлениям, а то, что случилось позже, безусловно, относится именно к этой категории.

Мы вернулись домой довольно рано, и уже к одиннадцати часам я был в постели, но заснуть мне так и не удалось. Около полуночи я поднялся, думая поработать немного над наброском новой повести, недавно задуманной мной.

Я сидел перед своей пишущей машинкой, уставясь на клавиатуру и пытаясь вспомнить детали сюжета повести, уже довольно подробно продуманные накануне, но теперь, как назло, ускользающие от меня. Я смотрел так долго и так пристально, что клавиши как будто затуманились и поплыли перед глазами.

Чистый лист бумаги словно в нерешительности торчал из машинки. Девственно белый лист, которого еще

не коснулась рука человека. Мои руки покоились на том месте, где когда-то была талия, находясь примерно в нескольких дюймах от клавиатуры,— и тут внезапно начало твориться что-то странное. Клавиши сами по себе стали вдруг опускаться с поразительной скоростью, и на бумаге появлялась строка за строкой. Ручаюсь, рука человека не притронулась к клавиатуре. Кто же тогда печатал этот текст? Или — что?

Я поморгал глазами и потряс головой, решив, что попросту задремал за машинкой. Но это было не так. Кто-то или что-то печатало на ней свое послание, и печатало так быстро, как этого никогда не удалось бы сделать ни одному человеку.

Я передаю это послание точь-в-точь таким, каким сам впервые прочитал его. Не могу гарантировать, однако, что оно дойдет до вас в первозданном виде, уважаемый читатель. Ведь ему еще предстоит пройти через руки редактора, а уж редактор, скорее всего, не удержится и исправит слово Бога.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ПОЛОДЕ

I

Я погиб за немецкой линией фронта в сентябре 1939 года. Три мессершмидта атаковали мой самолет, но мне удалось послать два из них в штопор, и они рухнули на землю, взметнув к небу клубы дыма и огня. А потом настал и мой черед: мой самолет спикировал и устремился вниз, сделав свой последний вираж.

Меня зовут... Хотя, пожалуй, не стоит об этом. В нашей семье еще прочно сохраняются многие пуританские черты досточтимых предков, и в ней так пугаются всякой огласки, что даже объявление о смерти сочтут проявлением дурного тона. Мои близкие считают меня покойником. Что ж, пускай думают так и дальше. Может, так оно и есть на самом деле. Во всяком случае, немцы, вероятнее всего, похоронили меня.

Перемещение — или, как это еще назвать, не знаю, — произошло совершенно мгновенно, потому что моя голова еще кружилась от последнего, смертельного виража, а в ушах еще стоял гул мотора, когда я открыл глаза и обнаружил, что нахожусь в каком-то саду. Повсюду были деревья, кусты, цветы на хорошо ухоженных лужайках. Но более всего меня поразило то, что этому саду конца-края не было видно. Он простирался, кажется, до самого горизонта, по крайней мере настолько далеко, насколько мог охватить мой взор. Ни строений, ни людей вокруг себя я не заметил.

Отсутствие людей поначалу весьма обрадовало меня, поскольку я был совсем без одежд. Я считал себя мертвым, да я и должен был бы им быть, после всего, что со мной приключилось. Когда пулеметная очередь пробивает вам сердце, секунд пятнадцать вы еще сохраняете ясное сознание — вполне достаточно для того, чтобы понять: это был ваш последний в жизни вираж и спасти вас может лишь чудо. Я думаю, подобное чудо произошло и со мной.

Я оглянулся вокруг, ища глазами немцев или свой самолет, но не обнаружил ни противника, ни машины. Зато мне удалось подробнее рассмотреть деревья, кусты и цветы, окружавшие меня. Ничего подобного прежде мне не доводилось видеть. Не скажу, чтобы растительность была так уж разительно непохожа на привычную мне, однако подобных видов я раньше не встречал нигде. Мне даже пришло в голову, что я очутился в немецком ботаническом саду.

Но прежде всего неплохо было бы выяснить, насколько тяжело я ранен. Я попытался подняться на ноги, и это мне без труда удалось. Мысленно поздравив себя с чудесным спасением, я вдруг услышал женский вскрик.

Я повернулся и оказался лицом к лицу с девушкой, глядящей на меня широко раскрытыми от удивления, а может, и от ужаса глазами. Не произнеся ни слова, она почти сразу же исчезла. Я тоже почел за благо ретироваться, решив укрыться в зарослях кустарника.

Здесь, в укрытии, я задумался над этой неожиданной встречей, так поразившей меня. Во-первых, какой странный костюм! Если бы не ясный дневной свет, можно было бы предположить, что девушка собирается на какой-то фантастический костюмированный бал. Она была облачена в одежду из золотых пластинок, настолько плотно облежавших ее тело, что они, казалось, были наклеены прямо на кожу. Она вся была в этих блестках, переливавшихся под солнечным светом, только ноги были обуты в красные туфли, застегнутые на лодыжках.

Внешность девушки тоже показалась мне необычной: ослепительную белизну кожи оттеняли ярко-рыжие волосы. Мне не удалось толком рассмотреть незнакомку, чтобы судить о том, насколько она хороша собой, но и беглого взгляда, который я успел бросить на нее, оказалось достаточно, чтобы убедиться, что, во всяком случае, она не Медуза Горгона.

Спрятавшись в кустах, я попытался выяснить, куда делась девушка, но ее нигде не было видно. Что с ней стало? Куда она ушла? Казалось, она просто растаяла в воздухе.

Тут я заметил, что повсюду в саду возвышаются земляные холмы, засаженные деревьями и кустарником. Не слишком высокие — думаю, футов шести, — покрытые растительностью сверху и окруженные ею со всех сторон, эти холмы были почти незаметны. Но один из них находился прямо передо мной, и я обратил внима-

ние на отверстие в нем. Как раз в тот момент, когда я разглядывал его, оттуда, словно кролики из садка, появились пятеро мужчин.

Одеты они были совершенно одинаково: костюмы из красных пластин, черные ботинки и большие металлические шлемы на головах, из под которых выбивались завитки волос желтого цвета. Кожа отличалась той же удивительной белизной, что и у девушки. Вооружены они были мечами и пистолетами, производившими весьма внушительное впечатление своими размерами.

Казалось, эти пятеро ищут кого-то. У меня зародилось смутное подозрение, что их интересует я. С каждым мгновением эта мысль все больше укреплялась во мне.

Оказавшись в изумительном саду, встретив прекрасную девушку, я уж, было, решил, что, убитый, вознесся прямо на небо. Однако вид этих мужчин в красном напомнил мне кое-что из того, чем я занимался в своей прошлой жизни, и заставил меня переменить мнение. По всей видимости, это были все-таки не небеса, а какое-то иное место.

Надежно спрятавшись, я хорошо мог видеть все, что делают эти пятеро, и когда, взяв пистолеты в руки, они принялись систематически прочесывать кустарник, у меня уже не осталось ни малейших сомнений в том, что они ищут меня и, в конце концов, обязательно найдут. Тянуть время не имело смысла, и я вышел из своего укрытия.

Они тут же окружили меня плотным кольцом, а один из них выпалил что-то на языке, смутно напоминавшем радиопередачу на японском вперемежку с симфонической музыкой.

— Я мертв? — спросил я.

Они переглянулись, потом снова обратились ко мне на своем странном наречии, но я не в силах был понять ни слога, ни то что слова из их разговора. Наконец, они повели меня прочь, крепко держа за руки. Тут-то я и увидел такое, что поразило меня, как ничто прежде в жизни: прямо из земли по всей территории обширного сада стали подниматься строения. Они быстро вырастали вокруг нас — сооружения разнообразных размеров, но все одинаково аккуратные, похожие друг на друга плавными, обтекаемыми формами. Внешне незамысловатые, они отличались какой-то особой, изысканной красотой.

— Куда я попал? — поинтересовался я. — Не говорит

ли кто-нибудь из вас по-английски, или по-французски, или по-немецки, или по-испански, или по-итальянски?

Смерив меня безучастным взглядом, мои конвоиры стали переговариваться между собой на языке, который, как я уже сказал, и на язык-то похож не был. Меня привели в одно из тех самых зданий, что на моих глазах поднялись из-под земли. Там было полным-полно народу, мужчин и женщин, облаченных в плотно облегающие тела одежды. Они разглядывали меня с любопытством, удивлением и отвращением. Некоторые женщины захихикали и прикрыли глаза руками. Наконец один из присутствующих отыскал какую-то робу и набросил ее на меня. Я сразу почувствовал себя гораздо увереннее. Вы, наверное, не представляете себе, что может переживать человек, оказавшийся совершенно голым среди множества одетых людей. Осознав всю нелепость собственного положения, я не смог удержаться от смеха. Мои конвоиры поглядели на меня с нескрываемым изумлением: откуда им было знать, что творилось у меня в душе! А мне все происходящее казалось всего-навсего кошмарным сном. Не летел я никогда над Германией, не был сбит, никогда не попадал в этот странный сад с удивительной девушкой. Не было ничего подобного. Я просто спал.

— Ну давай же, просыпайся! — сказал я сам себе. — Это просто дурной сон. Проснись! Ну, давай!

Я даже промычал что-то своим конвоирам, словно полагал, что они набросятся и растормошат меня, но сон не прекращался. Заметив мои потуги, охранники втолкнули меня в комнату, в которой за столом восседал пожилой мужчина. На нем была плотно облегающая тело одежда из черных пластин и белые ботинки.

Мои конвоиры принялись что-то подробно рассказывать этому человеку. Выслушав их, он поглядел на меня и, качнув головой, коротко и решительно произнес несколько слов. Меня тут же схватили и потащили в соседнее помещение. Там оказалась клетка, в которую меня и поместили, приковав цепью к одному из засовов.

II

Не стану докучать вам изложением того, что происходило в течение последующих шести недель. Достаточно сказать, что я многое узнал от Харкаса Йена, пожилого

человека, на попечение которого был передан. Я выяснил, к примеру, что сам он психиатр и меня передали ему для наблюдения. Когда та девушка, случайно обнаружив меня в саду, сообщила об этом своим и полиция арестовала меня, они все решили, что имеют дело с лунатиком.

Харкас Йен стал учить меня их языку, и я быстро овладевал им, делая несомненные успехи. Впрочем, у меня всегда была лингвистическая жилка. Еще в детстве я много путешествовал по Европе, посещая школу то во Франции, то в Италии, то в Германии, поскольку мой отец служил в дипломатических представительствах в этих странах военным атташе. Тогда-то, по-видимому, у меня и развились способности к языкам.

Выяснив, что мой родной язык совершенно неизвестен в их стране, Харкас Йен принялся расспрашивать меня особенно тщательно. В конце концов, он поверил в удивительную историю, которую я поведал ему, о своем перемещении из одного мира в другой.

Ни я сам, ни Харкас Йен, как выяснилось, не верим в переселение душ, во всякие там реинкарнации и метемпсихозы, но мы оба сошлись на том, что наши убеждения никак не согласуются с тем, что произошло со мной. То я находился на Земле — на планете, о которой Харкас Йен не имел ни малейшего представления, то вдруг очутился на Полоде — планете, о которой прежде мне не доводилось даже слышать. Я говорил на языке, совершенно незнакомом обитателям Полоды, и не понимал ни единого слова из пяти основных языков их планеты.

Через несколько дней Харкас Йен освободил меня из клетки и приютил в своем доме. Он достал для меня костюм из коричневых пластин и пару ботинок такого же цвета. Я мог свободно пользоваться всем в его жилище, однако мне не разрешалось покидать здание во время подъема на поверхность и погружения под землю.

Эти подъемы и погружения происходили по меньшей мере раз в день, а бывало, и чаще. Я уже мог предугадать очередной спуск под землю по зловещему вою сирен, а отчетливо доносившиеся до меня разрывы бомб не оставляли никаких сомнений в том, зачем это делается.

Я спрашивал Харкаса Йена, что все это означает, хотя, конечно, догадывался и сам. Но он отвечал всегда кратко, без разъяснений:

— Это Капары.

Когда я уже достаточно изучил местный язык для

того, чтобы иметь возможность объясняться и понимать, чего хотят от меня, Харкас Йен объявил, что мне предстоит предстать перед судом.

— За что же меня будут судить? — поинтересовался я.

— Видите ли, Тангор, — ответил он. — Я полагаю, необходимо выяснить, не являешься ли ты шпионом, лунатиком или просто опасным типом, которого во благо Униса следует уничтожить.

Тангор — это имя, которым меня там нарекли. В переводе оно означает «из ничего», и мой опекун сказал, что оно как нельзя лучше отражает мое происхождение, ибо, по моему же собственному свидетельству, я появился с несуществующей планеты. А Унис — это название страны, в которой я очутился столь чудесным и невероятным образом. Как и следовало ожидать, попал я совсем не на небеса. Впрочем, ад здесь тоже ничто не напоминало, за исключением, быть может, того времени, когда налетали Капары со своими бомбами.

Разбирательство моего дела проводили трое судей в присутствии публики. В качестве свидетелей были приглашены обнаружившая меня девушка, пятеро полицейских, арестовавших меня, Харкас Йен, его сын Харкас Дан, его дочь Харкас Ямода и, наконец, его жена. Я думал, что этими людьми круг свидетелей и ограничится, но ошибся. Было вызвано еще семеро пожилых джентльменов с редкой седой порослью на подбородках. На Полоде отращивать бороды разрешается только старикам, но и они, как я успел заметить, не особенно в этом преуспели.

Судьи, мужчины приятной наружности в серых костюмах и ботинках такого же цвета, держали себя с большим достоинством. Как и все судьи в Унисе, они назначаются правительством по рекомендации того органа, который соответствует коллегии адвокатов в Америке. Если их не подвергают импичменту, они исполняют свои обязанности до достижения семидесятилетнего возраста. После этого судьи могут и дальше оставаться на прежней должности только в том случае, если снова получают необходимую рекомендацию коллегии.

Заседание открылось короткой и незамысловатой ритуальной процедурой. Когда судьи вошли в зал заседаний, присутствующие поднялись со своих мест. Затем

все вместе, и судьи в том числе, хором проскандировали: «За честь и славу Униса!»

После этого меня препроводили на то место, которое, как я догадался, являлось скамьей подсудимых, и начался допрос.

— Как вас зовут? — спросил один из судей.

— Меня зовут Тангор, — ответил я.

— Из какой страны вы прибыли к нам?

— Из Соединенных Штатов Америки.

— Где находится эта страна?

— На планете Земля.

— А где находится эта планета?

— Я действительно затрудняюсь ответить на ваш вопрос, — искренне признался я. — Будь я сейчас на Меркурии, Венере, Марсе или на любой другой планете нашей солнечной системы, я бы смог что-то сказать. Но, не имея ни малейшего представления о том, где располагается Полода, могу ответить лишь одно — не знаю.

— Почему вы оказались без одежды в границах Орвиса? — требовательно спросил другой судья.

Орвис — это название того города, в который я катапультировался нагишом.

— Что, среди обитателей той страны, которую вы называете Америкой, принято ходить без одежды?

— Нет, американцы носят одежду, Высокочтимый Судья, — ответил я. (Харкас Йен познакомил меня с этикетом, принятым на судебном заседании, и объяснил, как следует обращаться к судьям). — Но сама одежда весьма разнообразна и зависит от многих факторов: от настроения человека, от погоды, от моды, от личных пристрастий и антипатий. Мне доводилось видеть пожилых мужчин, бродящих по местечку, называемому Пальм Спрингс, в одних шортах, едва прикрывающих их тучные, волосатые тела. Я встречал красивых женщин, по вечерам укутанных в одежды с ног до головы, а по утрам на пляже прикрывающих не больше одного процента своего тела. Но, Высокочтимый Судья, никогда и нигде мне не приходилось сталкиваться с более откровенным женским костюмом, чем тот, который носят красивые девушки в Орвисе. Однако отвечаю на Ваш первый вопрос: я появился в Орвисе голым только потому, что не имел никакой одежды, оказавшись здесь.

— Это оправдывает вас, — заключил судья.

Затем он повернулся к семерым пожилым мужчинам и вызвал их. После того, как они принесли клятву

и сообщили свои имена, главный судья попросил их высказать свое мнение о местонахождении планеты, которая носит название Земля.

— Мы расспросили Харкаса Йена, который, в свою очередь, беседовал с обвиняемым,— ответил старейший из семерых,— и пришли к следующему заключению.

Тут старик принялся в течение получаса перечислять различные астрономические сведения. Свою речь он закончил следующими словами:

— Вероятно, этот человек,— он указал на меня,— прибыл из солнечной системы, которая находится за пределами досягаемости самых мощных наших телескопов на расстоянии примерно 22 тысячи световых лет от Канапы.

Я был ошеломлен. Но еще больше меня потрясло пояснение Харкаса Йена, что Канапа — не что иное, как Шаровое звездное скопление (зарегистрировано в Новом общем каталоге туманностей и скоплений звезд, 7006), отстоящее от Земли на 222 тысячи световых лет. С учетом того, что Полода, в свою очередь, отдалена от Канапы на 230 тысяч световых лет, это означало, что я оказался на расстоянии примерно 450 тысяч световых лет от Земли. Нетрудно вообразить себе, какое это расстояние, если вспомнить, что скорость света, к примеру, составляет 186 тысяч миль в секунду. Добавлю для ясности, что, если бы на Полоде оказались достаточно мощные телескопы для того, чтобы вести наблюдение за Землей, то местные жители увидели бы то, что произошло 450 тысяч лет назад.

После того, как допрос семерых астрономов был закончен, один из судей вызвал Балзо Маро, и я увидел, как к свидетельскому месту направляется та самая девушка, которую я встретил в первый день в саду.

Когда с формальностями было покончено, судьи принялись расспрашивать ее обо мне.

— Он был совсем без одежд? — поинтересовался один из них.

— Абсолютно,— ответила Балзо Маро.

— А он не пытался... ну, скажем, приставать к вам?

— Нет,— сказала девушка.

— Вы же, наверняка, знаете,— продолжал судья,— что за приставание к женщине инопланетянин мог бы быть приговорен к смерти?

— Это мне известно,— ответила Балзо Маро.— Но, повторяю, ничего подобного не было. Я наблюдала за

ним, так как опасалась, что он может оказаться шпионом Капаров и представлять опасность. Но теперь я совершенно убеждена, что этот человек — именно тот, за кого выдает себя.

После последних слов мне захотелось вскочить и крепко обнять свою защитницу.

Наконец судьи снова обратились ко мне.

— В том случае, если вас признали бы виновным, вам грозила бы смертная казнь или длительное тюремное заключение. Поскольку уже сто первый год идет война, подобное решение также было бы равносильно смертному приговору. Но мы хотим быть справедливыми и должны признать, что против вас, действительно, нет никаких фактов, за исключением, может быть, одного: вы — инопланетянин, не владеющий ни одним языком, известным на Полоде.

— В таком случае освободите меня и позвольте мне служить на благо Униса и сражаться против его врагов, — попросил я.

III

В течение примерно десяти минут судьи шепотом обсуждали мое предложение. В конце концов, они объявили, что я условно освобожден и мне дается испытательный срок до тех пор, пока Янхай не вынесет окончательного решения по моему делу. Меня отдали обратно на попечение Харкаса Йена, который сказал позже, что решением суда мне была оказана большая честь, ибо Янхай правит всем Унисом. Это было примерно то же, как если бы моим делом лично занимался президент США или король Англии.

Янхай представляет собой выборный комитет, состоящий из семи человек. Члены этого комитета исполняют свои обязанности до достижения ими семидесятилетнего возраста. Затем они могут быть избраны повторно. Само слово «янхай» состоит из двух слов — «ян» (семь) и «хай» (выбирать). Выборы проводятся только в том случае, когда возникает необходимость заполнить вакансии в Янхае. Этот комитет назначает всех судей, а также производит назначения на должности, соответствующие нашим губернаторам штатов, те, в свою очередь, назначают всех провинциальных чиновников и мэров городов. Последние формируют штат муниципальных служащих.

Каждый член Янхая возглавляет определенное ведомство, которых всего семь: военное, иностранное, торговое, казначейство, а так же ведомства внутренних дел, образования и юстиции. Эти семеро человек каждые шесть лет избирают из своего числа Верховного Комиссара. Он и является полновластным правителем Униса, однако этот пост нельзя занимать два срока подряд. Как кандидаты в Янхай, так и назначаемые ими чиновники, правители провинций, мэры и другие обязаны пройти тесты, определяющие их природные умственные способности и наличие необходимых профессиональных знаний. При этом наибольшее значение придается первому фактору.

Я не мог удержаться от того, чтобы не сравнить эту систему с нашей, при которой кандидату в президенты не обязательно хотя бы уметь читать или писать. Даже прирожденный идиот может претендовать на президентство в Соединенных Штатах и в случае избрания благополучно провести в Белом Доме положенный срок.

После моего в суде разбиралось еще два дела, и Харкас Йен захотел остаться на заседании.

Первым слушалось дело об убийстве. Обвиняемый выразил желание, чтобы разбирательство вел один судья, а не жюри из пяти судей.

— Либо он совершенно невиновен, либо преступление легко оправдать, — заявил Харкас Йен. — У нас обычно человек, который виновен, предпочитает предстать перед жюри.

В порыве страсти этот человек убил другого, разрушившего его дом. Разбирательство длилось пятнадцать минут, после чего обвиняемый был оправдан.

Затем перед судом предстал мэр небольшого городка, обвиняемый во взяточничестве. Жюри из пяти судей рассматривало дело в течение двух часов. В Америке, впрочем, подобный процесс мог бы растянуться и на два месяца. Суд внимательно выслушал все замечания и аргументы адвоката по поводу фактов и доказательств, имеющих в деле. Затем судьи удалились на совещание и, вернувшись минут через пятнадцать, огласили свой вердикт. Мэр был признан виновным и приговорен к расстрелу утром на пятый день после вынесения приговора. Таким образом, ему было дано время для обжалования решения суда.

Харкас Йен разъяснил мне, что рассмотрение апелляций происходит в их стране без проволочек. Как пра-

вило, суд изучает копии показаний и утверждает приговор суда низшей ступени, если только адвокат обвиняемого не даст обязательства под присягой предоставить новые свидетельства, оправдывающие его подопечного. В случае, если и эти новые факты окажутся недостаточно убедительными и весомыми для того, чтобы изменить приговор, адвокат должен будет выплатить штраф в пользу государства и возместить судебные издержки.

Размеры штрафов определены в законе Униса, и, должен заметить, что они очень справедливы: богатый человек платит несколько больше бедного, но ни с кого не снимают последней рубашки. Если обвиняемый настолько беден, что не в состоянии оплатить своего адвоката, эти расходы берет на себя государство, причем право выбора защитника остается за самим клиентом. Подобная же система действует и в медицинском обслуживании.

После судебного заседания я отправился домой в сопровождении Харкаса Йена, его сына и дочери. Идя по направлению к выходу, мы услышали вой сирен и почувствовали, как здание, в котором мы находились, стремительно опускается в шахту. Ощущение у меня было точь-в-точь такое, как при спуске в лифте со 102 этажа Эмпайр Стэйт Билдинг.

Здание Дворца Правосудия, в котором проходил суд, было двадцатипятиэтажным, и все оно опустилось на дно шахты за какие-нибудь двадцать секунд. Очень скоро до нас донеслась пальба зенитных орудий и ужасные разрывы бомб.

— И как долго все это продолжается? — поинтересовался я.

— Всю мою жизнь, — ответил Харкас Йен. — А началось еще раньше.

— Пошел уже сто первый год войны, — пояснил его сын Харкас Дан. — Кроме войны, мы ничего и не знаем, — с грустной улыбкой прибавил он.

— Война началась примерно в то время, когда родился твой дед, — произнес, обращаясь к нему, Харкас Йен. — Твой прадедушка провел свое детство и юность в счастливейшем из миров. Люди тогда жили и работали на поверхности планеты, и города строились еще на земле. Но в течение десяти лет после того, как Капары развязали войну, стремясь покорить себе мир, все города в Унисе, и все города в Капаре, и многие города в дру-

гих странах всех пяти континентов были превращены в груды развалин.

Он на некоторое время задумался и, помолчав, продолжил:

— Тогда-то мы и начали возводить эти подземные города, которые могут быть подняты на поверхность и снова опущены с помощью энергии, получаемой нами от Омоса. (Омос — это солнце Полоды). Капары покорили практически всю остальную территорию нашей планеты, но мы были и по-прежнему остаемся самой богатой страной в мире. Им пришлось дорого заплатить за свои агрессивные устремления, и в целом они пострадали гораздо больше нас. Их люди обитают в подземных жилищах, укрепленных сталью и бетоном. Они живут трудом покоренных ими людей, превращенных в рабов. Но последние и работают на ненавистных хозяев не лучше любых невольников. Капары едят синтетические продукты и ходят в одежде из синтетики. Сами они ничего не производят, кроме материала для войны. Мы так сильно разбомбили их территорию, что жить на ее поверхности стало совершенно невозможно. Однако они все еще держатся, ибо война для них — все. Время от времени мы предлагаем им почетный мир, но у них нет иной цели, кроме полного уничтожения Униса.

IV

Харкас Йен пригласил меня остаться у него до тех пор, пока окончательно не решится моя судьба. К его дому вела подземная автодорога, проходящая на глубине около ста футов. Многие здания в городе имели вход как на поверхности земли, так и на глубине. Что касается небольших строений, то они поднимались и опускались в шахтах, как лифты. Наверху они были защищены толстыми бронированными плитами, засыпанными землей. Растущие на ней деревья, кустарник и трава надежно маскировали места расположения шахт. Когда эти небольшие здания поднимались вверх, они соприкасались с защитной плитой, и та поднималась вместе с ними.

После того, как мы покинули центр города, я обратил внимание на то, что многие здания построены капитально на уровне ста футов. Харкас Йен, к которому я обратился с расспросами, объяснил, что, когда подзем-

ный город только планировался, все ждали скорого завершения войны и люди надеялись вернуться к нормальной жизни на поверхности планеты. Однако эти надежды не оправдались, тогда было решено начать капитальное строительство под землей.

— Вы представить себе не можете,— продолжал Харкас Йен,— каких огромных затрат потребовало возведение этих подземных городов. Янхай Униса распорядился приступить к их сооружению восемьдесят лет назад, а они еще до сих пор полностью не достроены. Сотни тысяч граждан Униса продолжают ютиться в непригодных укрытиях, каких-нибудь пещерах или землянках. Между прочим, мы так одеты тоже из-за огромного бремени расходов, легших на наши плечи. Наша одежда сделана из сверхпрочного пластика, напоминающего металл. Ни один человек, будь он даже членом Янхая, не вправе иметь более трех костюмов: два для повседневной носки и один комплект рабочей одежды для участия в возведении наших городов и военных действиях. Мы не можем позволить себе попусту тратить средства на то, чтобы в угоду глупому тщеславию постоянно менять стиль одежды. Хотя сотню лет тому назад это было вполне оправдано. Единственная вещь, которая сохранилась у нас с прежних времен и которая не является безусловно необходимой для ведения войны и для строительства наших городов,— это культура. Мы не могли допустить, чтобы искусство, музыка и литература исчезли.

— Должно быть, вам приходится нелегко,— предположил я.— Особенно трудно, наверное, женщинам. Ну а какие-нибудь развлечения или игры у вас есть?

— Да, конечно,— ответил он.— Но они очень просты, и мы не уделяем им много времени. Наши предки, жившие лет сто назад, наверное, сочли бы нынешнюю жизнь слишком скучной, поскольку сами они большую часть времени проводили в погоне за удовольствиями. Кстати, это и послужило одной из причин того, почему Капары, развязав войну, добились поначалу больших успехов и почему почти все народы на Полоде, за исключением жителей Униса, оказались либо порабощены, либо истреблены ими.

Все автомобили в Унисе совершенно похожи друг на друга, и в каждом из них может с удобством разместиться четыре человека, или шесть, но уже, естественно, без особого комфорта. Подобная стандартизация позво-

лила добиться огромной экономии труда и материалов. Энергию для двигателей автомобилей обитатели Униса получают как бы «по радио» с центральных станций, где накапливается солнечная энергия. Поскольку этот источник неистошим, нет нужды вводить режим экономии даже во время войны. Та же самая энергия используется для действия гигантских насосов, обеспечивающих водоснабжение подземных городов, механизмов для поднятия зданий и для питания многочисленных воздухоочистительных систем, без которых жизнь под землей стала бы невозможной.

Меня просто потрясло то, каких гигантских затрат потребовало возведение этого подземного мира со всеми службами жизнеобеспечения. Я не преминул поделиться своими мыслями с Харкасом Йеном.

— В мире никогда еще не было такого изобилия, которое позволило бы достичь того, чего достигли мы. Нам удалось сделать все это благодаря уму и проницательности наших вождей, благодаря единству и сплоченности нашего народа, благодаря собственному кропотливому труду.

По пути из Дворца Правосудия домой нас сопровождали сын и дочь Харкаса Йена, Дан и Ямода. Ямода, как и все незамужние женщины, носила одежду из золотых пластин и красные туфли, тогда как Дан был одет в синюю форму военного летчика. Оба авиаторы, мы были во многом похожи друг на друга, и ни один из нас никогда не уставал слушать рассказы другого о жизни в ином мире. Дан обещал мне помочь устроиться в авиацию. Харкас Йен тоже полагал, что это вполне возможно, поскольку в Унисе постоянно существовала потребность восполнять потери среди летчиков. Нередко случалось, что убитыми и ранеными их авиация теряла до пяти тысяч человек в месяц.

Когда Харкас Дан впервые назвал эти цифры, они ошеломили меня. Я поразился, каким образом при таких огромных потерях нация до сих пор еще не уничтожена.

— Видишь ли,— пояснил он,— наши потери не превышают средний уровень прироста населения. Думаю, по статистическим данным, мы, в худшем случае, теряем сто тысяч человек ежемесячно. Суди сам, в Унисе шестнадцать миллионов взрослых женщин. Ежегодно рождается примерно десять миллионов детей. Для войны совсем неплохо, что около половины из них — мальчики.

Поскольку мы очень здоровая нация и детская смертность у нас невелика, то почти все пять миллионов благополучно достигают зрелости. Таким образом, как видишь, мы вполне можем позволить себе потерять до миллиона человек в год.

— Не думаю, чтобы это очень нравилось матерям Униса,— заметил я.

— Разумеется,— ответил он.— Но война есть война, и у нее свои законы.

— У меня на родине,— сказал я,— существует движение так называемых пацифистов. У них есть песенка, которая называется «Я не для того растила своего сына, чтобы он был солдатом».

Харкас Дан рассмеялся в ответ.

— Если бы у наших женщин была песня, она бы носила название «Я не для того растила сына, чтобы он был дезертиром».

Жена Харкаса Йена сердечно встретила меня. Она обходилась со мной чрезвычайно любезно и называла меня своим новым сыном. Это была женщина лет шестидесяти с печальным лицом. Выйдя замуж в семнадцать лет, она родила двадцать детей: шесть девочек и четырнадцать мальчиков. Тринадцать ее сыновей уже погибло на войне. Я обратил внимание на то, что у всех пожилых женщин и мужчин в Унисе печальные лица. Однако они никогда не сетуют на свою судьбу и не плачут. Жена Харкаса Йена сказала, что плакать в их стране перестали уже два поколения назад.

* * *

В авиацию я не попал, зато попал в Трудовой Отряд — и уж потрудиться там пришлось, действительно, в поте лица. Меня поражало, каким образом жителям Орвиса удастся так быстро ликвидировать последствия непрерывных бомбежек Капаров. Ответ на свой вопрос я получил в первый же день пребывания в Отряде. Тотчас же после того, как улетели последние бомбардировщики противника, мы выскочили на поверхность и, подобно рабочим муравьям, принялись за дело. Без преувеличения нас были тысячи. Впечатляло обилие всевозможной техники: грузовики, землекопалки и специальные приспособления для извлечения деревьев из земли.

Прежде всего мы засыпали воронки от бомб, отбирая те деревья, которые еще можно было спасти. Грузовики

подвозили дерн, саженцы, выращенные под землей,— и в течение нескольких часов все следы вражеского налета были уничтожены.

Признаться, поначалу подобная деятельность показалась мне пустой тратой сил. Однако один из моих новых товарищей объяснил, в чем заключается важность и смысл нашей работы: во-первых, она позволяет поддерживать высокий моральный дух обитателей Униса, во-вторых, снижает моральный дух противника.

Неделя в Унисе состоит из десяти дней. Девять дней мы работали, а десятый являлся выходным. Если не было работы на поверхности, мы трудились под землей. Мне кажется, что за первый месяц пребывания в Трудовом Отряде я отработал столько, что обыкновенному человеку хватило бы на целую жизнь.

В мой третий выходной день, который пришелся как раз на конец первого месяца моей службы в Трудовом Отряде, Харкас Дан, тоже оказавшийся свободным в этот день, предложил совершить прогулку в горы. Он и Ямода пригласили компанию из двенадцати человек. Трое мужчин служили в Трудовом Отряде, еще трое — в авиации. Одна из девушек оказалась дочерью Эль-янхая, который, как я уже говорил, по своему положению равен нашему президенту. Двое других были дочерьми членов Трудового Отряда. Среди нас находились также дочь армейского офицера, дочь президента университета и, наконец, сама Ямода. Страдания и лишения непрерывной войны укрепили единство нации и стерли классовые различия.

Орвис располагается на плато, плотно окруженном горами, ближайшие из которых находятся примерно в сотне миль от города. К ним-то мы и направились на подземном поезде. В этом месте расположена самая высокая вершина в окружающей Орвис гряде. Мы решили отправиться туда, потому что на востоке плато горы довольно низкие, а с западной стороны горную цепь разрывает широкий проход, и именно с востока и с запада обычно совершают свои налеты Капары.

Господи, как было здорово снова оказаться под солнцем и отдохнуть от напряженной работы! Здесь, действительно, было прекрасно: шумели горные реки, воздух был чист и свеж, а невдалеке виднелось небольшое озеро, в лесочке около которого мы и намеревались устроить пикник. Лесок мы облюбовали еще и потому, что в нем в случае необходимости можно было бы укрываться от

неприятельских самолетов. Поскольку за годы войны жители Униса привыкли, оказываясь под открытым небом, первым делом искать на всякий случай подходящее укрытие, то за четыре поколения эта привычка стала их второй натурой.

Кто-то предложил искупаться перед едой.

— Я бы с удовольствием,— отозвался я.— Но у меня, к сожалению, ничего с собой нет.

— В каком смысле? — удивилась Ямода.

— Ну, я хотел сказать, что у меня нет купального костюма.

В ответ на мое заявление они дружно расхохотались.

— Не беспокойся,— сказал Харкас Дан.— Он на тебе. Ты в нем родился.

Прожив пару месяцев под землей, я потерял почти весь свой загар. Но даже и сейчас я казался довольно смуглым на фоне этих ослепительно белокожих людей, которые вот уже четыре поколения живут под землей, словно кроты. Да и моя темная шевелюра резко выделялась среди рыжих волос девушек и русских волос мужчин.

Освежившись в прохладной воде, мы сразу почувствовали, как у нас разыгрался аппетит. Подкрепившись, мы улеглись на траве, и мои новые друзья спели мне несколько своих любимых песен.

Время бежало быстро. Все очень удивились, когда один из нас вдруг вскочил и сказал, что нужно как можно быстрее уходить домой. Едва он успел закончить, как раздался выстрел и наш товарищ упал замертво.

Оружие в нашей компании имели только трое военных. Они быстро сориентировались в ситуации и, приказав нам лечь на землю, сами поползли в ту сторону, откуда раздался выстрел. Не успели они скрыться в кустах, как мы тотчас же услышали стрельбу. Больше терпеть у меня не было сил — лежи тут, как испуганный кролик, пока Харкас Дан с друзьями сражаются! И я отправился вслед за ними.

Я нашел своих товарищей в крайнем унынии. Примерно дюжина неприятельских солдат, надежно укрывшихся за выступом скалы, вела по ним огонь. Харкас Дан и его спутники спрятались в кустарнике, который, однако, не мог служить надежной защитой от пуль. Постоянно находясь на чеку, они открывали огонь всякий раз, как только противник пытался выглянуть из укрытия. Наконец, один из неприятельских солдат слишком

далеко высунулся из-за правого края скалы, за которым прятался. Грохнул выстрел. Мы были на таком близком расстоянии друг от друга, что я даже успел разглядеть зияющую рану у него во лбу, прежде чем он рухнул на землю. С той стороны, куда упало его тело, край выступа закрывали заросли кустарника и частые деревья. И у меня возник один хитрый план, к осуществлению которого я немедленно приступил.

Стараясь оставаться незамеченным, я осторожно пополз вправо. Густой кустарник надежно укрывал меня и, воспользовавшись этим, я вскоре оказался возле левого фланга противника. Словно змея, дюйм за дюймом, полз я между кустами. Наконец, я увидел тело убитого, а за ним — его товарищей, спрятавшихся за скалой. Все они были одеты в мрачную серую униформу, по виду напоминавшую комбинезон. Серые металлические шлемы почти полностью закрывали их головы, оставляя незащищенным только лицо. Через плечо и на поясе у них висели ремни с патронами, по пятнадцать штук в обойме. Я обратил внимание на болезненный, нездоровый цвет их лиц. Хотя, как я знал, они должны были бы быть молодыми людьми, выглядели они гораздо старше своих лет. Лица их были мрачны и угрюмы.

Таковыми оказались первые Капары, которых мне довелось увидеть. Впрочем, кое-что о них я уже знал из подробных рассказов Харкаса Дана и других.

Оружие убитого (а это оказался маленький пулемет) лежало сбоку от него, и обойма была почти полная. Я это видел совершенно отчетливо из своего укрытия. Проползя вперед еще дюйма два, я заметил, что один из Капаров повернулся и поглядел в мою сторону. Сначала мне показалось, что он обнаружил меня, но, присмотревшись, я понял, что он рассматривает своего убитого товарища. Затем он повернулся и сказал что-то остальным на совершенно непонятном мне языке, напоминающем повизгивание свиньи во время еды. В ответ ему кивнули, очевидно, в знак согласия, и, повернувшись, он направился прямо к убитому.

Я уж, было, решил, что всей моей затее пришел конец, и в отчаянии собрался сделать рывок к лежавшему невдалеке оружию. Однако Капар легкомысленно высунул свою голову из-за укрытия, и не успел он сообразить, что к чему, как рухнул наземь с простреленной головой. Остальные Капары, увидев это, принялись злобно переругиваться между собой. Воспользовавшись удобным

моментом, я высунул руку из кустарника и, схватив оружие, осторожно подтянул его к себе.

Капары продолжали браниться друг с другом. Я в это время тщательно прицелился в ближайшего из них и выстрелил. Четверо из десяти упали, как скошенные, прежде чем остальные сообразили, откуда ведется огонь. Двое принялись палить по кустарнику, в котором я прятался, но я их быстро уложил. Не выдержав, оставшиеся четверо бросились бежать. Выскочив из укрытия, они оказались под двойным огнем — моим, а также Харкаса Дана и его товарищей.

Я выполз из кустарника, чтобы лучше прицелиться, но встать в полный рост не рисковал, боясь, что мои друзья застрелят меня, приняв за одного из Капаров. Я громко окликнул Харкаса Дана по имени.

— Кто ты такой? — отозвался он.

— Тангор, — ответил я. — Я выхожу, не стреляй.

Они подбежали ко мне, и мы отправились на поиски самолета Капаров, который должен был находиться где-нибудь неподалеку. Примерно в полумиле от места нашей стычки мы обнаружили его в небольшом естественном укрытии. Он никем не охранялся, и это еще раз убедило нас в том, что мы уничтожили всех врагов.

— Мы захватили двенадцать пулеметов и кучу боеприпасов, да еще самолет в придачу, — заметил я.

— Оружие и боеприпасы возьмем себе, — сказал Харкас Дан. — Но если мы вернемся назад в Орвис на самолете Капаров, нас тут же собьют.

Порывшись в кабине пилота, он отыскал там тяжелый инструмент и разбил им двигатель.

Так завершилась наша загородная прогулка, и мы отправились домой, неся с собой одного нашего убитого товарища.

V

На следующий день, когда я грузил мусор в вагонетку, которая должна была отвезти его в мусоросжигательную печь, к надзирающему за нами человеку подошел какой-то мальчик в желтом костюме. Они пошептались между собой, после чего начальник повернулся и подозвал меня.

— Вам приказано немедленно явиться в канцелярию Уполномоченного по военным делам, — сказал он. — Посыльный вас проводит.

— Не лучше ли мне сначала переодеться? — спросил я. — Мне сдается, что от меня дурно пахнет.

Начальник расхохотался.

— Уполномоченный по военным делам в свое время нанюхался мусора, — заметил он. — К тому же он не любит ждать.

В сопровождении посыльного я отправился в большое здание, называемое Домом Янхая, в котором размещалось правительство Униса.

Меня провели в кабинет одного из помощников Уполномоченного. Когда мы вошли, он поднял голову.

— Что вы хотите? — спросил он.

— Это тот самый человек, за которым вы меня посылали, — ответил мальчик.

— Значит, вы и есть Тангор? Я должен был бы узнать вас по темной шевелюре. Вы — тот самый человек, который утверждает, что он пришелец из другого мира, находящегося за 540 тысяч световых лет от Полоды?

Я подтвердил. Правда, по нашему исчислению, Полода отстоит от Земли на 450 тысяч световых лет, что равнозначно 547 с половиной тысячам световых лет на Полоде, поскольку их год состоит лишь из трехсот дней. Но что значит тысяча-другая для друзей?

— Как мне стало известно, вы недурно проявили себя вчера в стычке с Капарами, — сказал офицер. — Слышал также, что в своем мире вы были летчиком, а теперь хотели бы служить в авиации Униса.

— Так точно, сэр, — ответил я.

— Учитывая смекалку и мужество, проявленные вами вчера, я готов направить вас в авиацию. Если, конечно, для вас это предпочтительнее, чем грузить мусор, — с улыбкой добавил он.

— У меня нет никаких претензий в отношении нынешней работы, я готов заниматься в Унисе всем, что потребуется, сэр, — ответил я. — Со мной обходились здесь исключительно хорошо, несмотря на то, что я явился неожиданным гостем. Я не намерен жаловаться, на какую бы службу меня ни направили.

— Это достойный ответ, — заметил офицер.

Он вручил мне ордер на униформу и дал указания, куда и к кому следует явиться после того, как я получу ее.

Офицер, к которому я прибыл, направил меня сначала на завод, производящий моторы для истребителей. Там я пробыл неделю, то есть девять рабочих дней. На

этом производстве было десять сборочных линий, с каждой из которых ежечасно на протяжении десяти часов в день сходило по мотору. Таким образом, учитывая, что месяц на Полоде состоит из двадцати семи рабочих дней, этот завод выпускал ежемесячно 2700 моторов.

Принципы аэродинамики, будь то на Земле или на Полоде, подчиняются определенным естественным законам, поэтому их самолеты внешне не отличались существенно от тех, которые были мне хорошо знакомы по жизни на Земле. Однако конструкция машин оказалась принципиально иной, благодаря тому, что они создавались из легкого, прочного пластика огромной крепости. Мощные станки штамповали из пластика фюзеляжи и крылья. Затем отдельные части прочно соединялись воедино, так что казались сплавленными. Фюзеляж имел двойные стенки, крылья тоже были полыми.

При сборке самолетов воздух из пространства между стенок фюзеляжа и из полости крыльев откачивался, образующийся вакуум значительно увеличивал подъемную силу машины, а это, в свою очередь, повышало ее грузоподъемность. Конечно, такие самолеты не были легче воздуха, однако они отличались большой маневренностью и легкостью в управлении.

Подобных заводов было сорок: десять производили тяжелые бомбардировщики, десять — легкие, десять — штурмовики и десять — истребители, использовавшиеся в Унисе также для разведки. В общей сложности эти заводы выпускали свыше ста тысяч самолетов ежемесячно. Такое большое количество было необходимо, чтобы восполнить потери авиации в технике, а также для того, чтобы постоянно наращивать ее мощь, в чем правительство Униса видело одну из своих важнейших задач.

В течение девяти дней я находился на заводе в качестве наблюдателя, затем проработал две недели на производстве моторов и еще столько же — на производстве фюзеляжей и на сборке. После этого последовало три недели учебных полетов, не раз прерываемых налетами Капаров. Вместе с моим инструктором мне тоже довелось принять участие в жарких схватках.

В течение всего этого времени я изучал четыре из пяти основных языков Полоды, которые были мне еще совершенно незнакомы, уделяя особое внимание языку Капаров. Я занимался также географией Полоды.

В этот период я не позволял себе никакого отдыха,

часто посвящая учению ночи напролет до самого утра. Когда, наконец, мне было присвоено звание летчика, я с удовольствием воспользовался выпавшим выходным днем. Живя в казарме, я давно не встречал никого из Харкасов и вот теперь, в свой первый выходной, прямоком направился в их дом.

* * *

У Харкасов, кроме Ямоды и Дана, я застал также Балзо Маро, девушку, первой обнаружившую меня после моего появления на Полоде. Все они искренне обрадовались моему приходу и сердечно поздравили с зачислением на военную службу.

— С тех пор, как я увидела вас впервые, вы стали совсем другим,— улыбаясь, заметила Балзо Маро.

И это была совершенная правда, начиная хотя бы с того, что сейчас я был облачен в синюю летную форму, шлем и такого же цвета ботинки.

— С тех пор, как я очутился на Полоде, я узнал много нового,— сказал я ей.— Но вот после купания нагишом вместе с другими молодыми мужчинами и женщинами, никак не могу понять, отчего же вы были так шокированы, увидя меня, голого, в тот первый день.

В ответ Балзо Маро только рассмеялась.

— Одно дело — купаться, а другое — расхаживать по городу в таком виде,— заявила она.— Хотя, признаться, шокировало меня совсем не это. Куда больше меня удивила ваша загорелая кожа и темные волосы. Я просто терялась в догадках, что вы за экземпляр.

— Ну, а я, честно говоря, увидев вас в столь необычном костюме среди бела дня, решил, было, что у вас не все дома.

— Ничего в моем костюме нет необычного,— сказала она и пояснила,— точно такие же носят все девушки. Неужели вам он не нравится? Он же славный!

— Отчего же,— уклончиво промолвил я.— Но неужели вам не надоедает все время ходить в одном и том же? Наверное, иногда хочется и обновки?

Моя собеседница покачала головой.

— Идет война,— промолвила она.

Опять я услышал этот универсальный ответ на все мои расспросы.

— Зато мы можем причесываться, как нам нравит-

ся,— вступила в разговор Харкас Ямода.— А это уже кое-что.

— Наверное, ваши парикмахеры постоянно придумывают новые прически,— предположил я.

Ямода рассмеялась.

— Лет сто назад,— сказала она,— все наши парикмахеры, косметологи, как и прочие, отправились на войну защищать Унис. Все что мы делаем, мы делаем сами.

— В вашей стране все женщины работают? — поинтересовался я.

— Да,— сказала Балзо Маро.— Мы работаем, чтобы освободить наших мужчин для службы в Вооруженных силах и Трудовых отрядах.

Я невольно задумался, что стали бы делать американские женщины, если бы нацистам удалось развязать мировую войну. Не сомневаюсь, что в случае опасности они проявили бы не меньше мужества, чем женщины Униса. Однако их, скорее всего, сильно угнетала бы необходимость носить один и тот же костюм с момента достижения зрелости и до замужества. Такой костюм, как объяснила Балзо Маро, может быть и пятидесятилетней давности. Их продают и перепродают время от времени снова, как только прежние владельцы перестают в них нуждаться. После замужества женщины облачаются в похожий серебряный костюм — и уже до конца жизни. Только в случае гибели мужей этот серебряный костюм сменяется на пурпурный. Уверен, что Иренз, Хати Карнеги, Валентина и Адриан покончили бы с собой вместе с Максом Фактором, Перком Вестмором и Элизабет Арден. Но вот представить, к примеру, Элизабет Арден с мотыгой на картофельном поле я не могу.

— Ты пробыл здесь уже несколько месяцев,— сказал Харкас Дан.— Какие у тебя впечатления о нашем образе жизни?

— По-моему, излишне говорить вам, что мне очень симпатичны ваши люди,— ответил я.— Ваше мужество и моральный дух достойны восхищения. Понравилась мне и ваша форма государственного правления. Она проста и эффективна. Я впервые встречаю столь сплоченных людей, среди которых нет ни преступников, ни предателей.

Харкас Дан покачал головой.

— Здесь ты ошибаешься,— промолвил он.— Есть у нас, к сожалению, и преступники, и предатели, хотя их,

безусловно, меньше, чем сто лет назад. Политическая коррупция была тогда явлением, весьма распространенным, а она, как ты знаешь, идет рука об руку с разнообразными преступлениями. И сейчас среди нас есть люди, симпатизирующие Капарам, есть чистокровные Капары, засланные в нашу страну для организации шпионажа и саботажа. Их до сих пор по ночам забрасывают к нам на парашютах. Многих мы выловили, но далеко не всех. Это довольно сложно сделать, потому что Капары — смешанная раса, и среди них немало людей с белой кожей и русыми волосами, которые легко могут сойти за жителей Униса.

— Между прочим, брюнеты среди них тоже встречаются, — многозначительно заметила, поглядев на меня, Харкас Ямода, но сама тут же улыбнулась своей подозрительности.

— Тогда, и впрямь, удивительно, что меня не приняли за Капара и не расстреляли, — сказал я.

— Тебя спасло два обстоятельства, — пояснил Харкас Дан. — Во-первых, то, что у тебя смуглая кожа, а во-вторых, ты не понимал ни одного из языков Полоды. Такие вещи проверяются с помощью специальных тестов. Если бы ты, даже зная язык, захотел это скрыть, у тебя бы все равно ничего не получилось из этого.

Позже, когда мы сели полдничать, я завел разговор о том, что для ожесточенной войны между странами, обладающими, возможно, миллионами самолетов, налеты Капаров, как я мог заметить за время своего пребывания в Унисе, не являются особенно мощными.

— Ну, это всего-навсего небольшая передышка, — объяснил Харкас Дан. — Попросту и та и другая стороны периодически устают от войны, но никто не может сказать наверняка, когда ожидать новой неистовой вспышки боевых действий.

Едва он успел закончить, как из громкоговорителей по всему подземному городу раздался пронзительный звук. Харкас Дан тут же поднялся из-за стола.

— Вот и начинается, — сказал он. — Общая тревога. Сейчас ты увидишь настоящую войну, дружище Тангор. Пошли.

Мы поспешили в машину, и девушки тоже отправились вместе с нами, чтобы, доставив нас на базу, вернуть машину назад.

Словно встревоженные опасностью термиты, один за другим с гулом взмывали ввысь с подземных аэродромов

Орвиса самолеты — двадцать машин ежеминутно, по самолету каждые три секунды.

Я летел пилотом в эскадрилье истребителей. На каждой машине такого типа имелось четыре пулемета. Один располагался возле пропеллера, еще два, из которых можно было вести огонь в любых направлениях, — за кабиной пилота, и, наконец, четвертым был оснащен низ фюзеляжа.

Когда мы поднялись вверх, небо было уже черным-черно от наших машин. Эскадрильи формировались очень быстро и уносились навстречу Капарам, двигавшимся с юго-запада. Наконец и я ясно различил самолеты противника примерно в миле от нас. Они напоминали черную тучу комаров.

VI

Конечно, в то время, когда я погиб на нашей маленькой земной войне, такого количества самолетов там не было и не могло быть. Какая-нибудь сотня-другая машин, участвующая в бою с той или другой стороны, казалась внушительной силой. Сейчас же в небе одновременно находилось никак не меньше десяти тысяч самолетов, и это было еще только самое начало боя. Непрерывно наращивая скорость, мы поднимались все выше и выше, пытаясь оказаться над противником. Но и Капары стремились к тому же. Бой завязался на высоте примерно в двенадцать миль, и почти сразу же превратился во множество отдельных жарких схваток, хотя обе стороны пытались сохранять боевой порядок.

Всего за несколько минут я оказался отрезан от своей эскадрильи. За мной увязалось три штурмовика Капаров. Повсюду вокруг нас падали самолеты, словно листья, срываемые порывами осеннего ветра. Небо было буквально заполнено машинами. Мне приходилось быть очень внимательным, как за рулем автомобиля на улице с оживленным движением в час пик. Стоило только отвлечься на минуту — и не избежать столкновения. После нескольких маневров мне удалось взять ситуацию под свой контроль, и я с удовольствием отметил, как один из преследовавших меня самолетов Капаров, повернувшись в воздухе, стремительно пошел к земле. Два других тоже были в незавидном положении, поскольку я продолжал оставаться над ними. В конце концов, они

обратились в бегство. Но одному из них, значительно уступавшему в скорости моему истребителю, уйти так и не удалось. Я быстро догнал тихохода и сбил его.

Мне невольно припомнился последний бой на Земле, когда, сбив два мессера из трех, я был подбит третьим. Как знать, не являлось ли это репетицией нынешнего боя? Неужели сегодня мне предстоит умереть во второй раз?

Преследуя третий самолет, я оказался над заливом к западу от Униса. Этот залив, простиравшийся на тысячу двести миль, называли заливом Хагар. Огромный искусственный остров располагался в центре его. При создании этого острова использовалась земля, извлеченная в ходе подземных работ в Унисе. Она доставлялась сюда по гигантскому трубопроводу.

Где-то на полпути между берегом и островом мне удалось-таки сесть на хвост этому последнему Капару. Я отчетливо видел свесившееся из кабины тело одного из вражеских стрелков. Зато второй пулемет работал вовсю. Пули со свистом проносились мимо меня, и приходилось лишь удивляться, как я до сих пор оставался жив. Наверное, этот Капар был самым большим мазилой на Полоде.

Я тоже не могу назвать себя первоклассным снайпером, но, в конце концов, замолчал и второй вражеский пулемет. Значит, мои выстрелы все же достигли цели. Однако радость моя была недолгой, так как невдалеке я заметил целую эскадрилью Капаров и понял, что сейчас самое время уносить ноги. По-видимому, пилот преследуемого мною самолета тоже увидел своих. Он немедленно развернулся и пустился за мной в погоню. А тут еще начало твориться что-то неладное с моим мотором. Очевидно, убитый мною стрелок все-таки задел его пулеметной очередью. Капар уже нагонял меня, а пулеметы на моем самолете почему-то молчали. Оглянувшись, я обнаружил, что двое моих стрелков убиты.

Совершенно беззащитный против преследующего меня противника, я вот-вот мог очутиться в критической ситуации. Необходимо было действовать решительно и быстро. Круто накренившись, я спикировал и нырнул прямо под машину Капара.

В результате этих маневров низ фюзеляжа самолета противника оказался у меня на прицеле. Капар попытался оторваться, но было уже поздно. Я нажал на гашетку и обрушил на него целый шквал пуль. Задымив-

шись, штурмовик завалился набок и стремительно пошел вниз.

Я перевел дыхание. На западе все небо было черным-черно от самолетов Капаров. Минута-другая, и они будут около меня. Между тем мой мотор работал на последнем издыхании. В десяти-двенадцати милях под мной лежало побережье Униса. До Орвиса отсюда, должно быть, тысяча миль на северо-восток. Я мог бы протянуть в сторону города еще миль 175—180, но за это время Капары настигнут меня, и не поручусь, что их стрелки откажут себе в удовольствии расправиться со мною. Кто знает, может, они уже заметили мой самолет и вот-вот пустятся в погоню? Решив схитрить, я вошел в штопор, чтобы у противника, если он за мной наблюдает, сложилось впечатление, будто мой самолет подбит. Почти у самой земли я спикировал и выровнял машину. Если до сих пор в моей шевелюре седых волос не было, то теперь, после этой воздушной эквилибристики, они, наверняка, появились.

Я посадил самолет между побережьем и горной цепью. Преследования не было. Я вылез из кабины. Вслед за мной из машины появился третий стрелок, Бантор Хан.

— Красивая работа,— произнес он.— Мы покончили со всеми тремя.

— Просто слегка повезло,— откликнулся я.— А теперь нам предстоит долгая прогулка в Орвис.

— Боюсь, мы никогда больше не увидим Орвис,— грустно сказал стрелок.

— Это еще почему? — удивился я.

— Это побережье лежит прямо на пути самолетов Капаров. Когда-то на этом самом месте, где мы сейчас стоим, располагался один из крупнейших портовых городов Униса. Теперь, как видишь, от него камня на камне не осталось. Точь-в-точь такая же картина и на двести-триста миль в округе. Ничего, кроме изрытой воронками земли.

— Неужели в этой части Униса нет ни одного города? — спросил я.

— Есть несколько, далеко к югу. До ближайшего из них отсюда с тысячу миль. К тому же он лежит по ту сторону горной цепи. Есть еще города далеко на севере и к востоку от Орвиса. В этой части страны, над которой постоянно пролетают бомбардировщики Капаров, даже на сооружение подземных городов не имеет смысла

тратить силы. Тем более, что в других районах осталось еще много неосвоенных территорий.

— Ну нет,— продолжал упорствовать я,— так просто я не собираюсь сдаваться. Попробую добраться либо до Орвиса, либо до любого другого города. Слушай, а не попытаться ли нам перейти через горы? По крайней мере, мы хоть не будем маячить на пути самолетов Капаров.

Бантор Хан покачал головой.

— Эти горы кишат дикими зверями,— сказал он.— В свое время в городе Хагар была громадная коллекция диких животных. Когда разразилась война и начались непрерывные бомбежки, большая часть зверей погибла, а уцелевшие попросту разбежались. За сотню лет они успели размножиться и заполонили эти горы и их окрестности. Жители Полана, города, до которого ты собираешься добраться, из-за них боятся голову высунуть из-под земли. Идти в этом направлении бессмысленно, шансов нет никаких.

Он помолчал и, подумав немного, добавил:

— Мы оба останемся здесь и погибнем. Это означает, что наши потеряли убитыми четырех человек плюс истребитель против двадцати убитых летчиков Капаров и трех их штурмовиков. По-моему, совсем неплохой результат за день. Причин для недовольства нет. Ты можешь гордиться, Тангор, мы с честью выполнили свой долг и умрем, как подобает солдатам,— патетически закончил он свой монолог.

— Конечно, патриотизм и преданность Родине — великие качества, и они достойны уважения,— заметил я.— Не понимаю только, чем живой патриот хуже мертвого. Я уже сказал, что не собираюсь сдаваться. Если даже мы в любом случае обречены, все равно лучше что-нибудь предпринять, чем сидеть сложа руки и покорно ждать смерти.

Бантор Хан пожал плечами.

— Это мне по вкусу,— неожиданно согласился он.— Я уже считал себя покойником, когда к нам прицепились эти три штурмовика. Остается лишь поражаться, как нам вообще удалось выбраться из этой переделки. Нам с тобой крупно повезло. И если теперь ты предпочитаешь идти навстречу смерти вместо того, чтобы ждать, пока она сама тебя найдет, я, пожалуй, готов составить тебе компанию.

Забрав оружие и боеприпасы наших убитых товарищей, мы с Бантором Ханом двинулись в горы Лораса.

С первых же шагов я был поражен красотой этих мест. Мы находились примерно в восьмистах-девятистах милях от экватора, и здешний климат очень напоминал лето в средних широтах на Земле. Все вокруг зелено, переливалось на солнце, было полно очарования и красоты. Я видел множество деревьев, растений и цветов, казавшихся столь похожими на земные и в то же время разительно отличающихся от них. После длительного времени, проведенного в Орвисе под землей, я чувствовал себя, словно школьник, вырвавшийся на свободу после долгих, нудных занятий. Зато Бантор Хан ощущал себя явно не в своей тарелке.

— Я хоть и родом из Униса,— произнес он,— но, когда оказываюсь на поверхности, словно попадаю в другой мир. Оно и не мудрено для человека, который почти всю свою жизнь провел либо под землей, либо высоко в небе.

— Но, согласись, здесь очень красиво,— сказал я.

— Пожалуй,— не стал спорить он.— Только всего слишком уж много, и это настораживает. А вообще я люблю после долгих полетов возвращаться домой, в Орвис. Только там, под землей, я чувствую себя спокойно и в безопасности. Там я по-настоящему отдыхаю.

Наверное, подумал я, это естественное состояние для человека, который сам, как и его предки в нескольких поколениях, почти всю жизнь провел под землей. Отсюда эта боязнь открытого пространства. Вероятно, комплекс, который развился у Бантора Хана, имеет свое название, но мне не доводилось его слышать.

А здесь, на самом деле, было изумительно: буйная растительность, горные реки и небольшие озера, в которых играла рыба. Первое животное, попавшееся нам, напоминало антилопу. Оно стояло на самом краю горного озера, ступив передними ногами в воду и склонив к ней свою красивую голову, увенчанную длинными острыми рогами. Животное не могло почуять наше приближение, поскольку мы двигались против ветра. Стараясь не спугнуть антилопу каким-нибудь нечаянным шумом, я потянул Бантора Хана в укрытие.

— Вот и еда,— прошептал я, когда мы спрятались в кустах.

Бантор Хан кивнул в ответ. Я тщательно прицелился и с одного выстрела уложил антилопу, попав ей прямо в сердце. Едва мы принялись разделывать тушу, как наше внимание неожиданно привлекло пренеприятнейшее ры-

чание. Одновременно подняв головы, мы огляделись по сторонам.

— Ну вот, я же предупреждал,— сказал Бантор Хан.— Подобных тварей полным-полно в этих горах.

Как и большинство других животных, которых мне довелось встречать на Полоде, этот экземпляр не особенно отличался от земных зверей. На Полоде все они тоже имеют четыре ноги, два глаза и, как правило, хвост. Некоторые покрыты волосами, некоторые — шерстью, некоторые — мехом, а попадаются и совершенно лысые. Лошади на Полоде трехкопытные, их легко узнать по рогу в самом центре лба. Крупный скот здесь безрогий. А кусаются и брыкаются эти животные не хуже земных лошадей. Лошади используются для езды и перевозки грузов, иногда их употребляют в пищу. Туша крупного скота на редкость мясиста, а коровы, как и их земные собратья, дают молоко. Существо, которое с угрожающим рычанием подбиралось к нам, строением тела напоминало льва, а раскраской — зебру. По размерам оно тоже могло сойти за приличного африканского льва.

Я вытащил пистолет из кобуры, но Бантор Хан схватил меня за руку.

— Не стреляй,— произнес он.— Это его только разозлит. Если мы уйдем, оставив ему тушу, он, скорее всего, не станет нападать на нас.

— Ты очень ошибаешься, если думаешь, что я намерен оставить наш ужин этому негодяю,— сказал я.

Бантор Хан поразил меня. Я знал, что он не был трусом. Он храбро воевал и имел немало наград. Видно, здесь, на поверхности планеты, все оказалось для него столь ново и необычно, что он растерялся. Вот будь он в воздухе, на высоте миль двенадцать, или под землей, на глубине футов сто, тогда уж он не отступил бы ни перед кем — ни перед человеком, ни перед зверем.

Я сбросил его руку со своей и, не спеша прицелившись, выпустил в животное четыре или пять пуль. Хищника буквально разнесло на куски, поскольку мой пистолет был заряжен разрывными патронами.

Как-то раз я поинтересовался, как это цивилизованные, культурные обитатели Униса допускают использование разрывных снарядов. «Капары сами хотели настоящей войны»,— ответили мне.

— Ogo! — воскликнул Бантор Хан.— Ты убил его! Кажется, его это и в самом деле удивило.

Отрезав от туши антилопы несколько приличных ку-

сков и поджарив их на костре, мы сытно поужинали. Тащить с собой остальное мясо не имело никакого смысла, и мы попросту бросили его на месте, оставив на пропитание какому-нибудь очередному хищнику. Плотный ужин поднял наши силы и приободрил нас. Помоему, Бантор Хан тоже почувствовал себя гораздо уверенней, убедившись в том, что мы совсем не обязательно должны быть растерзаны первым же встретившимся нам зверем.

Переход через горы занял два дня. К счастью, мы удачно выбрали маршрут через северный конец горной цепи, где сама гряда была довольно узкой, а горы оказались ненамного выше холмов. Еды у нас было в достатке. Правда, дважды на нас пытались напасть дикие животные. Один раз это была мерзкая тварь, напоминающая гиену, второй — уже знакомое нам существо, которое я окрестил «львом Полоды». Хуже всего приходилось ночью, поскольку под покровом темноты хищники могли незаметно подкрасться и наброситься на нас. Первую ночь мы провели в пещере, по очереди сменяя друг друга на вахте, вторую — под открытым небом. Однако нам повезло, и никто на нас не напал.

Выйдя из каньона на восточной стороне горной цепи, мы вдруг увидели примерно в полумиле от нас, на краю небольшого ущелья, являвшегося продолжением каньона, в котором мы находились, самолет Капаров. От неожиданности мы остановились. Приглядевшись, мы заметили возле машины двух человек, которые, кажется, что-то копали.

— Еще парочка Капаров в нашу коллекцию,— сказал я Бантору Хану.

— Убив их и уничтожив самолет, мы обречем себя на верную гибель,— отозвался он.

— Тебе все время хочется умереть,— произнес я с укором.— А я еще намерен пожить.

Вот он был бы удивлен, если бы узнал, что я уже давно мертв и даже похоронен где-то за 548 тысяч световых лет отсюда.

— К тому же,— прибавил я,— нам нет никакого смысла уничтожать самолет, если он на ходу.

Мы спустились в лощину и низом подошли к Капарам. Они не могли видеть нас, а любой подозрительный шум, который мы могли по неосторожности издать, заглушил бы шум небольшого горного ручья.

Пройдя достаточное, по моему мнению, расстояние, я

велел Бантору Хану подождать, а сам вскарабкался вверх на разведку. Я не ошибся в расчетах: менее чем в ста футах от меня двое Капаров орудовали лопатами. Пригнувшись, я кивком позвал своего товарища.

Могу вас заверить, что на настоящей войне нет места рыцарству и благородству. Эти двое Капаров были обречены, и они погибли прежде, чем осознали или увидели, что где-то рядом находится противник.

Пройдя к убитым поближе, мы обнаружили возле ямы, которую они так старательно копали, небольшой ящик. Он был сделан из металла и герметически закрывался. Внутри его оказалось два комплекта синей униформы Вооруженных сил Униса, а в придачу к ним — шлемы, ботинки, патронташи, кинжалы и пистолеты. В ящик была также вложена инструкция на языке Капаров, описывающая, как лучше проникнуть в Орвис и организовать в городе бесчисленные пожары. Указывалось даже, какие здания в Орвисе легче поджечь, и откуда пожары быстрее всего распространятся на окружающие строения.

Мы забросили ящик в самолет и влезли в него сами.

— Ничего не получится,— мрачно предупредил Бантор Хан.— Нас собьют свои же.

— Неужели тебе действительно так не терпится умереть? — спросил я.

Я запустил двигатель и вырулил на взлет.

VII

Радары Униса, конечно, уже засекли нас и дали предупреждение о том, что приближается самолет противника. Дело в том, что самолеты Вооруженных сил Униса оснащены специальным секретным устройством, которое дает сигнал на радары. Этот сигнал постоянно меняется, являясь как бы паролем, позволяющим отличить собственный самолет от вражеского. Я не сомневался, что в Унисе уже объявлена тревога, и был уверен в том, что искать самолет будут на высоте, поэтому сам летел на бреющем полете, придерживаясь высоты чуть более двадцати футов.

Подлетая к горной цепи, окружающей Орвис, я заметил эскадрилью истребителей, движущуюся нам навстречу.

— Они ищут нас,— сказал я Бантору Хану, сидевше-

му сзади меня.— Я направляю машину туда, где они смогут лучше нас заметить.

— Ты очень торопишься,— отозвался Бантор Хан.

— Слушай внимательно,— произнес я.— Как только мы приблизимся к ним и ты сможешь различить пилотов и их форму, немедленно поднимайся во весь рост и маши рукой. Они увидят, что на тебе форма летчика Униса и не станут стрелять.

— Вот тут ты и ошибаешься,— принялся спорить Бантор Хан.— Капары не раз пытались проникнуть в Орвис в униформе, снятой с наших убитых летчиков.

— Ладно, не будем спорить,— прервал его я.— Другого выхода все равно нет. Ты, главное, не забудь подняться и махать руками.

Расстояние между нашим самолетом и истребителями становилось все меньше и меньше. Момент был напряженный. Я уже отчетливо видел синюю форму пилотов и стрелков, а они, наверняка, так же ясно видели нашу. Оставалось надеяться на то, что знаки, которые подавал Бантор Хан, заставят их понять, что тут что-то не так.

Командир эскадрильи приказал своим самолетам окружить нас. Кольцо вокруг сжималось все теснее и теснее, и в конце концов, мы едва не соприкасались крыльями.

— Кто вы такие? — прокричал нам командир.

— Бантор Хан и Тангор,— ответил я.— Мы находимся в захваченном самолете Капаров.

Я услышал, как один из его стрелков произнес:

— Точно, это Бантор Хан. Я его хорошо знаю.

— Приземлитесь в южной части города,— приказал командир.— Мы будем сопровождать вас. В случае невыполнения наших условий вы будете немедленно сбиты.

Я просигналил в ответ, что все понял.

— Следуйте за нами,— велел командир.

Так мы приземлились в Орвисе в сопровождении целого эскорта истребителей. Признаться, я был рад выбраться из этого самолета целым и невредимым.

Я рассказал командиру эскадрильи обо всем, что мы видели, и передал ему ящик, который мы нашли возле убитых Капаров. Затем я отправился к своему командиру и доложил о случившемся.

— Я уж не надеялся снова увидеть тебя живым,— сказал он.— Как успехи?

— Двадцать два Капара и четыре их самолета,— отрапортовал я.

Он взглянул на меня несколько скептически.

— А твои потери?

— У меня в экипаже было три человека,— ответил я.— Я потерял двоих плюс самолет.

— Все равно соотношение в твою пользу,— подытожил командир.— Кто еще спасся?

— Бантор Хан.

— Хороший парень,— произнес он.— Где он сейчас?

— Ждет за дверью, сэр.

Командир позвал Бантора Хана.

— Вам крепко повезло, парни,— повторил он.

— Так точно, сэр,— подтвердил Бантор Хан.— Четыре самолета и двадцать два человека убитыми против наших двух и одного истребителя.

— Я буду ходатайствовать о представлении вас обоих к наградам,— сообщил командир.— А теперь вам нужно как следует отдохнуть. Возьмите завтра оба выходной день, вы его вполне заслужили.

Не теряя времени, я отправился прямо к Харкасам. Харкас Ямоду я застал в саду, где она сидела, печально устремив взор в землю. Едва я окликнул ее, как она вскочила и с нервным смехом подбежала ко мне.

— О, Тангор,— закричала она, крепко схватив меня за обе руки.— Когда ты не вернулся, мы уж решили, что ты погиб. Говорят, тебя последний раз видели, когда ты в одиночку сражался с тремя штурмовиками Капаров.

— А что Харкас Дан? — поинтересовался.— Он вернулся?

— Да, и мы все так счастливы — до следующего раза.

Я сидел за обеденным столом с Ямодой и ее родителями, когда появился Харкас Дан. Как и все остальные, он был одновременно удивлен и обрадован, увидев меня живым и невредимым.

— Я уж думал, ты погиб,— сказал он, после того как мы обменялись приветствиями.— Если человек не возвращается в течение трех дней, его считают убитым. А ты, похоже, просто счастливчик.

— Чем закончился бой, Дан? — спросил я.

— Мы, как всегда, успешно отбили их атаку,— ответил он.— Мы превосходим Капаров во всем: мужеством пилотов, меткостью стрелков, мощностью орудий, маневренностью самолетов, а теперь, думаю, и их количеством. Они атаковали нас в два захода, примерно по пять тысяч самолетов в каждом, и, по меньшей мере половину их машин мы сбили. Наши потери составили одну тысячу

самолетов и две тысячи человек. Остальные благополучно приземлились на парашютах.

— Не понимаю, что же поддерживает их боевой дух,— недоуменно произнес я.— Неужели их воины способны идти на верную смерть без всякой стоящей цели?

— Они очень боятся своих вождей,— пояснил Харкас Дан.— А многолетняя привычка к повиновению погубила в них всякую инициативу и самостоятельность. Другая причина еще проще: каждому хочется есть. Вожди Капаров живут в роскоши, как князья прежних времен. Армейские офицеры тоже ни в чем не знают нужды. Что касается простых солдат, то они, по крайней мере, довольны обеспечены едой. Если ты не идешь на военную службу, то превращаешься просто в рабочую силу, а на Капаре это равнозначно превращению в рабов. Рабочий день там длится по шестнадцать-восемнадцать часов, а еды дают ровно столько, чтобы не умереть с голоду. И все-таки положение местного населения несравненно лучше, чем жизнь покоренных народов, многие из которых доведены до того, что вынуждены заниматься каннибализмом.

— Давайте поговорим о чем-нибудь более приятном,— предложила Ямода.

— По-моему, вот идет предмет такого приятного разговора,— заметил я, кивнув в сторону входа в сад, в котором мы сидели. Там как раз появилась Балзо Маро.

Она приблизилась к нам с лучезарной улыбкой на лице, однако я заметил, что улыбается она через силу. Харкас Дан поднялся ей навстречу и, взяв ее руки в свои, ласково пожал их. Ямода приветствовала ее нежным поцелуем. Я в первый раз столкнулся с подобным публичным проявлением нежных чувств. Хотя эти три человека были очень привязаны друг к другу и каждый из них это знал, они никогда не демонстрировали свои чувства перед посторонними.

Очевидно, они обратили внимание на мое замешательство.

— Мой младший брат героически погиб в бою,— пояснила Балзо Маро. И, помолчав немного, она грустно добавила,— война.

Я не считаю себя чрезмерно чувствительным человеком, но в этот момент комок стал у меня в горле и слезы подступили к глазам. Какие мужественные люди! Сколько страданий пришлось им вынести из-за стремления к

власти, тщеславия и ненависти человека, умершего почти сто лет назад!

Больше об утрате Балзо Маро не было сказано ни слова. Я уверен, что, глубоко переживая случившееся, эти люди никогда не вернутся к этому разговору. Война...

— Значит, завтра у тебя выходной,— промолвил Харкас Дан.— Тебе, можно сказать, снова повезло.

— Почему? — не понял я.

— Завтра двадцать тысяч наших самолетов вылетают с ответным ударом в Капару,— пояснил он.

— А они в ответ пошлют сорок тысяч самолетов,— печально заметила Ямода.— И так это будет тянуться до бесконечности.

— В таком случае, ни о каком выходном завтра не может идти речи,— заявил я.

— Это еще почему? — спросила Ямода.

— Я полечу вместе со своей эскадрильей,— сказал я.— Не понимаю, почему командир сразу не сообщил мне об операции.

— Потому что ты вполне заслужил отдых,— сказал Харкас Дан.

— Тем не менее завтра я полечу вместе со всеми,— решительно объявил я.

VIII

На следующий день перед самым рассветом тысячи самолетов взмыли ввысь с аэродромов Орвиса. Мы должны были следовать на высоте двенадцати миль, и едва машины легли на курс, как нашим глазам открылась поистине великолепная картина! В небе ясно виднелись четыре из одиннадцати входящих в данную космическую систему планет. Ближайшая из них располагалась менее чем в шестистах тысячах миль. Вокруг Омоса, солнца этой системы, вращается одиннадцать планет, каждая размером примерно с нашу Землю. Они находятся приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга. Орбиты их планет отстоят на миллион миль от центра солнца, которое само по себе значительно меньше, чем наше светило. Атмосферный пояс, составляющий 7200 миль в диаметре, вращается вместе с планетами по их орбитам, соединяя таким образом их воздушной дорогой и открывая большие возможности для межпланетных путешествий. Харкас Йен говорил мне, что эти

возможности уже давно могли бы быть реализованы, если бы не затяжная, изнурительная война.

С тех самых пор, как я очутился на Полоде, я не переставал размышлять о том, сколько новых интересных открытий таит в себе путешествие на эти другие планеты, условия жизни на которых должны быть примерно такими же, что и на Полоде. Однако вероятность подобного путешествия практически равна нулю — по крайней мере, до тех пор, пока на Полоде непрерывно идет война.

Мне предстоял еще долгий полет, и мысли о межпланетном путешествии помогали скоротать время. Капара расположена на континенте, называемом Эприс. Расстояние от Орвиса до Эргоса, столицы Капары, составляет примерно одиннадцать тысяч миль. Так как скорость самых медленных наших самолетов равна пятистам милям в час, то до Эргоса, нам предстояло лететь довольно долго. Все трое моих стрелков оказались сменными пилотами, и каждые четыре часа мы сменяли друг друга у штурвала. На сей раз Бантора Хана со мной не было, а с тремя входившими в состав моего экипажа летчиками я никогда прежде не летал. Замечу, однако, что, как и все военнослужащие в Унисе, они оказались надежными, знающими свое дело парнями.

Миновав побережье Униса, мы пролетели три с половиной тысячи миль над Караганским океаном, простирающимся от северного континента Кариса до самой южной точки Униса, в которой два континента — Эприс и Унис — почти встречаются, на восемь с половиной тысяч миль. С высоты в двенадцать миль разглядишь немного. Случайные облака проплывали под нами, а между ними отчетливо была видна синяя гладь океана, сверкающая в солнечных лучах. Поверхность океана казалась такой гладкой и спокойной, что можно было подумать, будто под нами не великий океан, а небольшой пруд.

Около полудня мы заметили впереди побережье Эприса, и тут же появились самолеты Капаров, посланные нам навстречу. Их было не больше тысячи, и мы без особого труда уничтожили половину из них, заставив остальных повернуть обратно. Однако вскоре мы были атакованы новым, гораздо более крупным отрядом. Завязался яростный бой, но большинству наших бомбардировщиков удалось прорваться вперед.

Наша эскадрилья сопровождала тяжелые бомбардировщики, и нам приходилось постоянно отбивать напа-

дения вражеских самолетов. В течение менее получаса я оказался вовлечен в три ожесточенные схватки, из которых благополучно вышел, потеряв только одного члена экипажа. После каждого боя мне приходилось догонять бомбардировщики и конвой.

Рейсовая скорость истребителя составляет примерно пятьсот миль в час, но машина может развивать предельную скорость до шестисот миль. Обычная скорость бомбардировщика тоже около пятисот миль, а предельная — пятьсот пятьдесят.

Из двух тысяч легких и тяжелых бомбардировщиков, отправившихся в этот рейд, к Эргосу прорвалось около тысячи восьмисот. Вот тут-то, поверьте, и разгорелась настоящая битва. Одна тысяча за другой поднимались в воздух самолеты Капаров, а наши силы пополнялись все новыми и новыми машинами, прорвавшимися сквозь заслон.

Мы увидели взметнувшиеся к небу столбы огня и лишь через некоторое время слышали грохот взрывов — это наши бомбардировщики сбросили свой груз. Вокруг свистели пули. В клубах дыма падали на землю сбитые самолеты — наши и Капаров.

Внезапно небо очистилось от самолетов противника, и в дело вступила зенитная артиллерия. Она, как и в Унисе, была оснащена тысячефунтовыми снарядами, взлетающими на высоту двенадцать-пятнадцать миль. Взрывами на пятьсот ярдов во всех направлениях разносило обломки самолетов. Из других снарядов при разрыве вылетали проволочные сети на маленьких парашютиках — они опутывали пропеллеры и застопоривали их.

Сбросив семь или восемь тысяч тонн бомб на Эргос и его окрестности — на площадь примерно в двести квадратных миль, мы развернули свои машины и взяли курс сначала на восток, а затем на север, направляясь к самой южной точке Унисча.

Где-то над восточной оконечностью Эприса мой мотор начал так сильно барахлить, что мне не оставалось ничего иного, как пойти на вынужденную посадку. До Униса или хотя бы до прилегающих к континенту островов в южной части Караганского океана оставался какой-нибудь час лету, но мой самолет уже не был способен преодолеть это расстояние.

Летчики других самолетов прекрасно видели, что я пошел на посадку, но никто не последовал за мной, никто не поспешил на помощь. Устав категорически запрещает

другим экипажам рисковать во имя помощи летчику, вынужденному совершить посадку на вражеской территории. Беднягу автоматически списывают со счета — как погибшего.

Поскольку в свое время я изучал географию Полоды, то знал, что нахожусь сейчас за южной границей Капары, над страной, некогда известной под названием Пунос и покоренной Капарами в числе первых, сто с лишним лет тому назад.

Мои познания о Пуносе ограничивались слухами, ходившими в Унисе. Рассказывали, будто обитатели этой страны за долгие годы преследований и голода совершенно одичали и превратились чуть ли не в животных.

Приближаясь к земле, я отчетливо видел внизу под собой гористую территорию. Две реки протекали по ней, соединяясь на юге в широкий поток, впадающий прямо в залив. Ни людей, ни городов, ни возделанных полей я не заметил. Правда, вдоль рек виднелась кое-какая растительность, но в целом ощущение было такое, словно подо мной расстилается пустыня. Вся местность была изрыта воронками от взрывов, свидетельствующими об ожесточенных бомбардировках, которым она подвергалась в прошлом.

Отчаявшись найти подходящее для посадки место, я вдруг заметил небольшую площадку в устье широкого каньона, у южного подножья горной цепи.

Уже посадив самолет, я обратил внимание на какие-то фигуры, маячившие невдалеке. Они двигались крадучись, скрываясь за деревьями и явно не желая быть замеченными мною. Кто это такие? Какая встреча ожидает меня на этой земле?

Дождавшись, пока заглохнет мотор самолета, они вышли из укрытия — около дюжины человек, вооруженных копьями, луками и стрелами. На них были набедренные повязки, изготовленные из шкур животных, а из-за поясов торчали длинные ножи. Грязные истощенные, со спутанными волосами, они бесшумно подкрадывались ко мне.

Я успел заметить, что луки со стрелами незнакомцы держат наготове.

IX

Судя по внешнему виду незнакомцев и их поведению, рассчитывать на радушный прием мне не следовало.

Все говорило о том, что я здесь нежеланный гость. Стоило мне подпустить этих людей поближе, как стрелы, выпущенные из их луков, немедленно пронзили бы меня — в этом не было никаких сомнений. Оставалось одно: не давать им приблизиться, сохраняя дистанцию, которая делала меня недосягаемым для их стрел. Я поднялся, не выходя из кабины самолета, и направил свой пистолет прямо на них. Заметив это, они немедленно разбежались, попрятавшись за скалы и деревья.

Мне очень хотелось поскорее посмотреть, что случилось с моим мотором и определить, нельзя ли отремонтировать его, но до тех пор, пока неприветливые обитатели Пуноса окружали мой самолет, сделать это не было никакой возможности. Конечно, я мог бы пуститься следом за ними, но они имели неоспоримое преимущество — хорошо зная местность, они в любой момент могли укрыться. Разумеется, некоторых из них я бы догнал и обезвредил. Некоторых, но не всех. А оставшиеся непременно вернулись бы назад, затаились где-нибудь поблизости и с наступлением темноты набросились бы на меня.

Мое положение казалось почти безнадежным, но, в конце концов, я все-таки решил выйти из самолета, догнать незнакомцев и вступить с ними в переговоры. Тут как раз один из них высунул голову из-за скалы, за которой прятался, и окликнул меня. Он говорил на одном из пяти языков, которые я в свое время изучал.

— Ты из Униса? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— Тогда не стреляй, — продолжал незнакомец. — Мы не причиним тебе никакого вреда.

— Если это так, — сказал я, — уходите.

— Нам надо поговорить с тобой, — настаивал он. — Мы хотели бы узнать, как идет война и когда ей наступит конец.

— Пусть один из вас подойдет, — согласился я. — Но не больше.

— Хорошо, я подойду, — сказал он. — Но ты можешь не бояться нас.

Он приблизился ко мне — пожилой мужчина с морщинистым лицом и изрядным брюшком. Как только с такой комплекцией он держался на своих хилых ножках! В его спутанных седых волосах я заметил веточки и грязь, а слабая поросль на подбородке свидетельствовала о его возрасте. Как мне уже было известно, бороды на

Полоде разрешается отпускать только старикам.

— Я сразу понял, что ты из Униса, как только разглядел твою синюю форму, — начал старик. — В прежние времена народы Униса и Пуноса были добрыми друзьями. Эта дружба передавалась из поколения в поколение. Когда Капары впервые напали на нас, народ Униса пришел нам на помощь. Правда, они тоже оказались совсем неготовы к войне, и пока накопили достаточно сил, чтобы помочь нам, наша страна уже была полностью захвачена неприятелем. Весь Пунос был прямо-таки наводнен Капарами. Они устроили аэродромы вдоль нашего побережья и расположили здесь свои орудия. Через некоторое время Унис, создавший мощный военно-воздушный флот, вышвырнул их отсюда. Базы Капаров исчезли, но нам это уже не помогло. Помощь пришла слишком поздно.

— Как же вы живете? — поинтересовался я.

— Тяжело, — признался мой собеседник. — Капары время от времени по-прежнему совершают свои набеги, и стоит им обнаружить возделанное поле, как они тут же уничтожают его. Летая на бреющем полете, они расстреливают любого человека, который попадется им на глаза. Из-за этого выращивать урожай стало почти невозможно. Мы вынуждены были уйти в горы, где и живем, питаюсь рыбой, кореньями и всем тем, что удастся найти.

Он помолчал немного, словно думая о чем-то своем, а затем продолжил свой печальный рассказ.

— Много лет тому назад, — говорил он, — здесь были расквартированы воинские части Капаров, и перед уходом отсюда они уничтожили все живое, что смогли найти: животных, птиц, мужчин, женщин и детей. Лишь несколькими сотням жителей Пуноса удалось спрятаться в недоступных местах в горах. Уцелевшую там дичь мы съели быстрее, чем она успела размножиться.

— И у вас совсем нет мяса? — спросил я.

— Иногда бывает, когда кто-нибудь из Капаров вынужден совершить здесь посадку, — отозвался он. — Сначала мы подумали, что ты тоже Капар, но раз ты из Униса, тебе ничто не угрожает.

— Но почему теперь-то, когда вы так беспомощны, Капары не позволяют вам обрабатывать землю, чтобы как-то прокормиться?

— Потому что наши предки восстали против Капаров, когда те вторглись в нашу страну. Это вызвало сильную ярость и ненависть у захватчиков. Из-за этого они хотели уничтожить нас. Они и сейчас боятся, что

если в живых останется хотя бы небольшая кучка жителей Пуноса, то лет через сто она увеличится и когда-нибудь в будущем мы снова будем представлять угрозу для Капаров.

Слушая исповедь старика, я невольно вспоминал то, что слышал о Пуносе и его жителях от Харкаса Йена, и что читал об этом в книгах по истории Полоды. Эту страну населяли мужественные и образованные люди, создавшие высоко развитую культуру. Их суда бороздили воды всех четырех великих океанов Полоды, оживленная торговля велась с жителями всех пяти континентов. Большое развитие получило здесь садоводство и животноводство, на бесчисленных фермах содержались бесчисленные стада домашних животных, а по всему побережью располагались промышленные города и рыболовецкие хозяйства. И вот я глядел на бедного старика, истощенного и почти одичавшего представителя этой некогда высоко развитой страны. Боже мой, во что могут превратить счастливую и процветающую нацию болезненные фантазии, рожденные тщеславным воображением какого-то выроodka-маньяка.

— Что с твоим самолетом? — поинтересовался у меня старик.

— Пока не знаю, — ответил я. — Я должен посмотреть мотор и выяснить, в чем дело.

— Будет лучше, если мы закатим твою машину в каньон, — предложил он. — Там она будет надежнее укрыта от Капаров, чьи самолеты частенько появляются над здешними местами.

Было в этом несчастном, оборванном старике нечто такое, что заставляло довериться ему. К тому же высказанное предложение показалось мне весьма разумным, и я согласился. Он крикнул своих товарищей, и по его зову они вышли из каньона — одиннадцать грязных, исхудавших, потерявших всякую надежду существ разных возрастов. Они как будто даже попытались улыбкой поприветствовать меня, о чем я лишь догадался, ибо способность улыбаться по-настоящему этот народ, по-видимому, утратил несколько поколений назад.

Они помогли мне закатить самолет в каньон, где под сенью ветвистого дерева он был совершенно незаметен с воздуха. Я совсем забыл об убитых стрелках, оставшихся в самолете, но один из пуносцев, вскарабкавшись на крыло, обнаружил два трупа за кабиной пилота. Мне было известно, что где-то внизу должен быть еще

один. Я невольно содрогнулся, заметив странный блеск в глазах обнаружившего тела убитых пуносса, потому что понял, какая страшная мысль промелькнула в его сознании.

— В самолете мертвые! — крикнул он своим товарищам.

Старик, бывший у них, по всей видимости, за главного, тоже взобрался на крыло и заглянул вовнутрь. Затем он повернулся ко мне.

— Нужно похоронить твоих товарищей? — спросил он дрогнувшим голосом.

Слова эти были сказаны таким тоном, что у меня мурашки побежали по коже.

Они помогли мне снять патронташи и форму с убитых стрелков, а после этого при помощи своих ножей принялись копать могилы, вычерпывая землю прямо руками. Уложив тела убитых в неглубокие ямы, они присыпали их землей.

Когда, наконец, эта печальная и непродолжительная процедура была закончена, я снял мотор и принялся искать в нем поломку. Двенадцать пуноссцев столпились вокруг, и с интересом следили за каждым моим движением. Они буквально засыпали меня вопросами. Больше всего их интересовало, как идет война, когда она кончится и кончится ли вообще. К сожалению, я не мог сказать им ничего утешительного.

Я довольно легко обнаружил повреждение в моторе. Оно оказалось незначительным, и я понял, что необходимый ремонт можно произвести на месте, поскольку инструменты и запасные части мы всегда брали с собой в полет. Однако уже начинало смеркаться, и закончить работу до наступления темноты я все равно бы не успел.

Старик, кажется, понял это и предложил переночевать в их деревне.

Разумеется, я мог бы устроиться на ночлег и в самолете, но обуреваемый любопытством, я решил принять его приглашение. По дороге в деревню он робко взял меня за руку.

— Можно, мы возьмем оружие и боеприпасы твоих убитых друзей? — попросил он. — С их помощью мы сможем уничтожить больше Капаров.

— А вы умеете с ним обращаться? — спросил я.

— Да, — ответил старик. — Мы уже находили такое оружие в самолетах Капаров, потерпевших здесь аварию,

и тех, кого удалось убить, но у нас кончились боеприпасы.

Мы шли сначала по каньону, потом по узкой тропе над обрывом, которая привела нас к небольшой площадке на уступе горной вершины. С отвесной скалы над нами падал водопад, образуя небольшое озеро у ее подножья. Отсюда горный поток устремлялся дальше, к другой отвесной скале, находящейся на расстоянии около мили отсюда. Вдоль одного берега реки, доходя до самого подножия скалы, густо росли деревья, среди которых, надежно укрытая их листвой, и располагалась деревенька.

Прятаться! Все время от кого-то прятаться! Наверное, всю жизнь несчастные живут с этой мыслью. Она не оставляет их ни на минуту. Трудно даже представить кого-нибудь из них, свободно прогуливающимся по поверхности Полоды, не думая о том, как при малейшей опасности укрыться либо под деревом, либо под землей. Неужели нечто подобное произойдет когда-нибудь и на Земле?! Нет, это невозможно! Хотя, с другой стороны, обитателям Полоды это тоже, наверное, казалось невозможным на протяжении тысячелетий. Но сто лет назад все неожиданно изменилось.

В деревне оказалось около сотни жителей: сорок женщин, пятьдесят мужчин и с десятков детей — бедных, истощенных маленьких существ с вытянутыми руками и огромными животами. Видимо, сказывалось скудное питание. Голод здесь пытаются утолить, поедая траву, ветви и листья. Завидев нас, жители деревни с голодными глазами выскочили навстречу. Однако стоило им разглядеть мою синюю форму, как они тут же замерли на месте.

— Это наш друг и гость,— произнес вождь.— Он убил множество Капаров и дал нам оружие и боеприпасы, чтобы мы тоже могли уничтожать их.

При этих словах он продемонстрировал всем свою добычу.

Окружив меня плотным кольцом, эти люди, как и двенадцать их односельчан чуть раньше, засыпали меня бесчисленными вопросами. Особенно подробно они интересовались тем, чем питаются в Унисе. Когда я сказал, что пищи у нас вполне достаточно, они были крайне удивлены, ибо полагали, что Унис подвергся такому же разорению, как и Пунос.

Детишки робко тянули ко мне свои ручонки, стараясь

дотронуться. Для них я был существом из другого мира. А я, глядя на их тщедушные, истощенные тела, все больше и больше укреплялся в ненависти к отвратительному режиму, обрекшему их на страдания.

Обнаружившие меня охотники принесли пару маленьких грызунов и какую-то птицу. Женщины быстро развели костер и установили на огонь большой котел, примерно на четверть заполненный водой. Ошпав птицу и сняв шкуру со зверьков, они бросили их в котел, не разделявая тушки. Туда же добавили каких-то растений и корений, а также несколько пригоршней травы.

— Из шкурок получится недурная похлебка на завтрак для наших детей,— пояснила мне пожилая женщина, аккуратно откладывая их в сторону.

Пока хлопотавшие возле огня женщины помешивали это ужасное варево какой-то веткой, вокруг них сгрудились дети, которые жадно вдыхали носами поднимающийся из котла пар. Взрослые стояли плотным кругом чуть поодаль, тоже не сводя с котла жадных глаз.

Мне не доводилось раньше встречать голодающих, и я молю Бога о том, чтобы подобных встреч не было и впредь. Помочь этим страдальцам я ничем не мог. Наблюдая за ними, я уже нисколько не удивлялся тому, что они едят Капаров. Куда больше поразило меня другое: сколько же доброты и силы воли в этих людях, если, несмотря на постоянно мучающий их голод, они не тронули меня. Ощущая на себе взгляды матерей, я представлял, как они мысленно уже разделяют мое тело, выбирая кусочки поаппетитнее. И вот они добровольно отказались от поживы, хотя их дети изнемогают от недоедания.

Как я уже сказал, среди обитателей деревни было сорок взрослых женщин и всего десять детей. Да и эти-то десять, наверное, чудом выжили в условиях постоянного голода, когда детская смертность должна быть особенно высока. Я понимал, что передо мной — последние представители народа, которому в недалеком будущем суждено исчезнуть вовсе. Что же толку во всех богах и религиях мироздания, если эти люди обречены на вымирание, тогда как Капары живут и плодятся!

Когда, наконец, похлебка была готова, появились небольшие чашки из грубо обожженной глины. Вождь большим деревянным ковшом принялся аккуратно разливать по чашкам содержимое котла. Мне тоже было предложено разделить трапезу с остальными. В ответ я лишь

отрицательно покачал головой. Мой отказ, очевидно, обидел вождя.

— Ты гнушаешься нашей скромной пищей? — спросил он.

— Совсем нет, — поспешил успокоить его я. — Я сыт, и завтра снова смогу есть вволю дома. А здесь столько голодных мужчин, голодных женщин и голодных детей!

— Прости меня, — промолвил он. — Ты очень добрый человек. Твою порцию я раздам детям.

Он взял предназначавшуюся мне чашку и разделил ее содержимое между десятью ребятишками, так что каждому из них едва досталось по глотку. Однако дети глядели на меня с такой благодарностью, что слезы невольно выступили у меня на глазах. В общем-то я всегда отличался мягким характером, но до того, как я попал на Полоду, мне никогда не приходилось видеть столько горя, столько мужества, столько силы духа и столько страданий, как на этой несчастной, раздираемой войной планете.

Х

На следующее утро в сопровождении всей деревни я направился в каньон, где вчера оставил свой самолет. Мы уже приближались к месту, где должна была стоять моя машина, как вдруг увидели, что один из трех человек, посланных вождем вперед в дозор, со всех ног мчится нам навстречу, знаками показывая, чтобы мы замолчали. Заметно было, что сам он не нашутку взволнован.

— В твоём самолете Капар, — шепотом предупредил он, приблизившись.

— Я пойду вперед, — сказал я вождю. — Возможно, завяжется перестрелка.

— Нам бы тоже следовало захватить с собой оружие, — посетовал вождь. — Почему я не подумал об этом!

Он тут же послал нескольких человек назад, в деревню, за оружием.

Спустившись в каньон, я нашел там двух дозорных. Они прятались в кустах и жестами велели мне тоже укрыться. Однако я не собирался терять время попусту и вместо этого побежал вперед. Я увидел свой самолет как раз в тот момент, когда какой-то мужчина вскарабкивался на крыло. Это, действительно, был Капар, и, подбежав поближе, я немедленно открыл огонь. Пули

пролетели мимо цели, но незнакомец, скатившись с крыла, поднял руки вверх в знак капитуляции.

Двигаясь к нему, я все время держал палец на спусковом крючке и, только оказавшись совсем рядом, увидел, что незнакомец безоружен.

— Что ты здесь делаешь, Капар? — обратился я к нему.

По-прежнему не опуская рук, он сделал несколько несмелых шагов ко мне.

— За честь и славу Униса, — произнес он, как пароль, уже знакомые мне слова. — Я никакой не Капар.

С этими словами он снял с головы серый шлем, обнажив копну русых волос. Зная, однако, что среди Капаров тоже попадаются блондины, я не намеревался попадаться на эту уловку.

— Не слишком убедительное доказательство, — скептически заметил я. — Твоей белобрысой головы недостаточно, чтобы заставить меня поверить твоим словам. Если ты в самом деле из Униса, назови сначала себя и скажи, из какого ты города.

— Меня зовут Балзо Джан, — ответил он. — Я родом из Орвиса.

Итак, передо мной стоял брат Балзо Маро, которого сама она считала погибшим. Хотя такое вполне могло случиться, я все еще не был уверен до конца, что незнакомец именно тот, за кого себя выдает.

— Как ты сюда попал? — продолжил я свои расспросы.

— Мой самолет был подбит в бою примерно в двухста милях отсюда, — ответил он. — Нам удалось благополучно приземлиться, но Капары, заметив это, попытались нас добить. Их было четверо, а нас трое. Мы уничтожили их всех, но двое моих товарищей погибли в бою. Зная, что я нахожусь на территории Эприса, покоренного Капарами, я решил для маскировки переодеться в форму одного из убитых неприятельских летчиков.

— Почему же ты не взял оружие и боеприпасы?

— В бою мы израсходовали все боеприпасы, — объяснил он, — а оружие без патронов — только лишняя обуза в пути. Последней пулей, которая у меня оставалась, я прикончил последнего Капара.

— Не знаю, — задумчиво произнес я. — Может, так оно все и было. Назови-ка мне лучше имена друзей своей сестры.

— Пожалуйста, — согласился он. — Ее лучшие дру-

зья Харкас Ямода и Харкас Дан, дочь и сын Харкаса Йена.

— Похоже, ты говоришь правду,— наконец решил я.— Там, в самолете, позади кабины пилота, есть пара комплектов синей формы. Переоденься и давай вместе займемся мотором.

— Гляди,— закричал вдруг Балзо Джан, указывая рукой в сторону.— Там какие-то люди. Они приближаются сюда и, по-моему, собираются напасть на нас.

Я повернулся и увидел своих гостеприимных хозяев, подкрадывающихся к нам с луками и стрелами наготове.

— Все в порядке,— крикнул я им.— Это друг.

— Если он твой друг, то ты и сам, должно быть, Капар,— отозвался вождь.

— Он не Капар, он друг,— снова повторил я и, повернувшись к Балзо Джану, велел ему немедленно переодеться в синюю форму.

— Поди знай, может, ты обманул нас,— не унимался вождь.— Как после всего мы можем верить тому, что ты не Капар?

— Наши дети очень хотят мяса,— завопила какая-то женщина в толпе, стоявшей позади вождя.— Наши дети голодны, мы сами голодны, а тут двое Капаров.

Дело оборачивалось пренеприятнейшим образом. Пуносцы приближались все ближе, окружая нас со всех сторон. Еще немного — и кольцо сомкнется. Я засунул свой пистолет в кобуру, когда убедился, что Балзо Джан не Капар, а вступив в переговоры с вождем, не успел снова вытащить его. Честно говоря, я никак не предполагал подобного развития событий.

— Мы ваши друзья,— принялся убеждать я вождя.— Видишь, я совсем не боюсь вас. И потом, будь я Капаром, разве бы я дал тебе три пистолета и боеприпасы в придачу? Неужели ты думаешь, что я оставил бы в живых этого человека,— тут я указал рукой на Балзо Джана,— если бы не был убежден в том, что он тоже из Униса?

Вождь недоверчиво покачал головой.

— Это так,— промолвил он.— Будь ты Капаром, ты бы, конечно, не дал нам ни оружия, ни боеприпасов. Но откуда ты можешь знать, что этот человек не Капар? — спросил он с явным подозрением.

— Он брат моей хорошей знакомой,— пояснил я.— Его самолет был подбит, а сам он переоделся в форму неприятеля, убитого им, в целях маскировки, потому что

знал, что находится на территории, контролируемой Капарами.

Как раз в это время Балзо Джан появился из самолета, переодевшись в форму Вооруженных Сил Униса — синий костюм, ботинки и шлем.

— Ну что, похож он на Капара? — спросил я.

— Нет, — согласился наконец вождь. — Но и ты должен нас понять и простить. Мои люди ненавидят Капаров, к тому же они очень голодны.

С помощью Балзо Джана я довольно быстро починил мотор и вскоре после полудня мы были готовы к отлету. Когда самолет уже поднялся в воздух, я бросил прощальный взгляд на приютивших меня людей. В молчании, печальными глазами они глядели вслед самолету, уносившему нас в страну изобилия.

Когда мы поднялись над горной цепью, лежавшей на пути к побережью, я заметил вдали, слева по курсу, три самолета. Они двигались в юго-западном направлении в сторону Капары.

— Я думаю, это Капары, — сказал Балзо Джан.

Хотя мы находились на изрядном расстоянии от них, я не усомнился в правоте высказанного моим спутником предположения. Ему, как человеку бывалому, по-видимому, не стоило труда и издали отличить по очертаниям свои самолеты от неприятельских.

Между тем, машины развернулись и направились в нашу сторону. Чьими бы они в конечном итоге не оказались, несомненно было, что они заметили нас и приближаются.

Если это были самолеты Вооруженных сил Униса, нам не угрожала никакая опасность. Но даже, окажись они в самом деле Капарами, оснований для страха тоже не было никаких: моя машина по скорости превосходила их, как минимум, на сто миль в час. Они находились в удобной позиции и могли бы запросто преградить нам путь, но, как видно, малая мощность двигателя не позволяла им этого сделать. Наш самолет летел со скоростью четыреста миль в час, но я решил прибавить газу. Ввязываться в бой, не имея никаких шансов на успех, не хотелось. Судите сами, много ли бы могли с нашими двумя пулеметами против трех неприятельских машин, на каждой из которых находилось по три или четыре орудия. Я отчаянно жал на газ, но мотор почему-то не реагировал. Я сообщил об этом Балзо Джану.

— Придется принять бой, — подумав, заявил он. —

А мне так хочется скорее вернуться домой и прилично поесть. Я почти три дня ничего не ел.

По правде сказать, и мне хотелось того же, поскольку я тоже давно толком ничего не ел, да и от постоянных боев немного устал.

— Это точно Капары,— подтвердил Балзо Джан через некоторое время.

Теперь и у меня не оставалось на этот счет никаких сомнений: черный цвет крыльев и фюзеляжей самолетов красноречиво свидетельствовал об этом. Мы должны были встретиться над последним и самым крупным из всех островов, носившим название Остров Отчаяния. Сюда отправляли закоренелых преступников и тех жителей Униса, которых подозревали в измене родине, но из-за отсутствия доказательств не применяли к ним высшую меру наказания.

Я по-прежнему колдовал над рычагами управления, стараясь хоть чуть-чуть прибавить скорость, когда раздались первые залпы. Один из вражеских самолетов шел прямо на нас, ведя огонь из переднего орудия. Балзо Джан выстрелил в него разрывным снарядом. Я увидел, как у машины разнесло пропеллер и она резко пошла вниз, к Острову Отчаяния.

— Так, с одним покончено,— радостно вскрикнул Балзо Джан.

Тут неожиданно мотор нашего самолета заработал в полную силу, и мы быстро отдалились на безопасное расстояние от двух оставшихся неприятельских машин, которые Балзо Джан, не переставая, обстреливал из пулемета.

В общем-то, нас бы должны были подбить по меньшей мере раз пятьдесят, но сверхпрочный пластик, из которого были изготовлены крылья и фюзеляж, делали самолет неуязвимым для пулеметов противника. Роковым могло стать лишь попадание в пропеллер или приборную доску. Ну и, разумеется, серьезную опасность для нашего быстрого и легко вооруженного истребителя представляли штурмовики и бомбардировщики с их мощными орудиями.

— Слушай, мне противно убегать от Капаров,— прокричал я, повернувшись к Балзо Джану.— Может, останемся и расправимся с ними?

— Мы не имеем права ввязываться в этот безнадежный бой,— резонно заметил он.— Что толку? Только потеряем самолет и сами погибнем.

Пожалуй, в этом он был совершенно прав. Балзо Джан лучше меня знал правила игры. Я включил максимальную скорость, и наш самолет быстро оставил машины Капаров далеко позади. Видно, поняв, что за нами им все равно не угнаться, они развернулись и продолжали свой путь в сторону Капары.

Передняя кабина пилота рассчитана на двоих, хотя в задней тоже имеется приборная доска. Тем не менее, по двое в переднюю кабину садятся крайне редко — разве что во время тренировочных полетов. К тому же она оснащена одним единственным пулеметом, а военные руководители Униса стараются с наибольшей эффективностью использовать каждого человека. Так или иначе, но место рядом со мной было свободно, и я пригласил Балзо Джана перебраться вперед.

— Если снова появятся Капары, — сказал я, — ты можешь вернуться назад, к своему пулемету.

— Знаешь, — начал он, перебравшись ко мне в кабину и устроившись рядом на сиденье, — с того момента, как ты в первый раз увидел меня возле самолета, когда я пытался вскарабкаться на крыло, у нас минуты свободной не было, чтобы поближе познакомиться. Я даже не успел спросить, как тебя зовут. У меня много знакомых в Вооруженных Силах, но я что-то не припоминаю, чтобы мы с тобой прежде встречались.

— Меня зовут Тангор, — ответил я.

— А, так ты и есть тот самый парень, которого моя сестра нашла совершенно голым после очередного налета Капаров, — произнес он.

— Тот самый, — подтвердил я. — А твоя сестра, между прочим, оплакивает тебя как погибшего в бою. Я как раз виделся с ней у Харкасов накануне своего последнего вылета.

— Моя сестра никогда не плачет, — возразил он, гордо подняв голову.

— Пускай так, — согласился я. — Она плачет про себя, никому этого не показывая. Хотя порой для женщины было бы лучше выплакаться от души. Мне кажется, что, если бы женщины Полоды иной раз давали волю слезам, это бы немного облегчило их страдания.

— Когда-то они, вероятно, плакали, — сказал он, — но уже давно забыли вкус слез. Если наши женщины будут плакать всякий раз, когда для этого есть повод, вся их жизнь превратится в непрерывный плач. Они не могут позволить себе этого — есть занятия поважнее! Им приходится много работать. Сам понимаешь, война.

Война! Вот ответ на любой вопрос. Вся деятельность этих людей, все их помыслы подчинены одному — войне. С рождения и до смерти они не знают ничего, кроме войны. Чем бы они ни занимались, о чем бы ни думали, все направлено к единой цели — сделать страну более приспособленной к войне.

— Ты, наверно, здорово ненавидишь войну? — сказал я Балзо Джану.

Он посмотрел на меня с нескрываемым изумлением.

— Отчего же? — недоумевающе спросил он. — Что бы мы делали, если б не война?

— Ну а женщины? — не унимался я. — Им-то каково?

— Пожалуй, — согласился Балзо Джан. — Им приходится нелегко. Мужчины умирают только один раз, женщины страдают все время. Конечно, это тяжело. Но я представить себе не могу, чем бы мы занимались, если б не было войны.

— Вы, к примеру, могли бы, ничего и никого не опасаясь, гулять под солнцем, — сказал я. — Восстановили бы свои города на поверхности планеты, посвящали бы свои досуги культурным развлечениям и иным удовольствиям. Вы могли бы вести торговлю с другими странами, путешествовать по свету и, куда бы ни отправились, повсюду находили бы друзей, а не врагов.

Балзо Джана мои слова, по всей видимости, не очень убедили, и он посмотрел на меня скептически.

— Что, в том мире, из которого ты попал к нам, люди живут именно так? — недоверчиво поинтересовался он.

— Увы, незадолго до моего появления здесь, на Земле тоже началась большая война, в которую оказалось втянуто несколько стран, — вынужден был признать я.

— Вот видишь, — подхватил Балзо Джан, — война — это естественное состояние людей, вне зависимости от того, в каком мире они живут.

Тем временем мы пролетали уже над южной оконечностью Униса. Слева от нас виднелись великолепные горные вершины Лораса, а справа — огромная река, впадающая в море к югу от Орвиса. Это, действительно, гигантская река, протяженностью примерно в пять тысяч миль. Сравнить ее можно, пожалуй, только с Амазонкой. Расстилавшаяся под нами местность отличалась чрезвычайной красотой, следов войны почти не было заметно.

Здесь повсюду расположены крупные подземные города, и Трудовые Отряды немедленно ликвидируют все последствия налетов авиации Капаров, едва только улетают самолеты противника.

Во всех направлениях внизу расстилались зеленые поля — свидетельство того, что, несмотря на ожесточенные бомбардировки Капаров, на этом континенте по-прежнему активно занимаются сельским хозяйством. Но я-то хорошо знал, чего стоит этим людям вырастить и собрать урожай, подвергаясь непрерывным налетам и бомбардировкам врага.

Однако с высоты эти места казались поистине райским уголком. Может, размышлял я, они и определены мне свыше для той самой загробной жизни, на которую надеются и о которой молят Господа миллионы людей на Земле? Я уже вполне готов был поверить, что мое чудесное перемещение в другой мир — случай вовсе не исключительный и не единственный в своем роде. В огромной Вселенной могут находиться миллионы планет, так далеко отстоящие от Земли, что ее обитатели никогда не узнают о их существовании.

Я поделился своими мыслями с Балзо Джаном.

— Раньше, до войны, наш народ исповедывал религию, согласно которой после смерти человек попадает на Увалу, одну из планет нашей солнечной системы, находящуюся по другую сторону от Омоса,— ответил он.— Но сейчас у нас нет времени на религию, мы должны постоянно думать только о войне и заниматься только ею.

— Так ты не веришь в загробную жизнь? — спросил я.— Знаешь, я прежде тоже не верил, а теперь верю.

— А ты действительно попал к нам из другого мира? — поинтересовался Балзо Джан.— Ты на самом деле умер там и возродился здесь, на Полоде?

— Я знаю одно: я был сбит вражеским самолетом за линией фронта,— уклончиво ответил я.— Пулеметная очередь пробила мне сердце, и в течение пятнадцати секунд я еще сохранял сознание. Отчетливо помню, как самолет потерял управление и стал падать на землю. А человек с простреленным сердцем, падающий на землю в неуправляемом самолете с высоты десять тысяч футов едва ли может остаться в живых.

— Я с этим вполне согласен,— подтвердил Балзо Джан.— Но как ты попал сюда?

Я пожал плечами.

— Мне известно об этом не больше, чем тебе,— ответил я.— Порой мне кажется, будто все происходящее со мной — всего лишь сон, и я вот-вот должен проснуться.

Балзо Джан покачал головой.

— Ты-то, может быть, и спишь,— произнес он.— А я нет. Я нахожусь здесь и знаю, что ты тоже здесь, рядом со мной. Возможно, ты покойник, однако по тебе этого никак не скажешь. Кстати, каково оно, умирать?

— Знаешь, ничего страшного,— заверил я.— У меня было секунд пятнадцать, чтобы осознать, что произошло, но я умирал счастливым человеком, потому что сбил два из трех атаковавших меня вражеских самолетов.

— Да, странная штука жизнь,— промолвил мой спутник.— Благодаря тому, что ты был убит на войне где-то за миллионы миль от Полоды, я сейчас жив и нахожусь в безопасности. Не знаю, что тебе еще сказать, но мне остается лишь радоваться, что тебя сбили.

* * *

Над Унисом выдался спокойный день. Мы долетели уже до гор на юге Орвиса, так и не встретив больше ни единого вражеского самолета. Когда горный хребет остался позади, я снизился до высоты примерно в сто футов. Мне нравится вести машину на малой высоте — это скрашивает монотонность долгих полетов. К тому же обычно нам приходится летать на таких больших высотах, с которых почти невозможно разглядеть местность.

Едва мы снизились, как мое внимание привлек некий предмет под нами, светящийся, как золото.

— Как ты думаешь, что бы это могло быть? — спросил я у Балзо Джана, накренив самолет так, чтобы ему тоже было видно.

— Не знаю,— отозвался он.— Вообще-то очень похоже на то, что это лежит женщина. Но с какой стати женщина разлеглась под открытым небом, вне всякого укрытия, да еще в такой дали от города, я просто ума не приложу.

— Давай спустимся и поглядим,— предложил я.

Я еще сбросил высоту, и мы сделали пару кругов над этим местом. Действительно, на земле лежала женщина, незамужняя, как я понял по ее одежде из золотых пластин. Она лежала совершенно неподвижно, словно спала.

Посадив самолет, я подрулил совсем близко к ней и остановил машину.

— Оставайся здесь, Балзо Джан, и будь начеку,— велел я своему спутнику.

Я уже привык к тому, что нельзя ни на секунду забывать о Капарах и быть готовым либо убегать, либо прятаться в укрытие, либо принимать бой.

Выпрыгнув из кабины на землю, я подошел к девушке. Она лежала лицом вниз. Шлем свалился с ее головы, рыжие волосы разметались в беспорядке. Я опустился на колени и повернул ее на спину. Едва я увидел лицо девушки, как сердце чуть не выскочило у меня из груди,— передо мной лежала Харкас Ямода, малышка Харкас Ямода, убитая или раненная.

Я заметил кровь на ее губах и решил было, что она мертва. Но я не хотел верить в это. Я просто не мог представить себе, что ее больше нет в живых. Приложив ухо к груди Ямоды и внимательно прислушавшись, я ясно ощутил биение ее сердца. Взяв тело девушки на руки, я бережно перенес его в самолет.

— Это Харкас Ямода,— сообщил я Балзо Джану, передавая ее ему на руки.— Она, по-моему, еще жива. Положи ее в заднюю кабину.

Затем я взобрался на крыло и велел Балзо Джану садиться за штурвал и запускать мотор.

Сам я устроился сзади, бережно держа на руках Харкас Ямоду. Пока мы разгонялись по земле, набирая скорость, самолет сильно подбрасывало на кочках и рытвинах, и я очень боялся, что эта тряска еще больше повредит Ямоде. Аккуратно вытирая кровь, время от времени появлявшуюся у нее на губах, я не переставал молить Бога, чтобы все обошлось благополучно. Что еще мог я сделать? Кажется, последний раз я молился в детстве, маленьким мальчуганом, сидя на коленях у матери. Меня, помнится, тогда очень волновало, где же все-таки находится Бог, слышит ли он меня, и я был уверен, что он должен обитать где-нибудь высоко-высоко, на небесах.

Не прошло и пятнадцати или двадцати минут, как Балзо Джан уже посадил самолет возле Орвиса и вырулил на полосу, ведущую на подземный аэродром.

На каждом аэродроме постоянно дежурит несколько машин скорой помощи, так как в возвращающихся экипажах всегда есть раненые, нуждающиеся в помощи. К тому же совсем рядом располагался госпиталь. Туда-то я и повез Харкас Ямоду, предварительно велев Балзо

Джану поставить в известность о случившемся ее отца.

Я нервно шагал по коридору госпиталя возле двери в операционную, куда только что увезли Ямоду. Там над ее телом священнодействовали хирурги. Они работали очень быстро, и к тому времени, как подъехали Харкас Йен, Дан и мать Ямоды, ее уже перевезли в палату. Молча, в глубокой тревоге стояли мы возле койки, на которой без всяких признаков жизни лежало маленькое тельце Ямоды.

— Как вы думаете, все это произошло? — обратился я к Харкасу Йену, первым нарушив тягостное молчание. — Есть у вас какие-нибудь предположения?

Он с минуту молчал, глядя мимо меня, будто не слышал или не понял вопроса, а затем кивнул головой.

— Да, — сказал он. — Ямода с компанией своих друзей отправилась на загородную прогулку, где на них внезапно напали Капары. Мужчинам удалось уложить нескольких из них на месте, а девушки бросились бежать. Один из Капаров догнал Ямоду и потащил с собой.

— Скорее всего, ей удалось выпрыгнуть из самолета, — вмешался в разговор Дан.

— Ах, эти самолеты! — с горечью воскликнула мать Ямоды. — Самолеты! Вот оно, наше проклятие! Если верить истории, то, когда только был изобретен самолет и человек впервые поднялся в воздух над Полодой, повсюду царило всеобщее ликование, а самих авиаконструкторов окружили неслыханным почетом. Тогда всем казалось, что самолеты сблизят людей, сократят не только расстояния между ними, но уничтожат также взаимные страхи и подозрения. Ждали, что с появлением этих летательных аппаратов изменится само общество, люди станут сплоченнее и дружнее и начнется лучшая и счастливейшая жизнь. Казалось, самолеты ускорят развитие цивилизации. А что получилось на самом деле?! Они, напротив, только испортили девять десятых всего, что было достигнуто людьми на Полоде, а в остальном надолго затормозили прогресс. Самолеты разрушили сотни тысяч городов и уничтожили миллионы людей. Тех же, кто остался в живых, загнали под землю и обрекли на унижительное существование, заставив вечно скрываться и дрожать от страха. Самолеты! Что бы вы там ни говорили, это — сущее проклятие. Я ненавижу их! А за что, скажите, я должна их любить? Они унесли жизни тринадцати моих сыновей, а теперь вот добрались и до дочери.

— Что поделаешь, война,— произнес Харкас Йен, понутив голову.

— Это не война,— вскрикнула женщина.

Ее всегда печальное лицо выражало сейчас гнев и возмущение. И, не в силах больше ничего сказать, она простерла руки к койке, на которой лежало безжизненное тело ее дочери.

— Да,— согласился я,— это не война, это насилие и убийство.

— Чего еще можно было ждать от этих Капаров? — сказал Харкас Дан.— Но за это они заплатят.

— Они заплатят за это,— словно клятву, повторил я вслед за ним.

* * *

Тут вошли хирурги, и мы разом, не сговариваясь, вопросительно глянули на них. Старший врач положил руку на плечо матери Ямоды и улыбнулся.

— Она будет жить,— произнес он.— Повреждения оказались не слишком серьезными.

Да, хоть использование самолетов в военных целях и стало проклятием для человечества, тем не менее именно благодаря самолету брату Балзо Маро удалось вернуться на родину, а маленькая Ямода будет жить.

Внимание! Звук сирены извещает об общей тревоге.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТАНГОР ВОЗВРАЩАЕТСЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вся эта история буквально лишила меня покоя. Из головы никак не выходил тот день, точнее, та ночь, когда я, скрестив руки, изумленный, сидел возле пишущей машинки, в то время как чьи-то невидимые пальцы выстукивали на ней историю фантастических приключений Тангора на Полоде, загадочной планете, расположенной на расстоянии 450 тысяч световых лет от Земли. Кто же посетил мой кабинет в ту незабываемую полночь? Сам Тангор? Или его призрак? Мысленно я постепенно возвращался к событиям той ночи: слишком невероятными и одновременно очевидными они были. Но еще больше волновало меня другое: как дальше сложилась судьба Тангора, что стало с ним потом?

В прошлый раз Тангор поведал о том, как его самолет, атакованный в воздушном бою тремя мессерами, был сбит, а сам он, раненный и уже считавший себя мертвым, неожиданно оказался в совершенно ином мире — живой, невредимый и абсолютно нагой, совсем как при первом появлении на свет.

Я не сомневался ни в единой строчке, ни в едином слове его рассказа. Огромное впечатление произвело на меня описание подземного города Орвиса с его грандиозными строениями, которые опускались глубоко под поверхность планеты при каждом налете капаровских бомбардировщиков, несущих свой смертоносный груз. И как можно было не поверить этому искреннему, взволнованному рассказу о великой войне, длившейся на протяжении более ста лет!

Я внимательно следил за приключениями Тангора после того, как он поступил на службу в военно-воздушные силы Униса, той страны на Полоде, в которую ему суждено было таким таинственным образом попасть. Вместе с ним я горевал возле постели маленькой раненой Харкас Ямоды, а когда хирурги объявили о том, что

она будет жить, слезы облегчения невольно выступили на моих глазах.

А потом эта последняя строчка, которую он успел напечатать — «Внимание! Звук сирены извещает об общей тревоге!»

На этой фразе все оборвалось. Осталась тревога за человека, судьба которого уже успела стать для тебя небезразличной, осталась неизвестность. Не раз я усаживался в полночный час перед машинкой, вспоминая ту ночь, когда Тангор отстучал на ней историю своих приключений. Меня прежде всего беспокоило то, удалось ли Тангору вернуться живым из сражения, на которое звала его общая тревога, или же он погиб в нем, во второй и, возможно, последний раз.

Но одна ночь сменяла другую, а мой таинственный посетитель-призрак так больше и не появлялся. Я уже было решил, что в моих ночных бдениях нет никакого толку, как вдруг однажды был разбужен оттого, что почувствовал, как на мое плечо легла чья-то рука. Я тут же открыл глаза. Ночь выдалась лунная, и все предметы, находившиеся вокруг, были мне отчетливо видны, но никого в комнате я не обнаружил. Включив ночник у изголовья кровати, я еще раз тщательно огляделся. Кроме меня самого, в комнате, действительно, никого не было, во всяком случае, я никого не увидел. Решив уже, что мне просто почудилось или приснилось это прикосновение и собравшись опять заснуть, я вдруг услышал, как нервно задвигались рычаги на клавиатуре пишущей машинки, и это было похоже на настойчивый сигнал. Только кто и кому его подавал?

Вылезая из постели, я заметил, что лист бумаги сам вылетел из ящика моего письменного стола и занял свое место в пишущей машинке, как бы приготовившись принимать очередное сообщение. Можно подумать, будто обычная бумага обрела способность самостоятельно двигаться! Впрочем, подобные странности меня уже не особенно удивляли. К тому времени, как я добрался до письменного стола и устроился перед машинкой, пальцы призрака уже начали отстукивать очередное послание-повесть, с которой вы, дорогой читатель, сейчас познакомитесь.

Тангор вернулся!

Сигнал общей тревоги означал, что сражение предстоит действительно крупное, не рядовое. Капары послали в рейд свыше десяти тысяч самолетов, а мы встретили их над заливом Хагар ровно вдвое превосходящими силами. Может быть, какой-нибудь тысяче бомбардировщиков Капаров — тем, кого не успели догнать и сбить наши истребители, — все-таки удалось прорваться через наш заслон и сбросить свой смертоносный груз на Орвис, но остальных мы отогнали за Караганский океан, поглотивший, без всякого преувеличения, тысячи сбитых неприятельских самолетов.

Уцелевшие, в конце концов, развернулись и взяли курс назад, домой, но мы преследовали их до самого Эргоса. Полетая над городом на бреющем полете, мы расстреливали их, пока они выруливали на посадочные полосы, и только после этого повернули в Орвис. наших истребителей уцелело не больше половины. В этом сражении мы потеряли десять тысяч самолетов и около пятидесяти тысяч убитыми, однако нам удалось практически полностью уничтожить авиацию Капаров и спасти Унис от страшной бомбардировки. По пути назад нам попало еще несколько отбившихся от своих самолетов Капаров, и мы уничтожили их всех до единого.

Снова все три моих стрелка погибли, тогда как сам я не получил ни единой царапины. То ли моя жизнь была заколдована от смерти какими-то магическими чарами, то ли, погибнув один раз на Земле, я уже не мог умереть вторично.

Я почти не виделся с Харкас Ямодой, пока она выздоравливала, поскольку доктора категорически предписали ей полный покой. Однако в тяжелой, напряженной жизни летчика необходимо время от времени расслабиться, для этого нужна подруга — слишком часто мы вынуждены находиться в сугубо мужской компании. Пока летчик на службе, он только и видит стволы пулеметов и орудий, слышит гул мотора да грохот непрерывной стрельбы. Очень непростая и выматывающая это работа, и большинство из нас постоянно пребывает в крайнем нервном напряжении, будучи на земле. Странно, но усталость и нервозность как рукой снимает, стоит только подняться в воздух — видно, срабатывает какой-то внутренний регулятор. Ну а уж во время боя о подобных вещах размышлять и вовсе нет времени.

Девушка у меня тем временем появилась. Она служила в канцелярии Управляющего военными делами, и мы часто встречались и беседовали с ней. По отношению ко мне она всегда была чрезвычайно любезна, и чем больше я присматривался к ней, тем больше убеждался, что это весьма симпатичная, интеллигентная и остроумная особа. И, в конце концов, я решил пригласить ее отобедать вместе со мной.

Мы провели вместе чудесный вечер, и после этого стали встречаться еще чаще — почти всякий раз, когда я был свободен от службы. Она с неподдельным интересом расспрашивала меня о моей прошлой жизни, о Земле, столь далекой даже от неблизкой Канапы.

Однажды, когда мы уже вдоволь нагулялись и наболтались, Морга Сагра вдруг заявила, что не понимает моей преданности Унису: ведь родом я не отсюда и никаких связей здесь у меня нет.

— Предположим, что ты бы оказался не в Унисе, а в Капаре. Что тогда? — поинтересовалась она.

Я пожал плечами.

— Мне не очень хочется думать об этом, — признался я. — Но, пожалуй, из меня едва ли получился бы преданный Капар, и сражаться на их стороне я бы тоже не смог.

— Да что ты вообще знаешь о них? — воскликнула она. — Только то, что тебе наговорили в Унисе, а здесь все, естественно, настроено против этой страны. На самом деле, я не думаю, что Капары так уж плохи, а их строй, во всяком случае, крепче нашего.

— Что ты хочешь этим сказать? — не понял я.

— Их система основана на войне и ориентирована на нее, — пояснила Морга Сагра. — А война — это естественное состояние человечества. Война — это образ их жизни. Они, в отличие от нас, вообще никогда не думают о мире.

— Тебе что, не нравится мир? — спросил я.

— Да, не нравится! — закричала она. — Я ненавижу мир. Мне претит сама мысль о том, чтобы общаться с мужчиной, никогда не воевавшим. Будь я мужчиной, я бы перешла на сторону Капаров, потому что они вместо всхлипываний о мире, твердо намерены победить.

— Опасные вещи ты говоришь, Морга Сагра, — предупредил я девушку.

— Тебе я не боюсь сказать, что думаю, — ответила она. — Ты ведь не из Униса и вовсе не обязан быть более

лояльным в отношении Униса, чем в отношении Капары. Послушай, Тангор, не будь идиотом. Здесь ты чужак и навсегда таковым останешься. Конечно, ты отлично зарекомендовал себя в сражениях, но что это дало тебе, что может дать в дальнейшем? Поверь мне, ничего. Как ты был чужаком, так и будешь. Все, что ты можешь делать, — сражаться за Унис и, может быть, в конце концов, погибнуть за него. Зачем тебе это нужно?

— Ладно, а ты что предлагаешь? Отказаться воевать?

— Зачем же? — вкрадчивым голосом произнесла она и, приблизившись совсем вплотную, перешла на шепот. — Я хочу, чтобы ты отправился в Капару и меня прихватил с собой. Там перед нами откроются заманчивые перспективы, особенно если мы прихватим с собой кое-какую информацию о военных секретах Униса.

Я был совершенно ошарашен, потрясен, но и виду не подал, стараясь держать себя в руках. Эта дуреха явно была предателем, и стоило ей только заметить, как подействовали на меня ее слова, она бы тут же страшно испугалась, что я донесу о нашем разговоре властям. Если она настроена против Униса — неважно, из-за маниакального восхищения Капарами или по какой-то иной причине, — то она без малейшего колебания попыбует восстанавить против меня местные власти. В первую очередь, из-за страха быть разоблаченной и из чувства самосохранения. В одном она, безусловно, права: здесь я чужак, инопланетянин. И любой лжи, которую она вздумает сочинить обо мне, чтобы оклеветать, скорее всего, поверят.

— То, что ты говоришь, для меня так неожиданно, — решил схитрить я. — По правде сказать, никогда раньше я не задумывался о подобных вещах. Но мне кажется, что твое предложение неосуществимо — Капары никогда не примут меня к себе.

После этих слов она, очевидно, решила, что ей уже удалось завербовать меня без особого труда. Тут-то, совсем разоткровенничавшись, она сказала, что давно общается с симпатизирующими Капарам людьми в Орви-се и даже неплохо знакома с двумя тайными агентами Капаров.

— Мы обсуждали с ними возможность нашего перехода на сторону Капаров, — сообщила она, — и мне твердо пообещали, что, если мы окажемся в Эргосе, с нами будут обходиться по-царски. Эргос — это столица Капары, — уточнила Сагра.

— Это мне известно,— сказал я.— Приходилось там бывать.

— Когда? Каким образом? — удивленно воскликнула она.

— Летал бомбить,— пояснил я.— А теперь все так оборачивается, что мне, быть может, доведется обосноваться в этом самом городе и прятаться от бомбардировок, когда мои бывшие товарищи по оружию будут совершать очередной налет. До чего, однако, странная штука наша жизнь!

— Значит, ты согласен? — радостно спросила Морга Сагра.

Она была определенно довольна тем, что сумела так быстро убедить меня и не скрывала этого.

— Дай мне время подумать, дорогая,— ответил я.— Такие вопросы не решаются одним махом.

В тот вечер мы больше не возвращались к этому разговору, а на следующее утро я отправился прямо к Уполномоченному по военным делам и подробно, ничего не утаивая, рассказал ему о случившемся. Никакие угрызения совести из-за того, что я выдаю Моргу Сагру, меня, признаюсь, не мучали. Она была предателем и меня тоже пыталась склонить к измене. Пока я нахожусь на Полоде, Унис так же дорог для меня, как и мои Соединенные Штаты Америки. На мне — форма Вооруженных Сил Униса, со мной всегда хорошо обходятся, наконец, здесь живут мои друзья и знакомые, и они всецело доверяют мне, так же, как и товарищи по оружию. Никакая сила не заставит меня предать их.

Уполномоченный по военным делам был пожилым вспыльчивым человеком и, стоило ему узнать, что в его ведомстве числится на службе агент Капаров, как он тут же взорвался. Лицо его буквально вспыхнуло от возмущения.

— Ее завтра же расстреляют! — негодуя закричал он.

Но это была первая вспышка гнева. Подумав немного, Уполномоченный успокоился. Чувствовалось, что в его голове зреет какой-то план.

— Впрочем, может быть, не стоит торопиться,— начал он через пару минут.— Возможно, нам удастся использовать ее в своих интересах. Пойдемте-ка со мной.

Он повел меня в кабинет Эльянхая и там заставил слово в слово повторить то, что я только что поведал ему.

— Скверная история,— произнес Эльянхай, когда я,

наконец, закончил свой рассказ.— Я хорошо знал ее отца. Это был храбрый офицер. Он погиб в бою, когда Сагра была еще совсем ребенком. Мне тяжело даже подумать о том, чтобы отдать приказ о ее расстреле, но, похоже, иного выхода нет.

— А мне сдается, есть,— сказал Уполномоченный по военным делам.— У меня тут созрел один план, который кажется весьма заманчивым и не совсем безнадежным. Конечно, если Тангор согласится,— тут же добавил он.— Допустим, Тангор сделает вид, что принимает ее предложение. Как вам известно, Капары, по слухам, изобрели мощный двигатель, позволяющий преодолевать огромные расстояния. Возможно, с его помощью удастся даже совершить перелет с Полоды на другую планету. Мы как-то говорили с вами о том, что было бы неплохо заполучить чертежи этого двигателя. По-моему, подходящий случай как раз подвернулся.

Уполномоченный замолчал, а затем повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза.

— Хочу вас предупредить, Тангор, что это чрезвычайно опасное задание. Нет никаких гарантий, что вам удастся успешно выполнить его. Однако шанс имеется, и, может быть, когда окажетесь в Капаре, вы сумеете им воспользоваться. Окончательное решение за вами. Что скажете, Тангор?

— Я служу Унису,— ответил я, не колеблясь.— И готов в меру своих способностей выполнить любое задание.

— Отлично,— произнес Эльянхай.— Но отдаете ли вы себе отчет в том, что шансов на успех не больше одного из тысячи, а в случае провала вам не выбраться из Капары живым?

— Я все понимаю, сэр,— подтвердил я.— Но в подобной ситуации мне приходится бывать каждый день.

— Тогда решено,— сказал он.— Дайте нам знать, когда будете готовы, а мы со своей стороны сделаем все необходимое, чтобы обеспечить ваш отлет. Кстати, когда окажетесь в Капаре, попробуйте узнать что-нибудь о судьбе одного из наших очень ценных разведчиков. Это офицер по имени Хандон Гар. Вот уже два года, как мы не имеем о нем никаких сведений.

Затем Эльянхай очень подробно описал мне этого человека, чтобы я мог узнать его по внешнему виду, ибо в Капаре ему, безусловно, пришлось сменить имя.

Меня снабдили также некоторой информацией воен-

ного характера, которую я должен был передать Капарам. Это были сведения, которыми решили пожертвовать в обмен на возможность завладеть тайной супердвигателя.

Мне было очень любопытно узнать, почему власти Униса во что бы то ни стало хотят заполучить этот мощный двигатель и, набравшись смелости, я задал этот вопрос Эльянхаю.

— Говоря откровенно, — ответил он, — нам в Унисе очень надоела эта война. Мы бы хотели послать экспедицию на одну из ближайших планет, на Тонос или Антос — все равно, и выяснить, каковы там условия жизни. Если они окажутся подходящими, то мы, в конце концов, переправим всех жителей Униса на одну из этих планет.

У меня даже голова закружилась от волнения. Какой грандиозный и смелый проект! Подобных прецедентов мировая история, насколько мне известно, не знала.

— Если вам удастся заполучить чертежи, — предупредил меня Эльянхай, — вы должны уничтожить все копии, а также людей, способных восстановить их, чтобы Капары ни в коем случае не смогли воспользоваться изобретением. Наша единственная мечта — найти место, где нет войны. А там, где Капары, не может не быть войны.

В тот же вечер я опять встретился с Моргой Сагрой.

— Ну что? — сразу же перешла она к делу. — Ты надумал?

— Да, — ответил я. — Взвесив все, я понял, что ты совершенно права. Если Капары всерьез намерены выиграть эту войну, то почему бы мне не принять сторону потенциального победителя?

— Вот видишь, — обрадовалась она. — Уверяю, что тебе никогда не придется раскаиваться в своем решении. Я позабочусь о том, чтобы наше проникновение на территорию Капары прошло успешно, а тебе придется взять на себя все проблемы, связанные с тем, как выбраться из Униса.

— Не беспокойся, я сделаю все необходимое, — заверил ее я. — Между прочим, по-моему, нам теперь не следует видаться слишком часто — это может вызвать кое у кого ненужное любопытство и даже подозрения. Будь готова к отправлению в любой момент, может статься, что вылетать придется завтра-послезавтра.

На этом мы и расстались. Я тут же направился к Харкасам, чтобы попрощаться с ними. Ямода уже замет-

но окрепла, и ее выносили в сад, где она лежала под искусственным солнечным светом, освещавшим этот подземный город. Она так искренне обрадовалась моему приходу, что у меня язык не поворачивался сообщить ей о своем отъезде да еще на неопределенный срок. Мы успели так сильно подружиться за это время, что сама мысль о долгой разлуке опечалила бы нас обоих. Но делать было нечего, и я наконец решился. Когда она услышала, что я пришел попрощаться, у нее даже губы задрожали от волнения. Кажется, она каким-то внутренним чутьем угадала, что речь идет не об обычной отлучке, к которым давным-давно привыкли женщины Униса.

— Когда ты должен уезжать? — поинтересовалась Ямода.

— Понятия не имею, — ответил я.

— Наверное, ты не имеешь права говорить и о том, куда отправляешься?

— Да, — согласился я. — Могу сказать тебе только одно: это секретное задание.

Ямода понимающе кивнула головой и положила свою руку на мою.

— Будь осторожнее, Тангор, — с нежностью в голосе попросила она. — Обещаешь мне это?

— Хорошо, Ямода, я проявлю максимум осторожности и постараюсь вернуться назад как можно скорее, потому что мне будет сильно не доставать тебя.

— Последнее время ты, как я слыхала, неплохо обходился и без моего общества, — сказала она, и озорная усмешка промелькнула в ее глазах. — Ну и как она, твоя новая подруга?

— Лучше, чем никто, — уклончиво ответил я. — Но, Ямода, признаюсь, что я чувствую себя ужасно одиноко, когда не бываю у вас.

— Кажется, твою новую подругу я не знаю, — произнесла Ямода задумчиво. — Она не дружит ни с кем из моих знакомых.

Мне показалось, что в тоне, каким она произнесла эти слова, сквозило легкое пренебрежение. Это было совсем непохоже на Ямоду.

— Никогда не видел ее друзей, — промолвил я.

Тут как раз в саду появилась мать Ямоды, и мы заговорили о других вещах. Харкасы уговорили меня остаться на обед.

Время пролетело быстро. Наступил поздний вечер, и

мне пора было уходить. Как не хотелось расставаться с этими милыми людьми, которые стали для меня второй семьей. С Даном и Ямодой я сроднился, как с братом и сестрой, а их мать называла меня своим сыном.

II

На следующий день рано утром я связался с Уполномоченным по военным делам и сообщил, что собираюсь отправиться в Капару сегодня же. Я подробно объяснил ему, каким образом собираюсь вывезти из Орвиса Моргу Сагру. Выслушав мои предложения, Уполномоченный заверил, что будут предприняты все необходимые меры, чтобы обеспечить реализацию моего плана. Затем он вручил мне стопку документов, содержащих ряд военных секретов, которые я должен был передать Капарам как доказательство своей доброй воли и как свидетельство потенциальной ценности для них.

— Вам понадобятся некоторые средства, чтобы покрыть необходимые расходы там, в Капаре,— добавил Уполномоченный по военным делам, вкладывая мне в руку увесистый кожаный кошелек.— Поскольку никакой единой валюты на планете не существует, постарайтесь обойтись этим. Здесь золото и драгоценные камни. Я немедленно предупрежу вашего командира эскадрильи о том, что вам приказано совершить в одиночку разведывательный полет и что это особо секретное задание. Он проследит, чтобы между тремя и четырьмя часами пополудни в ангаре никого не было. Не нужно, чтобы кто-нибудь вас видел. В это время привозите туда свою сообщницу. А теперь прощайте, мой мальчик, и дай вам Бог удачи. Может случиться, что мы никогда больше не увидимся, но я всегда буду помнить вас как человека, героически погибшего за честь и славу Униса.

Напутствие Уполномоченного в своей заключительной части сильно смахивало на некролог. Тревожные мысли бродили в моей голове, когда я выходил из его кабинета. Мысленно я уже представил себе небольшой белый крест где-нибудь в долине Рейна. Хотя, если то, что мне доводилось слышать о Капарах, правда, то ни на какой крест там мне рассчитывать не следовало. Мой труп, скорее всего, скормят рабам, в которых Капары обратили народы захваченных ими стран.

С Сагрой мы встретились в третьем часу пополудни.

— Все готово,— сообщил я ей с заговорщическим видом.— В течение часа мы должны отправиться в путь.

Я обратил внимание на то, что Сагра не улыбалась, как обычно, и держала себя как-то скованно. Это насторожило меня. В конце концов, она сама проговорилась и объяснила причину своего странного поведения.

— Что за совещание с Уполномоченным по военным делам было у тебя сегодня утром? — настороженно спросила она.

— А как, по-твоему, мы бы выбрались из Орвиса? — быстро нашелся я.— Мне пришлось долго обрабатывать старика, чтобы убедить его отправить меня в одиночку в разведывательный полет.

— Прости,— спохватилась Сагра.— Дело очень опасное и, поскольку на карту поставлена жизнь, приходится быть подозрительной.

— Я все понимаю,— ответил я.— Если хочешь, чтобы все прошло успешно, мы должны полностью доверять друг другу.

— Никогда больше не усомнюсь в тебе,— заверила она.— Просто сейчас у меня нервы на пределе. Я ужасно волнуюсь, потому что даже не представляю, каким образом ты собираешься вывезти меня из Орвиса. Если нас схватят, то наверняка расстреляют обоих.

— Не беспокойся,— уверенно сказал я.— Делай то, что я тебе говорю.

Мы подошли к моему автомобилю. Я велел Сагре сесть на заднее сиденье. Затем, оглядевшись по сторонам и убедившись, что нас никто не видит, приказал ей лечь и набросил на нее сверху старую робу.

Когда мы въехали в ангар, я заметил, что там нет ни души. Я подвел машину почти вплотную к своему самолету и приказал Сагре пробраться в нижний отсек, где находится место одного из стрелков. Не прошло и нескольких минут, как я вырулил на полосу и поднял самолет в воздух.

— Каким курсом лететь? — спросил я Сагру по внутренней связи.

— Северо-западным,— ответила она.— Когда мне, наконец, можно будет выбраться отсюда? Мне здесь совсем не нравится.

— Потерпи еще чуть-чуть,— сказал я.

По обоюдной договоренности, Сагра должна была продумать наш маршрут до Капары и возможность проникновения на территорию этой страны. Моя задача за-

ключалась в том, чтобы раздобыть секретные документы и обеспечить наш беспрепятственный вылет из Орвиса.

Сагра забралась в нижний отсек самолета через небольшой люк в перегородке. Теперь по моему сигналу она через него же поднялась наверх и устроилась сзади меня.

— Ну вот,— обратился я к ней,— все в порядке. Может быть, хоть сейчас ты объяснишь мне, с какой стати, летя в Капару, которая лежит к юго-западу от Униса, мы взяли курс на северо-запад.

— Это, конечно, окольный путь,— ответила она,— но проникнуть в Капару на самолете Униса попросту невозможно. На этой машине, в этой форме мы недалеко улетим в Капаре, поэтому первым делом отправимся в Горвас.

Город Горвас расположен на континенте Карис, наиболее отдаленном от континента Эприс, где находится сама Капара. Это нищая, бесплодная земля, меньше всего затронутая войной именно потому, что здесь не нашлось почти ничего, способного заинтересовать Капаров.

Полет наш прошел без приключений, и вскоре мы приземлились в Горвасе. Посадка тоже прошла спокойно. Навстречу нам в воздух не поднялось ни одного истребителя, молчали и зенитные орудия, пока мы кружили над Горвасом, отыскивая аэродром. Местные жители, зная миролюбивые намерения Униса, который не вынашивал ни против какой страны агрессивных замыслов, были настроены очень дружелюбно. Находившиеся в аэропорту офицеры приветствовали нас, как союзников.

Морге Сагре удалось достать для нас обоих подложные удостоверения. Она сообщила, что отныне я буду зваться Корван Дан, а сама она останется под прежним именем, которое, благодаря ее связям, хорошо известно в Эргосе, столице Капары.

Выйдя из аэропорта, мы почти сразу же поймали машину — нечто вроде нашего такси,— занимающуюся общественными перевозками. Сагра назвала шоферу адрес, который она получила от агента Капаров в Орвисе.

При ближайшем знакомстве Горвас произвел на меня жалкое впечатление, но, во всяком случае, этот город располагался не под землей, а на ее поверхности. Впрочем, в каждом здании имелось бомбоубежище. Время от времени нам попадались по пути воронки от бомб, свидетельствующие о том, что Капары совершают на-

леты и на эту далекую, небогатую страну — то ли из-за того, что ее обитатели известны своим дружеским расположением к Унису, то ли из-за собственной маниакальной страсти Капаров ко всеобщему разрушению.

Водитель привез нас в бедный район города и остановился возле невзрачного одноэтажного каменного дома. Отпустив машину, мы дождались, пока она отъехала на изрядное расстояние. Затем Сагра прошла по улице вперед и дома через три резко свернула, направляясь к зданию, находившемуся на противоположной стороне. Все эти загадочные действия явно преследовали одну цель: избавиться от слежки, если таковая за нами ведется.

Дом, к которому мы, в конце концов, подошли, выглядел чуть более изысканно, чем тот, первый, возле которого Сагра остановила машину. Приблизившись к двери, она постучалась: сначала три раза почти подряд, а потом еще дважды с небольшими интервалами. Через минуту дверь распахнулась, и на пороге появился мужчина с грубым, хмурым лицом.

— Что вам угодно? — резко спросил он.

— Я Морга Сагра, — ответила моя спутница. — А это — Корван Дан.

— Заходите, — сказал мужчина чуть более приветливо. — Я жду вас. Покажите мне ваши документы.

Сагра вручила ему совершенно чистый лист бумаги. Поскольку я стоял рядом с хозяином дома, то, когда он развернул бумагу, я отчетливо видел, что на ней ничего не написано.

— Присаживайтесь, — предложил мужчина.

Сам он устроился за письменным столом и, достав из одного из ящиков нечто напоминающее по виду карманный фонарик, направил его луч прямо на поданную Саграй бумагу.

Видимо, в лучах этого света на бумаге проявился какой-то текст. Во всяком случае, внимательно наблюдая за хозяином, я заметил, как его глаза скользят по строчкам. Наконец, он поднялся из-за стола и вернул бумагу Сагре.

— Вы пока останетесь здесь, — сказал он тоном, не терпящим возражений и расспросов. — А я тем временем приготовлю все необходимое.

С этими словами он вышел из комнаты, оставив нас вдвоем.

— Ты знаешь, как его зовут? — поинтересовался я у Сагры.

— Знаю,— не очень охотно отозвалась она.

— Ну и как же? Почему ты мне его не представила?

— Тебе совершенно незачем знать его имя,— сказала Сагра.— Вообще, Корван Дан, привыкай не задавать лишних вопросов. Впрочем, чтобы ты успокоился, на сей раз я тебе отвечу: его зовут Гомпф.

— Замечательное имя! — иронически воскликнул я.— Однако, несмотря на мое любопытство, тебе незачем было сообщать мне его. До имени этого типа мне так же мало дела, как и до его гнусной физиономии.

— Не смей говорить подобные вещи,— набросилась на меня Сагра.— Он очень значительная персона, а о людях, занимающих важное положение, не стоит так пренебрежительно отзываться. Это до добра не доведет. И уж, пожалуйста,— через секунду прибавила она,— не проболтайся, что тебе известно, как его зовут, потому что здесь он действует под другим именем.

Так я впервые вплотную столкнулся с той атмосферой страха и подозрительности, которая, как завеса, плотно окутывает все, что связано с Капарой. Хотя я и сказал Сагре, что мне совершенно наплевать на то, как зовут этого человека, поди знай, может, в один прекрасный день это имя мне пригодится.

Гомпф возвратился примерно через час. Он принес для нас гражданскую одежду — такую, которую носят все обитатели Кариса. После того как мы переоделись, он посадил нас в автомобиль и повез за город. Когда машина, наконец остановилась, мы увидели неподалеку старенький самолет с опознавательными знаками Кариса.

Дождавшись, пока я и Сагра устроились в кабине, он передал нам наши документы и проинструктировал, как действовать дальше. Нам было велено лететь в город Пад, на континенте Орис, и связаться с человеком, носящим поэтическое имя Фринк.

— Что будет с моим самолетом? — не удержавшись, поинтересовался я.

— Вам-то какое до этого дело? — оборвал он мои расспросы.

— Я спрашиваю потому, что для меня это имеет большое значение,— неожиданно взорвался я, так как мне уже порядком надоели его грубость и скрытность.— Я предполагаю, что меня, скорее всего, направят с секрет-

ным заданием обратно в Унис, и вот тогда-то мой самолет и моя форма мне очень пригодятся.

Прежде чем ответить на вопрос, он подозрительно глянул мне в лицо.

— Интересно, как вы собираетесь вернуться в Унис? — настороженно спросил он. — Ведь, как я понимаю, едва вы появитесь там, вас тут же должны расстрелять как предателя.

— Не такой уж я простофиля и перед отлетом из Орвиса слегка пошевелил мозгами, — огрызнулся я. — Мне удалось добиться, чтобы меня послали в разведывательный полет, и я смогу придумать сотни причин, объясняющих мое длительное отсутствие.

— Если вам действительно когда-нибудь понадобится ваша форма и самолет, — саркастически сказал Гомпф, — вы найдете их здесь в целости и сохранности.

Когда мы, наконец, взлетели, я впервые за весь день вздохнул с облегчением. Слава Богу, этот мистер Гомпф остался внизу. Он произвел на меня просто угнетающее впечатление. Его разговор с нами, скорее, был похож на рычание злой собаки, и за все время, которое мы провели в его обществе, он ни разу не улыбнулся. Интересно, неужели все Капары таковы?

В Паде мы добирались до Фринка таким же извилистым путем, как и до дома Гомпфа. Вообще, все было очень похоже, за исключением, разве, одного: нам было позволено открыто называть нашего хозяина Фринком, поскольку это было его не настоящее имя.

Ночь мы провели в Паде, и утром Фринк дал нам одежду, которую носят в Капаре. Чуть позже он снабдил нас и капаровским самолетом. Машина оказалась что надо, и это порадовало меня, так как перелет через Волданский океан из Кариса в Орис на старой развалюхе, которую раздобыл для нас Гомпф, оставил мало приятных впечатлений. Нам предстояло неблизкое путешествие — из Ориса в Капару — примерно две тысячи миль над Манданским океаном.

Перелет прошел довольно скучно, без всяких происшествий. Но уже когда мы пересекли границу Капары и взяли курс на Эргос, откуда ни возьмись появилась целая эскадрилья унисских самолетов. По всей вероятности, они совершали разведывательный полет. Я быстро повернул в сторону, надеясь избежать нежелательной встречи, но они уже заметили нас и увязались следом.

Скоростной разведывательный самолет, на котором

мы совершали перелет, был оснащен всего двумя орудиями. Одно, из которого мог вести огонь я, находилось в носовой части машины, другое — за кабиной пилота. Но Морга Сагра не сумела бы им воспользоваться, даже если бы я и приказал ей сделать это. Мне же ни при каких обстоятельствах не хотелось стрелять по самолетам Униса, ведь в них находились мои товарищи по оружию, мои друзья. Поэтому, развернувшись, я постарался оторваться от погони.

Они гнались за мной над Манданским океаном почти тысячу миль, прежде чем наконец отказались от своей затеи и повернули обратно. Я некоторое время следовал за ними, не теряя их из виду, пока самолеты не взяли курс на юг, явно направляясь к южной оконечности континента Эприс. Тогда я прибавил газу и помчался к Эргосу.

Едва мы приземлились, как были тут же окружены людьми в зеленых униформах. Офицер грубо потребовал у нас предъявить документы. Я ответил, что у нас есть важное сообщение для Гуррула. Связав, нас усадили в машину и увезли с аэродрома в сопровождении нескольких человек в зеленой форме Забо, тайной полиции Капары.

Эргос — огромный город, раскинувшийся в разных направлениях глубоко под землей. Сначала мы оказались в районе, даже при беглом взгляде поражающем своей ужасной бедностью. Тут стояли собственно и не дома, а непрочные укрытия, иногда попадались просто отверстия в земле. Завидев зеленую форму Забо, люди мгновенно разбегались в разные стороны и прятались. Но машина мчалась дальше, и вскоре мы попали в более зажиточную часть города. Впрочем, постройки здесь были совершенно одинаковые, отличаясь друг от друга только размерами. Ни на одном не было даже намека на украшения. Миля за милей повторялся этот унылый, однообразный пейзаж. Ехать было скучно. Однако, когда мы стали приближаться к центру столицы, картина резко изменилась. Вместо типовых строений за окном автомобиля замелькали здания в стиле рококо с витиеватыми, замысловатыми украшениями на фасадах.

Машина остановилась перед одним из зданий, фасад которого был украшен разными фигурами и узорами. За этой претенциозной вывеской скрывалось, пожалуй, самое отвратительное заведение в Капаре, центр жестокости и насилия.

Нас вытолкнули из машины и провели в здание. Еще через минуту мы уже находились в кабинете Гуррула, начальника Забо, самого страшного человека во всей Капаре.

III

Гуррул оказался тучным мужчиной с близко посаженными глазами и свирепым выражением лица. В течение целой минуты он, не проронив ни слова, тщательно изучал нас взглядом, словно пытаясь прочесть самые сокровенные мысли. Зафиксировав в своем сознании все до последней детали, он теперь обязательно узнает нас в лицо, где бы и когда ни довелось снова встретиться. Разве только с помощью какого-нибудь особенно изощренного грима можно будет сбить его с толку. Ходили слухи, будто Гуррул знает в лицо миллион человек, хотя лично мне это казалось всего-навсего преувеличением.

Взяв наши документы, он принялся тщательно изучать их. Затем, отложив бумаги в сторону и обратившись ко мне, поинтересовался, какие военные секреты удалось мне вывезти из Орвиса. Когда я передал ему материалы, он, как мне показалось, проглядел их с небрежной поспешностью, явно не проявляя особого интереса к их содержанию.

— Вы воевали на стороне врага? — приступил он к допросу.

— Так точно, — ответил я.

— Почему?

— По той причине, что никакой другой страны, кроме Униса, я вообще не знал, — объяснил я.

— Что заставило вас пойти против своей родины? — спросил Гуррул.

— Унис не моя родина.

— Где же вы родились в таком случае?

— На другой планете в иной солнечной системе за миллионы миль отсюда.

Свирепо сдвинув брови, он бросил на меня хмурый взгляд и так ударил кулаком по столу, что находившиеся на нем предметы подпрыгнули.

— Ты стоишь передо мной и нагло врешь прямо в лицо, болван! — заорал он. — Ты, презренный унисец, осмелился насмехаться надо мной! Может, ты, идиот,

никогда не слышал о Гурруле? Если бы слышал, ты бы, прежде чем соваться сюда с этой дурацкой историей, сам перерезал себе горло.

— Ваше превосходительство,— робко вставила свою реплику Морга Сагра.— Мне кажется, этот человек говорит правду, во всяком случае, в Орвисе ему все поверили.

Разъяренный Гуррул повернулся к моей спутнице.

— Кто позволил тебе говорить? — рыкнул он.

— Простите, Ваше превосходительство,— тут же сникла она.

Бедняга Сагра так тряслась от страха, что я всерьез опасался, как бы она не свалилась с ног.

Обратившись к одному из своих офицеров, Гуррул приказал:

— Обыщите их обоих и заprite.

Тем и завершилась процедура нашей встречи в Капаре. Не было ни распростертых объятий, ни почета, которым нас должны были окружить тотчас по прибытии,— словом, ничего того, что клятвенно обещала Морга Сагра.

У меня отобрали мое золото и драгоценные камни, а потом нас с Моргой Сагрой заперли в камеру в подвале того самого здания, где размещалось управление Забо. Наша камера представляла собой обычную металлическую клетку, из которой хорошо просматривался весь коридор, заставленный такими же клетками. В каждой из них томились так называемые оккупанты. В некоторых клетках сидело по шесть-восемь человек, хотя рассчитаны они были в лучшем случае на двоих.

Мне было хорошо видно все происходящее в соседних камерах и от нечего делать, а отчасти и из любопытства, я принялся наблюдать за заключенными. Большинство из них, склонив голову на грудь, в глубоком унынии сидело на каменном полу. Видно было, что они уже не числят себя среди живых и не надеются когда-либо выбраться отсюда. Некоторые арестанты с пронзительными воплями метались по своим клеткам — это были люди, доведенные пытками и тюремным заключением почти до безумия. Когда эти истощенные вопли начинали слишком надоедать охранникам, они входили в клетку и направляли шланг на неумных. В течение всего первого часа, пока мы находились в подвале, один из этих несчастных вопил непрерывно. Охранники несколько раз пытались привести его в чувство с помощью ледяного

душа из шланга, но тот не унимался. В конце концов, в камеру пришел главный тюремщик — офицер, костюм которого был украшен золотой шнуровкой, медными пуговицами и целой кучей медалей. Не рассуждая и не теряя времени, он вплотную приблизился к клетке, в которой неистовствовал безумец, и спокойно выстрелил ему прямо в сердце. По-видимому, для него это было так же обыденно и просто, как приклепнуть муху. Сделав дело, он зашагал по коридору к выходу, ни разу даже не обернувшись в сторону своей жертвы.

— Ты, должно быть, на седьмом небе от счастья,— язвительно сказал я Морге Сагре.

— О чем ты говоришь? — явно не поняв моей иронии, зашептала она в ответ.

— Ну как же, ты находишься, наконец, в обожаемой тобой Капаре, тебя окружают твои дорогие друзья...

— Немедленно замолчи,— оборвала она меня.— Нас могут услышать.

— С чего бы это я стал молчать? — не унимался я.— Разве ты не хочешь, чтобы они узнали, как ты их всех любишь?

— Да, я люблю их,— ответила Морга Сагра.— Произошла ужасная ошибка, недоразумение, но виноват во всем только ты: незачем было рассказывать Гуррулу эту историю.

— Неужели ты советуешь мне врать его превосходительству?

— Не стоит говорить здесь в таком тоне,— снова перешла она на шепот.— Единственное, чего ты добьешься, что нам обоим отрубят головы.

В этой мерзкой дыре нас продержали с неделю, и всякий раз, просыпаясь, мы ждали, что вот-вот за нами явятся, чтобы увести на казнь. Когда за нами, наконец, действительно пришли, Морга Сагра была в полном упадке.

От страха и переживаний она так ослабела, что охранникам, которые вели нас по коридору, приходилось поддерживать ее под руки. Им это, видно, надоело, и один из них, не выдержав, сказал:

— Успокойтесь же! Вам нечего бояться, вас сейчас освободят.

Это известие почему-то окончательно добило Сагру, и она в изнеможении рухнула на каменный пол. Охранники дружно расхохотались, подняли ее и остаток пути

несли на руках. Я уже свернул в следующий коридор, а они все никак не могли дотащить ее.

Меня вывели из здания через заднюю дверь и втолкнули в какой-то большой фургон, окрашенный в зеленый цвет. В нем уже было полным-полно людей, так что охранникам пришлось буквально запихивать меня вовнутрь. Если бы они моментально не захлопнули за мной дверь, то я, быть может, вывалился бы. Первое, что мне бросилось в глаза, было небольшое окошко, закрытое железной решеткой, и часовой с ружьем, сидевший возле него.

Как только двери были закрыты и заперты на замок, фургон тронулся с места. Нас качало из стороны в сторону, в тесноте люди наступали друг другу на ноги, задыхались из-за недостатка воздуха. Надолго мне запомнится эта поездка! Думаю, на Земле даже скотину перевозят в более комфортабельных условиях. Под конец из-за испарений, исходивших от человеческих тел, дышать стало уже совсем невозможно.

Фургон двигался на большой скорости. Сколько времени продолжалась поездка, не знаю. Думаю, часа два, не больше, хотя мне они показались целой вечностью. В конце концов, фургон притормозил, затем развернулся и остановился. Двери распахнулись, и нам было приказано выходить.

Первое, что я увидел, было ограждение из колючей проволоки. За ним, по обеим сторонам располагалось два огромных барака, возле которых толпилось несколько сот человек в одинаковых черных робах, на которых спереди и сзади белой краской были выведены какие-то цифры. Объяснений не требовалось. Я и так сразу же понял, что попал в лагерь для заключенных.

Прямо возле ворот, через которые нас провели, находился административный корпус. Здесь наши имена занесли в специальную книгу, выдали нам комбинезоны и номера. После всех этих процедур нас отправили в бараки к другим заключенным. Боже мой, какое удручающее впечатление произвели на меня эти люди при первом же знакомстве! Грязные, совершенно истощенные существа! Никогда в жизни я не встречал на лицах людей такого выражения обреченности и безысходности, как здесь.

Покидая камеру, я готовился к скорой смерти, но, похоже, то, что ожидало меня здесь, было пострашнее любой казни. Обратившись к сопровождавшему нас офи-

церу, я попытался узнать, за что и на какой срок меня посадили в лагерь. Он грубо оборвал меня, велел замолчать.

— Будешь говорить, когда тебя спросят!

Это оказался трудовой лагерь, однако слово «труд» не способно дать истинного представления о том, чем там пришлось заниматься. Обычно нас использовали на самой изнурительной и грязной работе. Вкалывали мы по шестнадцать часов в день. Раз в десять дней полагался один выходной. Мое появление в лагере пришлось как раз на очередной выходной.

Наш лагерь был смешанным: тут вместе содержались мужчины и женщины, согнанные практически из всех стран Полоды. Обращались с нами хуже, чем с животными. Выданная одежда была рассчитана на целый год, и в этом одном-единственном комбинезоне мы и работали и спали. У большинства обитателей лагеря униформа давно превратилась в лохмотья. Кормили нас так отвратительно, что это вообще невозможно описать. Эту так называемую еду нам бросали, как свиньям, два раза в день. Заключенных — и мужчин, и женщин без разбора — оскорбляли, пинали ногами, подвергали жестоким побоям, а нередко и вовсе убивали. Даже между собой мы не имели права называть друг друга по именам — только по номерам.

Стражники охраняли лагерь днем и ночью, расхаживая по ту сторону колючей проволоки. Стоило им заметить, что кто-то из заключенных обмолвился с другим хоть словом, как они немедленно поднимали крик, требуя немедленно прекратить разговоры, а то, случалось, вбегали в лагерь и принимались жестоко избивать провинившихся. Несмотря на это, мы все же умудрялись общаться между собой, особенно с наступлением темноты, когда уследить за нами было не так-то легко. В итоге у меня появилось в лагере несколько друзей.

Среди них оказался один человек, который был родом из Орвиса. Я довольно коротко сошелся с ним, хотя и понимал, что это небезопасно: Капары наводнили все лагеря провокаторами. Тем не менее я, в конце концов, решил, что этот Тунзо Бор — парень что надо, и однажды, уловив момент, спросил, не знаком ли ему человек по имен Хандон Гар.

Мой вопрос, по-видимому, насторожил его. Он сразу как-то замкнулся.

— Нет, — недоверчивым голосом ответил он. — Я не

знаю человека с таким именем. А почему ты спрашиваешь о нем?

— У меня есть что сообщить ему, — ответил я.

— От кого у тебя сообщение?

— От друга из Орвиса.

— Вот как.., — протянул он, а потом добавил уже более решительным тоном. — Не знаю я никакого Хандона Гара, но даже если он находится здесь, можешь быть уверен, что числится он под другим именем.

— Не знаю, — сказал я. — Но мне обязательно надо его отыскать. Я хотел бы ему кое-что передать.

У меня почти не оставалось сомнений в том, что Тунзо Бор лжет, что он знает Хандона Гара и что тот, вполне возможно, находится в этом же самом лагере. Однако продолжать расспросы дальше я не стал — это бы только усилило подозрительность Тунзо Бора, и добиться от него правды все равно бы не удалось.

Работая на износ, мы питались впроголодь. По-моему, эти Капары очень тупые и недалёковидные существа: рабочая сила им нужна, а обращались с заключёнными из рук вон скверно. В результате уровень смертности в лагерях чрезвычайно высок. Я обратил внимание на то, что Капарам хронически недостает продуктов питания, и в то же время они крайне недалёковидно забивают до смерти или изнуряют непосильной работой людей, которые могли бы обеспечить их этой самой пищей.

Участь так называемых свободных рабочих чуть-чуть лучше, но ненамного. По сути, они также являются рабами, хоть их и не содержат в лагерях. Хотя эти люди в подавляющем большинстве — родом из Капары, их тоже перегружают работой и обращаются с ними не менее жестоко, чем с выходцами из завоеванных стран.

Значительно лучше условия жизни военных. Однако по-настоящему благоденствуют сотрудники Забо, которых боятся все, не исключая даже армейских офицеров. Эта политическая элита живет в роскоши, если вообще можно говорить о какой-то роскоши здесь, в Капаре.

После недели изнурительного труда и скудной кормёжки я был переведен на более легкую работу в саду офицера, надзирающего за лагерем. Правда, меня постоянно сопровождал вооруженный охранник, который оставался рядом со мной в течение всего рабочего дня. Не могу сказать, что он плохо обходился со мной, во всяком случае, ни разу не выкидывал тех штучек, к которым столь привычна лагерная охрана. Кормили меня

тоже вполне сносно, иногда даже с офицерской кухни. Я не очень понимал, в чем заключается причина перемены в отношении ко мне, но спросить не решался. В конце концов, охранник разговорился сам, и кое-что прояснилось.

— Между прочим,— обратился он однажды ко мне,— кто ты такой?

— Номер 267 М 9436,— отрапортовал я.

— Да нет,— поморщился он.— Я спрашиваю, как тебя зовут.

— Насколько мне известно, нам запрещено пользоваться именами,— напомнил ему я.

— Если я спрашиваю, значит, можно,— сказал он.

— Хорошо,— не стал я спорить.— Меня зовут Корван Дан.

— Откуда ты?

— Из Орвиса.

Он покачал головой.

— Не понимаю.

— Что именно?

— Не понимаю, почему с тобой приказано обращаться гораздо лучше, чем с другими заключенными,— объяснил он.— Тем более, что это распоряжение исходит от самого Гуррула.

— Этого я тоже не знаю,— соврал я.

На самом деле, я, конечно, кое о чем догадывался. Вероятно, причина этого заключалась в том, что Гуррул все еще изучает меня и, может быть, склоняется к мнению, что я могу представлять для Капаров определенную ценность. Уж, во всяком случае, не из соображений же гуманности так изменилось отношение ко мне. В чем-в чем, а в этом Гуррула никак не заподозришь.

IV

Когда небо не закрыто облаками, ночи на Полоде воистину восхитительны. Одна за другой величаво движутся по небесам в течение всей ночи планеты. Благодаря их отсвету ночи стоят ясные, светлые.

Вот как раз в одну такую ясную ночь, примерно через три недели после того, как я оказался в этом лагере, ко мне приблизился один из заключенных и, склонившись к самому уху, прошептал:

— Я Хандон Гар. Ты искал меня?

Прежде, чем что-либо ответить, я тщательнейшим образом изучил его, пытаюсь определить по подробному описанию внешности, которое дал мне в свое время Уполномоченный по военным делам, действительно ли этот тип тот, за кого выдает себя.

Он выглядел совершенно истощенным и казался совсем стариком. Однако мало-помалу, пристально вглядываясь в черты его лица, я узнал в нем Хандона Гара. Должно быть, за те два года, которые он провел в этом лагере, с ним обращались особенно жестоко.

— Да,— отчетливо произнес я.— Я тебя искал. Я узнал тебя.

— Как ты можешь меня узнать? — удивился он, и нотки подозрения зазвучали в его голосе.— Мы ведь никогда не встречались друг с другом. Говори, кто ты такой и что тебе от меня нужно.

— Твою внешность мне описал Уполномоченный по военным делам, поэтому я и узнал тебя,— объяснил я.— Теперь я вижу, что ты Хандон Гар и, значит, тебе можно доверять. Меня зовут Тангор. Здесь я числюсь под именем Корвана Дана. Я прибыл в Капару с заданием от Эльянхая и Уполномоченного по военным делам,— говоря это, я уже перешел на еле слышный шепот.— Мне было поручено также выяснить, что случилось с тобой.

На лице моего собеседника промелькнула кислая улыбка.

— Ну вот, а теперь мы оба в одной лодке, ты и я,— произнес он.— Боюсь, они там никогда не узнают ни о моей судьбе, ни о твоей.

— Тунзо Бор — свой человек? — поинтересовался я.— Ему можно доверять?

— Вполне. Только вот он тебе не очень доверяет. Между прочим, и у меня имеются кое-какие подозрения, но я не думаю, что сильно повредил себе, назвав свое имя. Как, кстати, ты сказал тебя зовут? Тангор? Что-то не припоминаю такого имени. Мне не приходилось его слышать. Где ты жил в Унисе и чем занимался?

— Я жил в Орвисе и служил пилотом в военно-воздушных силах.

— Странно, что я тебя ни разу не встречал,— задумчиво произнес он.

Я видел, что подозрения с новой силой одолевают его.

— В этом нет ничего удивительного,— поспешил объяснить я.— Я сам, например, из тысяч военных летчиков знаю лишь нескольких. Невозможно же знать всех! Скажи, тебе говорит что-нибудь имя Харкаса Дана?

— Ну конечно, я отлично знаю этого парня,— откликнулся он.

— Так вот он — мой лучший друг,— сказал я.

Он помолчал немного, а затем снова приступил к расспросам.

— Как поживают братья Дана?

— У него больше нет братьев,— ответил я.— Все они погибли на войне.

— А сестры?

— Сестра у него только одна,— сказал я.— Зовут ее Ямода. Последний раз мы виделись накануне моего отъезда. С ней произошел несчастный случай, но сейчас она уже вполне здорова.

— Ну ладно,— наконец успокоился мой собеседник.— Раз ты так близко знаком с этой семьей, значит, ты свой парень. Понимаешь, нам приходится соблюдать осторожность, повсюду полно агентов тайной полиции.

— Понятно,— согласился я.

Мы помолчали еще несколько секунд. Затем Хандон Гар вплотную приблизился ко мне и зашептал:

— Мы тут собираемся организовать побег через несколько дней. Тунзо Бор, я и еще несколько человек. План уже разработан. Не хочешь присоединиться к нам?

Я отрицательно покачал головой.

— Не могу,— произнес я.— Я еще не выполнил свое задание.

— Да ты никогда его и не выполнишь, сидя в этом лагере,— сказал он.— А отсюда не выйдешь. Единственный шанс — бежать вместе с нами. Если удастся добраться до Орвиса, я сам объясню Эльянхаю, что посоветовал тебе воспользоваться возможностью побега, так как другого выхода не было.

— Нет, спасибо за предложение, я, действительно, не могу его принять,— решительно отозвался я.— А из лагеря я выйду.

— Чересчур уж ты самоуверен,— сказал он, окинув меня каким-то странным взглядом.

От меня не укрылось, что Хандон Гар, по-видимому,

уже жалеет, что посвятил меня в свой план. Только я собрался успокоить его, как охранники, заметив нас, приказали немедленно прекратить разговор.

Через пару дней, в очередной выходной, охранник велел мне выйти за проволочное ограждение, где меня ожидала Морга Сагра. Согласитесь, заключенному принимать посетителей, вроде бы, не полагается, и этот визит, естественно, вызвал большой интерес и немало пересудов у моих товарищей по лагерю.

— Я делаю все, что в моих силах, для твоего скорейшего освобождения,— зашептала Морга Сагра.— Но Гуррул все еще не до конца уверен в тебе. Если тебе удастся заметить или подслушать что-нибудь подозрительное здесь, в лагере,— ну, такое, что может заинтересовать Забо,— немедленно сообщи об этом. Таким образом ты докажешь свою преданность, и будет легче вызволить тебя отсюда.

— Но я не слышал ничего такого,— сказал я.— Нам вообще почти не разрешают переговариваться, а кроме этого здесь все подозревают друг друга.

— Все равно, смотри в оба, хотя, думаю, скоро я тебя отсюда вытащу. Гуррула очень озадачил твой рассказ о том, как ты очутился на Полоде. Но, поскольку ты и в самом деле не слишком-то похож на выходца из какой-нибудь местной страны, то, кажется,— он начинает склоняться к мысли, что твоя история — сущая правда.

— Твои-то дела как? — поинтересовался я.

— Отлично,— ответила она.— У меня замечательная квартира и обходятся со мной прекрасно, хотя все время следят. Но это пустяки. Я всегда мечтала о том, чтобы здесь жить. Только тут — настоящие люди, они живут во имя войны. Великая нация! Доблестная нация!

— И на редкость гостеприимная,— не удержался я от язвительной реплики.

Глаза Сагры злобно сощурились.

— Поаккуратнее, Корван Дан,— предупредила она.— Даже со мной не позволяй себе распускать язык. Не забывай, что я теперь тоже Капар.

Я рассмеялся.

— Ты всегда неверно понимала мои слова, Сагра,— попытался успокоить ее я.

— Хорошо, если так,— огрызнулась она в ответ.

Едва мы расстались с Сагрой, как ко мне подошел Хандон Гар.

— Ты-то точно отсюда выберешься, сука паршивая,— задыхаясь от ненависти, прошептал он.— Я знаю эту женщину. У меня всегда были подозрения, что она предатель. Небось, ты выложил ей все, что я рассказал тебе о нашем с Тунзо Бором плане побега?!

Я хотел было уверить его, что он не прав, но тут подоспевший охранник оборвал наш разговор. Да и что бы я стал объяснять? Конечно, мне было безумно жаль, что Хандон Гар считает меня предателем, но даже его я не вправе был посвящать ни в какие подробности своего задания.

На следующий день подозрения Хандона Гара, должно быть, еще больше усилились, поскольку в лагерь прибыл посыльный от Гуррула с приказом немедленно освободить меня. Еще хуже было то, что вместе с ним приехала Морга Сагра, которая тут же бросилась обнимать меня.

По подземной железной дороге меня доставили в Эргос, прямо в кабинет Гуррула в здании управления Забо. Гуррул беседовал со мной около получаса, подробно расспрашивая о том мире, из которого я прибыл, и о нашей солнечной системе.

— Ты и в самом деле не с Полоды,— наконец произнес он.— Тут никогда не было человека, похожего на тебя. Но я ума не приложу, каким образом тебе удалось переместиться на нашу планету из другой солнечной системы.

— Признаюсь, и для меня самого это загадка,— сказал я.— Но в мире много необъяснимого.

— Ладно, Морга Сагра за тебя поручилась, а я верю ее слову,— объявил он.

Затем он сообщил, что для меня приготовлена квартира, на которую меня проводит его человек.

— Думаю, попозже ты мне понадобишься,— подытожил Гуррул, завершая нашу беседу.— Так что будь наготове. Уходя из дома, обязательно оставляй записку, где тебя можно найти. И не вздумай покидать город без моего разрешения.

Закончив разговор, он позвал в кабинет человека, который должен был показать мне мою квартиру, а сам попрощался со мной.

Я видел, что Гуррул по-прежнему не до конца до-

веряет мне, однако в этом не было ничего удивительного, поскольку тайная полиция на то и устроена, чтобы всегда подозревать всех во всем. Тем не менее, когда я шепотом сообщил ему несколько военных секретов, которые, по договоренности с Эльянхаем, должен был передать устно, отношение Гуррула ко мне несколько изменилось. Он стал более приветлив, даже любезен и в конце почти дружески попрощался со мной.

Когда мы добрались до моей новой квартиры, дверь нам открыл весьма симпатичный парень в ливрее слуги.

— Это твой хозяин Корван Дан,— сообщил парню сопровождавший меня агент Забо.

— Меня зовут Лотар Канл,— произнес тот в ответ.— Надеюсь, я смогу угодить вам.

Морга Сагра жила в этом же самом доме, и почти сразу нас стали приглашать к разным людям, и сами мы начали принимать гостей. Меня, однако, не оставляло ощущение, что за нами постоянно ведется наблюдение. Что ж, в Капаре это в порядке вещей: здесь следят за каждым. Целая нация живет в атмосфере интриг и подозрений. Армия опасается тайной полиции Забо, Забо ненавидит армию, а все жители смертельно боятся пятых главных правителей, каждый из которых, в свою очередь, подозревает друг друга. Во главе государства стоит человек, именуемый Пом Да, дословно это означает «Великий I». Нынешний Пом Да управляет Капарой в течение вот уже десяти лет. У него, надо думать, есть и какое-то настоящее имя, но зачем оно ему? Это, действительно, Великий I — жестокое и коварное чудовище, лично отдававшее приказания об уничтожении лучших друзей и ближайших родственников. Сколько же преступлений на его совести?! Впрочем, применительно к нему говорить о совести вряд ли уместно.

Морга Сагра оказалась весьмамышленной девицей. Казалось, самой природой она была создана для интриг, измены и шпионажа. Она тщательно продумывала все наперед и соответственно этому строила свои планы.

Повсюду, где бы мы ни появлялись, она сообщала, что я инопланетянин. Делала она это не столько для того, чтобы привлечь ко мне внимание, сколько затем, чтобы заставить Капаров проникнуться мыслью, что у меня в Унисе не имеется никаких связей, а стало быть, нет причины и сохранять верность этой стране. Морга Сагра хотела внушить всем, что я никогда не изменю

Капарам, и, в конечном итоге, ее попытки принесли плоды — за мной послал сам Великий I.

Мой слуга, Лотар Канл, передавая мне приглашение явиться к вождю нации, выглядел совершенно потрясенным.

— Вы далеко пойдете в Капаре, сэра,— сказал он почтительно,— если сам Пом Да интересуется вами. Я горжусь тем, что мне выпала честь служить у вас, сэра.

Я тоже понимал, что могу пойти очень далеко, раз уж Пом Да обратил на меня внимание, только не был уверен, в каком направлении — пути славы иной раз приводят в могилу.

V

Когда я добрался до роскошного, в замысловатых украшениях, здания, в котором размещался глава Капары, меня, прежде всего, тщательно обыскали, выясняя, нет ли при мне оружия. Затем в сопровождении двух до зубов вооруженных охранников меня провели в комнату, где находился свирепого вида чиновник в безукоризненной одежде, весь увешанный наградами — видимо, адъютант Пом Да. Здесь мне пришлось провести в ожидании примерно полчаса. Я был буквально зажат между двумя мощного телосложения охранниками, ни на секунду не спускавшими с меня глаз. Наконец одна из дверей отворилась, и появившийся офицер выкрикнул мое имя.

Охранники, поднявшись вместе со мной, проводили меня до самого входа в огромные апартаменты, в дальнем конце которых за массивным столом восседал какой-то человек. Едва они оставили меня, как их тут же сменили два офицера, невесть откуда появившиеся. Они сопровождали меня через весь громадный кабинет, пока я не предстал наконец перед самим Пом Да.

Великий I оказался довольно щедедушным человечком, выглядевшим еще менее величественно из-за нервозности, страха и подозрительности, отпечатавшихся на его лице. В общем, внешность правителя никак не вязалась с его претенциозным титулом.

В течение целой минуты Пом Да, не поднимаясь из-за стола, пристально разглядывал меня, не произнося ни слова. На губах его блуждала ядовитая усмешка, видимо, выражавшая глубочайшую ненависть и презре-

ние. Позже я понял, что эта ненависть и презрение не относятся к кому-либо конкретно, являясь обычным выражением лица вождя, его так сказать взглядом на мир. Что ж, это вполне понятно, поскольку вся идеология Капаров основана именно на ненависти.

— Итак, это ты Корван Дан, предатель? — наконец злобно выпалил он.

— Я не предатель, — ответил я.

Один из офицеров грубо схватил меня за руку.

— Когда говоришь с Пом Да, — прорычал он, — обращай к нему «Величайший из Великих».

— Ты предал Унис, — сказал Пом Да, не обращая на охранника никакого внимания.

— Унис не моя родина, Величайший из Великих.

— Да, я слышал. Ты утверждаешь, будто прибыл к нам из другого мира, из иной солнечной системы. Это правда?

— Да, Величайший из Великих, — ответил я.

— Достаточно один раз за разговор назвать вождя Величайшим из Великих, — недовольно цыкнул на меня второй офицер.

Капарский этикет давался мне явно с трудом.

Пом Да в течение некоторого времени расспрашивал меня о Земле и о нашей солнечной системе, а также о том, откуда я знаю, на каком расстоянии от Полоды она находится. Я старался исчерпывающе ответить на все его вопросы и объяснить все в меру своих способностей. Сомневаюсь, однако, что Величайший из Великих понял хотя бы половину из рассказанного мною. Капары вообще не отличаются особой образованностью. Первый Пом Да уничтожил в свое время большую часть интеллигенции в стране, а его последователи добились остальных, оставив на размножение одних подонков.

— Кем ты был в том странном мире, из которого, как утверждаешь, попал сюда? — поинтересовался Пом Да.

— Я был летчиком вооруженных сил в своей стране, а также занимался изобретательской деятельностью. Я пытался сконструировать корабль, на котором собирался совершить путешествие на другую планету нашей солнечной системы.

— Как далеко от Земли находится эта планета? — спросил он.

— На расстоянии примерно 48 миллионов миль,— ответил я.

— Это очень далеко,— заметил Великий I.— И ты думаешь, что смог бы осуществить свой проект?

— Во всяком случае, я очень на это надеялся,— сказал я.— Работа была уже в стадии завершения, когда началась война и меня призвали в армию.

— Тонас находится на расстоянии менее 600 тысяч миль от Полоды,— задумчиво отозвался он.

Было видно, что у него зреет в голове какой-то план, и я даже догадывался какой. Мне очень хотелось не обмануться в своих догадках.

Мы проговорили с ним больше получаса, и перед тем, как попрощаться, я попросил его распорядиться, чтобы мне возвратили мое золото и драгоценности.

Пом Да повернулся к стоявшему возле стола офицеру и велел тому проследить, чтобы мне немедленно вернули все принадлежащие мне вещи. Затем я, сопровождаемый все теми же двумя офицерами, вышел из кабинета. В продолжение всей аудиенции я оставался на ногах, сесть мне так и не предложили, да я и не особенно удивился тому, что в апартаментах Величайшего из Великих оказался один-единственный стул — тот, на котором восседал он сам.

Зеленая машина Забо доставила меня домой. Сопровождавшие меня офицеры всячески заискивали передо мной, и, когда Лотар Канл, открыв дверь, увидел, как они кланяются и называют меня Великим, он аж просиял от счастья. «Какой дурак!» — подумал я про себя.

Вскоре появилась и Морга Сагра. Она буквально упивалась оказанной мне честью. Уже одно то, что сам Пом Да принял меня, вызвало у нее неопикуемый восторг, а известие о том, что наща беседа длилась более получаса, привело ее в совершенное неистовство.

Теперь нас стали еще активнее приглашать в дома высокопоставленных особ. После того, как на следующий день после встречи с Пом Да, мне возвратили золото и драгоценные камни, я и Морга Сагра могли себе позволить кое-какие излишества. Так что мы довольно весело проводили время в столице Капары, где только высшие чины имеют возможность развлекаться и есть всласть.

Среди наших знакомых была некая женщина по имени Гиммель Гора, с которой Морга Сагра близко

сошлась, пока я находился в лагере. Она и ее муж Гранж проводили в общении с нами довольно много времени. Они не были женаты — в Капаре вообще не заключали браков, с этим глупым сентиментальным обычаем здесь покончили еще лет сто назад. Ни Гиммель Гора, ни ее сожитель не вызывали у меня ни малейшей симпатии, как, впрочем, и все остальные Капары, с которыми за это время свела меня судьба. Пожалуй, исключение составлял лишь мой слуга Лотар Канл, хотя, признаться, я и подозревал, что он агент Забо.

Обобщая свои наблюдения и впечатления от встреч с Капарами, я пришел к выводу, что это высокомерные, нагловатые, весьма ограниченные и грубые люди. Именно таким был и Гранж. Мне не было известно, на какие средства он живет, чем занимается, и я никогда не проявлял ни малейшего любопытства по этому поводу. Я твердо усвоил: если незнакомый человек в Капаре задает слишком много вопросов, он рискует потерять голову. Причем, не в переносном, а в буквальном смысле. Здесь это самый распространенный вид казни, ибо он позволяет, уничтожая человека, сохранить в целости его обмундирование.

Несмотря на то, что мы обзавелись множеством знакомых, я нисколько не преуспел в выполнении своего задания. О супердвигателе мне было известно не больше, чем до моего приезда в Капару. Я повсюду заводил разговор о корабле, который якобы изобретал на Земле, надеясь, что это заставит кого-нибудь из моих собеседников проболтаться и навести меня на нужный след. Но все оказалось безуспешно — ни малейшего намека! Создавалось впечатление, будто никакого супердвигателя вообще не существует, и я уже начал подумывать о том, что, возможно, Уполномоченный по военным делам был просто неверно информирован.

В один прекрасный день зеленая машина Забо затормозила перед домом, в котором находилась моя квартира. Лотар Канл, стоявший как раз у окна, первым увидел ее, и, когда вышедшие из автомобиля люди подошли к нашей двери, он бросил на меня выразительный взгляд.

— Недеюсь, вы не совершили никакого опрометчивого поступка, — произнес он, направляясь к двери, чтобы впустить непрошенных посетителей.

Говоря по правде, мне тоже очень хотелось на это

надеяться, так как я знал, что эти свирепые парни в зеленых униформах никогда не появляются просто так и если уж увозят человека, то совсем не для того, чтобы с ним шутки шутить.

— Корван Дан? — спросил один из пришельцев, сверля меня глазами.

Я кивнул в ответ.

— Да.

— Пойдемте с нами.

Больше они ничего не сказали, только одну фразу — и никаких объяснений. Но это «Пойдемте с нами» прозвучало так зловеще, что мне стало не по себе, хоть я от природы и не робкого десятка. Однако вступать в пререкания не имело никакого смысла. Я подчинился.

Машина быстро домчала нас к знакомому уже мне зловещему зданию с разукрашенным фасадом. Меня отвели прямо в кабинет Гуррула.

Гуррул не спешил начинать беседу. Наверное, с полминуты он ядовито разглядывал меня, прежде чем открыл рот.

— Тебе, должно быть, известно, как поступают с теми, кто, зная о государственных преступлениях, не сообщает о них властям? — наконец произнес он.

— Догадываюсь, — ответил я.

— Так вот, четыре человека совершили побег из того самого лагеря, в котором ты сидел.

— Не понимаю, какое это имеет отношение ко мне, — сказал я, изо всех сил стараясь изобразить недоумение.

Он указал рукой на толстую папку с бумагами, лежавшую перед ним на столе.

— Из этих документов, — грозно проговорил он, — я узнал, что ты несколько раз о чем-то разговаривал с Хандоном Гаром и Тунзо Бором. Не просто разговаривал, а шептался!

— В лагере только шепотом и можно было разговаривать, — попытался оправдаться я.

Гуррул снова указал на папку.

— Похоже, ты близко сошелся с этим Тунзо Бором за то время, что находился в лагере, — заметил он. — Очевидно, ты был хорошо знаком с обоими этими людьми, хотя, правда, нет никаких фактов, подтверждающих твою связь с другими двумя. Так вот, — он повысил голос, и в словах его снова зазвучали угрожающие нотки, — расскажи, о чем это вы шептались?

— Я расспрашивал их,— ответил я.

— Зачем? — не унимался Гуррул.

— Я пытался расспрашивать всякого, кого мог, чтобы собрать какую-нибудь полезную информацию. Сами понимаете, оказавшись в тайной полиции в своей собственной стране, я не мог не воспользоваться случаем, чтобы выведать какие-нибудь сведения у врагов.

— Ну и как, узнал ты что-нибудь?

— Я был почти у цели, но после того, как ко мне на свидание приехала Морга Сагра, они больше не захотели разговаривать со мной.

— Перед побегом из лагеря Хандон Гар сообщил кое-кому из заключенных, что ты шпион из Униса.

Прорывчав это, Гуррул уставился на меня с таким видом, словно хотел сделать из меня отбивную.

Я засмеялся.

— Ну, об этом я сам ему сказал,— заметил я.— Вероятно, мне удалось до такой степени одурачить их, что они уже готовы были посвятить меня в свои планы.

Гуррул кивнул в ответ.

— Порядочный агент на твоем месте именно так бы и поступил,— согласился он.— Мне отрадно, что ты сумел рассеять мои сомнения, тем более что это первое и до сих пор единственное донесение, бросающее на тебя тень.

На этом мы и расстались.

Медленно бредя домой, я всю дорогу (а от управления Забо до моей квартиры примерно с полмили) мысленно возвращался к нашей беседе с Гуррулом. Еще и еще раз прокручивая в памяти все подробности нашего разговора, я пришел к выводу, что шеф тайной полиции слишком уж легко и даже с какой-то поспешностью согласился с теми доводами, которые я привел в свое оправдание. Это не было похоже на него. Я не мог отделаться от чувства, что он по-прежнему не доверяет мне, а сегодняшняя «реабилитация» подстроена специально. Видно, Гуррулу хочется усыпить мою бдительность, чтобы поскорее загнать меня в ловушку, если я действительно неприятельский шпион.

Пока я возвращался домой, это предположение еще больше усилилось, и, наконец, превратилось в твердое убеждение. Дело в том, что по пути я случайно заглянул в пару магазинов, и оба раза, выходя, замечал одного и того же человека, слонявшегося возле входа. Сомнений не оставалось: за мной велась слежка — причем, весьма

грубо и непрофессионально. Я подумал, что, если и все остальные агенты Забо такие же неумехи, то мне нечего особенно опасаться их, однако, как бы там ни было, соблюдать осторожность в любом случае не помешает.

Возле самого дома я повстречал Гранжа, прогуливающегося с незнакомым мужчиной. Он представил своего спутника как Хортала Уэнда. Это был мужчина средних лет с довольно доброжелательным выражением лица, отличающим его от прочих Капаров, с которыми мне доводилось встречаться.

Они пригласили меня опрокинуть по стаканчику в одном из близлежащих питейных заведений. Я согласился, не раздумывая, так как подозревал, что Гранж каким-то образом связан с Забо. Основания для таких предположений у меня были. Ничем не занимаясь, он всегда имел достаточно денег. Одного этого было вполне достаточно, чтобы заподозрить в нем сотрудника или осведомителя тайной полиции. Я надеялся, что мое сближение с людьми такого рода, особенно если в их обществе я буду тщательно взвешивать и контролировать все свои слова и поступки, произведет благоприятное впечатление на Гуррула. А в том, что информация об этом непременно до него дойдет, я нисколько не сомневался. Я также дал себе зарок по возможности никогда и ни с кем не оставаться наедине и не шептаться, ибо для агентов Забо не существует, кажется, ничего более подозрительного, чем разговоры шепотом.

Гранж и Хортал Уэнд заказали вина. Чтобы получить заказ, Гранжу пришлось показать карточку на алкоголь, и это еще больше укрепило мои подозрения в том, что он связан с Забо, поскольку подобные карточки имели только те, у кого были особенно хорошие отношения с властями.

Себе я заказал безалкогольный напиток, и хотя Гранж принялся убеждать меня выпить вина, я отказался. Не в моих правилах было баловаться спиртным при выполнении важного задания.

Гранж выглядел явно раздраженным из-за моего отказа выпить с ним за компанию. По всей видимости, решил я, он надеялся, что алкоголь развяжет мне язык. Об этом старом приеме тайной полиции мне было хорошо известно. Что касается Хортала Уэнда, то первое впечатление не обмануло меня: он действительно оказался очень доброжелательным и приветливым в общении, и

наш недолгий разговор только укрепил во мне чувство симпатии к этому человеку. Он ни за что не хотел расстаться со мной, пока я твердо не пообещал вместе с Моргой Сагрой нанести визит к нему и его супруге.

Тогда я и представить себе не мог, что будет означать для меня смерть этого человека.

VI

На следующий вечер Сагра и я обедали вместе с Гранжем и Гиммель Горой. За разговором я упомянул имя Хортала Уэнда и заметил, что он показался мне весьма образованным и дружелюбным человеком.

— Может, он и впрямь достаточно образован, не знаю,— отозвался на мою реплику Гранж,— но лично мне он не слишком симпатичен. Больно уж он сентиментален и мягок, а по мне, эти качества не к лицу мужчинам Капары. Тем не менее, у него хорошие отношения с Пом Да, а наш обожаемый Пом Да никогда не ошибается в людях, оценивая их по заслугам. Впрочем, Пом Да ни в чем не ошибается. Так что Хортал Уэнд — вполне надежный человек, с которым можно иметь дело.

Я невольно подумал, что, коли чувствительность и мягкость истинному Капару не к лицу, то Гранж, в таком случае,— просто образцовый Капар.

То, что он назвал, к примеру, Пом Да «обожаемым», ничуть не противоречит моему заявлению о его бесчувственности. Тут было больше раболепия, угодливой лести и страха, чем любви.

Мысленно я постоянно сравнивал Капаров с жителями Униса. Здесь, в Капаре, все отношения основаны на подозрении и страхе — страхе перед незримыми злобными силами, которые всемогущи, страхе перед соседями, страхе перед слугами, страхе перед лучшими друзьями и на подозрении всех без исключения.

На протяжении всего вечера Сагра казалась как будто чем-то расстроенной. Гранж, напротив, был весьма болтлив и на редкость любезен. Большую часть своих разговоров и неуклюжих шуток он посвятил Сагре, о Гиммель Горе же отзывался довольно неприветливо и саркастически.

Он был необычайно обходителен и со мной, что также

выглядело странно, поскольку Гранж принадлежал к той породе людей, которые способны быть вежливыми лишь с теми, кого боятся.

— Нам есть за что благодарить судьбу,— сказал он.— Какая удивительная дружба возникла между нами! Мне кажется, Корван Дан, что я знаю тебя всю свою жизнь. Нечасто такое случается, чтобы два человека после непродолжительного знакомства могли полностью доверять друг другу.

— Полностью согласен с тобой,— заметил я.— Но мне сдается, что человек почти инстинктивно чувствует, кому можно доверять, а кому нет.

Мне было любопытно, к чему он клонит, и я решил выяснить это побыстрее.

— Ты не первый день в Капаре,— продолжал он,— и, наверное, не все из того, что тебе пришлось здесь испытать, было так уж приятно. Взять, к примеру, хоть этот лагерь, в котором тебя держали, или тюрьму в подвале управления Забо.

— Не стану спорить: быть на свободе всегда предпочтительней, чем в заключении,— ответил ему я.— Однако у меня хватает здравого смысла, чтобы понять: любая мера предосторожности оправдана и даже необходима, особенно в военное время. Хотя пребывание в заключении, естественно, не доставило мне особого удовольствия, пожаловаться я тоже не могу ни на что, поскольку обращались со мной хорошо.

Как можно разглядеть в человеке друга, заслуживающего доверия, так можно распознать и не слишком разборчивого в средствах врага. Чувствуя такого врага в Гранже, я не сомневался, что он пытается спровоцировать меня на высказывания, способные скомпрометировать меня в глазах Забо.

После моих ответов Гранж приуныл и выглядел несколько удрученным, хотя и старался всячески скрыть это. Видимо, он все еще не терял надежды.

— Мне нравится, как откровенно и разумно ты говоришь обо всем. Кстати, раз уж разговор между друзьями,— добавил он вкрадчивым голосом,— скажи мне честно, какого ты мнения о Гурруле?

— Чрезвычайно образованный человек, идеально подходящий на то место, которое занимает,— не моргнув глазом, заявил я.— Хотя ему приходится постоянно бороться с преступниками, мерзавцами и предателями,

он производит впечатление очень справедливого человека, которому чужды мягкость и сентиментальность.

Я уже прекрасно усвоил манеру Капаров разговаривать и врать другу, глядя прямо в глаза.

Когда мы с Сагрой возвращались домой, я не удержался и поинтересовался, чем она так озабочена. Моя подруга, действительно, была не похожа на саму себя.

— Я очень обеспокоена, — призналась она. — Я боюсь. Гранж делает мне всякие заманчивые предложения, и Гиммель Гора тоже в курсе. Я опасаюсь их обоих, так как почти уверена, что они агенты Забо.

— Нам с тобой абсолютно нечего бояться, — успокоил я ее. — Разве мы не образцовые Капары? Разве дали повод хоть в чем-то упрекнуть себя?

— Насчет тебя я иногда сомневаюсь, — заметила она.

— Пожалуй, поначалу я был настроен немного критически, — согласился я. — Но это было до того, как я увидел и по достоинству оценил всю мощь и красоту их системы. Теперь же я, поверь, примерный Капар, бесконечно преданный режиму.

Эту пространную тираду я произнес, конечно, не без умысла. Как вы легко можете заключить, сделал я это потому, что сильно подозревал Моргу Сагру. С ней следовало держать ухо востро. Впрочем, признаюсь честно, я подозревал не только Моргу Сагру, но еще и Гранжа, и Гиммель Гору, и Лотара Канла, своего слугу — короче, всех. По крайней мере, хоть в этом отношении я действительно стал образцовым Капаром.

Вернувшись вечером домой, я сразу заметил, что за время моего отсутствия здесь был произведен тщательнейший обыск. Содержимое всех ящиков было вывалено прямо на пол. Ковер изодран в клочья, а матрас взрезан. Потрудились, видать, на славу.

Хоть я и готовил себя к разного рода неожиданно-стям, увиденное превзошло все ожидания и буквально потрясло меня. В течение нескольких минут я, не в силах сдвинуться с места, созерцал картину страшного разорения в своей квартире. За этим занятием меня и застал вернувшийся Лотар Канл. Он огляделся вокруг и, повернувшись ко мне, заметил со слабой улыбкой на губах:

— Это взломщики, сэр. Надеюсь, не пропало ничего ценного?

Большую часть имевшихся у меня драгоценных кам-

ней и золота я положил на хранение в надежное место. Остальное, то, что требовалось на текущие расходы, носил при себе. Единственная же пригоршня золота, оставленная на квартире, находилась в одном из ящиков стола. И что вы думаете? Я обнаружил свое золото разбросанным по полу. Хороши же воры, нечего сказать!

— Взломщики, говоришь,— скептически процедил я, обращаясь к своему слуге.— Смотри, они не прельстились золотом. Что же за ценности тогда они стремились найти?

— Возможно, их просто спугнули прежде, чем они успели собрать золото,— предположил Лотар Канл.

Каждый из нас, уверен, прекрасно сознавал всю фальшь ситуации: мы играли друг с другом в какую-то смехотворную игру. Но ни один не осмеливался высказать единственно верное и очевидное: квартира была обыскана тайной полицией.

— Слава Богу,— с наигранным вздохом облегчения произнес Лотар Канл,— что у вас не хранилось тут ничего более ценного, чем это золото.

Когда на следующий день мы увиделись с Сагрой, я ни словом не обмолвился о том, что случилось. Это тоже был один из уроков, усвоенных мною в Капаре. Настоящий Капар никогда не станет рассказывать о том, сколько раз «взломщики» вторгались в его дом, и даже если его родную бабушку заберут ночью и обезглавят, он едва ли сочтет уместным упоминать об этом происшествии.

Сагра, напротив, разоткровенничалась. Она поведала мне, что за ней постоянно ведется слежка, что ее квартиру обыскивали уже трижды и что все это страшно ее пугает.

— У меня есть какой-то тайный враг,— заявила она страдальческим голосом.— Он ни перед чем не остановится, чтобы уничтожить меня.

— Ты знаешь, кто бы это мог быть? — поинтересовался я.

— Да,— ответила она, почти не раздумывая.— Мне кажется, я знаю.

— Гиммель Гора?

Она утвердительно кивнула в ответ и тут же перешла на шепот:

— А тебе следует поосторожней держаться с Гран-

жем. Он думает, что ты мой человек, и с удовольствием избавился бы от тебя.

Между мной и Моргой Сагрой никогда не существовало ни любви, ни духовной близости. Наши отношения были основаны на расчете — и только. Сначала Сагра воспользовалась мной, чтобы попасть в Капару. Оказавшись здесь, мы, два чужака в этой стране, естественно, старались держаться вместе. Я знал, что Сагре приятно мое общество. Да и сама она, несмотря ни на что, по-прежнему казалась мне довольно остроумной и занимательной особой, за исключением тех моментов, вроде нынешнего, когда страх всецело овладевал ею. Глядя на нее сейчас, я невольно начинал верить в то, что каждому действительно воздается за вины и грехи его. Передо мной стоял живой пример. Не сомневаюсь, что Морга Сагра отдала бы теперь все на свете за то, чтобы вернуться назад, в Унис. Охвативший ее ужас усиливался еще и чувством безысходности, ибо она знала, что никогда не сможет вернуться, ибо обратной дороги нет.

Этим вечером мы были приглашены к Хорталу Уэнду и его жене Хака Гере. Последняя показалась мне ограниченной, если не сказать туповатой особой, но при этом, по всей видимости, была хорошей хозяйкой и домоправительницей. Такая как раз подходила Хорталу Уэнду, отличавшемуся беспечностью и беззаботностью.

Мы поговорили об искусстве, и литературе, о музыке, о погоде, наконец, о капарской идеологии. Хотя это был единственный безопасный предмет для обсуждения в Капаре, но и его мы касались с величайшей осторожностью. Боже упаси, если кто в запале или по забывчивости с похвалой отзовется о художественном произведении (будь то музыка, живопись — что угодно), автор которого в немилости у властей Капары! Его немедленно обвинят в государственной измене.

Во время нашей беседы к нам присоединился четырнадцатилетний сын хозяев Гортал Гил. Это был типичный акселерат. Мне такие никогда не нравились. К тому же маленький эгоист оказался на редкость болтливым и претенциозным. Он встревал в наш разговор по любому поводу и, в конце концов, почти полностью монополизировал его.

Хортал Уэнд, по всей видимости, очень гордился своим чадом и обожал его, но, стоило ему протянуть руку, чтобы приласкать мальчугана, как тот грубо оттолкнул ее.

— Брось эти штучки! — цыкнул он на отца. — Эта слезливая чувствительность не к лицу мужчине Капары. Мне стыдно за тебя!

— Ну-ну, — попыталась успокоить сына мать. — Нет ничего дурного в том, что отец любит тебя.

— Я не просил его любить меня, — выпалил мальчишка со злостью. — Я хотел только, чтобы он восхищался и гордился мною, потому что я крепкий парень. Не пожелал бы я ему испытать такой стыд и позор, как я за него сейчас из-за дурацкой мягкости и сентиментальности.

Хортал Уэнд покачал головой и попытался улыбнуться. Ему явно было неловко.

— Видите, он отличный Капар, — произнес он, но мне показалось, что сказано это с горечью.

— Видим, — подтвердил я.

Мальчишка бросил на меня быстрый подозрительный взгляд. Наверное, тон, которым я произнес эту фразу, выдал мои истинные чувства.

Вскоре после этого мы распрощались и покинули дом Хорталов. По дороге я чувствовал себя страшно подавленным. Не знаю даже, что меня так удручило. Может быть, отношение этого сына к своему папаше?

— Кажется, Хортал Гил скоро станет образцовым экземпляром истинного Капара, — заметил я, обращаясь к Сагре.

— Я бы предпочла не обсуждать эту тему, — отрезала она.

VII

Добравшись до дома, я сразу же отправился спать. Лотар Канл отпросился у меня до утра, так что когда посреди ночи я был внезапно разбужен стуком в дверь, открывать мне пришлось самому. На пороге стояли двое полицейских Забо в своих мрачных зеленых мундирах. В руках они держали пистолеты.

— Одевайтесь и идемте вместе с нами,— резко распорядился один из них.

— Тут, вероятно, какая-то ошибка,— сказал я.— Мое имя Корван Дан. Едва ли вам нужен я.

— Заткнись и быстрее одевайся,— угрожающе повторил этот тип.— Не то мы заберем тебя в том, в чем ты есть.

Было очевидно, что вступать со мной в переговоры ночные гости не намерены. Оставалось лишь подчиниться.

Одеваясь, я не переставал размышлять о том, какую же промашку я мог допустить, что послужило причиной моего ареста. Расспрашивать об этом полицейских, как я уже понял, не имело смысла. Даже если им было известно, за что меня забирают (хотя и в этом я очень сомневался), мне бы они ничего не сказали. Первым делом на ум мне пришел Гранж, поскольку и Морга Сагра предупреждала, чтобы я держался с ним поосторожней. Но у этого человека не могло быть никаких фактов против меня. Впрочем, ему, конечно, не составило бы особенного труда придумать что-нибудь, чтобы уничтожить меня.

Меня доставили прямиком в кабинет Гуррула, и, несмотря на то, что время было далеко за полночь, он оказался на месте. Шеф тайной полиции бросил на меня полный злости и ненависти взгляд и, заскрежетав зубами, рывкнул:

— Вот ты и попался наконец, ты, мерзкий шпион! Я всегда подозревал тебя и, как всегда, оказался прав.

— Не понимаю, о чем вы говорите,— честно признался я.— Вам решительно не в чем обвинить меня. За все время пребывания в Капаре я не произнес ни единого слова против этой страны, не совершил ни единого предосудительного поступка. Призовите кого угодно в свидетели — любой подтвердит вам, что я ничуть не менее преданный родине Капар, чем даже вы.

— Ах так,— зарычал он.— Значит, ничего предосудительного ты не говорил и не делал? Значит, ты не изменник?

С этими словами он извлек из ящика своего стола небольшой блокнот в красном переплете и, держа его в руке, несколько раз потряс им перед моим лицом.

— А это не твой ли дневник, кретин?

Полистав блокнот, он с минуту внимательно разглядывал какую-то страницу, а потом зачитал:

— «Гуррул — жирный идиот». Стало быть, это я — «жирный идиот», да?!

Он перевернул еще несколько страниц и, видимо найдя нужное место, снова процитировал:

— «Забо состоит из одних слабоумных убийц. Когда наша революция победит, их всех следует предать казни. Гуррулу я лично отрублю голову». Что ты на это скажешь?

Углубляясь в блокнот, он продолжал зачитывать из него все новые и новые выдержки:

— «Пом Да — типичный маньяк и эгоист, он будет уничтожен в числе первых, когда к власти приду я и Джей». Кто такой этот Джей? — заревел он.

— Понятия не имею, — ответил я, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие.

— Ничего, найдутся средства заставить тебя припомнить все, — произнес Гуррул.

Поднявшись со своего места, он вышел из-за стола и ударил меня прежде, чем я успел сообразить, что именно он собирается делать.

Я вскочил на ноги, намереваясь ответить ему тем же, но несколько охранников схватили меня.

— Руки! — приказал им Гуррул.

Охранники тут же заломили мне руки за спину и защёлкнули наручники на запястьях.

— Лучше тебе самому признаться, — снова начал Гуррул. — Итак, кто такой Джей? Говори, иначе тебе придется испытать кое-что покрепче! То, что ты получил, — это так, небольшая разминка. Кто твои сообщники? Будет проще, если ты сам все расскажешь.

— Я не знаю, не знаю никакого Джея, — упрямо повторил я.

— Отведите его в камеру допросов, — распорядился Гуррул.

Меня приволокли в соседнее помещение. Беглого взгляда на обстановку оказалось достаточно, чтобы понять, что это самая настоящая камера пыток. Видимо, мне умышленно дали возможность оглядеться. Одно только созерцание орудий пыток должно было, по их замыслу, оказать на меня устрашающее воздействие. Затем Гуррул снова начал требовать от меня, чтобы я

сказал, кто такой Джей. При этом он наносил мне удар за ударом, а когда я упал, принялся остервенело пинать ногами.

Так я продолжал настаивать на том, что ничего не знаю, меня стали пытаться раскаленным добела железом.

— Дальше на очереди твой правый глаз,— зловеще предупредил Гуррул.— Кто такой Джей?

Заплечных дел мастера трудились надо мной около часа, всячески изощряясь в своем искусстве. Когда они, наконец, оставили меня в покое, я был уже почти мертв.

— Ладно,— сказал Гуррул.— Я не намерен возиться с этим кретином до самого утра. Тащите его вниз и там обезглавьте, если только по дороге к нему не вернется наконец память и он не скажет вам, кто такой этот Джей.

Вот и наступает конец, подумал я. Конец всему: мне, моему заданию. Через минуту-другую меня казнят, а я так и не успел ничего узнать. Как разведчик я потерпел полный и сокрушительный провал.

Двое охранников грубым рывком подняли меня на ноги, поскольку подняться самостоятельно я был уже не в силах. В этот самый момент дверь отворилась, и в комнату вошел Лотар Канл.

Его появление здесь не особенно удивило меня, скорее, только укрепило мои подозрения: я и раньше догадывался о том, что мой слуга — вероятно, агент Забо. Наверное, этот сфабрикованный дневник подsunул Гаррулу тоже он. Зачем? Кто знает... Может быть, для того, чтобы получить повышение по службе за разоблачение опасного заговора против государства?

Окинув всех присутствующих быстрым взглядом, Лотар Канл повернулся к Гуррулу.

— Каким образом этот человек оказался здесь? — спросил он.

— Этот человек — предатель, участник заговора против Капары,— ответил Гуррул.— Нам удалось получить неопровержимые доказательства его вины в дневнике, изъятом из ящика его стола.

— Так я и подумал,— произнес Лотар Канл.— Вернувшись сегодня домой раньше, чем предполагал, я обнаружил, что эта книжница исчезла из его стола.

— Значит, вам было известно о существовании дневника? — прорычал Гуррул.

Казалось, он вот-вот снова придет в неистовство.

— Конечно,— спокойно сказал Лотар Канл.— Я собственными глазами видел, как его туда подложили. Но, заверяю вас, Корван Дан не имеет об этом ни малейшего понятия. Я пристально наблюдаю за ним с тех самых пор, как он обосновался в нашей стране, и могу твердо заявить, что его репутация безупречна. Он такой же честный Капар, как и любой из нас.

Гуррул как будто немного смягчился. Теперь он был похож на хищника, выбирающего удобный момент, чтобы со всей яростью обрушиться на свою жертву.

— Кто же положил в его стол эту книжицу? — спросил он вкрадчивым голосом.

— Человек, который сделал это, был всего лишь слепым орудием в чужих руках. Я арестовал его. Он находится под стражей в соседнем помещении. Думаю, вам стоило бы самому расспросить его обо всем.

Кивком головы Гуррул велел привести арестованного. Когда его ввели, шеф тайной полиции показал ему дневник и потребовал ответить, кто приказал подсунуть его в мой стол.

Бедняга был так напуган и так дрожал от страха, что не мог выговорить ни слова. В конце концов, ему удалось собраться с силами и произнести нечто членораздельное.

— Да, Самый Высокий,— чуть слышно пролепетал он.

— Зачем ты сделал это? — заорал Гуррул.

— Позавчера сразу после полуночи ко мне домой пришел какой-то человек. Было темно. Он посветил фонариком на значок Забо, приколотый к его одежде, а лица я не смог разглядеть. Незнакомец сказал, что меня выбрали для ответственного задания — подложить этот блокнот в стол Корвана Дана. Он утверждал, будто это ваше личное указание, Самый Высокий.

Гуррул подозвал Лотара Канла и, отойдя в другой конец комнаты, они в течение нескольких минут что-то обсуждали шепотом. Затем Гуррул вернулся к нам.

— Ты можешь идти,— сказал он подсунувшему мне дневник человеку.— Но запомни хорошенько: никто ни-

когда не приходил к тебе и не просил ничего подкладывать ни в чей стол. Здесь нынешней ночью тебя тоже не было. И ни меня, ни кого другого из присутствующих в этой комнате ты в жизни не видел. Ясно?

— Да, Самый Высокий,— ответил тот.

— Уведите его и проследите, чтобы он вернулся домой,— распорядился Гуррул, обращаясь к охранникам, которые ввели незнакомца в комнату.

После этого Гуррул снова повернулся ко мне.

— Ошибки с каждым случаются,— примирительно произнес он.— Это, конечно, прискорбно, но что ж поделаешь! Есть у тебя какие-нибудь соображения? Кому могло быть выгодно, чтобы этот дневник очутился в твоём столе?

Про себя я решил, что это, скорее всего, дело рук Гранжа, а вслух сказал:

— Понятия не имею. Насколько мне известно, врагов в Капаре у меня нет. По-моему, ни у кого не может быть повода желать мне неприятностей.

О Гранже я промолчал, так как подозревал, что он является агентом Забо, и, назови я его имя, это навлечет на меня новые неприятности.

Выслушав мой ответ, Гуррул подозвал одного из своих офицеров.

— Отвези этого человека в госпиталь,— велел он,— и проследи, чтобы с ним обходились наилучшим образом. А ты,— он снова обратился ко мне,— помалкивай об этом неприятном происшествии. Говори всем, что по пути домой тебя сбила машина. Понял?

Я пообещал так и сделать. Меня тут же уложили на носилки и отвезли в госпиталь.

На следующий день Сагра пришла навестить меня. Она сообщила, что нашла у себя под дверью записку, в которой говорилось, что меня сбила машина и было указано, в какой госпиталь я помещен.

— Да,— подтвердил я.— Меня сбила машина.

Сагра бросила на меня испуганный взгляд.

— А ты не думаешь, что тебя могут сбить еще раз? — спросила она.

— Если и собьют, то надеюсь, по крайней мере, что хотя бы не той же самой машиной,— попытался отшутиться я.

— Я страшно напугана,— призналась Сагра.— У меня предчувствие, что следующая на очереди я.

— Держись подальше от дорог и от автомобилей,— посоветовал я.

— Гиммель Гора больше вообще не разговаривает со мной, а Гранж не оставляет одну. Он сказал, чтобы я ничего не боялась, поскольку он агент Забо.

— Так я и предполагал,— сказал я.— К тому же он, наверное, и есть тот самый лихач-водитель, по чьей милости я оказался здесь.

— Я хочу назад, в Орвис,— произнесла Сагра с тоской.

— Следи за тем, что говоришь, милая,— предупредил я.

Она глянула на меня широко раскрытыми, полными ужаса глазами.

— И ты тоже? — воскликнула она.

— Нет-нет,— заверил я девушку.— Но стены тоже имеют уши.

— Расскажи мне честно, что случилось,— попросила Сагра.— Я хочу знать.

Я покачал головой.

— Я тебе все сказал: меня сбила машина. Что еще ты хочешь знать?

— Хочется верить, что ты не врешь,— промолвила она задумчиво.— Я, наверное, наболтала много лишнего, но я так издергана... Если мне не с кем будет поделиться своими переживаниями, я просто сойду с ума.

Сейчас Сагра не лгала, я видел это ясно. Но жалости к ней во мне не было. Предательство — страшная штука, и расплата за него тоже ужасна.

VIII

В госпитале я пробыл около двух недель. Наконец меня выписали и отпустили домой, хотя и теперь большую часть времени мне было предписано проводить в постели. Вместо Лотара Канла я обнаружил нового слугу. Он вручил мне коротенькую записку от Лотара Канла, в которой тот настоятельно рекомендовал мне в слуги подателя сего письма, человека по имени Данул. Он, как заверил Лотар Канл, сможет обеспечить надлежащий уход, столь необходимый мне после возвращения из госпиталя.

Сам Лотар Канл пришел навестить меня на следующий день. Во время нашего разговора он написал что-то на клочке бумаги и передал мне. Там было сказано следующее: «Данул не связан с Забо, но он правоверный Капар». После того, как я ознакомился с содержанием записки, Лотар Канл забрал ее назад и тут же сжег. При этом он внимательно следил, чтобы поблизости не было самого Данула и он не смог бы увидеть, что мы делаем.

Как тяжело и страшно изо дня в день жить под гнетом страха и подозрения! Это оставляет неизгладимый отпечаток на лицах почти всех здешних людей. Лотар Канл в этом смысле представлял собой исключение, и я всегда с удовольствием беседовал с ним. Тем не менее ни один из нас никогда не касался в разговоре запретных тем.

За время, проведенное мною в Эргосе, я и дня не припомню, чтоб не слышались взрывы бомб, сбрасываемых самолетами Униса. Я даже мысленно представлял себе своих боевых товарищей, пролетающих над этим глубоко запрятанным городом. Информация, которую я мог почерпнуть из местных официальных сводок, не отличалась разнообразием и, без сомнения, была насквозь лживой. Говорилось о постоянных победах Капаров, об огромном количестве сбитых ими вражеских самолетов и об очень незначительных потерях самих Капаров. Сообщалось также о мощных бомбовых ударах по Орвису и другим городам Униса. В общем, если верить официальной версии, Капара находилась накануне полной и окончательной победы над противником.

Часто я вспоминал Харкас Ямоду. Думать о ней и других моих друзьях, оставшихся в Орвисе, было тяжело. Я впадал в совершенное уныние, потому что понимал, что не смогу вернуться к ним до тех пор, пока не выполню порученное мне задание. А от цели, ради которой меня направили в Капару, я был далек, как и прежде. Сколько раз, находясь в разных компаниях, я принимался рассказывать о своем изобретении! Никто даже виду не подал, что слыхивал о подобных вещах, никто не проявил ни малейшего интереса! Это очень обескураживало меня, поскольку в качестве первого шага к информации о супердвигателе следовало выяснить, кто работает над его созданием. Но на мои намеки никто не реагировал, а о том, чтобы прямо заявить о наличии

у меня сведений про разработку такой штуки в Капаре, не могло идти и речи.

Сагра появлялась у меня каждый день и проводила со мной большую часть времени. Однажды появился и Гранж.

— Поверь, меня так опечалило известие о приключившемся с тобой несчастье,— заверил он.— Я хотел тут же навестить тебя, но все никак не мог вырваться. Было ужасно много работы. Имей в виду на будущее: в Эргосе полным-полно беспечных лихачей. Как ни осторожничай, всякое может произойти.

— Ну, конечно,— откликнулся я.— Вероятно, тут есть и моя вина. Наверное, я слишком неосторожно переходил через дорогу.

— Как ни осторожничай, всякое может произойти,— опять повторил он.

— Да, это я понял,— ответил я.— Даже лучший друг может тебя сбить.

Гранж метнул на меня быстрый взгляд, но ничего не сказал.

Он просидел у меня недолго. Было видно, что ему явно не по себе и он нервничает, находясь в моем доме. Я тоже обрадовался его уходу, потому что чем больше общался с этим типом, тем меньше и меньше он мне нравился.

На другой день после визита Сагры явился Хортал Уэнд со всем семейством — с женой и сыном. Хортал Уэнд тут же сообщил, что о моем несчастье ему стало известно только накануне и что он очень переживал за меня.

— Знай я обо всем раньше, я бы уже давно был здесь, рядом с вами,— заверил он.

Хортал Уэнд не стал расспрашивать меня о том, как все произошло, зато его отпрыск оказался куда любопытней.

— Меня сбил автомобиль. Это был обычный наезд,— не вдаваясь в подробности, объяснил я.

Хортал Гил понимающе кивнул в ответ и тут же принялся болтать о чем-то своем, но отец перебил его.

— Мы с матерью так гордимся нашим Гилом,— заявил он.— В нынешнем году он возглавил свой класс.

Хортал Уэнд восхищенно поглядел на сына.

— Что ты изучаешь? — спросил я у парня, скорее, из вежливости, чем из любопытства.

— Как вы думаете, что могут изучать настоящие мужчины Капары? — дерзко вскинув голову, ответил он. — Войну.

— Это очень интересно, — заметил я.

— Но я занимаюсь не только этим, — продолжил младший Хортал. — А что именно я изучаю, касается только моего преподавателя и меня.

— Надеюсь, когда вырастешь, ты станешь солдатом? — снова обратился я к мальчишке, заметив, как приятно Хорталу Уэнду, что я проявляю интерес к его сыну.

— Когда вырасту, я буду агентом Забо, — заявил пацан. — Я постоянно набираю необходимый для этой работы опыт.

— Каким образом? — удивился я.

— Не проявляйте излишнего любопытства в отношении Забо, — предупредил наглый юнец. — Это небезопасно.

Я рассмеялся и заверил его, что начал этот разговор исключительно из вежливости.

— Мое дело предупредить, — мрачно повторил сопляк.

— Не будь таким невежливым, сынок, — сделал ему замечание Хортал Уэнд.

Но тот словно и не слышал слов отца.

— На твоём месте, — угрожающе предупредил он папашу, — я бы держался подальше от Забо. Кстати, неплохо быть поразборчивей и поосмотрительней в своих связях, — добавил он, исподлобья глянув на Сагру. — Забо все видит и знает все.

Мне захотелось придушить этого маленького гаденыша. Сагра, то ли из-за такого поворота разговора, то ли из-за того, что заметила брошенный на нее взгляд, была явно не в своей тарелке. Хортал Уэнд тоже забеспокоился.

— Ну ладно, — наконец вмешался он. — Хватит говорить о Забо, сынок. От самого факта существования тайной полиции становится неприятно, а вы еще принялись обсуждать эту тему.

Мальчишка осуждающе посмотрел на отца.

— Ты рассуждаешь как изменник, — оборвал он его.

— Послушай, Гил,— вмешалась мать,— не стоит произносить такие слова.

Я заметил, что Хортал Уэнд совсем разнервничался. Вскоре он поднялся, попрощался и удалился вместе со всеми домочадцами.

— Право, стоило бы угостить этого гаденыша крысиной отравой,— сказал я Сагре.

Она кивнула.

— Он очень опасен,— прошептала она.— Он постоянно ошивается возле дома Гранжа и в большой дружбе как с ним самим, так и с Гиммель Горой. Через нее я узнала, что он в чем-то заподозрил меня. Ты обратил внимание, как он поглядел на меня, когда говорил своему отцу, что надо осмотрительнее выбирать знакомых?

— Да,— сказал я,— обратил. Но думаю, не стоит из-за этого волноваться. Он просто-напросто мальчишка, вообразивший себя детективом.

— Пускай мальчишка,— отозвалась Сагра.— Тем не менее, он очень опасен. Тебе известно, что значительную часть информации Забо получает именно от детей?

Через пару дней я впервые отправился на прогулку и, поскольку Хортал Уэнд жил неподалеку от меня, заглянул к нему, чтобы пригласить его составить мне компанию.

Дверь открыла его жена Хака Гера. Она плакала, а сын с хмурым, угрюмым видом сидел в углу. Я сразу понял, что случилось нечто ужасное, но спросить напрямую не решился. Наконец, все еще всхлипывая, Хака Гера сама начала разговор.

— Вы пришли повидаться с Уэндом?

— Да,— ответил я.— Он дома?

Она отрицательно покачала головой и снова разразилась рыданиями. Парень, продолжая молча сидеть в своем углу, бросал на нее сердитые взгляды. Совладав, наконец, с собой, Хака Гера зашептала:

— Его забрали прошлой ночью.

С этими словами она поглядела на сына, и в глазах ее был страх — страх, и ужас, и упрек.

Я как мог попытался успокоить ее, однако она была безутешна, и, попрощавшись, я вскоре ушел. Насколько мне известно, никто больше не видел Хортала Уэнда и ничего не слышал о нем.

Вообще-то я не пьющий человек. Но вся эта история вызывала у меня такое отвращение и так угнетающе действовала на меня, что, возвращаясь от Хорталов домой, я заглянул по пути в небольшой бар и заказал стаканчик вина. Удобно устроившись за маленьким столиком в углу, я огляделся по сторонам. Зал был почти пуст: кроме меня, в нем находилось лишь двое посетителей. Это были мужчины с неприятными, злыми лицами. Несмотря на то, что на обоих была гражданская одежда, я сразу предположил, что эти два типа либо из Забо, либо из Вооруженных Сил Капары. Я обратил внимание на то, что они пристально разглядывают меня, перешептываясь друг с другом. Даже отвернувшись, я продолжал чувствовать на себе их тяжелые, изучающие взгляды. Через пару минут они поднялись из-за своего столика и подошли ко мне.

— Ваши документы,— тоном, не терпящим возражений, произнес один из них.

Моя карточка на алкоголь лежала на столе, прямо передо мной, и я подвинул ее поближе к незнакомцу. На ней было указано мое имя, адрес, а также имелось краткое описание внешности. Мужчина взял карточку в руки, разглядел ее и тут же со злостью бросил обратно на стол.

— Я сказал — документы,— рявкнул он.

— Позвольте сначала ваши,— сказал я.— Я человек законопослушный, но имею право знать, какие власти вы представляете.

Формально, конечно, правда была на моей стороне, хотя, может быть, я поступал слишком глупо и опрометчиво, так настаивая на своих правах. Проворчав что-то под нос, верзила, однако, продемонстрировал мне значок тайной полиции, после чего я протянул ему свои документы.

Он очень тщательно изучил их, прежде чем вернуть обратно.

— Стало быть, ты и есть тот самый парень, которого несколько недель назад сбило машиной,— произнес он.— На твоём месте я был бы более почтителен с офицерами Забо, а то, неровен час, опять произойдет какой-нибудь несчастный случай,— угрожающе добавил он.

После этого оба человека повернулись и вышли из бара. Мое и без того паршивое настроение испортилось

окончательно. Именно подобные вещи и делают жизнь в Эргосе столь угнетающей и невыносимой.

Когда я пришел наконец домой, Данул тут же доложил мне, что в мое отсутствие на квартире двумя агентами Забо был произведен обыск. Не знаю, почему он счел необходимым сказать об этом. Ему-то что за забота? Возможно, что он сделал это специально, по приказу, чтобы своим сообщением спровоцировать какое-нибудь неосторожное высказывание из моих уст. Любое неодобрительное замечание по поводу действий Забо расценивалось в Капаре как государственная измена, так что стоило мне произнести вслух хоть малую долю того, что я в действительности думаю об этой организации, как я был бы немедленно схвачен и четвертован.

После этого случая я начал относиться к Данулу с подозрением. Оставалось только недоумевать, почему Лотар Канл так настойчиво рекомендовал мне его. Одно из двух: либо он умышленно приставил ко мне согляда-тая, либо сам ничего не знал о связях Данула с тайной полицией. По мере того, как подозрительность возрастала во мне, я становился настоящим Капаром. Во всяком случае, теперь я подозревал всех. Кажется, только к одному человеку из тех, с кем мне довелось повстречаться в этой стране, я относился с полным доверием. Это был Хортал Уэнд. Но его, как известно, арестовали.

IX

Вскоре после моего возвращения пришла Морга Сагра. Мне не терпелось поведать ей о том, что произошло с Хорталом Уэндом, но Данул все время крутился рядом. В конце концов, я отослал его с каким-то поручением.

Мой рассказ произвел на Сагру сильное впечатление.

— Это, без сомнения, дело рук их сына,— воскликнула она.— Вот чудовище! Тангор, дорогой,— она чуть не плакала,— неужели нам никогда не выбраться отсюда?

— Не смей называть меня этим именем,— предостерег я.— Хочешь, чтобы у меня возникли неприятности?

— Прости, дорогой, как-то само вырвалось. Я хотела поговорить с тобой о том, как мы могли бы сбежать отсюда.

— А тебе не приходило в голову, что, даже если наш побег увенчается успехом, то как только мы появимся в Орвисе, нас тут же схватят и расстреляют? Ты сама заварила всю эту кашу,— напомнил я на всякий случай.— Так что теперь, голубушка, терпи, как я, и делай вид, что все в порядке. Хотя на самом деле мне, например, очень нравится в Капаре,— уверенно соврал я.— И в Орвис я не собираюсь возвращаться ни при каких обстоятельствах.

Сагра вопросительно посмотрела на меня.

— Прости,— произнесла она.— Я никак не могла сдержаться. Это все нервы, я совсем издергалась за последнее время. Меня не покидает предчувствие, будто вот-вот должно произойти что-то ужасное.

Не успела она закрыть рот, как в дверь заколотили. Сагра, совершенно обезумев от страха, чуть было не лишилась чувств.

— Возьми себя в руки, нельзя так распускаться,— сказал я ей, направляясь к двери.

Открыв дверь, я нос к носу столкнулся с двумя офицерами в форме Вооруженных Сил Капары.

— Вы Корван Дан? — спросил один из них.

— Да,— ответил я.

— Следуйте за нами,— сказал он.

Что ж, утешал я себя, по крайней мере, не агенты Забо. Но для чего я понадобился этим людям? Чего они хотят от меня? Не зная ответа на мучавшие меня вопросы, я, однако, не решился спросить прямо. Да если бы я и спросил, едва ли бы офицеры удовлетворили мое любопытство. За время пребывания в Эргосе я так приучил себя не задавать лишних вопросов, что иной раз не решался даже узнать, который час. Офицеры предложили мне сесть в машину, и на быстрой скорости мы помчались по оживленным улицам — прямо к зданию, в котором размещалась резиденция Пом Да. После недолгого ожидания в приемной я был вторично удостоен чести лицезреть самого Великого I.

Пом Да, не теряя времени на лишние разговоры, сразу перешел к главному.

— В прошлый свой приход ко мне,— произнес он,— ты рассказывал, что у себя на планете разрабатывал

летательный аппарат, который должен был преодолевать расстояние до 48 миллионов миль. Один из наших ведущих конструкторов занимался решением такой же проблемы. Ему уже почти удалось создать мощный двигатель, с помощью которого можно было бы совершать перелеты с Полоды на другие планеты нашей солнечной системы. Но, к сожалению, с конструктором произошел несчастный случай, и он скончался от тяжелых увечий.

Он сделал небольшую паузу, а затем продолжил свою речь.

— Разумеется, вся эта важнейшая для государства работа проводилась в обстановке строжайшей секретности. У конструктора не было даже помощников, и никто, кроме него самого, не в состоянии закончить труд по созданию экспериментального супердвигателя, изобретению которого он отдал столько сил. Но эта работа должна быть завершена.

Пом Да выразительно посмотрел на меня.

— За то время, что ты живешь здесь, я не раз слышал о твоей честности и преданности Капаре. И сейчас я вызвал тебя потому, что уверен: ты более, чем кто-либо другой, способен продолжить работу, не законченную нашим конструктором. Как ты, надеюсь, понимаешь, это очень ответственное поручение. Все, чем тебе предстоит заниматься, должно держаться в строгом секрете. Ни одна подробность не должна стать достоянием врага, который вероломно засылает в нашу страну своих агентов. Я убежден, что тебе можно всецело доверять, а в оценке людей Пом Да никогда не ошибается. Так что отправляйся в лабораторию и в цех, где собирался супердвигатель, и доводи дело до конца.

— Это приказ, Высочайший из Высоких? — осведомился я.

— Да, — прозвучал ответ.

— Сделаю все, что в моих силах, — четко, по-военному сказал я. — Я отдаю себе отчет в том, какое ответственное задание мне поручено. Однако, быть может, найдутся люди, которые с большим успехом справятся с этой работой?

Я нарочно задал этот вопрос, чтобы у Пом Да сложилось впечатление, будто я с некоторой неохотой принимаю его предложение. На самом же деле, меня буквально распирало от радости, потому что наконец-то

я приблизился к цели своей миссии в Капару. После стольких недель мучительного ожидания, у меня уже не было ни малейшей надежды на успех. И вот самый главный Капар открывает мне прямой доступ к секрету супердвигателя! О такой большой удаче я не смел и мечтать.

Великий I, этот тонкий знаток людей, дал мне несколько общих указаний, касающихся будущей работы, а затем приказал, чтобы меня немедленно отвезли в лабораторию. В сопровождении двух офицеров, тех самых, которые доставили меня сюда, я покинул его резиденцию. Кажется, теперь я понял, почему за мной так пристально наблюдали все это время и для чего с такой настойчивостью обыскивали мой дом.

В первый раз с момента прибытия в Эргос я был по-настоящему счастлив. У меня имелись все основания гордиться собой: не зря я повсюду талдычил о необыкновенном межпланетном корабле, над изобретением которого будто бы работал на Земле. Вот мои разговоры и принесли наконец плоды. Естественно, все в этих рассказах было сплошной выдумкой — никакого космического корабля я никогда не конструировал. Правда, мне приходилось принимать участие в важных экспериментах с двигателями самолетов, и я очень надеялся на то, что накопленный опыт поможет мне и на новом поприще.

Между тем, машина остановилась, и я с удивлением обнаружил, что нахожусь совсем неподалеку от собственного дома. Меня провели в лабораторию, располагавшуюся за зданием, показавшимся мне сразу очень знакомым. Ну конечно, это же был дом самого Хортала Уэнда!

Целую неделю я провел, изучая чертежи и маленькую модель экспериментального супердвигателя, который был уже почти готов. Хортал Уэнд оставил подробные записи, из которых я понял, что ему удалось устранить все недостатки, за исключением одного. Погрузившись в работу с головой, я не сразу обратил внимание на то, что за мной снова следят. Несколько раз я замечал, как кто-то заглядывал в окно лаборатории. То ли Пом Да распорядился присматривать за мной, то ли кто-то поджидал случай выкрасть чертежи, этого я не знал.

Недостаток двигателя, разработанного Хорталом

Уэндом, заключался в том, что он рассеивал, а не концентрировал получаемую от солнца энергию. Я нисколько не сомневался, что этот двигатель способен обеспечить перелет на любую из ближайших планет, однако прямо пропорционально удалению корабля от центральной энергостанции на Полоде скорость его будет снижаться. В конечном итоге, для того, чтобы преодолеть расстояние в 600 тысяч миль, разделяющее две планеты, потребуется так много времени, что это сделает само изобретение практически непригодным для использования.

В тот самый день, когда мне, наконец, удалось устранить последний недостаток в изобретении Хортала Уэнда и я понял, что теперь двигатель в состоянии обеспечить перелет почти на любое расстояние от Полоды, я снова поймал чей-то взгляд в окне. Мне захотелось выяснить, кто же это проявляет такой назойливый интерес к моей работе.

Я решил пойти на хитрость. Сделав вид, будто я ничего не заметил, я стал расхаживать по комнате, стараясь по возможности держаться спиной к окну, пока не приблизился, наконец, к двери, находившейся рядом с окном. Тут я рывком распахнул дверь и выскочил во дворе. Соглядатай оказался застигнутым врасплох. Им был Хортал Гил. Никак не ожидая столкнуться со мной нос к носу, он густо покраснел. Вид у него сейчас был совсем дурацкий.

— Что ты здесь делаешь? — набросился я на него. — Опять практикуешься в искусстве слежки или пытаешься пронюхать что-нибудь о государственных секретах?

Хортал Гил быстро совладал с собою. Этот ублюдок уже вполне усвоил бесстыдные и наглые замашки соглядатай.

— Не ваше дело, чем я тут занимаюсь, — дерзко выпалил он. — Может, кто вам и доверяет, но только не я.

— Меня мало интересует, доверяешь ты мне или нет, — сказал я. — Но запомни: если еще хоть раз я поймаю тебя здесь, то отлуплю так, как давным-давно стоило бы сделать твоему отцу.

Он окинул меня взглядом, полным лютой ненависти, но, ничего не сказав, повернулся и ушел.

На следующий день я попросил аудиенции у Пом Да,

которая была предоставлена мне немедленно. Офицеры, отвозившие меня в резиденцию Великого I, буквально лебезили передо мной. Похоже, я становился важной персоной в Капаре. По местным представлениям, человек, просящий встречи с Пом Да и мгновенно получающий приглашение на нее, сам достоин преклонения.

— Как продвигается работа? Есть какие-то успехи? — поинтересовался Пом Да, когда я подошел к его столу.

— Все идет отлично, — доложил я. — Уверен, что мне удастся завершить работу над двигателем, если вы предоставите в мое распоряжение самолет для проведения экспериментов.

— Ну конечно, — сразу согласился главный Капар. — Какого типа самолет тебе нужен?

— Самый скоростной самолет-разведчик.

Мне показалось, что моя просьба заронила в Пом Да какие-то подозрения.

— Зачем тебе нужен скоростной самолет? — спросил он недоверчиво.

— Потому что на самолете именно такого типа следует провести первый экспериментальный полет на другую планету, — объяснил я.

Он, подумав с минуту, кивнул в знак согласия и повернулся к одному из своих помощников.

— Предоставьте в распоряжение Корвана Дана скоростной самолет-разведчик, — распорядился он. — Передайте, что он может пользоваться им в любое время по своему усмотрению.

Я так обрадовался, что чуть было не бросился обнимать Пом Да. Но тот добавил:

— Распорядитесь также, чтобы в полетах его всегда сопровождал офицер военно-воздушных сил.

После этих слов мое бурное ликование как рукой сняло.

Я совершил несколько экспериментальных полетов и всегда брал с собой все планы, чертежи и модель. Делал я это совершенно открыто и во время экспериментов справлялся в записях Хортала Уэнда, разглядывал чертежи и модель, создавая видимость, будто все это необходимо, чтобы проверить работу двигателя, уточнить некоторые детали, а также обеспечить сохранность ценной документации. Не дай Бог, если во время моего

отсутствия эти бумаги будут выкрадены из лаборатории!

Каждый раз меня сопровождал новый офицер. Никому не было доверено совершить со мной хотя бы два вылета. Все это подчеркивало чрезвычайно важное отношение к моей работе. Знай эти парни, о чем я думал все время, пока они сидели в самолете позади меня, представляю, как они были бы ошарашены и поражены. Меня мучило одно — как избавиться от своих спутников, как убить их? Ведь только в этом случае я мог рассчитывать на побег из Капары.

Между тем, с двигателем дело, действительно, шло очень успешно. Я был твердо убежден, что с его помощью можно совершить полет в любую часть солнечной системы, однако никому не говорил об этом. Напротив, я продолжал утверждать, что необходимы новые эксперименты и усовершенствования. Оттягивая время, я не устал искать возможность убить сопровождающего меня офицера. Дело осложнялось тем, что никакого оружия у меня не было.

Ни с того ни с сего попросить, чтобы мне выдали оружие, было крайне рискованно. Сначала следовало подготовить почву. Однажды я упомянул в разговоре с Пом Да о том, что несколько раз замечал, как кто-то посторонний заглядывает в окно моей лаборатории и что неплохо бы мне на всякий случай иметь оружие. Все, чего я добился, так это усиленной охраны помещения лаборатории агентами Забо.

С тех пор, как я занялся разработкой двигателя, я почти не видался с Моргой Сагрой, так как даже ночевал в лаборатории. Дома же я появлялся крайне редко и ненадолго — только затем, чтобы переодеться. С началом пробных полетов я иногда прямо из ангара направлялся домой. Чертежи и модель двигателя постоянно находились при мне, и вечерами я не выходил из квартиры, так как опасался оставлять эти ценные документы дома, без присмотра.

Данул готовил и подавал мне еду. Случалось, что и Морга Сагра обедала вместе со мной. Она сообщала мне местные новости: что на днях несколько раз видела Хортала Гила с Гиммель Горой, что Гранж бросил свою сожительницу и переселился в другую часть города. Морга Сагра не встречалась с ним на протяжении довольно длительного времени и стала чувствовать себя гораздо безопаснее и спокойней.

Казалось, все утряслось и дела пошли совсем неплохо, как вдруг, словно гром среди ясного неба, грянула новая неприятность — Моргу Сагру арестовали.

Х

Собственно, неприятность заключалась прежде всего в том, что арестовали Моргу Сагру у меня в доме. Это очень беспокоило меня. Понятия не имею, в чем ее могли обвинить и какие улики имелись против нее в тайной полиции, но, если Сагру в чем-то подозревали, это означало, что под подозрением неизбежно окажутся и все те, кто входил в круг ее ближайших знакомых. В том числе, надо думать, и я.

Ее забрали где-то в районе семи часов вечера, а около десяти пришел Лотар Канл. На нем была форма офицера Военно-воздушных сил. Привыкший всегда видеть его в гражданской одежде, я был сильно удивлен, однако виду не подал и никаких вопросов задавать не стал.

Он вошел в комнату и сел совсем рядом со мной.

— Вы один в доме? — шепотом спросил он.

— Да,— подтвердил я.— Данула после обеда я отпустил.

— У меня для вас дурные новости,— сказал он.— Я только что из управления Забо, из камеры допросов. Морга Сагра там. И эта маленькая бестия, Хортал Гил тоже там. Знаете, это именно он обвинил Сагру в том, что она унисская шпионка. Мой близкий друг в Забо рассказал, что он обвинил также и вас, а кроме того донес, что я был очень близок как с вами, так и с Моргой Сагрой. Сейчас ее пытаются, чтобы добиться признания в том, что вы оба — шпионы Униса.

Он замолчал, как бы обдумывая что-то, а затем добавил:

— Она, конечно, ни в чем не признается и будет стоять на том, что она честный и преданный Капар. Но, чтобы избежать дальнейших пыток перед смертью, думаю, скажет, что унисский шпион — это вы.

— И что теперь? — спросил я.

— Вы имеете доступ к самолету в любое время. Надо воспользоваться этим и немедленно исчезнуть из Капары. В противном случае еще до полуночи за вами придут.

— Но я не имею права вылетать на самолете без сопровождения офицера,— заметил я.

— Это мне известно,— сказал Лотар Канл.— Именно поэтому на мне летная форма. Я отправлюсь вместе с вами.

Признаюсь, я сильно подозревал, что все это — ловушка. Ведь если я приму предложение и попытаюсь бежать из Капары, то тем самым подтверждаю свою виновность. Во мне происходила внутренняя борьба: с одной стороны, я знал, что Лотар Канл является агентом Забо, с другой — он нравился мне и я всегда чувствовал, что могу ему доверять. Что же делать?

Лотар Канл, видимо, понял мое состояние.

— Вы можете всецело положиться на меня,— сказал он.— Я не Капар.

Я поглядел на него с удивлением.

— Как не Капар? — спросил я.— А кто же вы в таком случае?

— Тот же, кто и вы, Тангор,— ответил он.— Тайный агент Униса. Я живу здесь уже больше десяти лет, но теперь, когда на меня пало подозрение, оставаться в Капаре дальше не имеет смысла. Мне было сообщено о вашем прибытии и приказано приглядывать за вами. Знал я и то, что Морга Сагра — предатель. Она получила то, что заслужила, хотя, скажу честно, видеть это ужасно.

Раз Лотару Канлу известно мое настоящее имя, а также то, что Морга Сагра — предатель, значит, он говорит правду, и ему, действительно, можно верить. Больше я не сомневался.

— Я буду готов через минуту,— сказал я.

Собрав все планы, чертежи и записки, касающиеся супердвигателя, я бросил их в огонь, а пока бумаги догорали, разломал и модель — так что ни единой ее части нельзя было узнать.

— Зачем вы это делаете? — недоумевающе спросил Лотар Канл.

— Не хочу, чтобы документация попала в руки Капаров,— объяснил я.— Что касается меня, то я могу воспроизвести все эти чертежи с закрытыми глазами. К тому же, отличный образец двигателя установлен на самолете, на котором мы полетим.

Как предусмотрительно я поступил, потребовав выделить для экспериментальных полетов самый скоростной

самолет-разведчик! Не успел я вырुлить на взлетную полосу, как раздался приказ немедленно вернуться. Затем прозвучал сигнал тревоги, застрочили пулеметы и пули засвистели вокруг нас.

По нашему самолету вели огонь из полдюжины истребителей, но ни одна из этих машин не могла догнать нашу.

Сначала мы полетели в Пад, где переоделись и пересели на старенький карисский самолет, которым когда-то снабдил нас Фринк. Затем направились в Горвас, где мне пригодились знакомство с Гомпфом. Лотар Канл показал ему удостоверение Забо, и это произвело должное впечатление. Вновь переодевшись, мы пересели в тот самолет, на котором в свое время с Моргой Сагрой бежали из Униса. Супердвигатель с капарского самолета я снял еще в Паде, и едва мы приземлились в Орвисе, как я отправился вместе с ним к Эльянхаю. Он сердечно поздравил меня с успешным завершением столь трудного и опасного задания.

Затем я доложил о завершении операции Уполномоченному по военным делам, который тоже искренне обрадовался тому, что мне удалось вернуться в Орвис живым и невредимым.

Освободившись, я немедленно отправился к Харкасам. Перспектива вновь увидеться с ними делала меня гораздо более счастливым, чем успешно выполненное задание. Когда я пришел, Дан и Ямода были в саду, и едва Ямода увидела меня, как тут же подпрыгнула и стремглав бросилась в дом. Дан, бросив презрительный взгляд в мою сторону, повернулся ко мне спиной.

С какой радостью предвкушал я, направляясь сюда, нашу встречу! Как мысленно смаковал подробности первых мгновений, когда мы все после долгой разлуки окажемся наконец вместе! И вот — словно холодный душ вылился на меня. Я был буквально ошеломлен и обескуражен, мягко говоря, странностью оказанного мне приема, однако из чувства собственного достоинства не стал никого ни о чем расспрашивать и требовать объяснений. Просто повернулся и пошел прочь. Совсем упавший духом, медленно возвращался я на свою старую квартиру. Меня терзали мучительные вопросы. Что произошло? Чем, какими поступками заслужил я такое отношение к себе со стороны лучших друзей? Я ничего не понимал и, не чувствуя за собой никакой вины, не

на шутку обиженный, не собирался домогаться объяснений.

Почти сразу же по возвращении в Унис я приступил к своим прежним обязанностям по службе. Пожалуй, еще никогда в жизни я не вел себя в полетах так неосторожно и безрассудно. Мне, действительно, было все равно. Я искал смерти повсюду, но она, как назло, обходила меня стороной. Видно, в самом деле, моя жизнь была заколдована.

Наконец настал день, когда меня вызвал Эльянхай.

— Не пора ли провести окончательные испытания супердвигателя? — предложил он.

— Я готов, — согласился я.

— Вы продумали план испытаний?

— Я полечу на Тонос, — ответил я.

Эльянхай быстро стал рассчитывать что-то на клочке бумаги, а затем произнес:

— Полет продлится от тридцати пяти до сорока дней. Он будет не только долгим, но и опасным. Вы отдадите себе отчет в том, как рискуете?

— Да, сэр.

— Я объявлю набор добровольцев для полета с вами, — предложил он.

— Предпочитаю лететь один, сэр, — возразил я. — Нет смысла рисковать еще чьими-то жизнями. А по мне здесь никто не станет проливать слез, даже если что-нибудь случится. В Унисе я ни с кем и ни с чем не связан близкими узами. Так что, если не вернусь, это не станет ни для кого утратой.

— Мне казалось, — заметил Эльянхай, — что вы обрели в нашем городе близких друзей.

— Мне тоже так казалось, но я ошибался. Я действительно хочу лететь один, — повторил я твердо, намереваясь поскорее закончить этот разговор и не возвращаться больше к болезненной для меня теме.

— Когда вы предполагаете отправиться в путь? — уточнил он.

— Как только корабль будет готов и снабжен всем необходимым для полета. Мне понадобятся изрядные запасы пищи и воды, ибо путь предстоит долгий, не говоря уже о том, что неизвестно, каковы условия на Тоносе. Может статься, что там я не смогу раздобыть ни воды, ни пищи. Кто знает?

— Вы будете полностью обеспечены всем, что потре-

буете, — заверил меня Эльянхай. — Перед отправлением загляните ко мне еще разок.

К исходу следующего дня все мои заявки были удовлетворены, в чем я удостоверился лично. На корабле был установлен пилот-робот — такой же, как на всех самолетах с большой дальностью полета на Полоде. Я мог, к примеру, включив пилота-робота, преспокойно спать в течение всего путешествия на Тонос, если заблагорассудится. Впрочем, сомневаюсь, что мне удалось бы проспать так долго.

Перспектива новых и увлекательных приключений была так заманчива, что я, погрузившись с головой в приготовления к полету, почувствовал себя снова счастливым. Однако, когда уже ночью я вернулся домой, уныние опять овладело мною. Как знать, может, это моя последняя ночь на Полоде? Может, мне не суждено больше никогда увидеть этот город, вернуться в этот дом? Но не эти мысли занимали меня больше всего. Мне не давал покоя прием, оказанный Ямодой и Даном. И это лучшие друзья! Кому же можно верить после случившегося?! Стоило мне вспомнить тот вечер и реакцию младших Харкасов на мой приход, как слезы тотчас же застилали глаза.

Я уже собрался раздеться и завалиться спать, как вдруг неожиданно раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул я.

Дверь отворилась, и в комнату вошел офицер. Я не сразу узнал этого человека — слишком он изменился с тех пор, как мы виделись последний раз. Я долго пристально всматривался в его лицо, и с каждым мгновением оно казалось мне все более и более знакомым. В конце концов, я понял: передо мной стоял не кто иной, как Хандон Гар.

— Значит, вам удалось бежать, — произнес я вместо приветствия. — Очень рад.

С минуту он молча глядел на меня.

— Не знаю, как и сказать, — начал он наконец. — Я сильно навредил вам, и только сегодня узнал всю правду.

— Что вы имеете в виду? — не понял я.

— Видите ли, я считал вас предателем, о чем и сообщил, как только вернулся в Орвис. Когда вы тоже появились здесь, я ждал, что вас немедленно арестуют. Сначала я недоумевал, почему власти медлят и не делают

этого, потом решил, что они умышленно предоставили вам полную свободу действий, чтобы выследить вас и разоблачить.

— И об этом вы, вероятно, рассказали Харкас Ямоде и ее брату? — догадался я.

— Да, — признался Хандон Гар. — Это была самая большая глупость в моей жизни. Знали бы вы, какой это был удар для Дана и Ямоды, как они переживали! Но я исправил свою ошибку. Я только что был у Харкасов и сообщил, что невольно ввел их в заблуждение. Я как раз возвращаюсь от них. Они просили передать, что ждут вас к себе сегодня же.

— Откуда вы узнали правду обо мне? — поинтересовался я.

— Сегодня Уполномоченный по военным делам рассказал мне обо всем. Он был крайне удивлен, что вы никого не посвятили в подробности своего путешествия в Капару.

— Мне никто не давал на это разрешения. Формально я продолжал оставаться тайным агентом.

Быстро собравшись, я в сопровождении Хандона Гара помчался к Харкасам. Они, как и прошлый раз, были в саду оба — брат и сестра. Первые несколько минут ни один из нас не в силах был вымолвить ни слова. Наконец, Дан и Ямода, взяв себя в руки, бросились просить у меня прощения. Ямода даже расплакалась от волнения.

Мы немножко поболтали. Дан и Ямода очень интересовались моими впечатлениями от пребывания в Капаре. Вскоре Дан и Хандон Гар удалились в дом, оставив нас с Ямодой вдвоем.

Несколько минут прошло в полном молчании. Ямода первой завела разговор.

— Эта... Морга Сагра, она, правда, очень красивая? — спросила она.

— Говоря совершенно честно, не знаю, — признался я. — Пожалуй, ее можно назвать привлекательной или миловидной, но моя голова постоянно была занята другими мыслями и думать о прелестях Морги Сагры мне было попросту некогда. Она занимала меня ровно настолько, насколько мы были связаны моим заданием. Потом, Морга Сагра — предатель, а мне кажется, предатель не может быть красивым. Для меня, по крайней мере. К тому же, — добавил я с некоторой робостью, — я по-

стоянно вспоминал другого человека — очень далекого и гораздо более красивого...

Ямода бросила на меня быстрый взгляд, в котором угадывался вопрос. Она как будто хотела спросить, кого же я имел в виду. Я понял ее взгляд и собрался уже ответить девушке, однако сделать этого не успел, потому что в этот самый момент Дан и Хандон Гар вышли из дома и прервали нашу беседу.

— Что это за разговоры я сейчас услышал, будто завтра ты отправляешься в какую-то очередную экспедицию? — пытаюсь скрыть волнение, обратился ко мне Дан.

— Какая еще экспедиция? — встрепелась Ямода.

— Он собирается лететь на Тонос.

— Ах, Дан, ты опять шутишь!

— Скажи, Тангор, шучу я или нет? — снова стал наступать на меня Дан.

Я отрицательно покачал головой.

— Нет, это не шутка, — произнес я.

И я поведал своим друзьям о супердвигателе и о том, что Эльянхай разрешил мне отправляться в путь завтра.

— Но не в одиночку же, Тангор! — закричала Ямода.

— Именно в одиночку, — ответил я.

— Ну, пожалуйста, я прошу тебя, возьми кого-нибудь с собой, — принялась упрашивать она. — И почему это лететь на Тонос должен именно ты?

— Корабль готов, необходимые приготовления сделаны, и завтра утром я отправлюсь в путь, — твердо повторил я. — Дело решенное, и нечего больше обсуждать эту тему.

Хандон Гар начал просить меня взять его с собой в полет. Он сказал, что уже получил разрешение от Эльянхая, который в принципе не возражает, но предоставляет окончательно решить этот вопрос мне. Дан тоже заявил, что хотел бы отправиться со мной, однако при всем желании не может этого сделать, так как ему уже поручено другое задание.

— Не вижу никакой необходимости подвергать риску еще чью-то жизнь, — ответил я. — Достаточно и одной моей.

Ямода стала уговаривать меня, чтобы я взял в напарники Хандона Гара. Она говорила так убедительно и красноречиво, что я, в конце концов, согласился.

Уже поздно ночью, покидая дом Харкасов, я на про-

щанье поцеловал малышку Ямоду. Это был наш первый поцелуй. До сего времени мы относились друг к другу как брат и сестра, теперь, кажется, что-то начало меняться.

Итак, завтра Хандон Гар и я отправляемся в полет на планету Тонос. Нам предстоит преодолеть расстояние в 570 тысяч миль.

* * *

Примечание автора: интересно, удалось ли Тангору, в конце концов, добраться до этой маленькой планеты, вращающейся вокруг странного солнца где-то за 450 тысяч световых лет? Интересно, узнаю ли я когда-нибудь об этом?

**ЗЕМЛЯ
ПОТЕРЯННЫХ
ЛЮДЕЙ**

ДЖУНГЛИ

— Господин, я дальше идти не могу,— сказал камбоджиец.

Молодой белый мужчина удивленно повернулся к проводнику. Позади них была видна частично прочищенная в густой траве, скрывавшей оставленные дорожными строителями пни, тропа. Перед ними лежала лощина, на краю которой тропа обрывалась. По другую сторону лощины начинались девственные джунгли.

— В чем дело? Мы ведь еще и шагу не сделали! — воскликнул белый.— Для чего я вас нанял, как вы думаете?

— Я обещал господину привести его в джунгли,— отвечал камбоджиец.— Вот они. Я не обещал входить в них.

Гордон Кинг закурил сигарету.

— Давай-ка обсудим это дело, дружок. Сейчас раннее утро. Мы можем войти в джунгли, немного пройтись и вернуться до захода солнца.

Камбоджиец покачал головой.

— Я подожду вас здесь, господин,— заявил он,— но войти в джунгли я не могу, разумнее будет, если и вы не пойдете.

— Почему? — спросил Кинг.

— Господин, в джунглях дикие слоны, тигры и пантеры,— ответил камбоджиец,— они нападают и днем и ночью.

— А для чего мы взяли два ружья? — осведомился белый.— В Компонг-Тхоме мне сказали, что ты хороший стрелок и храбрый охотник. Ты же знал, что ружья нам до самых джунглей не понадобятся. Нет, дорогой, просто ты в последний момент струсил и, как я понимаю, вовсе не в тиграх и диких слонах тут дело.

— Господин, в глубине джунглей есть и другие вещи, увидев которые, никто живым не возвращается.

— Ну например? — поинтересовался Кинг.

— Духи моих предков, — сообщил камбоджиец, — кхмеры, много лет назад обитавшие в великих городах. Развалины этих городов до сих пор стоят в тени джунглей, и по сумрачным тропам в лесу до сих пор бродят древние короли, воины и проезжают на призрачных слонах маленькие печальные королевы. Они вечно бродят по джунглям, спасаясь от ужасного рока, постигшего их при жизни, а с ними миллионы духов тех, кто когда-то были их подданными. Мы можем спастись от Господина Тигра и от диких слонов, но никто, кому довелось увидеть духов умерших кхмеров, от смерти не уйдет.

— Мы же вернемся еще до темноты, — продолжал настаивать Кинг.

— Они скитаются день и ночь, — сказал проводник, — это проклятие Шивы, Разрушителя.

Кинг пожал плечами, затушил сигарету и поднял ружье. — Ладно, подожди меня здесь, — заявил он. — Я вернусь до наступления темноты.

— Вам никогда оттуда не суждено вернуться, — промолвил камбоджиец.

По другую сторону лощины вздымались дикие, таинственные джунгли, даже взглядом невозможно было оценить их глубину: все скрывал подлесок и заросли бамбука. Поначалу Кинг даже не мог найти входа в мощной стене растительности. На боку у него висел тяжелый кинжал в ножнах, но, несмотря на раннее утро, было уже настолько жарко, что он понял, что если он с самого начала не найдет прохода, то прорубая себе путь, измучается до такой степени, что никаких приключений уже не будет. Он знал, что позже будет еще жарче — Камбоджа расположена лишь в двадцати градусах выше экватора, на той же широте, что Никарагуа и Судан, печально известные своей жарой.

Он прошел вдоль лощины, прежде чем нашел наконец не то, чтобы тропу, но место, где бамбук рос не так густо. Оглянувшись назад, он увидел, что камбоджиец печально покачивается в задумчивости. Молодой человек мгновение помедлил как бы размышляя, не попробовать ли еще раз уговорить проводника пойти вместе, но вновь осознав тщетность этих усилий, повернулся и вошел в джунгли.

Он прошел совсем немного, и лес стал лучше просматриваться: подлесок уже не был таким густым. Огромные ветви величественных деревьев давали такую густую тень, что подлесок просто не мог вырасти.

Насколько же иначе выглядели джунгли, чем он себе представлял! Какие они были таинственные, но при этом мрачные и даже грозные! Да, это было самое подходящее место для духов плачущих королей и убитых королей. В глубине души Кинг проклял своего камбоджийского проводника. Страха он не чувствовал, но ощущение одиночества было сильным и неприятным.

Он тут же взял себя в руки, взглянул на часы, вытащил свой карманный компас и, насколько это было возможно в джунглях, точно определил курс на север. Он мог бы и понять, что действует по меньшей мере как дурак, но сомнительно, что он бы признался в этом даже самому себе, тем более, что конечно же никакой опасности нет. У него было достаточно, по его мнению, воды на целый день; он был хорошо вооружен, у него был компас и кинжал для расчистки тропы. Может быть, еды было маловато, но кто же потащит лишний груз в полуденную жару.

Гордон Кинг, молодой американец, недавно закончил курс медицины. Поскольку он имел самостоятельный доход, то не нуждался в практике; и хорошо понимая, сколько существует на свете молодых бедных врачей, он решил несколько лет посвятить изучению неизвестных болезней. Сейчас он позволил себе переключиться со своего хобби на интригующие тайны кхмерских развалин Ангкора. Развалины эти настолько подействовали на его воображение, что он не сумел противостоять искушению произвести небольшое их исследование за свой собственный счет. Он не знал даже, что он рассчитывал там найти; быть может, руины города, более великолепного, чем Ангкор Тхом; быть может, храм, более изумительный, чем Ангкор Ват; быть может, просто приключение на один день. Такова молодость.

Джунгли, вначале такие тихие и молчаливые, казалось проснулись от шагов; птицы, дразнясь, запорхали над ним, неизвестно откуда взявшиеся обезьяны, с шумом носясь по нижним террасам леса, тоже передразнивали его.

Он обнаружил, что идти гораздо труднее, чем он себе представлял, путь был далеко не гладкий. Многочислен-

ные овраги и лощины были завалены упавшими деревьями, а кроме этого, ему постоянно надо было следить, чтобы продвижение вперед по возможности строго следовало стрелке компаса, иначе он слишком удалится от ожидавшего его проводника при возвращении назад. Ружье становилось все горячее и тяжелее, фляжка с водой все норовила соскользнуть и ударить его в живот. Он обливался потом, а ведь их с проводником разделяло всего несколько миль. Больше всего беспокойства ему причиняла высокая трава, потому что он не мог увидеть, что в ней скрывается. Опасности, поджидавшие его в гуще трав, настолько высоких, что временами они задевали его лицо, получили свое подтверждение, когда буквально из-под его ноги выползла кобра.

По истечении двух часов Кинг убедился в том, что он окончательный дурак, что пустился в поход, но свойственное ему бульдожье упрямство не позволяло так быстро повернуть назад. Он остановился и глотнул воды из фляжки. Вода была теплая и противная на вкус. Самое лучшее, что можно было о ней сказать, это что она мокрая. Справа немного впереди от него внезапно послышался треск. Он вздрогнул, поднял винтовку и прислушался. Может быть, подумал он, это дерево упало, а может быть, прошел слон. Звук был совсем не страшный, но тем не менее произвел на него странное впечатление, и он с большим неудовольствием должен был признать, что нервы его на пределе. Неужели он позволил глупым рассказам камбоджийца так подействовать на его воображение, что теперь воспринимает каждый нарушающий тишину джунглей звук как грозящую ему опасность? Вытерев пот, он продолжил путь, стараясь по возможности держаться северного направления. Воздух был полон странными запахами, один из которых — самый едкий, неприятный и интенсивный, — был ему странным образом знаком. Тихие потоки воздуха джунглей случайно донесли до него этот вызвавший смутные, уплывающие ассоциации запах. Но вдруг в памяти его всплыла картина и он вспомнил. Он увидел себя стоящим на бетонном полу огромного здания, вдоль стен которого было расставлено множество огороженных клеток, в которых либо нервно прохаживались, либо в мрачной тоске по утраченной свободе лежали львы и тигры. В воздухе стоял именно этот резкий запах. Конечно, одно дело разглядывать тигров в клетках, и совершенно другое —

внезапно осознать, что они здесь где-то рядом и ты от них ничем не огорожен. Только сейчас ему пришло в голову, что он тигров воспринимал не как реально существующую опасность, а просто как имя существительное. Испуга он не почувствовал, но стал двигаться более осторожно, постоянно начеку.

Несколько раз ему приходилось идти в обход болот и глубоких оврагов. Было уже около полудня, время когда уже пора было поворачивать обратно, чтобы успеть вернуться до наступления темноты к месту, где он расстался с проводником. В подсознании все время всплывал вопрос, сможет ли он вернуться по своим же собственным следам. Опыта по ориентированию в лесу у него не было, к тому же он обнаружил, что и ориентироваться по компасу гораздо труднее, чем он себе представлял. Не оставляя он по пути и никаких зарубок, настолько трудно в такую жару ему казалось пользоваться кинжалом.

Гордон Кинг был собой крайне недоволен: он не нашел никаких руин, ему было жарко, он устал и проголодался. Ему стало совершенно ясно, что никакие развалины его абсолютно больше не волнуют, и после короткого отдыха он повернул назад, на юг. И почти сразу же понял, что перед ним стоит задача почти невыполнимая. За шесть часов пути он далеко отошел от конечного пункта. Если он проходил по две мили в час, то перед ним двенадцать миль, которые необходимо преодолеть. С какой скоростью он двигался, он не знал, но великолепно понимал, что пустился-то в путь свежим, полным сил и после сытного завтрака, а возвращаться ему предстоит голодным, усталым и со стертymi ногами.

Тем не менее, он продолжал верить, что успеет преодолеть это расстояние достаточно легко еще до наступления темноты. Физически он был человеком прекрасно подготовленным к таким испытаниям годами атлетических упражнений и тренировок в колледже. Теперь он был страшно рад, что бегал на длинные дистанции и даже несколько раз выигрывал марафон, так что мысль о долгой ходьбе никогда его не пугала. То, что он был практически чемпионом по метанию копья и диска, сейчас ему помочь ничем не могло. Единственное, о чем он сожалел, так это о том, что последний год, закончив колледж, он позволил себе распуститьсья — и это становилось с каждой милей все ощутимее.

С первой же минуты, что Гордон Кинг пустился в

обратный путь, он обнаружил, что абсолютно не в состоянии найти даже признака той тропы, по которой он сюда пришел. Когда он пошел туда, откуда как ему казалось, он пришел, то компас показал, что он движется на юго-запад, а следов никаких он найти не сумел.

Покачивая головой, он обратился к компасу, но путь на юг проходил через непреодолимую чашу, сквозь которую — он был твердо уверен — он не ходил. Он принялся размышлять, стоит ли ему обходить трудные места в его движении на юг или стараться предельно точно следовать стрелке компаса, обходя только непреодолимые препятствия. Последний вариант ему показался наиболее удачным, так как сильно сократил бы ему дорогу и вывел бы его прямо на проводника.

Когда же он приблизился к небольшому участку джунглей, казалось бы, образующему непреодолимое препятствие на его пути, то выяснилось, что хотя деревья и были близко расположены друг ко другу, но под ними почти не было, а то и вовсе не было подлеска. Часто поглядывая на компас, он вошел в лесной полумрак. Все возрастающая жара увеличивала усталость. Он стремительно терял силы. Теперь он понимал, что в начале своего глупейшего приключения даже не отдавал себе отчет, насколько ослабели его мышцы, и когда он представил себе, сколько миль и часов ему надо еще пройти, то его охватило чувство беспомощности и одиночества.

Винтовка, револьвер, аммуниция и фляжка с водой так невероятно отяжелели, что он подумал, что они могут ему помешать добраться к месту до наступления темноты. В воздухе по-прежнему сильно чувствовался запах огромных кошек. Однако он провел уже более шести часов в джунглях и, несмотря на запах, даже мельком не видел ни одного хищника. Из этого он сделал вывод, что днем атака маловероятна, и что просто необходимо выбраться из джунглей дотемна. А освободившись от снаряжения, это будет сделать гораздо легче, тем более, что в темноте оно будет абсолютно ни к чему.

И, кроме того, продолжал он рассуждать, в джунглях совсем немного людоедов — ведь он слышал, что среди тигров далеко не все людоеды. Кошки поменьше, вроде пантер и леопардов, у него большого страха не вызывали, хотя он теоретически знал, что они не менее опасны. Размеры, репутация и зловещая внешность Господина

Тигра заставляли забыть о великолепии остальных.

Большой плоский камень в тени густой листвы просто звал передохнуть, освободившись на минутку от снаряжения. Теплая и неприятная на вкус жидкость во фляжке манила выпить все до дна. Прежде чем сесть на камень, он прислонил винтовку к дереву и расстегнул ремень, скреплявший всю его амуницию, на котором к тому же висел револьвер. Со вздохом облегчения он положил его около ног. Страх не успеть до темна оставил его на время. Освободившись от становившегося с каждым шагом все тяжелее груза, он почувствовал себя родившимся вновь и способным совершить все, что потребуется для возвращения. Он уселся на плоскую скалу и сделал очень маленький глоточек из фляжки. Воду он в течение дня расходовал бережно, и теперь был рад этому — ему еще понадобится до конца дня и передохнуть, и освежиться.

Завинчивая крышку фляги, он случайно взглянул на обломок скалы, на котором сидел и подумал, что он как-то не к месту среди огромных деревьев и густой зелени джунглей.

Он лениво смахнул опавшую листву с его поверхности и в удивлении обнаружил, что выступающая над землей поверхность скалы представляет собой барельеф — голову и плечи воина.

Вот она — цель, к которой он стремился, но он понял, что теперь не ощущает практически никакой радости. Его интерес к кхмерским руинам, похоже, испарился в зное джунглей. Тем не менее, егохватило на удивление тому, что это единственное, что осталось от древних реликвий. Познания, обретенные в результате изучения развалин Ангкорс Тхома, подсказывали, что это всего лишь часть какого-то древнего сооружения, а если это так, то под покровом джунглей находится основа этого фрагмента.

Он поднялся, принялся всматриваться сквозь листву, отведя ветки рукой. Еще несколько часов назад сердце его бурно забилося бы при виде того, что ему открылось сквозь завесу листвы. Перед его глазами предстала громада здания, разрушенного в многолетней безнадежной борьбе с джунглями, но все еще вздымающего стройные колонны среди наступающих деревьев.

Он стоял, очарованный трагическим величием минувшей славы, и вдруг взгляд его привлекло движение

среди руин — в пятне солнечного света, падавшего сквозь осыпающуюся крышу он заметил мелькание чего-то желтовато-коричневого с темнокоричневыми полосами. В то же мгновение оно исчезло. Все произошло абсолютно беззвучно, мелькнуло — и все. Гордон Кинг почувствовал, что на лбу его выступил ледяной пот, и он бросился к своим ремням, застегнул их и схватил ружье. Благословенный груз! Он возблагодарил Бога, что не ушел без оружия.

Развалины кхмеров были забыты. Он, внимательно прислушиваясь, оглядываясь по сторонам и даже оборачиваясь время от времени, продолжил свой путь. Поступь хищника бесшумна, а в конце, если он наступит, внезапный прыжок, страшные когти и клыки. Это Кингу было известно. Он ощущал на себе жуткий взгляд. Он был совершенно уверен, что зверь следует за ним.

Он решил проверить по компасу направление. Он был маленький, наручный, на манер охотничих часов.

Кинг проверял направление, держа компас в руках, когда ему померещился тихий звук за спиной. Он повернулся и зацепился носком ботинка за камень; пытаясь сохранить равновесие, он споткнулся о россыпь песчаника и грузно упал лицом вниз. Встревоженный послышавшимся ему звуком, он быстро вскочил на ноги, но зверя нигде не было видно.

Падая, он уронил компас, и удостоверившись, что ему в данный момент ничто не угрожает, Кинг принялся его искать. Нашел он его достаточно быстро, но взглянув на него, он почувствовал, что сердце уходит в пятки — компас был разбит вдребезги.

Происшедшее привело Гордона Кинга в ужас: он понимал, что для него это катастрофа. Человек, практически не знающий леса, оказался в настолько густых джунглях, что не было никакой возможности определить направление по солнцу. Кроме того, постоянное ощущение опасности нападения хищников и растущее осознание того, что ему явно придется провести ночь в джунглях. А в подсознании мелькало, что неизвестно еще, удастся ли ему вообще выбраться отсюда даже в том случае, если его не сожрет хищник и он сам не умрет от жажды.

Но расслабиться и представить себе все самое страшное он позволил себе лишь на мгновение. Он был хорошо вооружен, полон скрытых возможностей и доста-

точно разумен. Внезапно он осознал нечто придавшее ему новые силы и надежду.

Очень немногие точно знают, склонны ли они к трусости или нет, пока не окажутся в смертельной опасности. Гордону Кингу раньше никогда об этом задумываться не приходилось. И вот, оказавшись в таинственном лесу, он почувствовал осознанное понимание самостоятельности, не поддающееся ни похвалам, ни упрекам посторонних. Он полностью осознавал степень опасностей, окружавших его; он не пренебрегал ими, но чувство страха совершенно исчезло.

Исполненный новой для него уверенностью, он продолжил путь в направлении, которого он придерживался еще до аварии с компасом. Он был так же внимателен и осторожен, но головой по сторонам непрерывно уже не вертел. Он ощущал, что идет с хорошей скоростью и был уверен, что движется в южном направлении. Он подумал, что может быть, ему все же удастся управиться до наступления ночи. Единственное, что всерьез беспокоило его — это растущая жажда, а он был вынужден экономить каждый глоток, изо всех сил сдерживая себя.

Путь, по которому он двигался, был гораздо более открыт, чем тот, что привел его в джунгли, и он был полон радостной надежды, что сможет выйти из трудного положения до наступления времени охоты громадных хищников; хотя в глубине души понимал, что максимум, на что приходится рассчитывать — это маленькая опушка.

Он очень устал, что подтверждалось тем, что он стал часто спотыкаться и каждый раз, когда он падал, то вставал с большим усилием и раз от разу это становилось все труднее. Слабость его разозлила. Он знал, что единственное, что можно сделать, это передохнуть, а это невозможно, потому что драгоценные минуты дневного времени летят.

По мере того, как мили медленно тянулись, а минуты неслись, зародившаяся было надежда стала угасать, и все же он медленно, спотыкаясь, двигался и, не надеясь, все же надеялся, вдруг за следующей стеной зелени окажется тропа в долину, что для него жизнь, еда и вода.

— Теперь, должно быть, недалеко, — думал он, — а еще по крайней мере час дневного света еще гарантирован. — Он был совершенно вымотан; небольшой отдых освежит его, а там, впереди, как раз видна огромная плоская скала. Он отдохнет минутку и наберется сил.

Устраиваясь на отдых на жестком ложе, он вдруг испуганно встрепенулся. На камне был высечен барельеф головы и плеч воина.

II

БРЕД

При некоторых обстоятельствах и храбрейшие испытывают полную беспомощность и отчаяние. Именно в таком состоянии и пребывал Кинг, осознав, что с полудня бессмысленно кружил по лесу и вернулся на то же место. Ослабев от жажды и перенапряжения, он перестал надеяться на что-либо в будущем. У него была возможность выйти из джунглей, а он сплеховал. Надежды на то, что назавтра возможностей будет больше, не было. Отдых, конечно, несколько восстановит его силы, но он нуждался и в пище, а с утра в его фляге от того, что было утром, когда он пускался в путь, останется всего несколько капель смочить пересохшую глотку. Он не раз спотыкался на пути, налетая на ямы с жидкой грязью, но было абсолютно ясно, что пить подобную жидкость — чистое самоубийство.

Склонив голову, он пытался найти хоть какой-нибудь выход из создавшегося положения. Глаза его невидяще шарили вокруг, затем взгляд сфокусировался и он на поверхности земли увидел то, что заставило забыть и о голоде, и о жажде, и об усталости: свежий след тигра.

— Что беспокоиться о завтра? — пробормотал Кинг. — Если даже только половина того, что наболтал этот камбоджиец про эти места, правда, то мне крупно повезет, если я увижу еще раз в жизни утренний свет.

Где-то он прочел, что тигры начинают охоту к вечеру, знал он, что они редко лазают по деревьям; но он был в курсе, что леопарды и пантеры лазают, особенно пантеры, а они, несмотря на свои размеры, ничуть не менее опасны, чем Господин Тигр. Надо как можно скорее найти убежище. Он вспомнил, что видел развалины за завесой листвы, раздинул ветки и с усилием двинулся в путь.

Здесь была гораздо менее густая растительность, как бы из благоговейного ужаса перед человеческим трудом. Громадное прямоугольное здание, величественное даже

в развалинах, предстало перед глазами американца. Но не все в джунглях боялось нарушить святость этих мест. Огромные деревья росли на расположенных террасами стенах, среди колонн и в арках, и их медленное и неустанное давление местами уже превратило здание в совершенные развалины.

Прямо перед ним возвышалась башня, лучше других устоявшая в борьбе со временем. Она возносила свою вершину приблизительно футов на шестьдесят над землей, и почти на самом верху было высечено невероятных размеров лицо божества. Гордон решил, что это должно быть, Шива, Разрушитель. Несколькими футами выше прямоугольного входа находился осыпающийся бортик, а уже над ним маленькое отверстие, видимо когда-то окно. За ним была тьма, но она навела Кинга на мысль искать убежища там: в глубине груди самого Шивы.

Для ловкого верхолаза пострадавшая от времени и климата башня была очень удобна, труд облегчала и богатая выступами конструкция, представлявшая целую серию переходящих из одного в другой барельефов. Конечно, совершенно вымотанному Кингу было трудно-вато добраться до карниза, но в конце концов, он добрался и присел на него передохнуть. Прямо перед ним находилось отверстие, которое он и хотел исследовать. Он задумался, представив себе, как это обычно бывает всевозможные неприятности, которыми мог грозить сумрак в глубине здания. Это, без сомнения, было логовище пантеры. Где еще зверь мог бы найти более потаенное место для отдыха после еды или для воспитания потомства?

Предположение вынудило его к немедленным действиям. Он не думал, что там в данную минуту находится пантера, но отделаться от подозрений не мог. Сжав ружье, он встал и приблизился к отверстию, нижний край которого находился на уровне его груди. Внутри было темно и тихо. Он внимательно прислушался. Если бы кто-то прятался внутри, дыхание его все же было бы слышно; но ничто не нарушало глубокой тишины похожего на склеп помещения. Держа ружье перед собой, Кинг взобрался на подоконник и замер, пока глаза его не привыкли к сумраку внутри помещения, свет в которое чуть пробивался сквозь трещину в стене. Он увидел помещение с каменным полом, по ширине оно явно занимало всю башню. В центре что-то возвышалось,

что — он не понял, но был уверен, что неодушевленное.

Ступив на пол, он с ружьем наготове тихонько продвинулся вперед, затем так же обошел комнату вдоль стен. Ни пантер, ни вообще признаков кого-либо не было. Сюда явно никто не входил с тех пор, как сотни лет назад по какой-то таинственной причине храм был покинут. Подойдя к предмету посреди комнаты, Кинг увидел символическое изображение Шивы и понял, что находится в Святая Святых.

Он вернулся к окну, уселся на подоконник, сделал маленький глоток воды, которой оставалось так мало, и закурил сигарету; ночь разом пала на джунгли и тут он услышал шелест мягких лап по сухой листве у подножия храма.

Его убежище над джунглями создавало ощущение безопасности; удовольствие от курения успокоило нервы и в какой-то степени и мучительное чувство голода. Он даже испытал некоторое удовольствие, представив себе изумление и ужас своих друзей, если бы им удалось увидеть его в этот момент. В основном он думал о Сьюзен Энн Прентайс, зная, что получил бы хороший нагоняй, если бы она узнала о затруднительном положении, в которое он попал из-за собственной глупости и упрямства.

Он вспомнил их расставание и ее материнские советы. А какая она красotka! Он всегда удивлялся, что она не замужем, потому что вокруг Сьюзен Энн всегда увивалась куча парней. Он был этому даже рад, ему будет грустно лишиться ее дружбы и участия в общих делах, когда он вернется. Он знал Сьюзен Энн буквально с пеленок, и они всегда дружили. Земельные участки их отцов примыкали друг к другу, их не разделял даже забор; во время летних отпусков на маленьком озере они тоже всегда были соседями. Сьюзен Энн была такой же частью жизни Гордона Кинга, как отец и мать — они оба были единственными детьми в семье и были друг другу как брат и сестра буквально с рождения.

Он вспомнил, как накануне отъезда в путешествие он ей сказал, что наверняка к его возвращению она выйдет замуж. — Ни в коем случае, — ответила она, странно улыбнувшись.

— Ну, не знаю, почему бы и нет? — возразил он. — Мне известно по крайней мере полдюжины парней, которых ты с ума свела.

— Но не тех, кого надо, — ответила она.

— Значит, есть и такой?

— Может быть.

Ему стало интересно, кто бы это мог быть, но он решил, что это должно быть совершеннейший идиот, раз он не в состоянии оценить дивные достоинства Сьюзен Энн. Мало того, что она была красивее всех его знакомых девушек, у нее была голова на плечах, и во всех отношениях она была отличным парнем. Они оба частенько сетовали, что она не мужчина, а то они могли бы заниматься изысканиями, занимавшими его, вместе.

Воспоминания его были внезапно прерваны целой серией низких, кашляющих звуков, донесшихся из темноты. Затем последовал треск, как если бы что-то огромное продиралось сквозь кустарник, и — вскрик и звук падения, рычание и тишина. Кинг почувствовал, что он весь горит. Какая трагедия разыгралась в таинственной тьме ночных джунглей?

Неожиданный и пугающий звук, а затем почти такое же внезапное молчание произвели на него впечатление, еще раз как бы подчеркнув обычную таинственную тишину джунглей. Он знал, что в джунглях кипит жизнь; но до сих пор все было столь бесшумным, что наводило на мысль о том, что не зря воображение людей населило джунгли призраками давно умерших жрецов и жриц храма Разрушителя. До него часто доносились как бы намеки на звуки голосов — тихие, тайные шепоты, что могли бы быть призраками давно умерших звуков. Иногда он мог объяснить их треском веток или шуршанием листьев под крадущейся лапой, но чаще у него возникало ощущение присутствия страшных созданий, живущих лишь смертью.

Ночь шла своим чередом, настало утро. Он время от времени задремывал, сидя на подоконнике, прислонившись к древнему каменному проему и положив винтовку на колени. Отдохнувшим он себя не чувствовал, но когда занялся день, быстро спустился на землю и опять пошел в южном направлении, полный решимости не обращать внимания на голод и усталость, пока не выберется из этого ужасного дремучего леса, казавшегося теперь живым и полным коварных замыслов по отношению к нему. Он начал испытывать ненависть к джунглям, ему хотелось выкрикнуть вслух все, что он чувствовал и думал, а иногда хотелось стрелять, будто это было что-то живое, мешающее вернуться в нормальную жизнь. Но он

сдерживался, сконцентрировав все силы на преодоление пути к свободе.

Шел он гораздо медленнее, чем накануне. Стало гораздо труднее преодолевать препятствия, отдыхать тоже приходилось гораздо чаще. Задержки раздражали его; но когда он попытался идти быстрее, то начал спотыкаться и падать, а подниматься становилось все труднее и труднее. В конце концов стало совершенно ясно, что он не в состоянии дойти, и в первый раз его охватил страх.

Он опустился на землю, прислонившись к дереву и постарался разобраться сам с собой. В результате сила воли преодолела страхи, и сознание, что ему за день не добраться до края джунглей, панического страха уже не вызывало.

— Не сегодня, так завтра, — подумал он, — а не завтра, так послезавтра. Что я, слабак, что ли, и не выдержу несколько дней? И вообще, стоит ли умирать с голоду в стране, кишасей дичью?

Эти рассуждения так подействовали на его физическое состояние, что Кинг поднялся и продолжил путь, не переполняемый единственным желанием как можно скорее выбраться из лесу, осознавая, что джунгли могут помочь обрести силу. Психологический эффект его беседы с самим собой был поразителен. Гордон перестал быть преследуемой жертвой, опасавшейся за жизнь, он стал лесным жителем в поисках пищи и питья. Усиливающаяся жара постоянно напоминала о потребности в жидкости, но у него еще оставалось немного воды во фляге; он решил терпеть так долго как только сможет.

Теперь он разработал новый четкий план: постоянно идти под горку, пристально следя за возможной дичью. Ему было известно, что так или иначе он должен наткнуться на многочисленные ручейки, которые в свою очередь должны привести его к Меконгу, большой реке, пересекающей Камбоджу на пути к Южно-Китайскому морю.

Он обнаружил, что под гору идти легче, и обрадовался, что принял верное решение. Ландшафт несколько изменился: стало больше открытого пространства. Некоторые из равнин были заболочены, приходилось идти в обход; болота и низины заросли слоновьей травой, вызывавшей у него воспоминания о траве у озера во время летних каникул. Такие места ему не очень нравились,

потому что были слишком похожи на места естественно-го обитания змей. Он вспомнил, что где-то читал, что в Индии в течение года как-то раз наблюдалось шестнадцатая тысяча смертельных случаев в результате укуса змей. Эти воспоминания пришли ему в голову как раз посреди огромных зарослей травы, и он стал двигаться очень медленно, тщательно изучая пространство перед собой. А это вынуждало отодвигать стебли, — процедура долгая и трудоемкая, но зато и двигался он спокойнее; поэтому, когда он выбрался из зарослей травы, пред ним предстало зрелище, которого ему бы не видать, если бы он шел, производя шум.

Прямо перед ним шагах в пятидесяти под громадным баньяном лежало несколько диких свиней; все они сладко спали, за исключением старого кабана, охранявшего их. Все-таки появление Кинга не было совсем бесшумным — это подтверждалось тем, что кабан стоял, подняв голову, наострив уши и глядя прямо на человека, выходящего из зарослей слоновьей травы.

Мгновение человек и животное стояли, молча глядя друг на друга. Около кабана Кинг увидел спящего большого поросенка, больше подходящего для еды, чем взрослый самец с жестким мясом. Гордон прицелился и выстрелил в спящего звереныша, предполагая, что все остальные разбегутся; но он не учел нрав кабана. Остальное стадо, внезапно разбуженное непривычным в джунглях звуком выстрела, вскочило на ноги, помедлило в ошалении, а затем все как один развернулись и исчезли в кустарнике. Но не кабан. При звуке выстрела он бросился вперед.

В нападении кабана есть что-то даже внушающее восхищение, особенно если стоишь у него на пути, как это довелось Кингу. Из-за того, что нрав диких свиней Гордону был неизвестен, нападение для него оказалось полной неожиданностью; соразмерив небольшое расстояние между зверем и собой, он понял, что не знает и того, куда следовало бы стрелять — где у животного наименее защищенное место. Все, что он осознал за этот более чем краткий миг, было то, что огромные сверкающие клыки, могучие челюсти, налитые кровью злые глазки и поднятый торчком хвост несутся прямо на него со скоростью, да пожалуй, и весом паровоза.

Пришлось стрелять в морду. Первым же выстрелом он попал борову меж глаз, и зверь упал, но тотчас же

поднялся и бросился вперед. Мысленно благодаря за то, что это автоматическая винтовка, Кинг всадил еще три пули в несущегося зверя, и лишь после третьего выстрела кабан покатился к его ногам. Неуверенный в том, что покончил с врагом, человек быстро послал пулю кабана прямо в сердце.

Осознав расстояние, оставшееся между ними, Кинг даже вздрогнул, представив себе, что еще чуть-чуть и он мог бы быть серьезно ранен и обречен на смерть в джунглях. Удостоверившись в смерти кабана, Гордон быстро подошел к туше поросенка. Вонзив в нее нож, он изумился своим желанием. Такого с ним не было никогда. Ему хотелось вонзить в нее зубы. Подумав, он понял, что отчасти причиной был мучавший его голод; но это было не главное: что-то примитивное, звериное, таившееся где-то в глубине души, вдруг всплыло на поверхность. В это мгновение он понял чувства дикого животного в его стремлении к убийству. Он быстро поглядел по сторонам, нет ли кого, кто захочет покуситься на его добычу. Он почувствовал, как у него напрягается верхняя губа и даже легкое рычание внутри, хотя, конечно, с губ не сорвалось ни звука.

Потребовалось даже известное усилие, чтобы не съесть мясо сырым — настолько он был голоден; но все же ему усилием воли удалось сдержаться и даже разжечь костер. Правда, готовность пищи, которую он приготовил, была очень сомнительна: мясо обуглилось снаружи и было совершенно сырым внутри. После того, как он насытился, он почувствовал себя родившимся наново, но теперь его стала неотступно мучать жажда. Фляга его была пуста; в течение дня он не один раз проходил мимо прудов со стоячей водой, но у него хватало сил не пить из них, сознавая, что она таит микробы чудовищной лихорадки.

Несколько следующих дней представляли собой долгий кошмар, соединивший в себе страдание и разочарование. Он обнаружил, что его путь к Меконгу прегражден непроходимыми болотами, из-за чего приходится идти севернее равнины и горы, а силы его быстро таяли. После того, как он ушел от болот, он лишь на третий день набрел на прудик в низине. Судя по многочисленным следам на глинистом берегу, это был водопой диких зверей. Жидкость была зеленая и мутная, но человек, ни на секунду не задумываясь, бросился на

землю и растянувшись на животе, погрузил лицо и руки в мерзкую жижу и начал пить. Любая лихорадка и смерть — ничто по сравнению с муками жажды.

В тот же день он подстрелил обезьяну и кое-как приготовив еду, утолил голод. Так он провел несколько дней, стреляя обезьян для пропитания и утоляя жажду в любом месте, где удавалось найти воду. Он постоянно ощущал присутствие больших кошек, но лишь раз или два он видел их краем глаза; но по ночам он слышал, как они тихо бродили под деревом, где он устраивался на сомнительный отдых, лелея надежду, что его не обнаружит леопард или пантера. Иногда он видел небольшие стада диких слонов, их он всегда обходил. Он уже давно оставил всякую надежду выбраться из джунглей и только удивлялся тому, что человек старается оттянуть конец мучениям, продолжая мучаться и временно избегать неизбежное.

Он провел в джунглях семь дней и семь ночей, и последняя ночь была самой скверной. Он время от времени задремывал. Джунгли были полны разных голосов, ему виделись странные, смутные фигуры. Когда забрезжило восьмое утро, он дрожал от холода. Стук его собственных зубов напомнил ему кастаньеты. Он огляделся и удивился, что нигде не видно танцоров. Внизу что-то двигалось — он увидел сквозь листву желто-коричневое пятно с темными полосами. Он к нему обратился и оно исчезло. Внезапно ему престало быть холодно, а вместо этого его начал сжигать какой-то огонь изнутри. Дерево, на котором он сидел, начало кружиться, тогда он с усилием собрался и соскользнул на землю. Он обнаружил, что очень устал, и вынужден отдыхать каждые несколько минут, его мучал то озноб, то жар.

Было около полудня, солнце было высоко и стояла ужасная жара. Кинг лежал, дрожа, около шелковицы — он свалился, его больше не держали ноги. Вдали, в проходе между деревьями, он увидел слона. Он был не один: перед ним были... но этого не могло быть в диких джунглях. Он закрыл глаза и потряс головой. Это просто галлюцинация от лихорадки, вот и все. Но когда он открыл глаза, слон еще был там, и создания, шедшие впереди тоже, он их узнал: это были воины в медных латах. Они подошли ближе. Кинг отполз подальше в кустарник. Голова болела чудовищно. Шум в ушах заглушал все остальные звуки. Караван прошел футами в пяти-

десяти от него, но Гордон не слышал ни звука. Среди них были лучники и копьеносцы — смуглые люди в сияющих медных кирасах, а за ними следовал слон в великолепных украшениях, неся на спине дивно разукрашенное сидение с балдахином, где сидела девушка. Сначала он увидел ее в профиль, а затем что-то привлекло ее внимание и она обернулась к нему. Это было лицо утонченной и экзотической красоты, но полное печали и страха. Ее наряд был еще пышнее, чем убранство слона. Позади шли еще воины, но теперь они удалялись в призрачном молчании.

— Плачущие королевы на туманных слонах! — Где-то он читал эту фразу. — Господи! — воскликнул он. — Ну и трюки выделывает лихорадка. Я готов поклясться, что видел все по-настоящему.

Он с трудом поднялся на ноги и пустился в путь, понятия не имея, в каком направлении. Его гнал вперед исключительно инстинкт самосохранения: куда, он не знал, но знал, что оставаться на месте опасно. Скорее всего он все равно погибнет, но пока он идет, есть надежда. В мозгу его появлялись странные и знакомые образы. Сьюзен Энн Прентайс, одетая в медные доспехи ехала верхом на слоне. Плачущая королева с нарумяненными щеками и подкрашенными губами подошла и стала около него на колени, предлагая сосуд с холодной, кристально чистой водой, но когда он поднес его к губам, золотой кувшин превратился во фляжку с мерзкой зеленой жидкостью, от которой горит во рту и тошнит. Потом он увидел солдат в медных доспехах, они держали блюда с испускающими пар кусками жаркого и картошкой-фри, волшебным образом превращающимися в щербет, охлажденный чай и вафли с кленовым сиропом.

— Так дело не пойдет, — подумал Кинг. — Я так совсем спячу. Интересно, сколько может продлиться лихорадка, или сколько нужно времени, чтоб она прикончила.

Он лежал на земле на краю маленькой поляны, едва видный из-за высокой травы, в которую свалился. Внезапно все завертелось, затем потемнело и он потерял сознание. Пришел в себя он уже к вечеру; но лихорадка оставила его, хотя бы на время, и сознание было ясно.

— Долго так продержаться невозможно, — сделал он заключение. — Если я не найду достаточно скоро места, где можно было бы отлежаться в сравнительной безо-

пасности до тех пор, пока не пройдет лихорадка, то дело скверно. Интересно, каково это, когда тебя жует тигр?

Но когда он попытался подняться, то с ужасом обнаружил, что у него нет сил. Винтовку он все еще сжимал в руке. Он уже давно решил, что в ней его единственное спасение. Без нее он бы голодал и пал жертвой первого же зверя. Он уже понял, что если бы он и освободился от нее и своей тяжелой амуниции, то далеко бы все равно не ушел, свалился бы, но при этом был бы абсолютно беззащитен.

Лежа и поглядывая на полянку, размышляя о своей судьбе и пытаясь определить сколько еще часов ему осталось жить, он вдруг увидел странную фигуру, вышедшую на полянку. Это был старик с растрепанной седой бородой, росшей на подбородке и местами на верхней губе. Он был в длинном желтом одеянии и фантастическом головном уборе, над которым он держал красный зонт. Он шел медленно, опустив глаза.

— Проклятая лихорадка,— прошептал Кинг и закрыл глаза.

Когда он их открыл минуты через две вновь, старик все еще был на полянке, правда, он уже почти пересек ее, но появилась в поле зрения еще одна фигура. По другую сторону поляны сквозь листву виднелась свирепая, рычащая, с оскаленными клыками желтоватобелая с коричневатым и с темными коричневыми полосами морда — страшная, но одновременно и великолепная царственная голова. Огромный тигр тихо, медленно пробирался на поляну, изгибая длинное, узкое в боках тело и свирепо глядя желто-зелеными глазами в спину ничего не подозревающего старика.

— Господи, как реально,— вздохнул Кинг,— можно поклясться, что они есть на самом деле. Эта немислимая фигура старика с красным зонтиком — единственное, что дает понять, что все это того же происхождения, что украшенный слон, плачущая королева и воины в медных доспехах.

Тигр быстро крался за стариком. Скорость его заметно увеличивалась.

— Я больше не выдержу,— закричал Кинг и прижал ружье к плечу.— Пусть это только галлюцинация...

Раздался кашляющий рев нападающего тигра, и в тот же момент Кинг нажал на курок и потерял сознание.

ОХОТНИК

Вай Тхон, верховный жрец храма Шивы в Лодидхапуре, доставлял массу беспокойства низшим священнослужителям, чувствовавшим ответственность за его благополучие перед Шивой и королем. Но как можно справиться с приступами столь священной и в то же время рассеянной слабости, что была свойственна забывчивому Вай Тхону? Они старались не упускать никогда его из виду, но постоянно шпионить за святым, занятия или медитации которого не имел права нарушать ни один смертный, даже жрец Шивы, трудно.

Хорошо еще, если Вай Тхон медитировал во внутренних покоях Святой Святых у изображения Шивы: здесь он был изолирован от людей и опасностей. Но медитации Вай Тхона далеко не всегда проходили в такой безопасной обстановке. Он часто выходил на широкую террасу перед храмом, забыв обо всем на свете в своем единении с Богом.

Его фигура в длинном желтом одеянии и красный зонт были хорошо знакомы жителям Лодидхапуры. Его часто сопровождали низшие жрецы в доспехах полированной меди. Сам Вай Тхон к символам мирской помпы и власти был совершенно равнодушен. Во время полного погружения в медитацию он умудрялся покинуть храм без сопровождающих и брел по городским улицам, никого не замечая. Трижды его случайно удавалось обнаружить в джунглях, и король Лодиварман пригрозил жестоко покарать жрецов, если с Вай Тхоном что-нибудь случится.

Получилось так, что именно в этот день Вай Тхон ушел из города в джунгли в полном одиночестве. Жителей Лодидхапуры приводило в изумление, как ему удается выйти за пределы крепостной стены, минуя тщательно охраняемые опытной стражей городские ворота. Но дело в том, что под храмом и дворцом существовала целая сеть секретных подземных галерей, сооруженных строителями древней Лодидхапуры для спасения от гнева угнетенных рабов, составляющих 75 процентов населения. Времена изменились, но тайные галереи остались. По одной из них Вай Тхон и прошел в джунгли.

Он и сам не знал, что оказался в лесу. Он был как бы в глубоком сне.

Жрецы видели как Вай Тхон входил в Святая Святых. Заметив, что взгляд его остекленел, они поняли, что он начал медитировать. Охрану около входа установили, но беспокойства никто не ощущал, не смотря на то, что не выходил он уже много часов. Все знали, что он в безопасности, но никто не знал, что в покое в полу не хватает одного камня прямо за изображением Шивы, а оттуда ведет проход прямо в джунгли за пределы крепостной стены. И все время, что они спокойно ждали, Вай Тхон бродил по джунглям, ведя беседу с Шивой, Разрушителем. Его глубокая медитация, приведшая к полному отсутствию восприятия действительности, была нарушена звуком, подобного которому не слышал ни Вай Тхон, ни любой другой из жителей Лодидхапуры. Словно пробудившись от сна, старец огляделся по сторонам и удивительное зрелище предстало перед его взором. Буквально в трех шагах от него в луже собственной крови корчился огромный тигр, а немного подальше вправо на краю поляны из травы поднималось облачко голубого дыма.

Когда Кинг пришел в себя, он услышал голоса, доносившиеся, как ему показалось, откуда-то сверху. Звук были невнятные, но это были явно человеческие голоса. Он открыл глаза. Над ним склонилось чье-то смуглое лицо. Он почувствовал, что кто-то поддерживает голой рукой его голову и плечи. Рядом стояла женщина в набедренной повязке, пропущенной между ног и закрепленной на поясе. Около нее испуганно жался голый малыш. Мужчина, что поддерживал его, заговорил, но язык Кингу был непонятен.

Откуда появились эти люди, или это опять продукт его воспаленного воображения, как и старик в желтой одежде и с красным зонтиком? Интересно, это тоже призраки, как тигр, которого он убил в бреду? Гордон закрыл глаза, пытаясь взять себя в руки, но когда он открыл их снова, мужчина, женщина и ребенок все еще были рядом. Смирившись, он сдался. Его пылающая голова не в состоянии была выдержать напряжения мысли. Он закрыл глаза, и подбородок его опустился на грудь.

- Он умирает,— сказал Че, взглянув на женщину.
- Давай перенесем его в дом,— ответила Кенгри.—

Я пригляжу за ним, пока ты отведешь святого обратно в Лодидхапуру.

Когда мужчина поднимал Кинга, чтобы отнести его, американец открыл глаза и заметил старца в длинном желтом одеянии, державшем над головой красный зонт. Американец закрыл глаза, чтобы прекратить эту лихорадочную, бредовую галлюцинацию. Голова его закружилась, и он снова потерял сознание.

Кинг так никогда и не узнал, как долго он был без сознания, но когда он в следующий раз приоткрыл глаза, то увидел, что лежит на постели из травы внутри какого-то сумрачного помещения — ему показалось, пещеры. Затем постепенно он разглядел, что в помещении кроме него находятся мужчина, женщина и ребенок. Ребенок был голенький, а мужчина и женщина в набедренных повязках. Женщина ухаживала за ним, стараясь напоить.

Медленно и вяло память стала возвращаться к нему и, наконец, он узнал их — создания из его горячечных галлюцинаций, в которых примали участие еще и старец в желтой одежде под красным зонтом, и нападавший на него тигр, которого он будто бы убивал. Когда же кончится эта лихорадка? Неужели ему суждено лежать в одиночестве в сумраке джунглей до тех пор, пока какой-нибудь тигр его не обнаружит?

Но до чего же реально ощущение и вкус жидкости, которую женщина старалась влить ему в рот. Он даже ощущал животное тепло обнаженной руки, поддерживавшей его голову. Интересно, может ли горячечный бред быть таким реальным? Он несколько раз открывал и закрывал глаза, но каждый раз картина повторялась. Он с трудом поднял руку и дотронулся до плеча и лица женщины. Они казались реальными. Он почти был убежден в этом, но вновь потерял сознание.

Гордон Кинг много дней находился между жизнью и смертью. Кенгри ухаживала за ним, готовила на примитивном очаге лечебные отвары из лесных трав, произносила над ним монотонные заклинания.

На маленького Уду все эти необычайные и потрясающие события произвели огромное впечатление. Незнакомец с бледной кожей был самым первым невероятным явлением в его коротенькой жизни. Странная одежда, которую родители сняли с их беспомощного гостя, как и ружье, и нож, и револьвер, о которых он безошибочно

догадался, что это оружие, хотя и понятия не имел об огнестрельном оружии, приводили его в восторг. Уда был неутомим в поисках трав и корешков, из которых Кенгри, его мать, готовила отвары, а когда Че возвращался с охоты, Уда всегда встречал его с подробнейшим рассказом о том, как провел день их пациент.

Наконец лихорадка прошла. Кинг, слабый и беспомощный, с облегчением осознал, что мужчина, женщина и ребенок — не плоды его разгоряченной фантазии. Конечно, думал он, старик в желтом с красным зонтиком и нападающий тигр ему померещились, но эта смуглая женщина с добрым лицом, выходявшая его была реальностью, и взгляд его был полон благодарности, которую еще не в силах был произнести его голос.

День и ночь, прошедшие без каких-либо признаков возвращения лихорадки и галлюцинации убедили Кинга, что уход за ним его добрых хозяев вылечил его от смертельной болезни, но он был настолько слаб, что на полное выздоровление не надеялся. Не было сил даже поднять руку. Повернуть голову было истинным подвигом. Кинг заметил, что его никогда не оставляют одного. В течение дня с ним постоянно находились женщина или ребенок, ночью все трое спали рядом с ним на полу. В дневное время хозяйка или малыш отгоняли от него мух и других насекомых, помахивая веточкой. Кормили его часто. Пища была жидкая и незнакомая, но после того, как прошла лихорадка, он постоянно испытывал чувство голода и ел с наслаждением.

Однажды мальчик так долго оставался с ним один, что видимо устав от однообразного помахивания над бледнолицым веточкой, ушел и оставил его одного.

Кинг не обратил на это внимание, тем более, что он почти все время спал и уже так привык к насекомым, что они его уже не беспокоили. Он проснулся от прикосновения к лицу какой-то мохнатой руки. Открыв глаза, он увидел, что рядом сидит обезьяна. Увидев, что он открыл глаза, обезьяна отскочила, и американец обнаружил, что в комнате их несколько. Они были гораздо крупнее тех, что он встречал в джунглях, а потому в его беспомощном состоянии могли представлять настоящую опасность. Но они на него не напали, даже и не приближались больше; вскоре стало ясно, что визит их был вызван просто любопытством.

Чуть позже в другом конце комнаты слышался

скребущий звук. Кинг уже настолько окреп, что довольно легко поворачивал голову и двигал руками, что и проделал, чтобы посмотреть, что же там происходит. Пред ним предстало очень забавное зрелище, привело, правда, оно к довольно печальным последствиям.

Обезьяны обнаружили его оружие и одежду и страшно ими заинтересовались. Они начали все хватать и оживленно тараторить. Казалось, они ссорятся; их крики и болтовня становились все громче, пока одна из них, явно претендовавшая на винтовку, не накинулась на других, рыча и раздавая удары направо и налево. В конце концов остальные оставили свои притязания на оружие и ретировались в дальний конец комнаты. Победитель схватил оружие и потащил его к двери.

— Эй! — закричал Кинг как только мог громко. — Брось и давай отсюда!

Звук человеческого голоса явно ошеломил обезьян, но не настолько, чтобы они оставили свои намерения. Из комнаты они правда, убрались, но прихватили с собой все имущество Кинга, вплоть до носков.

Кинг принялся звать мальчика, которого как он заметил, родители звали Уда, Но когда перепуганный малыш, задыхаясь, прибежал, уже было поздно, даже если Гордону и удалось бы ему что-нибудь объяснить.

Кенгри, вернувшись вечером домой, обнаружила, что больной очень ослабел, но причин тому найти не смогла — ведь она не знала, что бледнолицый был уверен, что без оружия ему из джунглей не выйти и упал духом.

Медленно тянулись дни, к больному понемногу возвращались силы. Чтобы чем-нибудь занять томительные часы, он решил выучить язык своих благодетелей. Когда же они наконец поняли, чего он хочет, то принялись за дело с таким жаром, что он почувствовал, что тонет в океане незнакомых слов. Постепенно из этого хаоса стали выплывать и значения слов, так что вскоре Гордон смог беседовать с Че, Кенгри и Удой. Существование стало менее монотонным, но Кинг беспокоился и раздражался из-за того, что так медленно поправляется. Ему казалось, что никогда у него не хватит сил вернуться на родину. Хорошо еще, что у него не было зеркала: он был так истощен, что если бы ему довелось себя увидеть, то сил бы ему это не прибавило.

И тем не менее силы возвращались, хотя и медленно.

Сначала он смог довольно долго сидеть, прислонясь спиной к стене, потом наконец-то встал на ноги. Он от слабости весь дрожал, но это быстро прошло, и он стал замечать, что с каждым днем становится сильнее.

Разговаривая с Че и Кенгри, Кинг узнал подробности их простой жизни. Че был охотником. Как правило, без добычи он не возвращался, хотя иногда и бывало. Приносил он обычно обезьянье мясо, птицу или мелких лесных грызунов. Кроме добытого на охоте, носил он рыбу, фрукты и даже дикий мед.

Все трое — Че, Кенгри и даже Уда ловко добывали огонь первобытным способом, вращая палку между ладонями. На все блюда у Кенгри был один-единственный котелок. Он был медный, тщательно вычищенный песком и листьями.

Че, конечно, охотником был тоже первобытным: охотился он при помощи копья, лука и стрел, а также ножа. Когда Кинг сумел рассказать ему о достоинствах украденного обезьянами оружия, Че очень сочувствовал гостю, но обещал снабдить Кинга таким же оружием, каким пользовался и сам. Кинг поблагодарил его, не чувствуя особого энтузиазма при мысли о перспективе долгого путешествия по переполненному тиграми лесу с таким оружием, тем более, что и пользоваться им он не умел.

По мере того, как Гордон выздоравливал, он пытался восстановить в памяти события, непосредственно предшествовавшие болезни, но ему всегда казалось, что старик в желтом с красным зонтиком и атакующий тигр — всего лишь плод его больного воображения. Он никогда об этом не говорил ни с Че, ни с Кенгри, считая глупостью разговоры о галлюцинациях. Но оба эти образа постоянно всплывали в мозгу как пережитая реальность, так что в конце концов однажды вечером он решил затронуть эту тему, подойдя к ней как бы невзначай.

— Че, — сказал он, — ты уже давно живешь в джунглях?

— Да, ответил охотник. — Я пять лет был рабом в Лодидхапуре, но потом бежал и всю остальную жизнь провел в джунглях.

— А ты когда-нибудь видел в джунглях прогуливающегося старика, — продолжал Кинг, — старика в длинном желтом одеянии и с красным зонтом?

— Конечно,— отвечал Че,— и ты его видел тоже. Это Вай Тхон, и ты спас его от Господина Тигра.

Кинг уставился на Че, раскрыв рот.

— А у тебя тоже бывают приступы лихорадки?

— Нет,— возразил Че.— Я человек сильный и никогда не болею.

— Да,— с гордостью подтвердила Кенгри,— Че очень сильный. Сколько лет я его знаю, он ни разу не болел.

— Кенгри, а ты видала этого старика в желтом с красным зонтиком? — скептически осведомился Гордон.

— Конечно. А почему ты спрашиваешь? — заинтересовалась она.

— И ты видела, как я убил тигра? — продолжал американец.

— Я не видела, как ты его убивал, но я слышала сильный шум, и я видела его после того, как он умер. У него за левым ухом была маленькая круглая дырочка, а когда Че освежевал его и разрезал, чтобы узнать, отчего он умер, он нашел кусочек металла, такого же металла, что покрывает стены дворца Лодивармана.

— Это свинец,— сказал Че с видом превосходства.

— Так вы хотите сказать, что и старик, и тигр были настоящие? — воскликнул Гордон.

— А ты что думаешь, кто они? — удивился Че.

— Я думал, что это такая же ерунда, что и сны, что я видел во время лихорадки,— ответил Кинг.

— Нет,— сказал Че,— это не сны. Они настоящие. Для тебя и для меня, и для Вай Тхона очень хорошо, что ты убил тигра, хотя ни я, ни Вай Тхон не поняли, как ты это сделал.

— Да,— для Вай Тхона это действительно хорошо,— согласился Кинг.

— И для тебя, и для меня,— настойчиво повторил Че.

— А почему?

— Вай Тхон — верховный жрец Шивы в Лодидхапуре. Он очень могуществен. Только Лодиварман, король, имеет больше власти. Вай Тхон, погрузившись в раздумья, ушел далеко от города. Он не знал, где он. Он не знал как вернуться в Лодидхапуру. Кенгри и я — беглые рабы из Лодидхапуры. Если бы нас обнаружили до того, как это все случилось, нас бы убили, но Вай Тхон обещал нам свободу, если я доведу его до города. В благо-

дарность за то, что ты спас ему жизнь, он велел нам с Кенгри вылечить тебя и позаботиться о тебе. Так что для всех нас хорошо, что ты убил тигра, который мог убить Вай Тхона.

— А если бы Вай Тхон не взял с вас слова, что бы вы сделали, Че?

— Мы беглые рабы,— отвечал Че.— Мы боимся всех, или точнее, пока Вай Тхон не обещал нам свободу, мы боялись всех. И для нас безопаснее было бы оставить тебя умирать, потому что мы тебя не знали, а ты мог бы сказать солдатам Лодивармана и привести их в наше убежище.

Некоторое время Кинг лежал, раздумывая об услышанном и пытаясь установить грань между галлюцинацией и реальностью.

— Может быть тогда,— улыбнулся он,— и плачущая королева на туманном слоне, и множество воинов в медных полированных кирасах тоже были на самом деле.

— А ты их видел? — спросил Че.

— Да.

— Когда и где? — заволновался охотник.

— Это было явно незадолго до того, как я встретил верховного жреца и тигра.

— Они подходят все ближе,— нервничая обратился Че к Кенгри.— Нам надо искать другое убежище.

— Ты забыл об обещании Вай Тхона,— напомнила Кенгри.— Мы теперь свободны, мы больше не рабы.

— Я забыл,— согласился Че.— Я еще не привык к свободе, а потом я все думаю, не забудет ли об этом Вай Тхон.

— Не думаю,— сказала женщина.— Лодиварман может забыть, а Вай Тхон — нет. В Лодидхапуре все так говорили.

— А вы и вправду верите, что я видел слона и королеву, и солдат? — еще раз спросил Гордон Кинг.

— А почему бы и нет?

— Неужели в джунглях есть и такое? — продолжал расспрашивать Гордон.

— Конечно.

— А город Лодидхапура близко от джунглей? Я никогда о нем не слышал.

— А он в джунглях,— сказал Че.

Кинг покачал головой.— Странно,— проговорил

он, — я бродил по джунглям несколько дней и нигде не видел ни людей, ни человеческих жилищ.

— В джунглях много такого, что человек может и не увидеть, — возразил Че. — Например, наги и йики. Можешь радоваться, что не видел их.

— А что это — наги и йики? — удивился Гордон.

— Наги — это люди-кобры, — отвечал Че. — Они живут в огромном дворце на вершине горы и очень могущественны. У них по семь голов, и они могут превратиться в любое создание, какое пожелают. Они маги. Говорят, что главная жена Лодивармана — королева нагов, и что она превратилась в красивую женщину и может править смертными, как правят боги. Но я в это не верю, потому что никто, даже нага, не захотела бы стать королевой прокаженного короля. Йики гораздо страшнее, потому что живут не на вершине горы, а повсюду в джунглях.

— А на что они похожи? — спросил Кинг.

— Они ужасные великаны-людоеды, — сказал Че.

— А ты их видел?

— Конечно, нет. Их видят только те, кого они сжирают.

Гордон Кинг вежливо выслушал легенды Че и Кенгри, в том числе и рассказы о сказочном городе Лодидхапуре и его прокаженном короле Лодивармане. Что касается верховного жреца Вай Тхона, то относительно него Гордон был несколько в растерянности, но затем решил, что старик — просто эксцентричный отшельник, живущий в джунглях, и что о нем просто ходят всякие сказки, что так многословно ему пересказали Че и Кенгри. Кинг сомневался и в том, что его друзья были беглыми рабами из сказочной Лодидхапуры, и решил, что просто они внесли романтическую нотку в свое монотонное существование, выдумав еще одну небылицу.

Силы Кинга стремительно восстанавливались, и он настойчиво требовал, чтобы ему разрешили больше времени проводить на открытом воздухе. Он собирался сопровождать Че на охоту, но тот отговаривался, объясняя, что Кинг недостаточно окреп. Так что американцу пришлось довольствоваться компанией Кенгри и Уды. Он принялся тренироваться, овладевая оружием, которое Че ему изготовил: луком со стрелами и коротким, тяжелым, похожим на дротик копьем. Благодаря занятиям легкой атлетикой во время учебы в колледже, Кинг

умело с ним управлялся, а стрельбой из лука он занялся так прилежно, что вскоре его мастерство вызвало восхищенные аплодисменты Кенгри, считавшей Че лучшим стрелком из лука на свете.

Жилище Че и Кенгри находилось в развалинах древнего кхмерского храма и представляло собой маленькую комнату, устоявшую в отличие от всего здания, в борьбе со временем. В комнате, приютившей маленькую лесную семью, был только один вход — небольшое отверстие, которое на ночь легко можно было блокировать плоским камнем, неприступным для любых хищных разбойников.

Существование их было таким же простым и примитивным как была, должно быть, и жизнь первобытных людей, но даже Кинг смог почувствовать в нем необъяснимое очарование, несмотря на однообразие и желание поскорее выбраться из джунглей.

Че не знал ничего, кроме джунглей и сказочной Лодидхапуры. Нам трудно осознать бесконечность Вселенной, но Че был в состоянии вообразить бесконечные джунгли. Вопрос границ не интересовал, а потому и не пугал его. Миром для него были джунгли. Осознав это, Кинг понял, что бессмысленно рассчитывать на то, что Че выведет его из джунглей, не имевших для него конца.

Уже в течение некоторого времени Кинг совершал небольшие прогулки в джунгли, желая доказать Че, что он достаточно окреп и может его сопровождать на охоту. Но каждый раз ему приводилось в ответ столько доводов и извинений, что в конце концов он сообразил, что Че просто не хочет брать его с собой. Тогда американец решил сам отправиться в джунгли на более продолжительное время, чтобы доказать свою дееспособность. Как-то утром, когда Че уже ушел, Гордон тоже отправился в лес, но в противоположную сторону. Он твердо решил принести домой хоть какую-нибудь добычу, чтобы продемонстрировать свою ловкость, но как бы тихо он ни двигался, как бы пристально ни вглядывался, никаких признаков дичи не увидел и, уже зная по собственному горькому опыту, как легко в джунглях заблудиться, повернул обратно с пустыми руками.

Во время долгого выздоровления у Кинга была возможность многое обдумать и понять, в том числе и постыдное неумение ориентироваться в лесу. Теперь-то

он знал, что если он не будет отмечать свой путь в джунглях, то может и не надеяться вернуться к дому Че и Кенгри. Делать на деревьях зарубки ножом он не мог, потому что боялся спугнуть звуком удара дичь. Но он оставлял другие знаки — где втыкая ветку в рыхлую кору, где оставляя на земле след копьём, где раскладывая прутьи в форме стрелы, обозначавшей направление к дому. Прodelав все это, обратный путь он нашел с легкостью.

Для того, чтобы напрактиковаться ходить бесшумно, Кинг и теперь ступал тихо как кошка на охоте. Поэтому издали он увидел нечто, от чего у него кровь в жилах застыла. Маленький Уда играл на полянке перед домом. Он копал острой палочкой землю, а на другой стороне вырубки — полянку расчистил сам Че — припала к земле большая пантера. Кинг увидел, как зверь начал подтягивать задние лапы, готовясь к прыжку.

IV

ФОУ-ТАН

С удачной охоты Че вернулся рано. Он тоже шел бесшумно, потому что всегда ходил так. Вырубку он мог увидеть издалека, из леса. Он видел как Уда играет, что-то копая; сухая листва при этом так громко шуршала, что смогла заглушить шаги даже менее осторожного обитателя джунглей чем Че. Отец улыбнулся, глядя на своего первенца, но тотчас же улыбка сменилась выражением ужаса: он увидел прыжок пантеры.

Кенгри тоже видела это — она как раз выходила из своего сумрачного жилища — и закричала, бросившись вперед, чтобы защитить свое дитя. А затем почти сразу же Че увидел, что из джунглей летит короткое, похожее на дротик тяжелое копьё. Он увидел, что пантера изогнулась, а когда он рванулся вперед, то заметил, что бледнолицый буквально влетел на полянку и схватил Уду на руки.

Че как и Кинг, понимая, как может взъяриться раненая пантера, бросился с копьём наготове к месту событий. Кинг передал Уду Кенгри и повернулся лицом к зверю. Но уже не было никакой необходимости в столь мощном ударе, какой нанес пантере Че: зверь был мертв.

Какое-то время все постояли, глядя на убитого зверя — четверо первобытных людей в набедренных повязках. Кинг впервые испытал волнение первобытного охотника. Его трясло немножко, но это была реакция на страх за жизнь Уды.

— Это огромная пантера,— просто сказал Че.

— Только сильный человек мог так ее сразить,— выговорила Кенгри.— Только Че мог одним ударом поразить такую громадную пантеру.

— Это копье не Че. Это копье бледнолицего, это он уложил принца тьмы,— сказал Че.

Кенгри удивилась, но не поверила, пока не осмотрела копье, торчавшее из-под левой лопатки громадной кошки.— Это и есть та награда, о которой говорил Вай Тхон. Он говорил, что мы ее получим, если подружимся с бледнолицым,— объявила она.

Уда не сказал ничего, но вырвавшись из материнских рук, подбежал к пантере и принялся колотить ее палочкой.

На следующий день Че пригласил Кинга на охоту. После трудного дня они вернулись ни с чем, и Кинг понял, что на мелкую дичь лучше охотиться в одиночку. Поэтому на утро он объявил, что поохотится один в другой части леса, и Че согласился, что так будет лучше.

Отмечая как и раньше, свой путь, Кинг охотился на неизвестной ему территории. Лес здесь был не такой глухой. Меньше было кустарника, и Гордон обнаружил, что вышел на широкую слоновью тропу. По ней можно было идти гораздо быстрее, чем в царстве деревьев и кустов.

Удачи в охоте опять не было, и он уже было решил поворачивать назад, когда вдруг услышал незнакомый звук. Что это было, он не знал. Похоже было на странный металлический звон, сопровождаемый человеческими голосами.

— Может быть,— сказал вслух Кинг,— мне удастся увидеть нагов или йиков.

Звук явно приближался, а поскольку из бесед с Че и Кенгри Кинг хорошо усвоил, что в джунглях можно повстречать не слишком приветливо настроенные существа, то он пересек слоновью тропу и спрятался за какими-то кустами.

Авторов этих звуков ему долго ждать не пришлось. А увидя их, он пощупал голову. Нет, вроде не горячая.

Тогда он сделал то, что уже делал в подобных ситуациях: зажмурился, а потом опять открыл глаза. Но видение на этот раз никуда не исчезло: смуглые солдаты в сверкающих медных кирасах поверх кожаных кафтанов, доходящих до середины бедра, тяжелых сандалиях, странных шлемах и вооруженные мечами, копьями и луками.

Они подходили, переговариваясь, а когда подошли близко, Кинг обнаружил, что они говорят на том же языке, что Че и Кенгри. Судя по всему, они спорили со своим предводителем, который хотел идти дальше, в то время как остальные предпочитали вернуться назад.

— Так нам придется провести ночь в джунглях, — сказал один из них. — А если мы пойдем дальше, то нам придется провести две ночи в лесу. Только дураку хочется ночевать в берлоге Господина Тигра.

Они остановились совсем рядом с Кингом, так что ему все было ясно слышно. Предводитель, похоже, был не более чем старшиной, с неслишком большим авторитетом, иначе бы он просто приказывал, а не спорил и упрасивал.

— Да, вам хорошо настаивать на возвращении, — огрызнулся он, — потому что вы знаете, что если мы вернемся без апсары, то накажут только меня. Но позвольте доложить, что если вы меня принудите вернуться назад, все будет сказано как есть и вас накажут тоже.

— Ну а если мы не сможем ее найти, то и не найдем, — проворчал один из солдат. — Что же, нам оставаться в джунглях и до конца дней своих разыскивать сбежавшую апсару?

— Я охотнее встречусь с Господином Тигром и проведу с ним конец жизни, чем с Лодиварманом, если мы девушку не найдем, — отвечивал старшина.

— Вама говорит правду, — сказал третий. — Короля Лодивармана наши объяснения, почему мы вернулись с пустыми руками, не интересуют. Если мы вернемся в город завтра без девушки, и Вама объявит, что мы заставили его вернуться, Лодиварман, особенно если у него будет скверное настроение — а у него другого и не бывает — велит нас всех казнить. А вот если нас не будет много дней, и мы вернемся с рассказами о всяких ужасах и трудностях, то он подумает, что мы сделали все, что только могли совершить такие храбрые воины, и может быть, смягчит свой гнев.

— Ну наконец-то, — прокомментировал Вама, — вы начинаете говорить как разумные и цивилизованные люди. Давайте продолжим путь.

По мере того, как они удалялись, шло обсуждение, что следует найти удобное место для длительного отдыха, чтобы провести там столько времени, что король поверит в их долгие и трудные поиски. Гордон дождался их ухода и вылез из своего укрытия: его встревожило, что они направились в сторону жилья Че и Кенгри. Кинг был просто-таки заинтригован увиденным. Он понял, что солдаты — отнюдь не плод воспаленного воображения. Они были творениями из плоти и крови, а потому представляли собой гораздо большую тайну, чем любые создания его бреда, хотя все равно ни в какие рамки это не укладывалось. Рассудок его говорил, что здесь, в необитаемых джунглях не может быть никаких воинов, и уж во всяком случае, никаких древних доспехов и вооружения. Такие типы годятся для сцены или экрана. Вполне возможно и даже логично, что такие солдаты патрулировали эти места сотни лет назад, но с тех пор территория оккупирована джунглями со слонами и тиграми.

Он припомнил рассказы проводника о призраках древних кхмеров, разгуливающих по тропам в глубине сумрачного леса. Вспомнил он и других солдат, девушку с грустными глазами на громадном слоне и принялся размышлять о собственной вменяемости. Ему было известно о временных и постоянных возможных осложнениях после лихорадки, и возвращался он из-за этого встревоженный и даже испуганный состоянием своего мозга. Но все же то, что он пошел кружным путем, чтобы не столкнуться с воинами, немного его успокаивало — видимо, не настолько уж он сошел с ума или уже успел к своему безумию приспособиться.

— Плачущие королевы на призрачных слонах! — бормотал он. — Воины в медных доспехах! Тайна Востока! Все-таки это скорее всего призраки. Ведь за время существования человечества накоплено немало доказательств материализации бестелесных духов. То, что я никогда никаких призраков не встречал, еще не значит, что их не существует. Западному мышлению вообще много на Востоке недоступно. Скорее всего я и, правда, видел призраки, материализовавшихся вплоть до грязных ног и потных лиц. Наверно мне следует их признать в ка-

честве призраков, потому что таких солдат нигде в мире не существует.

Сам же Кинг, бесшумно двигавшийся по лесу, представлял собой гораздо больший анахронизм, чем солдаты в медных доспехах. Они в конце концов олицетворяли собой хоть какую-то эпоху цивилизации и прогресса, а он, внешне во всяком случае, представлял во всей красе зарю человеческой эволюции — охотник в набедренной повязке из леопардовой шкуры и грубых сандалиях работы Кенгри. Босиком еще ходить он не мог, ноги его к этому не были приспособлены, не то что загрубелые ступни Че и Кенгри. Он загорел, волосы отросли. По чистой случайности он был чисто выбрит. У него всегда была привычка носить с собой безопасную бритву — почему, он и сам бы не смог объяснить. Это была вульгарная идиосинкразия, к тому же единственная вещь, что выпала из кармана, когда обезьяны ее тащили, которая хоть чего-то стоила — была именно бритва. Кроме нее, Уда потом нашел серебряный карандашик и кучку французских монет.

Он двигался по лесу с уверенностью человека, не знавшего иной жизни — человек быстро приспосабливается к среде обитания. Слух и обоняние были уже настолько приучены к знакомым звукам и запахам джунглей, что позволяли ориентироваться буквально на ходу. Одновременно росла и уверенность в себе. Одним словом, он чувствовал, что вскоре совершенно спокойно сможет отправиться на поиски цивилизации. Правда, сегодня его помыслы были сосредоточены не на этом: он был все еще во власти потрясения от встречи с воинами. Но все его рассуждения были внезапно прерваны промелькнувшей между стволами деревьев полосатой шкурой.

Прежних приступов страха при виде властителя джунглей Гордон уже не знал с тех пор как понял, что далеко не каждый тигр мечтает его сожрать и что в девяти случаях из десяти, наоборот, старается уйти с его пути. Конечно, всегда нужно помнить об этом десятом, но если вокруг много деревьев, а глаза, уши и нос настороже, то и десятого можно перехитрить.

Так что на этот раз Кинг не изменил своего маршрута, хотя тигра и увидел. Для того, чтобы ретироваться, если намерения властелина того потребуют, было достаточно. А пока лучше держать зверя в поле зрения,

чтобы не получилось так, что он пошел в обход и преспокойно следует за тобой. Именно поэтому Кинг пошел немного быстрее и вскоре вновь увидел тигра, но кроме хищника его глазам предстал еще один участник крайне неприятной картины.

Перед тигром лицом к нему стояла девушка. Широко раскрытые глаза ее были полны ужаса. Она застыла как в трансе перед подкрадывающимся к ней тигром. Девушка была тоненькая, одетая в не менее фантастический наряд, чем недавно прошедшие солдаты. Ее поистине великолепный наряд был порван, и даже на расстоянии было видно, что лицо и руки ее исцарапаны и кровоточат. В лице ее Кингу показалось что-то знакомое. Но это ощущение мгновенно мелькнуло и прошло, поскольку он сосредоточился на ее жутком положении.

Казалось невозможно спасти ее от медленно крадущейся смерти, но Гордон решил попытаться. Все его надежды заключались в том, чтобы отвлечь внимание хищника. Если удастся переключить внимание зверя на себя, то девушка сможет спастись.

Он закричал, и тигр оглянулся.— Беги! — завопил он.— Быстро! На дерево!

Крича, Гордон бежал вперед. Тяжелое копье уже было наготове, хотя это было просто безумие. Он забыл об опасности и о себе, думая только о девушке. Тигр опять уставился на нее: она послушно побежала в указанном Кингом направлении к ближайшему дереву. Несмотря на обтягивающую ее длинную юбку, она изо всех сил карабкалась, стараясь как можно скорее на него взобраться.

Тигр помедлил лишь мгновение. Он совершенно вышел из себя, увидев, что его планы подло нарушены. Дико взревев, а потом издавая знакомые Гордону кашляющие звуки, он подобрался и помчался навстречу длинными плавными прыжками. Единым духом он покрыл двенадцать из пятнадцати разделявших их с Кингом футов. Полет его был стремителен, и Кингу ничего иного не оставалось, как прочно стоять на ногах и обратить свое маленькое копье против этого чудовищного механизма разрушения.

В его памяти всплыла картина обсаженного деревьями стадиона и молодых людей, углубленных в спортивные состязания по метанию копья. Среди них был и он. Настала его очередь. Рука его пошла назад. И мыслен-

но Гордон стал вспоминать и восстанавливать, как распределял вес, свой замах и искусство броска. Вспомнил он и дружеские поздравления. Не дожидаясь решения судей все и так знали, что он побил мировой рекорд.

И сейчас его рука опять пошла назад. Он не растерялся и сейчас, тем более что ставкой был не мировой рекорд. Точный расчет расстояния, умение до унции распределить вес, навык и громадная сила, пославшие копье, остановили тигра буквально на взлете, в прыжке. Удар пришелся прямо в грудь. Кинг отпрыгнул и бросился к дереву, лелея надежду на то, что хоть на миг остановил зверя.

Он даже не оглянулся, чтобы не расходовать зря энергию. Если тигру удастся до него добраться, то Гордону все равно — спереди или сзади. Козырь он выложил, а других у него нет.

Но пока Кинг взбирался на ближайшее дерево, его не задели ни клыки, ни когти. Надо признаться, что устроившись среди листвы, он с изумлением обнаружил, что находится в безопасности, он ведь искренне не верил, что ему удастся избежать смерти.

Теперь у него появилась возможность оглядеться, и он увидел, что тигр корчится в агонии на том самом месте, где собирался одним ударом лапы еще раз подтвердить свою непререкаемую власть в джунглях. Немного правее от тигра американец увидел скорчившуюся на ветке дерева девушку. Они оба следили за агонией зверя; когда Гордон убедился, что тот мертв, то легко соскочил на землю и подбежал к дереву, где пряталась девушка.

По расстроенному и испуганному выражению ее лица было ясно, что в себя она еще не пришла.

— Уходи отсюда! — закричала она. — Солдаты Лодивармана здесь, и если ты причинишь мне зло, они убьют тебя.

Кинг улыбнулся. — Ты непоследовательна — хочешь искать защиты у тех, от кого прячешься. Ты не бойся, я не обижу тебя.

— Кто ты? — спросила она.

— Я охотник из джунглей, — ответил он. — Я защитник верховных жрецов и плачущих королей, во всяком случае мне так кажется.

— Верховных жрецов и плачущих королей? Что ты этим хочешь сказать?

— Я спас Вай Тхона, верховного жреца от повелителя джунглей,— отвечал Кинг,— а теперь тебя.

— Но я не королева, и я не плачу,— возразила девушка.

— Не разочаровывай меня,— продолжал Кинг.— Я утверждаю, что ты королева, плачешь ты или нет. Я не удивлюсь даже, если ты королева нагов. В этих джунглях я уже вообще ничему не способен удивляться — ни анахронизмам, ни галлюцинациям, ни просто чему-нибудь невероятному.

— Помоги мне слезть с дерева,— попросила девушка.— Может быть, ты сумасшедший, но мне кажется, что тебя незачем бояться.

— Будьте спокойны, ваше величество, я вас не обижу,— заверил Кинг,— потому что мне кажется, что сейчас сюда заявятся десять тысяч слонов и сто тысяч солдат в сверкающих медных доспехах тебе на помощь. Сегодня, после всего, что мне довелось увидеть, я ничему не удивлюсь. Дай только до тебя дотронуться, чтобы убедиться, что я не жертва лихорадки.

— О Великий Шива, ты спас меня от тигра, спаси меня от этого безумца!

— Прости,— сказал Кинг,— что-то я тебя не пойму.

— Мне страшно.

— Не надо меня бояться,— попросил Кинг,— а если хочешь, я приведу солдат. Но мне кажется, что их ты боишься больше чем меня.

— Откуда ты знаешь?

— Я слышал как они неподалеку от меня разговаривали,— сообщил американец,— и я узнал, что они охотятся за тобой, чтобы вернуть кому-то, от кого ты сбежала. Давай, я помогу тебе спуститься. Можешь мне довериться.

Он протянул руки и, поколебавшись, она соскользнула к нему, и он поставил ее на землю.

— Мне придется довериться тебе,— сказала она.— У меня нет другого выхода, не могу же я навсегда поселиться на дереве, а кроме того, хоть ты и безумен, но почему-то рядом с тобой я чувствую себя в безопасности.

Ощувив ее мягкое, гибкое тело, Кинг понял, что это не сон. Маленькая рука на мгновение коснулась его плеча, теплое дыхание обвевало его щеку, а твердые юные груди прикоснулись к его обнаженной груди. Она

отступила и внимательно поглядела на него.

— Что ты за человек? — спросила она. — Ты не кхмер и не раб. Я никогда не видела у людей кожу такого цвета, черты лица у тебя тоже не такие как у людей нашей расы. Может быть, ты перевоплощение древних, о которых рассказывают легенды, а может, ты наг, принявший человеческий облик для какой-нибудь ужасной цели?

— А может, я йик, — предложил вариант Кинг.

— Нет, — совершенно серьезно продолжила она, — я уверена, что нет, потому что известно, что они отвратительны, а ты хоть и не похож на людей, к каким я привыкла, но красивый.

— Я не наг и не йик.

— Тогда, наверно, ты из Лодидхапуры, — один из людей Лодивармана.

— Нет, — ответил он. — Я никогда не был в Лодидхапуре. Я никогда не видел короля Лодивармана, и если на то пошло, то вообще не верю, что все они существуют.

Темные глаза внимательно и пристально разглядывали его. — Не могу в это поверить, потому что невероятно, что в мире существует кто-то, кто не слышал о Лодидхапуре и Лодивармане.

— Я из далекой страны, — объяснил Кинг, — где миллионы людей никогда не слышали о кхмерах.

— Это невозможно! — воскликнула она.

— Но тем не менее правда.

— Из какой ты страны? — спросила она.

— Из Америки.

— Никогда не слышала о такой стране.

— Тогда ты можешь понять, что я никогда не слышал о Лодидхапуре.

Девушка помолчала, явно оценивая логику его утверждения. — Может быть, ты и прав, — сказала она наконец. — Может быть, в джунглях есть и другие города, о которых мы никогда не слышали. Но скажи мне — ты спас мне жизнь, рискуя своей — зачем ты это сделал?

— А что я должен был делать? — удивился Гордон.

— Ты мог убежать и спастись.

Кинг улыбнулся, но не ответил. Он раздумывал над вопросом, существует ли вообще мужчина, который мог бы сбежать и оставить такое прелестное и беспомощное создание на съедение Господину Тигру.

— Ты очень храбр,— продолжала она.— Как тебя зовут?

— Гордон Кинг.

— Гордон Кинг,— повторила она тихим, нежным голосом.— Это красивое имя, но оно не похоже ни на одно имя, что мне доводилось слышать.

— А как зовут тебя? — спросил Кинг.

— Меня зовут Фоу-тан,— пристально глядя на него, как бы желая увидеть, какое впечатление произвело на него ее имя, ответила она.

Кинг подумал, что Фоу-тан звучит красиво, но говорить об этом было бы банально. Он смотрел на ее изящную фигуру, прекрасные глаза и нежную смуглую кожу. Она напоминала ему плачущую королеву на призрачном слоне из видения во время болезни, и его вновь охватили сомнения относительно состояния его собственного рассудка.

— Скажи мне,— внезапно обратился он к Фоу-тан.— Ты никогда не ехала в джунглях на огромном слоне в сопровождении эскорта солдат в медных доспехах?

— Ехала,— ответила она.

— И ты говоришь, что ты из Лодидхапуры? — продолжал он.

— Я как раз оттуда.

— Ты когда-нибудь слышала о священнослужителе по имени Вай Тхон?

— Он верховный жрец Шивы в городе Лодидхапуре,— вымолвила она.

Кинг растерянно потряс головой.— Трудно понять,— пробормотал он,— где кончается сон и начинается явь.

— Я не понимаю тебя,— она удивленно подняла брови.

— Я и сам себя не понимаю,— согласился он.

— Ты странный человек,— проговорила Фоу-тан.— Не знаю, верить тебе или бояться. Ты не похож ни на кого из тех, что я видела в жизни. Что ты хочешь делать со мной?

— Наверно, лучше всего тебя отвести к Че и Кенгри, а завтра Че может отвести тебя в Лодидхапуру.

— Но я не хочу возвращаться в Лодидхапуру.

— Почему?

— Слушай, Гордон Кинг, и я расскажу тебе,— сказала Фон-тан.

ПЛЕН

— Давай сядем на поваленное дерево,— сказала Фоу-тан,— я расскажу тебе, почему не хочу возвращаться в Лодидхапуру.

Сидя рядом с девушкой, Кинг поражался ее удивительному физическому обаянию. Каждое движение ее гибкого тела, каждый грациозный жест, меняющееся выражение прекрасного лица и глаз буквально притягивали. Она излучала магнетизм. Он ощущал его кожей, глазами, ноздрями. Создавалось впечатление, что годы бережной селекции были употреблены на то, чтобы создать ее для того, чтобы в каждом мужчине при виде ее возникало желание обладать ею, но в то же время ее окружал ореол удивительной чистоты, вызывавшей у Кинга желание защитить, нормальное для каждого мужчины по отношению к женщине, посланной ему Провидением.

— Почему ты так на меня смотришь? — внезапно спросила она.

— Прости меня,— сказал Кинг просто.— Продолжай свою историю.

— Я из Пном Дхека,— начала Фоу-тан,— где король Бенг Кхер. Пном Дхек больше Лодидхапуры, а Бенг Кхер могущественнее Лодивармана.

Бхарата Рахон желал меня. Он хотел взять меня в жены. Я умоляла отца моего ... умоляла отца не отдавать меня Бхарате Рахону; но он сказал, что я сама не знаю, чего хочу, просто мне кажется, что я не люблю Бхарату Рахона, что он будет мне хорошим мужем и что после свадьбы я буду счастлива.

Я знала, что нужно что-то сделать, чтобы убедить отца, что я и сердцем и разумом против брака с Бхаратом Рахоном, поэтому решила бежать в джунгли, чтобы показать, что предпочитаю смерть жизни с человеком, которого выбрал для меня отец.

Я не хотела умирать. Я хотела, чтобы меня быстро нашли, а когда пришла ночь, я испугалась. От ужаса я забралась на дерево. Я слышала, как Господин Тигр бродил во мраке, и я так боялась, что думала, что потеряю сознание и упаду прямо к нему в пасть; но когда наступил день я все еще продолжала думать, что лучше попасть в лапы к повелителю джунглей, чем к Бхарате Рахону,

самому отвратительному человеку, даже имя которого я ненавижу.

Но я все же пошла по направлению к Пном Дхеку, то есть я так тогда думала, а теперь-то я понимаю, что шла в противоположном направлении. Я надеялась, что люди, которых мой отец послал на поиски, найдут меня, потому что я не хотела сама возвращаться в Пном Дхек.

День склонился к вечеру, но я никого не встретила и опять испугалась. Я поняла, что заблудилась в джунглях. Потом я услышала тяжелую поступь слона и бряцанье оружия и человеческие голоса, и преисполнилась облегчения и благодарности, потому что думала, что эти люди разыскивали меня.

Но когда я увидела воинов, то поняла, что на них латы Лодивармана. Я перепугалась и попыталась убежать, но они увидели меня и догнали. Они легко захватили меня, и велика была их радость, когда они меня разглядывали.

— Лодиварман нас хорошо вознаградит, — кричали они, — когда увидит, кого мы привели из Пном Дхека.

Так что они посадили меня на слона и направились в Лодидхапуру, где меня немедленно доставили к Лодиварману.

О Гордон Кинг, это был страшный момент. Я испугалась, когда оказалась так близко от прокаженного короля Лодидхапуры. Он был покрыт большими язвами. В этот день он был в скверном настроении и невнимателен. Он едва взглянул на меня, но приказал, чтобы меня отвели в покои к апсарам, и так я стала придворной танцовщицей у прокаженного короля.

Никогда, о Гордон Кинг, не объяснить мне, как я страдала каждый раз, когда мне приходилось танцевать перед Лодиварманом. Каждая его язва, казалось, тянется ко мне и заражает меня. Я, почти теряя сознание, должна была продолжать ритуальные танцы.

Я старалась прятать лицо, потому что знала, что красива, и знала какая судьба ожидает красивых женщин при дворе короля Лодивармана.

Но однажды я поняла, что он обратил на меня внимание. Я видела, как он следил за мной своим мертвым взором. Мы танцевали в огромном зале, где он развлекался со своими придворными. Лодиварман сидел на троне. Крытые свинцом стены были богато разукрашены картинами и драпировками. Полированные каменные

плиты у нас под ногами казались мне мягче сердца Лодивармана.

Танцы наконец закончились, и нам было разрешено удалиться в наши покои. Там ко мне сразу же подошел капитан королевской стражи в сверкающем парадном мундире.

— Король смотрел на тебя,— сказал он,— и хочет воздать тебе почести как того требует твоя красота.

— Танцевать во дворце короля Лодивармана,— ответила я,— большая честь для меня.

— Тебе предстоит удостоится более явного выражения почестей от короля.

— Я довольна и тем, что имею,— сказала я.

— Не тебе выбирать, Фоу-тан,— заявил посланец.— Король выбрал тебя в наложницы. Возрадуйся, быть может, тебе предстоит когда-нибудь стать королевой.

От ужаса я готова была упасть в обморок. Что мне было делать? Я должна была выиграть время. Я подумала было о самоубийстве, но я молода и мне не хочется умирать.— Когда я должна предстать перед королем? — спросила я.

— Тебе будет дано время подготовиться,— отвечал посланец.— Три дня женщины должны будут купать и умащать твое тело, а на четвертый ты предстанешь перед королем.

Четыре дня! За четыре дня я должна найти какую-нибудь возможность избежать ужасной судьбы, на которую меня обрекла моя красота.— Иди,— сказала ему я.— Оставь меня в покое на четыре дня, что мне осталось жить и чувствовать хоть что-то похожее на счастье.

Посланец удалился, ухмыляясь, а я бросилась на ложе и разразилась слезами. На следующий вечер апсары должны были танцевать при луне около храма Шивы, а поскольку мне велели начинать готовиться к часу воздаяния мне королевских почестей сразу же, то мне пришлось умолять разрешить мне в последний раз участвовать в чествовании Шивы, Разрушителя.

Ночь была темная. Колеблющийся свет факелов, освещавших двор, делал тени танцующих апсар странными и пугающими. В танце я должна была быть в маске, а в ряду апсар я была крайняя слева. Я находилась очень близко от зрителей, окружавших двор, настолько, что во время исполнения некоторых движений я почти

касалась их. В этом и заключалась моя надежда на спасение.

Все время, что я танцевала, я мысленно отшлифовывала детали пришедшего мне в голову днем плана. Сложные переплетения позиций и шагов танца мне знакомы с детства и не занимали внимания. Я проделывала их механически, полностью сосредоточившись на разрабатывании схемы. Я знала, что в одном месте в танце внимание всех будет устремлено на апсару в центре первого ряда, и когда этот момент наступил, я быстро перешла к зрителям.

Они сразу же заметили меня, но я объяснила, что мне плохо и я возвращаюсь в храм.

Восхищенные тем, что я так близко от них, зрители меня тотчас же пропустили — ведь в представлении людей апсары почти святые.

Позади всех находилась низкая стена, окружавшая двор храма. Через определенные промежутки ее венчают великолепные статуи семиголовых кобр — эмблема королевских нагов. Между ними лежали глубокие тени, и пока глаза всех были устремлены на ведущую апсару, я быстро вскарабкалась на стену и спряталась в тени огромного нага. Подо мною были черные, таинственные, страшные воды рва, на дне которого живут крокодилы. Король велел их туда пустить для охраны храма. На другой стороне рва лежит широкая дорога, ведущая к королевскому слоновнику. Все проходы были пусты, потому что караульные, несшие службу внутри, смотрели танцы апсар.

Я прошептала молитвы Бrame, Вишну и Шиве и как могла тихо скользнула в воды рва. До другого берега я добралась быстро, каждую секунду ожидая, что чудовищные челюсти крокодилов настигнут меня. Но молитвы мои были услышаны, и я достигла дороги целая и невредимая.

Мне надо было перебраться еще через две стены, прежде чем я смогла выйти за пределы дворца и города. Одежда моя промокла, испачкалась и порвалась, а руки и лицо покрылись царапинами и кровоточили, но я все-таки справилась.

Наконец-то я оказалась в джунглях, в опасности смертельной, но менее ужасной, чем та, которую я избежала. Как я вынесла эту ночь и этот день, я не знаю.

А сейчас всему пришел бы конец, если бы не ты, Гордон Кинг.

Глядя на нежное лицо и изящную фигурку сидящей рядом девушки, Кинг восхищался мужеством и силой воли так, казалось, не сочетающихся с ее обликом и давшим ей возможность выдержать испытания достойные воина.— Ты смелая девушка, Фоу-тан,— сказал он.

— Дочь такого отца иной быть не может,— просто ответила она.

— Такой дочерью может гордиться любой отец, но если мы собираемся сохранить тебя для него, нужно вернуться к Че и Кенгри, и успеть это сделать до наступления темноты.

— А кто эти люди,— спросила Фоу-тан.— Может быть, они захотят вернуть нас в Лодидхапуру, чтобы получить от Лодивармана вознаграждение?

— Не стоит волноваться,— успокоил Кинг.— Это честные люди, беглые рабы из Лодидхапуры. Они были добры ко мне, к тебе же будут добры тем более.

— А если нет, то ты защитишь меня,— тон Фоу-тан дал понять, что она уже поверила в чистоту помыслов и способность защитить ее своего нового друга.

Фоу-тан устала предельно — это стало Кингу ясно почти сразу. До встречи и беседы с ним ее держали сила воли и мужество, но теперь, встретив человека, охотно принявшего на себя заботы о ее безопасности, она немного расслабилась. Кингу приходилось постоянно ее поддерживать и помогать преодолевать труднопроходимые места. Фоу-тан была такая маленькая и легкая, что там, где было уж совсем тяжело, он брал ее на руки и нес как ребенка.

— Ты сильный, Гордон Кинг,— сказала она во время одного из таких переходов. Мягкие руки обвивали его шею, губы были совсем близко к его губам.

— Сильным я должен быть,— промолвил он. Но если она и поняла, о чем он говорит, то виду не подала. Глаза ее закрылись, и головка склонилась к нему на плечо. Он долго нес ее, хотя дорога была ровной и гладкой.

Вама со своими воинами расположились на небольшой поляне, где протекал ручеек. Пока двое охотились, чтобы раздобыть что-нибудь на ужин, остальные разлеглись на траве в полном молчании, причиной которому были голод и усталость. Внезапно Вама сел, прислушиваясь. К ним кто-то приближался.

— Кау и Чек возвращаются с охоты,— прошептал лежавший рядом воин.

— Они ушли в другую сторону,— тихо ответила Вама. Затем он подал знак молчать и спрятаться.

Звук становился все ближе, и вскоре воин в набедренной повязке вышел на поляну, неся на руках разыскиваемую ими апсару. Вама поднялся и вышел из укрытия в сопровождении воинов.

Увидев их, Кинг попытался бежать, но он и сам знал, что с девушкой на руках далеко ему не убежать. Фоу-тан открыла глаза и, увидев солдат, скользнула на землю.

— Мы погибли! — вскричала она.

— Беги! — Кинг выхватил несколько стрел из колчана и приложил одну из них к луку.— Отойди! — закричал он воинам. Но они шли, не останавливаясь, прямо к ним. Тетива его лука зазвенела, и один из солдат Лодивармана осел на землю со стрелой в горле. Остальные замерли. Воспользоваться оружием они не хотели, боясь задеть девушку.

Кинг, прикрывая Фоу-тан, медленно отступал в джунгли. В последний момент он выпустил еще одну стрелу, но она отскочила от кирасы Вамы. Как только они скрылись в густой листве, солдаты снова бросились вперед, зная, что Кингу мешает стрелять густая зелень. Кинг, отступая, одну стрелу все же держал наготове.

Кау и Чек, сделав крюк, возвращались с охоты. Они добыли трех обезьян. Уже почти подойдя к лагерю, они вдруг слышали голоса и звон тетивы, а затем прямо на них из лесу вышли мужчина и девушка. Солдаты сразу же узнали апсару, хоть платье на ней было рваное и грязное, а по поведению этих двоих догадались, что они бегут от Вамы и его парней.

Кау был человек могучий, смелый и находчивый. Он мгновенно оценил ситуацию и столь же молниеносно стал действовать. Он бросился вперед и мощными руками обхватил Гордона Кинга, прижав ему руки тем самым к телу, тогда как Чек последовал его примеру и схватил Фоу-тан. Тут же появились и Вама с остальными. Через секунду Гордон был разоружен и связан, и солдаты Лодивармана повели пленников в лагерь.

Вама был в необыкновенно приподнятом настроении. Теперь ничего не надо выдумывать, чтобы избежать королевского гнева. Нет, теперь он вернется в Лодидха-

пуру с триумфом, приведя не только апсару, но и еще одного пленника.

Кинг полагал, что они с ним быстро покончат, мстя за смерть товарища, но судя по их поведению, они не испытывали по отношению к нему никаких дурных чувств. Солдаты расспрашивали его, пока готовился ужин сразу на нескольких маленьких кострах. Но когда он рассказал, что он из дальней страны, лежащей далеко за пределами джунглей, что конечно, было выше их понимания, они, естественно, решили, что он врет, а на самом деле просто беглый раб из Пном Дхека.

Все они были довольны благополучным исходом дела и, предвкушая возвращение в Лодидхапуру, были очень милы с пленниками, накормив и напоив их.

Фоу-тан вызывала у них уважение и восхищение. Они знали, что она удостоена чести стать одной из фавориток короля, и даже просто грубость по отношению к ней могла вызвать большие неприятности. А добродушное их отношение к Гордону не диктовалось никакими соображениями, просто они все были в великолепном настроении.

Несмотря на уважительные знаки внимания, Фоу-тан погрузилась в меланхолию. Буквально несколько минут назад она была свободна и предвкушала возвращение в родной город, а теперь опять в руках воинов Лодивармана, да к тому же невольно послужила причиной несчастья и несомненно смерти человека, ставшего ее другом.

— О Гордон Кинг, сердце мое ноет, душа преисполнена ужаса и страха не только потому, что я должна вернуться и не миновать мне теперь неотвратимой судьбы, но и потому, что ты обречен в Лодидхапуре на рабство или смерть.

— Мы еще не в Лодидхапуре,— шепнул Кинг.— Может быть, нам еще удастся бежать.

Девушка покачала головой.— Надежды нет,— вымолвила она,— я попаду в лапы Лодивармана, а ты...

— А я? — спросил он.

— Рабы должны сразиться друг с другом и с дикими зверями для развлечения Лодивармана и его двора,— ответила она.

— Тогда надо бежать,— сказал Кинг.— Мы можем погибнуть, но меня смерть ждет так или иначе, а тебя — хуже смерти.

— Я сделаю все, что ты велишь, Гордон Кинг,— промолвила Фоу-тан.

Но этой ночью возможностей для бегства им не предоставилось. После того, как Кинг поел, ему опять связали руки за спиной и тщательно проверяя, связали колени. Кроме того, около девушки неотлучно находилось два воина. Остальные же после ужина сняли оружие и доспехи с погибшего товарища и уложили его тело на кучу собранного ими хвороста. Сверху они положили сучья, ветки и сухую траву. Когда зашло солнце, и наступила ночь, они зажгли погребальный костер, отпугивавший заодно и бродивших в окрестностях хищников. Зрелище это Кинга ужаснуло, но остальные, даже Фоу-тан, восприняли его как само собой разумеющееся. Огромное количество хвороста лежало под рукой, чтобы можно было поддерживать костер до самого утра.

Пламя взметнулось высоко, освещая стволы и листву деревьев. Тени вздымались, опадали, дрожали и качались. Чуть поодаль царили глубокий мрак и таинственная тишина. Кингу казалось, что он накрыт огненной полусферой костра.

Воины лежали вокруг, пошучивая и посмеиваясь. Воспоминания их были грубы и жестоки, шутки и истории непристойны. Но под грубой шелухой ощущались доброта и терпимость друг другу, выражать которые открыто они стыдились. Это были солдаты. Если бы их перенести в лагеря современной Европы, переодеть в современную одежду и посадить рядом с современными солдатами, то беседы бы их ничем не отличались. Солдат всегда солдат. Один из них играл на музыкальном инструменте, напоминающем еврейскую арфу. Двое играли во что-то очень похожее на кости, и все они в разговоре употребляли такое количество ругательств, что Кинг с трудом улавливал смысл их беседы. Солдат всегда солдат.

Вама подошел и присел около Кинга и Фоу-тан.

— А что, в твоей дальней стране ходят голые? — спросил он.

— Нет,— ответил американец.— Я заболел лихорадкой, когда заблудился в джунглях, а пока я болел, обезьяны стащили мое оружие и одежду.

— Ты один живешь в джунглях? — поинтересовался Вама.

Кинг вспомнил о страхе Че и Кенгри перед солдатами в медной броне и коротко ответил: — Да.

— А ты не боишься Господина Тигра? — продолжал допытываться Вама.

— Я начеку и стараюсь избежать с ним встреч, — был ответ американца.

— Это ты верно, — согласился Вама, — с копьем и луком одному с ним не справиться.

— Но Гордон Кинг справляется, — гордо заявила Фоу-тан.

Вама улыбнулся. — Апсара пробыла в джунглях только ночь и день, — напомнил он. — Как же она может так много знать о нем, если только, как я и подозревал, он не из Пном Дхека?

— Он не из Пном Дхека, — парировала Фоу-тан. — И я знаю, что он достойный противник Господина Тигра потому, что я сама видела, как он сразил его одним ударом копья.

Вама вопросительно взглянул на Кинга.

— Это была просто удача, — сказал Гордон.

— Но ты же все равно сделал это, — продолжала настаивать Фоу-тан.

— Ты и вправду убил тигра одним ударом копья? — изумился Вама.

— Когда зверь на него кинулся, — похвасталась Фоу-тан.

— Это, конечно, великолепный подвиг, — сказал Вама, восхищаясь как солдат храбростью и ловкостью другого. — Лодиварман об этом услышит. Такой охотник не должен оставаться безвестным. Я тоже свидетель, стрелять ты умеешь, — добавил Вама, кивнув в сторону погребального костра. Затем он поднялся и подошел к месту, где лежало оружие Кинга. — Клянусь Шивой! — воскликнул он. — Кровь едва подсохла. Ну и удар! Да ты вогнал в Господина Тигра копьё почти на два фута!

— Прямо в сердце, — подтвердила Фоу-тан.

Остальные воины молча прислушивались. После разговора отношение к Кингу заметно изменилось, они стали обращаться с ним уже не снисходительно, а с дружеским уважением. Тем не менее, пут на нем не ослабили, а скорее наоборот, стали следить за ним еще внимательнее.

На следующее утро после скудного завтрака Вама

выступил со всей компанией в путь в Лодидхапуру, оставив тихо дотлевающий костер.

Тропа, по которой они шли в Лодидхапуру, почти пересекалась с той, где Кинг поразил тигра. Там солдаты и увидели конкретное подтверждение рассказа Фоутан — полуобглоданную тушу тигра.

VI

ПРОКАЖЕННЫЙ КОРОЛЬ

День уже склонялся к вечеру, когда отряд неожиданно вышел на открытое место. У Кинга даже вырвалось удивленное восклицание при виде стен и башен великолепного города.

— Лодидхапура, — сказала Фоутан, — проклятый город! — В ее голосе звучал страх, и она, дрожа, теснее прижалась к Гордону.

Хотя Кинг уже осознавал, что Лодидхапура представляет собой значительно большую реальность, чем легенда или бредовая галлюцинация, к подобной реальности он готов не был. В его представлении Лодидхапура ассоциировалась с островерхими тростниковыми крышами, и увидев город, он обомлел.

Каменные храмы и дворцы мощными громадами заслоняли небо. Могучие башни, отделанные искусной резьбой, величественно возвышались над городом. Были здесь островерхие тростниковые и пальмовые хижины, но они теснились у городских стен, совершенно подавленные каменными зданиями, и лишь подчеркивали их красоту и великолепие.

На переднем плане виднелись поля, на которых трудились мужчины и женщины в набедренных повязках — обитатели тростниковых хижин. Это были потомки рабов хамитов и анамитов, привезенных древними кхмерами в качестве военных трофеев в эпоху наивысшего расцвета их цивилизации.

Перед остановившимися на краю джунглей начиналась широкая дорога, шедшая к одним из городских ворот, к которым Вама и направился. Справа Кинг увидел еще одну дорогу к другим воротам города — по ней явно ходили гораздо больше и чаще. Там было много пешеходов. Издали они казались маленьки-

ми, но разглядеть их было можно. Рядом с пешеходами двигались запряженные волами повозки.

Вдали он увидел целую колонну слонов: они в две линии двигались из джунглей в направлении города. Ряды их были бесконечны. Такого количества слонов Кингу еще не доводилось видеть.

— Смотри! — крикнул он Фоу-тан. — Это должно быть, цирк.

— Это королевские слоны, — спокойно объявила Фоу-тан.

— А зачем ему так много? — спросил Кинг.

— Король без слонов — не король, — ответила девушка. — Они свидетельствуют о богатстве и могуществе короля. Когда он ведет войну, то солдаты в битву едут верхом на слонах, а это и есть боевые слоны Лодивармана.

— Их, должно быть, сотни, — заметил американец.

— Их тысячи, — сказала Фоу-тан.

— А против кого воюет Лодиварман?

— Против Пном Дхека.

— Только против Пном Дхека? — продолжал расспросы Кинг.

— Да, только против Пном Дхека.

— А почему он не воюет с кем-нибудь еще? У него, что, нет других врагов?

— А против кого он будет воевать? — удивилась девушка. — В мире существуют только Лодидхапура и Пном Дхек.

— Да, это, верно, его несколько ограничивает, — согласился Кинг.

Они притихли. Затем девушка заговорила.

— Гордон Кинг, — сказала она мягким, ласкающим голосом; он так нравился Гордону, что он иногда специально болтал с ней, только бы послушать звуки его. — Гордон Кинг, мы скоро расстанемся навсегда.

Американец нахмурился. Ему не нравилась даже мысль об этом. Он старался выбросить ее из головы и представить себе, что им разрешат быть вместе после прибытия в Лодидхапуру. Фоу-тан была веселым и приятным спутником даже в самый тяжелый для нее день. Ведь он здесь единственный ее друг! Ну конечно, они не лишат его возможности видаться с ней. После бесед с Вамой и другими воинами у Кинга появилась надежда

на то, что Лодиварман сделает его своим солдатом. Фоу-тан эту надежду разделяла.

— Почему ты так говоришь? — спросил Кинг. — Почему мы больше не увидимся?

— Будет ли тебе грустно, Гордон Кинг, если ты больше не увидишь Фоу-тан? — вместо ответа спросила она.

Гордон помедлил, обдумывая новую для себя проблему. В глазах девушки появилось странное, грустное выражение.

— Это немыслимо, Фоу-тан, — вымолвил он наконец, и взгляд огромных карих глаз смягчился, на них выступили слезы. — Мы с тобой так подружились, — добавил он.

— Да, — согласилась она. — Мы так недолго знакомы, а стали такими добрыми друзьями будто знаем друг друга всю жизнь.

— Почему же мы больше не увидимся? — еще раз задал он вопрос.

— Лодиварман может наказать меня за бегство, а единственное наказание, что удовлетворит его гордыню — смерть. Но если он меня простит, а он, без сомнения, простит меня за мою красоту и молодость и потому что желает меня, то меня возьмут в королевский дворец, и ты не сможешь увидеть меня до тех пор, пока я не умру. Так что так или иначе, результат один.

— Я увижу тебя снова, Фоу-тан, — заявил Кинг.

Она покачала головой. — Я рада, что ты так говоришь, хотя и знаю, что это невозможно.

— Увидишь, Фоу-тан. Если мы оба будем живы, я найду способ увидеть тебя. И я найду способ вывести тебя из дворца и увести в Пном Дхек.

Она посмотрела на него доверчиво и восхищенно. — Когда ты так говоришь, мне невозможное кажется возможным.

— Надейся, Фоу-тан, а когда мы будем врозь, всегда помни, что все мои помыслы сосредоточены на тебе и твоём спасении.

— Это поможет мне жить до последней страшной минуты, после которой уже не будет надежды, а дальше я все равно не пойду.

— Что ты хочешь этим сказать, Фоу-тан? — что-то в ее голосе ужаснуло его.

— Я смогу жить во дворце, сохраняя надежду до тех пор, пока король опять не пошлет за мной, а тогда...

— А тогда?

— А тогда — смерть.

— Нет, Фоу-тан, не надо так говорить, нельзя даже думать так.

— А что может быть — потом? — спросила она. — Он же прокаженный! — Исполненный глубокого ужаса голос и выражение лица, даже то как она выговаривала это слово, вызвали страстное желание защитить ее. Кингу хотелось обхватить ее, успокоить и подбодрить, но руки у него были связаны, и ему оставалось молча идти рядом к огромным резным воротам Лодидхапуры.

Караул у ворот остановил Ваму и его отряд, хотя по тому, как Ваму приветствовали после полагающегося оклика, было ясно, что кроме Кинга, страже были знакомы все прибывшие. Кинг был даже удивлен строгой дисциплиной в войсках отдаленного от цивилизации королевства прокаженного короля.

Вызвали начальника караула, и он вышел из расположенной сбоку от ворот башни. Это был молодой человек в блестящем золотом сине-желтом мундире. Его сверкающая кираса и шлем были из драгоценного металла, но оружие — настоящее боевое.

— Кто идет? — спросил он.

— Вама из королевской гвардии с апсарой из Пном Дхека, что бежала в джунгли, и воином из далекой страны, которого мы взяли в плен, — отвечал командир отряда.

— Хорошо сделано, Вама, — сказал офицер, оглядывая пленников. — Входи и сразу же иди во дворец, ибо таковы были приказания на случай, если твой поход будет удачен.

За воротами улицы Лодидхапуры были полны народу. Вдоль улицы, по которой провели пленников, стояло множество лавчонок под большими навесами. Торговцы в длинных одеждах и богато украшенных головных уборах сидели за прилавками с разнообразнейшим товаром: керамикой, серебряными и золотыми украшениями, коврами, тканями, благовониями, оружием и доспехами.

Аристократического вида мужчины и женщины под богатыми зонтами, которые несли над ними почти обнаженные рабы, торговались с продавцами предлагаемых

товаров; священники в высоких головных уборах медленно двигались в толпе, тогда как здоровенные солдаты без церемоний толпу распахивали, проходя в разных направлениях. Многие обратили внимание на пленников и их эскорт, а Фоу-тан вызвала оживленные разговоры и жестикуляцию, но Вама, преисполненный сознания собственной важности, не обращал ни на что внимания.

По мере того, как они шли к центру города, Кинг все больше поражался богатству Лодидхапуры, разнообразию товаров, выставленных в бесчисленных лавках и магазинах, и великолепию архитектуры. Его привели в восторг богатая резьба на фасадах домов и красота самих строений; но когда они приблизились ко дворцу Лодивармана, американец был просто потрясен его изумительной красотой.

Их провели через парк, разбитый с восточной стороны величественного храма Шивы, доминировавшего над всем городом. Громадные деревья и пышный кустарник затеняли извилистые аллеи, вдоль которых стояли статуи и колонны великолепных, хотя и несколько варварских очертаний. А затем его взору предстал внезапно королевский дворец — изумительное здание, от фундамента до мельчайшей башенки покрытый необычайно красочным сверкающим узором.

Перед входом во дворец Лодивармана стояла стража из пятидесяти воинов. Это были не солдаты, о чем говорили их сверкающие золотые доспехи и высокомерное обращение, вызванное высоким положением и большой ответственностью их службы.

Гордону Кингу было трудно осознать реальность всего происходящего. Опять и опять его трезвый рассудок янки говорил, что не может существовать такого в глубине камбоджийских джунглей и что он снова в плену болезненных галлюцинаций. Но когда офицер у ворот уведомил Вamu, что ему и его подчиненным следует привести пленников во дворец к Лодиварману, он понял, что галлюцинация слишком убедительна и сдался, решив принимать как реальность любые невероятные и невозможные события.

Их провели под эскортом золотых воинов Лодивармана по длинным коридорам к центру дворца, а затем после ожидания у массивных дверей ввели наконец в огромный зал, в дальнем конце которого на возвышении сидело несколько человек. В помещении было много

пышно одетых людей — священнослужителей, придворных и воинов. Один из воинов в великолепном мундире подошел к ним и провел в дальний конец к возвышению.

На троне Кинг увидел истощенного человека, сплошь покрытого отвратительными язвами. По правую руку от него стояли богато одетые мрачного вида мужчины, а по левую — около двадцати печальных девушек и женщин. Так это и был Лодиварман, прокаженный король Лодидхапуры! Американец внутренне содрогнулся при виде этого отталкивающего создания и внезапно понял ужас, испытываемый Фоу-тан при одной мысли о личном контакте с прокаженным, на который обрек ее неумолимый рок.

Около короля стоял на коленях раб с большим подносом, где лежала какая-то еда. Король в течение всей аудиенции постоянно ел, беря с подноса руками с длинными ногтями. Когда же Кинга подвели ближе, он с удивлением понял, что деликатес был просто-напросто — грибы.

— Кто это? — спросил Лодиварман, холодно глядя на пленников.

— Вама, начальник десятки, — ответил офицер, — который вернулся со своего задания во славу короля с апсарой, которую он разыскал и странным незнакомым воином, которого он взял в плен.

— Фоу-тан из Пном Дхека, — спросил Лодиварман, — почему ты уклонилась от чести, которой я решил удостоить тебя?

— Великий король, — ответила девушка, — мое сердце принадлежит земле моих предков. Я хотела вернуться в Пном Дхек, потому что тоскую по отцу и друзьям, которых люблю и которые любят меня.

— Желание простительное, — промолвил король, — и на сей раз проступок будет прощен, но остерегись повторить его. Ты устаиваешь высокой чести снискать благосклонность короля Лодивармана. И в будущем, до самой смерти, ты должна быть достойной ее, помни об этом.

Фоу-тан, дрожа, низко поклонилась. Лодиварман обратил свои холодные рыбы глаза на Гордона Кинга. — Что за человека привели вы пред королевские очи? — спросил он.

— Незнакомый воин из дальней страны, Великий.— ответил Вама.

— Больше похож на беглого раба из Пном Дхека,— заметил Лодиварман.

— Я тоже так думал, Блистательный Сын Неба,— склонился Вама,— но деяния его таковы, что не оставляют сомнений в том, что он не раб и не сын раба.

— Какие деяния?

— Он в одиночку встретил мой отряд и единственным выстрелом уложил одного из лучших королевских лучников.

— И это все? Это просто причуда Судьбы.

— Нет, Брат Богов,— возразил Вама.— Это не все.

— Так что же? Поспешу, я не могу провести целый вечер в пустой болтовне о рабе.

— Одним ударом копья он сразил Господина Тигра! — вскричал Вама.

— И ты был тому свидетелем?

— Фоу-тан видела это, и все мы видели тушу тигра на следующее утро. О Король, он вонзил копье в грудь тигра, когда он на него напал, на полных два фута. Он прекрасный воин, и Вама счастлив, что привел его для службы в войсках Лодивармана.

Лодиварман помолчал, мертвый взор его покоился на лице Кинга, в то время как он постоянно брал нежные на вид грибы с подноса, что держал раб.

— Ты говоришь, что он сразил тигра единым ударом? — обратился он к Фоу-тан.

— Именно так, Великий король,— ответила девушка.

— Как он пришел к этому? Ни один здравомыслящий человек не поднимет руку на зверя без нужды в том.

— Он сделал это, чтобы спасти меня, на которую тигр готовился напасть.

— Сомнения мои относительно незнакомца возросли вдвое,— проговорил Лодиварман.— Каково же должно быть вознаграждение, чтобы удовлетворить тебя? — обратился он к Кингу.

— У меня нет никаких пожеланий,— ответил американец,— кроме того, чтобы ты дозволил Фоу-тан вернуться в ее любимый Пном Дхек.

— Немного же ты просишь! — закричал король.— Ты мне нравишься. Ты не будешь казнен, напротив, ты будешь служить в моей дворцовой гвардии — такой

копьеносец может оказаться вдвое дороже, чем равное ему по весу количество золота. А что до твоей просьбы, то запомни, что Фоу-тан принадлежит Лодиварману, королю, а потому более не может быть предметом разговоров под страхом смерти! Заберите его в помещения для гвардии! — обратился он к одному из офицеров, кивая на Кинга, — и проследи, чтобы о нем позаботились, обучили и вооружили.

— Да, о величайший из королев, — поклонился офицер.

— Отведите девушку на женскую половину и смотрите, чтобы она снова не сбежала, — приказал Лодиварман, одним жестом отпуская всех.

Сопровождаемый эскортом к одному из выходов из приемной, Кинг увидел, что девушку выводят через другой. Она оглянулась на него, в глазах ее была такая безнадежность и тоска, что его как по сердцу ножом резануло.

— До свидания, Гордон Кинг! — обратилась к нему Фоу-тан.

— До встречи, Фоу-тан, — ответил он.

— Вы больше не встретитесь, — сказал сопровождавший его офицер, выводя Кинга из приемной.

Баракы, куда отвели Кинга, находились вдали от дворца, с задней стороны, около королевского слоновника с внутренней стороны дворцовой ограды. Длинные низкие здания, в которых размещались солдаты королевской гвардии Лодивармана, были глинобитные, а крыши у них были из пальмовых листьев. Вдоль стен на грязном полу лежали соломенные подстилки, служившие рядовым солдатам постелями. На каждого приходилось пространство в четыре фута в ширину и около семи футов в длину. Над тюфяком у каждого в стену были битвы крючки, на которые можно было вешать одежду, оружие, котелок для приготовления пищи и сосуд для воды. Вдоль по центру каждого из строений оставалось свободное место футов восьми шириной, образующее проход, где можно было выстраивать солдат для проверки. По всей длине обеих стен прямо под крышей оставалось также пространство, совершенно открытое, благодаря чему вентиляция была хороша, но освещены баракы были скверно. Окон как таковых в бараках не было, а двери находились по обоим концам зданий.

Здание, куда привели Кинга, было приблизительно

двести футов длиной и размещалось там сто человек. Это было одно из многих однотипных строений, которые — как он узнал позже — были построены на стратегически важных пунктах с внутренней стороны дворцовой стены, и рассчитаны были на то, чтобы одновременно там находилось пять тысяч вооруженных воинов.

По просьбе Вамы Кинг был назначен в его десятку взамен того воина, которого он застрелил в джунглях. Итак, Кинг приступил к воинской службе в составе отряда из десяти человек, куда входили Вама, Кау, Чек и остальные его знакомые солдаты, ставшие теперь его товарищами.

Став солдатом кхмерского короля, он одним прыжком преодолел долгие годы эволюции — если брать за точку отсчета его существование в качестве голого лесного охотника — и все еще был за тысячу лет от цивилизации, в которой родился.

VII

СОЛДАТ КОРОЛЕВСКОЙ ГВАРДИИ

Жизнь личных солдат королевской гвардии кхмерского короля была очень однообразна. Самым важным их заданием было несение караульной службы, что приходилось исполнять каждые четыре дня. Кроме того, каждый день были учения, пешие и верхом на слонах, да еще бесконечные парады и церемонии.

Никакого физического труда, кроме учений и ухода за личным оружием, они не знали: все остальное исполняли рабы. Раз в неделю солома из тюфяков вытряхивалась и на запряженных волами повозках перевозилась в слоновник на подстилку, а в бараки привозили свежую солому.

Часы отдыха, которых у них было немного, солдаты использовали по-разному: сплетничали, играли в азартные игры и слушали сказителей, свободно пропускавших в королевский сад. Кинг услышал за время службы множество историй — рассказов о былой славе и королях, владевших миллионами рабов и сотнями тысяч слонов; рассказов о Камбу, легендарном основателе кхмерской расы, о славном короле Йаковармане, о последнем из великих королей Яайавармане VIII. И в каждой

из историй обязательно функционировали в качестве действующих лиц йики и наги, вечные мифологические персонажи, о которых он слышал в легендах по ту сторону джунглей, в сумрачной хижине Че и Кенгри, а теперь и в тени дворца великого короля Лодивармана.

Когда же сказителей не было, или когда он устал от сплетен своих приятелей, или когда его начинала раздражать их бесконечная азартная игра, Кинг отключался и погружался в прошлое или в решение, а скорее поиски решения загадок будущего. Воспоминания о далеком доме и друзьях всегда вызывали в памяти облик Сьюзен Энн Прентайс — друзья и Сьюзен Энн составляли единое целое; они представляли собой его прошлое и манили в будущем. Трудно было подумать даже о жизни, лишенной дома, друзей и Сьюзен Энн, но каждый раз мысли о них заслоняла одна и та же маленькая фигурка, печальные глаза, сохранявшие при этом присущие им врожденные радость и оживление, милое личико и сверкающие меж ярких губ зубы. Как бы ни далеки от нее были его мысли, но всегда они приводили опять к этому изящному цветку, и он сводил брови и сжимал челюсти, мучась и нервничая из-за невозможности помочь ей.

Однажды, когда он сидел, погружившись в трудные свои мысли, он увидел странную фигуру, приближавшуюся к баракам. — О боже! — воскликнул он, и довольно громко, — мои сны один за другим становятся реальностью! Если это не тот старикан, что я видел перед тем как Че и Кенгри меня выходили, то я съем свою рубашку!

Кингу было довольно трудно до сих пор дифференцировать фантастические образы своих галлюцинаций от реальных встреч и событий во время его скитаний по джунглям, поэтому, хотя Че и Кенгри настаивали, что старик в длинном желтом одеянии под красным зонтом действительно существует, он испытал что-то вроде шока, узнав его. Когда Вай Тхон проходил мимо солдат, они все поднимались и низко склонялись перед ним, выражая свое благоговение и почтение. Он проходил, кивая и благословляя, внимательно вглядываясь в лицо каждого, как бы разыскивая кого-то.

Видя, что все встают и кланяются, Кинг поступил так же. Когда взгляд Вай Тхона остановился на лице

Гордона, лицо его просветлело.— Вот и ты, сын мой,— сказал он.— Ты припоминаешь меня?

— Вы Вай Тхон, верховный жрец Шивы,— отвечал американец.

— Тот, которого ты спас от Господина Тигра,— подтвердил священослужитель.

— Эту услугу вы полностью окупили, повелев Че и Кенгри ухаживать за мной и вернуть к жизни.

— Этого не окупить никогда,— возразил Вай Тхон,— и именно поэтому я и пришел к тебе, чтобы предложить тебе доказательство моей вечной благодарности.

— Как вы узнали, что я здесь? — спросил Кинг.

— Я беседовал с Фоу-тан,— ответил Вай Тхон,— когда она описала мне воина, спасшего ее, я сразу понял, что это ты.

— Вы видели Фоу-тан и говорили с ней? — взволновался Кинг.

Верховный жрец кивнул.

— Как она? Она в безопасности?

— Тело ее здорово, но сердце болит,— отвечал жрец,— но она в безопасности — те, кто заслужил благосклонность короля, всегда в безопасности, до тех пор, пока продолжает существовать королевская благосклонность.

— Она... Он...

— Я понял, о чем ты хочешь спросить меня, сын мой,— сказал Вай Тхон.— Лодиварман еще не посылал за ней.

— Но пошлет! — закричал Кинг.

— Сегодня вечером, судя по всему,— добавил Вай Тхон.

Муку в глазах молодого человека мог бы заметить и не столь мудрый и проницательный, как Вай Тхон. Он сочувственно дотронулся до плеча американца.— Если бы я мог, я помог бы тебе, сын мой, но в таких делах королей не в силах остановить даже боги.

— Где она?

— Она в королевских палатах,— Вай Тхон указал на дворцовое крыло, что было видно оттуда, где они стояли.

Вспыхнувший решимостью взгляд американца надолго остановился на королевских палатах.

Вай Тхон, верховный жрец Шивы, был мудр, стар и опытен.— Я читаю в сердце твоём, сын мой,— вздохнул

он, — и сердце мое полно сочувствия к тебе, но план твой невыполним, привести он может лишь к пыткам и смерти.

— В какой комнате она? — спросил Гордон.

Вай Тхон печально покачал головой. — Оставь это, это приведет тебя только к могиле. Я друг тебе и хотел бы помочь, но я был бы скверным другом, если бы поддержал безумный замысел, что, как я догадываюсь, зреет у тебя в голове. Я обязан тебе жизнью и всегда готов помочь тебе всем, что в моих силах и власти, но не в этом. А теперь прощай и да помогут тебе боги забыть твою печаль.

Вай Тхон повернулся и медленно пошел по направлению к храму, а Гордон все стоял, пристально глядя на дворец Лодивармана. Забыт был Вай Тхон, забыт и его мудрый совет. Кинга будто загипнотизировали: он всюду видел только одно — даже сквозь черепицу и свинцовое покрытие королевских палат — маленькую фигурку, заслонявшую для него все.

День склонялся к вечеру. Воины, которые должны были сменить дворцовый караул на закате, тщательно готовились к дежурству: застегивали свои доспехи, разглаживали и распрямляли кожаные туники, прилаживали шлемы, чистили оружие до такого блеска, что в полутьме барачных помещений оно начинало мерцать.

Гордона Кинга к действительности вернули два опаздывающих воина, спешивших одеться к дежурству; и мгновенно возник безумный план. Недолго думая, он решил привести его в исполнение.

Он побежал, чтобы догнать парней до того, как они успеют зайти в барак, догнав, он положил одному из них руку на плечо.

— Можно тебя на одно слово? — спросил он.

— Времени у меня нет, я уже опаздываю, — ответил солдат.

— Я быстро, — пообещал Кинг. — Уступи мне твое дежурство сегодня, и мое следующее жалование — тебе.

Поначалу парень засомневался.

— Странная просьба, — проговорил он. — Любой приплатил бы, чтобы не дежурить. Чего это ты?

— Да тут есть одна рабыня в королевских палатах, и как раз сегодня она будет разыскивать одного воина. — И американец толкнул сослуживца локтем в бок и хитро подмигнул.

Солдат расплылся в улыбке. — Ну и получим же мы,

если нас поймают, ну да ладно, клянусь Шивой, трехмесячное жалование тоже не шутка. Быстро! Давай собирайся, а я пока объясню парням, в чем дело. Только смотри, не проболтайся о жаловании, а то каждый захочет получить свою долю.

— Ты же это делаешь по дружбе,— засмеялся Кинг, торопясь в барак. Пока он торопливо надевал доспехи и шлем, тот, с кем он поменялся, объяснял остальным причину их обмена. Рассказ был встречен хохотом и фривольными шуточками.

Старшина десятки поначалу соглашаться не хотел, и Кингу пришлось пообещать ему месячное жалование.— Но помни,— предупредил старшина,— я ничего не знаю, потому что с моего ведома такие вещи делаться не могут.

Когда десятка воинов отправилась ко дворцу, американец начал волноваться, но ему удалось волнение свое скрыть. Что он будет делать, как он собирается осуществить свой совершенно сумасшедший план, Гордон, по правде говоря и сам не знал. Не знал он, каковы будут обстоятельства, что его ждет? Быть может, даже удача? Он прекрасно понимал, что задуманное им неразумно, плохо продумано и просто-таки обречено на провал; и все же он все равно не повернул назад, даже если бы можно было переиграть.

Они остановились немного сбоку от главного входа во дворец около небольшой двери. Из других барачков тоже подходили воины, а сменяющийся караул начал выходить из этой низкой двери. Была проведена краткая церемония смены караула.

Сразу же после церемонии несколько стражей получили приказ занять пост около и внутри дворца, и случилось так, что Гордон оказался среди них. Отправляясь с этой группой, он мог только размышлять о том, что куда бы судьба его ни привела, он все равно найдет возможность попасть внутрь.

Часть охраны была сразу же направлена к дальнему концу крыла, где несколько человек должны были охранять доступ к небольшому входу, затененному деревьями и кустарником. Кинг подумал, что это был бы великолепный вариант, но ему было велено следовать с остальными караульными дальше. Так постепенно караул обходил все крыло, оставляя в определенных местах по несколько человек. Кинг уже начал опасаться, что его вообще не поставят на пост. И действительно, отряд

обошел все крыло и подошел к разукрашенному входу в королевские покои, где опять десять человек были оставлены для охраны.

Все получившие назначение разошлись, осталось только пять воинов, и Кинг среди них. К удивлению и восторгу американца им было велено войти внутрь здания. Трое заняли свои места в длинном коридоре, а Кинг и еще один воин были проведены в огромный, богато обставленный покой. В одном конце огромного помещения было небольшое возвышение, покрытое великолепными коврами. На возвышении стоял низкий стол, уставленный золотой посудой, вазами с фруктами и сладостями, массивными золотыми кувшинами и кубками с узорной чеканкой. Около стола лежала груда расшитых подушек, а надо всем убранством высился балдахин из золотой парчи. Под возвышением стоял длинный стол, уставленный посудой и яствами, но не столько богато, он тоже был окружен бесчисленными расшитыми подушками.

По обе стороны входа стояли как две бронзовые статуи Кинг и его напарник в сверкающих медных кирасах. В течение пяти минут они разглядывали пустую комнату, а затем открылась дверь в дальнем конце и появилось человек двадцать пять — тридцать рабов. Двое из них встали друг напротив друга на возвышении позади стола и подушек, опустив руки и глядя прямо перед собой. Остальные рабы выстроились между длинным столом и возвышением, лицом к возвышению. Впереди них стоял лицом к возвышению некто в богатых одеждах, которого Кинг мысленно прозвал мажордомом.

Опять прошло несколько минут ожидания, в течение которых никто не пошевелинулся и не промолвил ни звука. Затем через дверь, охраняемую Кингом и его напарником, стали входить люди. Некоторые из них были в золотых военных доспехах и шлемах, остальные — в длинных одеяниях ярких расцветок и с богатой вышивкой. У некоторых из них были фантастические головные уборы, у нескольких человек до двух футов высотой.

Гости маленькими группами собрались около длинного стола, тихо переговариваясь. Смеха слышно не было, разговаривали тоже буквально шепотом. Казалось, что при входе их всех накрыло темным облаком. Шпалеры позади возвышения раздвинулись и появился воин с зо-

лотой фанфарой. Он поднес ее к губам, и едва затих последний звук, рабы распростерлись на полу, гости преклонили колени и опустили головы: из входа, скрытого шпалерами позади возвышения медленно вышел Лодиварман, прокаженный король Лодидхапуры. Пока Лодиварман приближался и усаживался на подушках у своего стола, продолжали стоять только трубач и двое стражей у дверей. Он обвел тусклым взором зал и, явно удовлетворенный, хлопнул в ладоши.

Тотчас же все поднялись. Мажордом трижды поклонился королю, затем то же проделал каждый, после чего в полном молчании, все расселись по своим местам за столом. Когда все уселись, Лодиварман вновь хлопнул в ладоши, и тотчас же рабы бесшумно принялись обносить всех яствами и разливать вино. После того, как Лодиварман в третий раз подал знак, гости слегка расслабились и вступили в тихую беседу.

Стоя у входа на посту, Гордон Кинг разглядывал зал. Ему было видно как много блюд стоит на столе у приглашенных. Распознать он мог два-три, но было ясно, что стол буквально ломится от фруктов, овощей и мяса в разных видах. На королевском столе самое большое блюдо было наполнено грибами, кроме этого было немного фруктов, сладостей и вина. Кинг уже слышал сплетни, что явно подтверждалось тем, что он видел,— о том, что монарх настолько поглощен страстью к грибам, что не ест практически больше ничего и объявил их королевской пищей, запретив под страхом смертной казни употреблять их в пищу другим.

Утомительный пир продолжался, пирующие вели вялую беседу, а Лодиварман мрачно молчал, деля свое внимание между грибами и вином. Глядя на пирующих, Кинг сравнивал их застолье с официальными банкетами в Нью-Йорке и Вашингтоне, где ему приходилось участвовать, и сочувствовал им, зная, какие чувства они испытывают. У них, пожалуй, было даже одно преимущество по сравнению с американцем: им не надо было делать вид, что им весело и хорошо.

Внезапно Лодиварман сделал знак мажордому, и тот дважды хлопнул в ладоши. Все обратили свои взоры на боковую дверь: оттуда стали выходить апсары. На бедрах у девушек были пояса самородного золота, поддерживавшие спускавшиеся чуть ниже колен юбки. От бедер также отходили две полосы топорщащихся жестких

тканей, доходивших до земли. Выше бедер они были обнажены, но богато украшены ожерельями и браслетами. Сложные головные уборы напоминали канделябры, тяжелые серьги свисали до плеч, а на босых ногах сверкали браслеты из драгоценного металла. На некоторых были страшные маски, но подкрашенные щеки и губы, подчеркнутые глаза большинства из них были очаровательны; но прелесть одной из них затмевала всех. Как только Гордон Кинг увидел ее, сердце его забилося быстрее — это была Фоу-тан. Она не видела его, когда входила, и теперь тоже танцевала к нему спиной. Танец представлял собой набор поз, в которых участвовали ноги, руки, бедра, кисти рук и головы маленьких танцовщиц. В танце их руки и даже пальцы изгибались столь невероятным образом, что Гордон с изумлением и восторгом думал о том, сколько дней и ночей приходилось затратить не только на совершенство движений танцовщиц, но умение зрителей находить наслаждение в таких комбинациях красоты и абсурда. Он мог понять, что танец ритуальный и содержит какое-то религиозное значение. А когда он это осознал, он не мог не признать, что при всей религиозности, танец прекрасен, артистичен и интеллектуален не менее, если не более, чем так называемые эстетические танцы, к которым он был вынужден привыкнуть в Европе и Америке.

В танце участвовало двадцать апсар, но Кинг видел только одну — гибкую и прелестную, безукоризненно сплетавшую сложную и длинную вязь трудных фигур танца. В голове его мелькала одна за другой какие-то совершенно безумные идеи — он пытался разработать достаточно приемлемый план освобождения Фоу-тан. Но даже при поверхностном рассмотрении было ясно, что все никуда не годится. Надо ждать, но, ожидая, он продолжал планировать и надеяться.

Как только танец закончился, Лодиварман поманил к себе мажордома и что-то ему шепнул. Мажордом поспешил за уходившими апсарами и дотронулся до плеча Фоу-тан. Он заговорил с ней, и Кинг увидел, что девушка вся сжалась. Лодиварман трижды хлопнул в ладоши, и рабы вновь расprostерлись на полу, гости встали на колени. Лодиварман встал и медленно прошел в ту же дверь, откуда появился в начале пира. Как только он исчез за дверью, все гости встали и покинули комнату, не скрывая радости, что все кончилось. Рабы принялись

сбирать тарелки и выносить их куда-то, а мажордом провел Фоу-тан через комнату, вверх по королевскому возвышению и вывел ее через ту же дверь, через которую недавно вышел Лодиварман.

Гордон Кинг едва сумел сдержаться, когда до его измученного сознания дошло значение происходившего на его глазах. Ему хотелось помчаться и догнать Лодивармана и Фоу-тан, но опять победил здравый смысл.

Когда король и гости ушли, напарник Кинга расслабился. Он уже больше не напоминал неподвижную статую, но беззаботно прислонился к стене, наблюдая, как рабы выносят полные подносы еды.

— Мы можем получить от этого больше удовольствия, чем гости,— кивнул он в сторону яств.

— Да,— произнес американец, занятый своими мыслями.

— Я уже много раз стоял здесь на страже,— продолжал воин,— и ни разу не ушел голодным.

— Я не голоден,— коротко ответил Кинг.

— А я голоден,— сказал воин.— Они складывают тарелки там за дверью. Если ты тут последуешь, я пойду и поем, чего душа пожелает.

— Давай.

— Если увидишь, что идет офицер — свистни.

— Если увижу, то свистну. Иди давай,— заторопил Кинг, увидя в этом дарованную Богом возможность осуществить план, помехой которому и было присутствие второго стража.

— Много времени у меня это не займет,— обрадовался солдат и поспешил туда, куда рабы выносили еду.

Едва за ним закрылась дверь, как Кинг пересек зал и вспрыгнул на возвышение. Помещение было абсолютно пусто, и никто не видел, как американец раздвинул драпировки и исчез за дверью, за которой незадолго до него исчезли Лодиварман и Фоу-тан.

VIII

В КОРОЛЕВСКИХ ПОКОЯХ

Мажордом провел Фоу-тан по тускло освещенному коридору в маленькое помещение неподалеку от пиршественного зала. Внутри комнаты стены были из тон-

кого листового свинца, прикрепленного вручную на мощные каменные блоки, сверху все было покрыто росписями, представляющими дворцы, храмы, военные сцены и сцены охоты. На них были нарисованы копьеносцы, стрелки из лука и огромные слоны в боевом снаряжении. Король верхом на лошади в сопровождении придворных вонзал копьё в тигра. Бесчисленные апсары застыли в танце. Священнослужители в длинных одеяниях и фантастических головных уборах вечной процессией направлялись к храму Шивы, и на всех украшениях комнаты неизменно присутствовало изображение Разрушителя. На полу было разбросано множество роскошных ковров и шкур тигров и леопардов. На низких столах стояли вазы с фруктами и глиняные и каменные статуэтки. С потолка на трех цепях свисал искусно чеканенный сосуд, над которым поднимался дымок и тяжелый аромат благовоний, а под ним на полу лежало бесчисленное количество подушек, покрытых богатыми разноцветными вышивками. Блеск красок умерялся и смягчался светом ровно горящих светильников.

— Зачем ты привел меня сюда? — спросила Фоу-тан.

— Такова была воля Лодивармана, короля, — ответил мажордом.

— Мне должны были дать три дня, чтобы я могла подготовиться, — заявила девушка. — Таков обычай.

Мажордом покачал головой. — Я ничего не знаю, кроме приказов Лодивармана, — сказал он. — Обычаи создают короли, короли их и отменяют.

Фоу-тан с тревогой посмотрела вокруг, внимательно изучая все детали. Она увидела, что кроме той двери, через которую они вошли, в комнате есть еще одна в дальнем конце комнаты, а также три окна, полностью закрытых занавесями. Она двигалась по комнате, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом мажордома.

— Не хочешь ли ты присесть? — спросил он.

— Я предпочитаю стоять, — сказала она, а затем спросила: — Каковы были приказания короля?

— Привести тебя сюда.

— И это все?

— Это все.

— Для чего меня привели сюда? — продолжала настаивать девушка.

— Потому что так приказал король, — гласил ответ.

— Почему он приказал это сделать?

— Это не мое дело — знать или доискиваться, почему и отчего велел король. Я всего лишь слуга.— Некоторое время тишина в комнате нарушалась лишь звуком их дыхания и шелестом юбки Фоу-тан, нервно прохаживавшейся вдоль комнаты, ставшей для нее тюрьмой, несмотря на всю пышность убранства.

Мысли ее смешались. Ей даже не дали времени приготовиться, не в обычном смысле — как новой пассивности Лодивармана, а к решительному шагу. Она поклялась себе, что умрет до того, как ее коснется рука Лодивармана, но застигнутая врасплох, она была беспомощна. Она призвала на помощь всю свою изобретательность, чтобы отсрочить фатальный миг или найти причины освободиться разом от ужаса, что ее ожидал.

И тут дверь в дальнем конце комнаты открылась и вошел Лодиварман. Он остановился у входа, закрыв за собой дверь. Он молча стоял, тускло глядя, как она бессознательно, по многолетней привычке, преклонила колени перед королем. То же сделал и мажордом.

— Встань! — велел Лодиварман, объединяя их одним жестом, и повернулся к мужчине: — Ты можешь идти, — сказал он.— Смотри, чтобы никто не входил в это крыло, пока я не разрешу.

Мажордом, низко кланяясь и пятясь задом, вышел из комнаты и тихо закрыл дверь. Тогда Лодиварман приблизился к Фоу-тан. Он положил руку на ее обнаженное плечо, от чего она непроизвольно сжалась.

— Ты боишься меня, — сказал он.— Для тебя я отвратительный прокаженный. Все меня боятся, все меня ненавидят, но что вы все можете? Что можешь ты? Я — король. Да помогут боги бедным прокаженным — не королям!

— О король, я ведь не король, — воскликнула девушка.— Ты призываешь богов помочь бедным прокаженным, и ты же хочешь сделать прокаженной меня, ты, кто может меня от этого спасти!

Лодиварман расхохотался.— Почему я должен щадить тебя? — спросил он.— Женщина сделала меня прокаженным. Пусть грех ее падет на всех женщин! Проклятое создание! С того момента я ненавижу женщин. Я их ненавижу, даже когда держу в объятьях, но какой-то злой гений чинит мне препятствия. Еще ни одна женщина не заразилась от меня, но я продолжаю надеяться. И чем они прекрасней и моложе, тем сильнее

моя надежда. Ведь и я когда-то был молод и красив, пока это проклятое отродье не отняло у меня счастье и все кроме жизни, которую я тоже научился ненавидеть. Но может быть, возмездие все же придет. Тобою моя месть будет удовлетворена полностью, потому что ты очень молода и намного красивее всех женщин, что должны были искупить грех своей сестры. Я расскажу тебе свою историю, я ее рассказываю каждой из вас, чтобы вы знали, что заслуживаете свою участь, ибо вы, как и та, проклятая, женщины.

Это было много лет тому назад. Я был в расцвете юности и красоты. Я отправился на охоту на Господина Тигра в сопровождении ста придворных и тысячи воинов. Охота была успешной. На стене позади тебя художник изобразил Лодивармана, поражающего громадного зверя.

Я никогда не забуду нашего триумфального возвращения в Лодидхапуру. О Шива, никогда я этого не забуду! Это был день триумфа, день открытия и день моей гибели из-за проклятого создания, чей грех тебе суждено искупить.

Это был день, когда я впервые попробовал грибы. В маленькой деревне в джунглях туземец, преклонив колено, предложил мне блюдо с этим незнакомым тогда кушаньем. Я отведал. Никогда в жизни я не ел ничего более восхитительного. Спешившись, я сел под деревом около хижины бедняка и съел все грибы, что он приготовил — огромное блюдо — но не удовлетворил свою страсть к ним. Не удовлетворил и до сих пор. Я расспросил его о том, какие они, как растут, и приказал привезти его в Лодидхапуру, чтобы он разводил лакомство для короля. Он еще жив. Он осыпан милостями и богатством и до сих пор выращивает для короля Лодивармана грибы. Больше никто в мире не имеет права выращивать их, и никто кроме короля не смеет их отведать. И все это доставило мне великое счастье и удовлетворение в тот самый день, что я лишился всего остального.

Когда позже мы въезжали в Лодидхапуру, толпы выстроились вдоль дороги, чтобы поглядеть на короля. Мой боевой конь, напуганный шумом и летящими не-престанно цветами, стал неуправляем и сбросил меня. В это время женщина из толпы бросилась ко мне, обвила меня руками и покрыла поцелуями мое лицо и рот. Когда придворные добрались до меня, оторвали ее от меня и

меня поставили на ноги, стало видно, что женщина эта — прокаженная. Поднялся великий вопль ужаса, и люди, пришедшие приветствовать меня, и даже мои придворные, все отшатнулись от меня. И я один вскочил на коня и в одиночестве въехал в Лодидхапуру.

Уже через час я был поражен недугом; эти отвратительные язвы как по волшебству появились и покрыли мое тело, и никогда более я не мог освободиться от них. Теперь они появятся и у тебя, женщина и дочь женщины. Ты будешь гнить, как и я, ты будешь отталкивающей, как я, и твоя красота и юность пропадут, как и мои. Иди сюда! — и он положил тяжелую руку ей на плечо.

Гордон Кинг, войдя в тускло освещенный коридор, остановился и прислушался, не раздаются ли где-нибудь голоса. Пока он так стоял, он увидел, что дальше по коридору открывается дверь и из нее, пятась задом выходит человек, в котором он сразу узнал мажордома. Кинг поискал глазами, где бы спрятаться, но спрятаться было негде: коридор был прямой и неширокий. Было маловероятно, что мажордом не заметит его, идя по коридору. Мажордом, действительно увидел его, как только закрыл дверь.

Кинг ухватился за единственную возможность развеять подозрения мажордома. Он почеркнуто неподвижно встал как часовой на часах у входа в коридор с внутренней стороны. Мажордом увидел его и насупился, подойдя к нему.

— Что ты тут делаешь, парень? — подозрительно спросил он.

— Согласно приказу Лодивармана, короля, я здесь поставлен, чтобы никого не впускать.

Мажордом был ошарашен и терялся в догадках, не зная, что же ему делать. Он подумал было вернуться к Лодиварману, чтобы он подтвердил слова воина, но ему был хорошо известен вспыльчивый характер короля и не хотелось на себе испытать последствия в случае, если воин говорит правду.

— Король мне ничего об этом не сказал, — проговорил он. — Он приказал мне проследить, чтобы никто не входил в это крыло дворца.

— Я здесь тоже для этого, — сообщил Кинг, — более того, должен сказать, что мне о тебе ничего не известно, поэтому я должен приказать тебе тотчас же выйти вон.

— Но я королевский мажордом,— возразил тот спешиво.

— А я часовой королевской гвардии,— парировал американец,— и если ты хочешь проверить, то пошли вместе к Лодиварману и посмотрим, что он скажет.

— Может быть, он забыл, что велел выставить часового,— заколебался мажордом,— но ведь ты мог попасть сюда только по приказу королевского офицера, иначе же невозможно?

— Это точно,— согласился американец.

— Ладно,— огрызнулся мажордом.— Смотри, чтоб никто не прошел.— И он отправился дальше, но Кинг остановил его.

— Я еще ни разу не стоял здесь,— признался он,— может, ты скажешь, где тут в коридоре или где есть двери, чтобы я мог уследить. И вообще, здесь кто-нибудь кроме короля есть?

— Здесь только король с одной из апсар,— ответил мажордом.— Они в той комнате, из которой я вышел. Вон там, направо, есть еще одна дверь, она ведет в коридор, выходящий в королевский сад. Этим выходом не пользуется никто, кроме Лодивармана. Но изнутри она крепко заперта, а снаружи стоит часовой, так что непохоже, чтоб кто-нибудь смог войти оттуда. Так что охранять надо только эту дверь.

— Мое усердие оправдывает внимание короля,— сказал стражник; мажордом тем временем вошел в пиршественный зал и исчез из виду.

Как только он удалился, Кинг заторопился по коридору и остановился у двери комнаты, о которой ему говорил мажордом. Почти сразу он услышал женский испуганный вскрик — он донесся даже через массивную дверь. Едва он раздался, как Гордон Кинг толкнул дверь и вошел в комнату.

Он увидел, как Фоу-тан боролась, пытаясь освободиться от объятий Лодивармана. На лице ее ясно читались ужас и отвращение, отталкивающее лицо прокаженного короля искажал гнев и вожделение.

При виде воина лицо Лодивармана посинело от приступа еще более страшного гнева.

— Как ты посмел! — вскрикнул он.— Ты поплатишься жизнью за это! Кто тебя послал сюда?

Гордон Кинг закрыл за собой дверь и направился прямо к Лодиварману.

— Гордон Кинг! — закричала девушка в полном изумлении. На мгновение в глазах ее появилась радость надежды, но тут же сменилась страхом за него.

— О Гордон Кинг, тебя убьют за это!

Теперь и Лодиварман узнал его. — А так ты тот воин, что в одиночку убил тигра! Что тебе здесь надо?

— Я пришел за Фоу-тан, — просто ответил Кинг.

Ужасное лицо Лодивармана передернулось от гнева. Он просто лишился дара речи от наглости этого ничтожного слуги. Он дважды пытался заговорить, но гнев душил его и он подскочил к шнуру, свисавшему со стены. Но Гордон предугадал его действия и предупредил их. Рванувшись, он сильно схватил Лодивармана за плечо и рывком оттащил назад. — Ни звука, — сказал он, — иначе в Лодидхапуре будет нужен новый король.

Лодиварман наконец обрел голос. — Тебя сварят в кипящем масле за это, — еле выговорил он.

— Тогда мне нужно убить тебя, — сказал Кинг, — потому что если я умру, то лучше будет отомстить первым, — и он поднял свое копье, как бы намереваясь приступить к делу.

— Нет, нет! — воскликнул Лодиварман, — не убивай меня. Я прошу прощения за нанесенное тебе оскорбление.

Кинга поразило, как все-таки силен закон самосохранения, если даже это болезненное и отталкивающее создание, сжигаемое страданием, ненавистью и несчастьем, так не хочет расставаться с жизнью.

— Давай! — закричал Лодиварман. — Скажи, чего же ты хочешь и уходи отсюда.

— Я тебе уже говорил, чего я хочу, — ответил Кинг. — Я пришел за Фоу-тан.

— Ты не можешь получить ее! — продолжал кричать Лодиварман. — Она моя. Подумай, какая женщина оставит короля ради тебя, слуга?

— Спроси ее, — предложил Кинг, но спрашивать ее уже не было нужды. Фоу-тан быстро подошла к Гордону.

— О Лодиварман, — взмолилась она, — разреши мне мирно уйти с этим воином.

— Иначе смерть, Лодиварман, — холодно напомнил Кинг. — Иначе смерть, — полушепотом повторил Лодиварман. — Ладно, ты победил, — добавил он. — Иди с миром и забирай девушку. — Но даже если бы Кинг не разглядел коварства в глазах Лодивармана, он все равно

не поверил бы этой внезапной сговорчивости.

— Ты мудр, Лодиварман,— сказал он,— мудр, что выбрал простейшее решение проблемы. Мне тоже следует руководствоваться мудростью и знанием поведения тиранов. Ложись на пол.

— Зачем,— спросил Лодиварман.— Что ты собираешься делать со мной? Ты не забыл, что я король и особа моя священна?

— Я помню, что ты человек, и что человек может умереть, если живя чинит препятствия другому человеку, находящемуся в безнадежном положении. Да будет тебе известно, Лодиварман, что я нахожусь в безнадежном положении.

— Я же сказал, что вы можете идти с миром,— возразил монарх.— Почему же ты хочешь меня мучить?

— У меня нет желания мучить тебя, Лодиварман. Я просто хочу быть уверен, что ты не поднимешь тревогу до тех пор, пока мы с Фоу-тан не окажемся по ту сторону стен Лодидхапуры. Я просто свяжу тебя так, чтобы ты не мог покинуть эту комнату. А поскольку ты отдал приказание, что никто не смеет войти в эту часть королевского дворца до тех пор, пока ты не разрешишь, то самое раннее утром ты сможешь снарядить воинов в погоню за нами.

— Он говорит правду,— сказала Фоу-тан королю,— тебе никто не причинит зла.

Лодиварман помолчал, как бы обдумывая сказанное, затем внезапно прыгнул на Кинга, отшвырнув его копье и стараясь вцепиться ему в горло. Трусом Лодиварман не был.

Атака прокаженного была так неожиданна, что Кинг пошатнулся. Нога его зацепилась за тигровую шкуру на полу, и он тяжело повалился на пол вместе с Лодиварманом. Пальцы прокаженного уже были на его горле, отталкивающее лицо почти прикасалось к лицу Гордона, чувствовался гнилостный запах его дыхания. Но только мгновение длилась победа кхмерского короля. Он только собирался закричать, зовя на помощь, но Кинг сдавил его горло. Молодость, сила и выносливость были на стороне младшего из мужчин. Он медленно освободился от лежащего на нем короля, и схватив его за ногу, перевернул Лодивармана на спину. Лодиварман отпустил руки: теперь настала его очередь, задыхаясь, пытаться осво-

бодиться от мощных объятий противника, правда, напрасно.

— Лежи спокойно,— велел Кинг,— не заставляй меня убить тебя. Его глазам предстали во всей красе омерзительные язвы на лице короля. Даже в этот напряженный момент близко подступающей трагедии, американец по своей врачебной привычке начал пристально изучать физические симптомы ужасной болезни, давшей Лодиварману прозвище прокаженного короля. То, что увидел в нем врач, заставило Кинга искренне пожалеть о невозможности более полного изучения этого странного случая болезни.

По приказу Кинга, Лодиварман прекратил сопротивление, а Гордон ослабил свою железную хватку на горле короля.— Нет ли в комнате каких-нибудь шнуров, Фоу-тан? — обратился он к девушке.

— Да, здесь на окнах есть шнуры,— ответила она.

— Давай их мне,— попросил американец.

Фоу-тан быстро развязала узлы и вытащила шнуры, и принесла их Гордону, ими они перевязали запястья и колени короля кхмеров. Он именно перевязал особым способом и так прочно затянул узлы, что не испытывал сомнения в том, что Лодиварману без посторонней помощи не освободиться. Для того чтобы подстраховаться, Кинг из мягкой ткани сделал кляп и засунул его в рот сиятельному пленнику и обвязал еще одним шнуром. После этого он поднялся и обратился к Фоу-тан:

— Пойдем, у нас мало времени, но подожди, тебе нельзя идти в таком наряде. Ты пойдешь со мной как рабыня, а не апсара.

Фоу-тан, стащила с себя свой узорный головной убор и швырнула его на пол, за ним последовал и золотой пояс с многослойной юбкой. Под ней оказалась шелковая набедренная повязка. Рядом на табуретке была наброшена драпировка, свисавшая до пола. Фоу-тан завернулась в нее как в саронг.

— Я готова, Гордон Кинг,— сказала она.

— Серьги,— напомнил он,— ожерелье и браслеты. Они выглядят слишком по-королевски для рабыни.

— Ты прав,— сказала она, снимая их.

Кинг быстро задул светильники, оставив комнату в темноте. Затем они ощупью пробрались к двери. Чуть приоткрыв ее, Кинг выглянул. Коридор был пуст. Он вывел Фоу-тан и закрыл за собой дверь. Около следующей

двери в коридоре он остановился и попробовал открыть, она подалась под рукой. Он смог разглядеть ступени, уходящие в темноту. Он пожалел, что не взял с собой один из светильников, но было уже поздно. Когда он с Фоу-тан вошли и закрыли за собой дверь, стало совершенно темно и ничего не видно.

— Куда мы попали? — прошептала Фоу-тан.

— Это личный королевский ход в сад, — ответил американец, — и если только я не ошибся в расчетах, то другой его конец охраняется часовым, которому надо будет подмигнуть, и он нас пропустит.

Пока они медленно спускались по ступеням и пробирались дальше по коридору, Кинг рассказывал Фоу-тан, что он придумал для того, чтобы занять место стража в этот вечер, рассказал ей и о том, что он заметил очень удобную маленькую дверь в этой части здания, и что когда мажордом сказал, что это личный ход короля, он догадался, что это именно то, что ему нужно.

— Караульный там, — закончил он, — как раз из моего барака и знает мою историю. Потому-то тебе сегодня вечером и придется побыть маленькой рабыней, Фоу-тан.

— Я ничего не имею против — сейчас, — сказала она, и Кинг почувствовал, как маленькие пальчики в его руке крепче сжали его пальцы.

Наконец они дошли до конца коридора. В полной тьме Кинг принялся нащупывать замки и засовы. Замок оказался простым, но массивным. Он поддался нажатию руки со слабым скрипом. Кинг медленно распахнул дверь, на них повеяло свежим ночным воздухом, звезды заливали сад мягким светом. Кинг осторожно переступил порог. Он увидел воина на своем посту снаружи здания, и страж тоже увидел его.

— Кто идет? — спросил караульный, поднимая копье на уровень груди Кинга.

— Это я, Кинг, из десятки Вамы. Я нашел девушку, о которой рассказывал тебе, и хотел бы пройти с ней в сад на несколько минут.

— Я тебя не знаю, — нахмурился солдат. — Я никогда не слышал ни о тебе, ни о твоей девчонке, — и тут Кинг понял, что никогда не видел этого парня — часовые уже сменились с тех пор, как он вошел во дворец. Сердце его упало, но он продолжал гнуть свою линию.

— Ну что тебе стоит пропустить нас ненадолго,— сказал он,— ты же видишь, что я тоже из королевской гвардии, иначе бы мне не попасть в королевские покои.

— Может это и так, но я получил приказ не выпускать и не впускать никого через эту дверь без убедительных доказательств. Я позову офицера. Если он решит пропустить тебя, это его дело.

Фоу-тан стояла около Кинга. А тут она медленно и томно подошла к караульному. Ее гибкое тело покачивалось и просто излучало соблазн. Она подошла вплотную к парню и обратила к нему свое прелестное личико. В полных неги глазах ясно читалось обещание.

— А для меня,— спросила она нежно.— Воин, не можешь ли ты для меня на секунду ослепнуть?

— Для тебя, да,— хрипло сказал солдат,— но ведь ты не для меня, ты с ним.

— У меня есть сестра,— предложила Фоу-тан.— Когда я вернусь в королевский дворец, она, быть может, выйдет к этой двери. Что ты скажешь на это?

— Может, действительно, в этом ничего страшного,— неуверенно произнес он.— Сколько вы пробудете в саду?

— Мы в саду пробудем всего несколько минут,— ответил Кинг.

— Я повернусь спиной,— решил воин.— Я вас не видел. Запомните, я вас не видел.

— Мы тебя тоже не видели,— сообщил Кинг.

— Не забудь про сестру, малышка,— напомнил часовой, повернулся спиной и продолжил обход своего поста. Гордон и Фоу-тан метнулись в тень деревьев.

Только несколько часов спустя, он понял, что его надули, хотя по очень многим причинам он предпочел держать язык за зубами, но намеревался при первой же возможности разыскать воина, который сказал, что его зовут Кинг, и рассчитаться с ним. А может, у девушки нет сестры, подумал он, и с этой мыслью свернулся на своем соломенном тюфяке и уснул.

ПОБЕГ

Верные своему обещанию, Фоу-тан и Кинг не стали задерживаться в саду Лодивармана, прокаженного короля. Ввиду того, что стены королевской резиденции были построены в расчете на то, чтобы не пропускать людей внутрь, а не для того, чтобы не выпускать их, оказалось нетрудным найти место, где можно было легко спуститься: было достаточно деревьев с раскидистыми ветвями.

На неосвещенных улицах города воины с девушками встречались частенько, поэтому они не привлекли ничего внимания и сравнительно легко добрались до городской стены. Здесь опять повторилось то же самое. Низкие сараи и домишки тесно лепились к городскому валу, и Кингу было совсем нетрудно найти крышу, по которой можно было забраться на городскую стену. Самым трудным и опасным был прыжок вниз. Ведь сломанная рука или нога, и даже просто вывих или рана могли оказаться фатальными для них обоих.

Кинг никак не мог в темноте определить, что за грунт ожидает их у подножия стены: лунного света было недостаточно.

— Нам надо попытаться спуститься здесь, Фоу-тан,— сказал он.

— Здесь высоко, Гордон Кинг, но раз ты говоришь, что надо, я спрыгну.

— Нет, в этом нет необходимости. По моим подсчетам здесь около двадцати футов. Мое копьё длиной шесть футов, твой саронг — футов восемь, может быть, даже длиннее.

— Да, он очень длинный,— согласилась она,— он ведь не рассчитан для этого. Но что мы будем с ним делать?

— Я собираюсь привязать конец саронга к копьё, а на другом конце сделать узел. Как ты думаешь, у тебя хватит сил удержаться за этот узел, пока я буду спускать тебя как можно ближе к земле?

— Я очень сильная,— сказала она,— а отчаяние придает силы.— Говоря это, она принялась разматывать саронг, и вскоре Кинг начал ее тихонько спускать с городской стены.

— Когда я спущу тебя на всю длину,— прошептал он,— я скажу и ты прыгай. Когда прыгнешь, отойди в сторону, и я брошу копье. Ты забери его, чтобы я не упал на него. Если земля очень твердая, то разрыхли ее.

— Хорошо,— ответила она, и Кинг опустил ее по ту сторону городской стены Лодидхапуру.

Он велел ей прыгать только тогда, когда уже совсем свесился со стены и держал копье за самый конец. Тотчас же он почувствовал, что держать стало легче.— Как дела? — спросил он тихонько.

— Все в порядке,— ответила она,— бросай копье.— И чуть позже: — Трава густая и мягкая.

Кинг повис на краю стены, затем разжал пальцы и прыгнул на высокую траву. Он, конечно, слегка ударился, но ничего не повредил. Фоу-тан подбежала, спрашивая:

— У тебя все в порядке, Гордон Кинг? Ты не ушибся?

— Все в порядке,— ответил он.

— Когда мы доберемся до Пном Дхека, я принесу в жертву буйвола.

— Ради всего святого, Фоу-тан, я надеюсь, что пройдет немного времени и ты сможешь принести буйвола в жертву, но ведь мы еще не в Пном Дхеке, я даже не знаю, где он.

— Я знаю.

— В каком направлении? — спросил он.

— Сюда,— показала она,— но эта дорога длинная и трудная.

Рядом с ними стояла группка крестьянских хижин, тесно прижавшихся к городской стене, поэтому они их обошли по опушке джунглей, а затем, повернув шли вдоль джунглей до тех пор, пока не миновали город.

— Когда нас привели в Лодидхапуру, я где-то в этом направлении видел дорогу прямо в джунгли,— сказал Кинг.

— Да,— ответила Фоу-тан,— но она в Пном Дхек не ведет.

— Вот именно поэтому я и хочу ее найти,— начал объяснять Кинг.— Могу тебя уверить, что погоню pošлют именно в направлении Пном Дхека. А люди на слонах и лошадях будут двигаться гораздо быстрее, чем мы с тобой, и нас на дороге в Пном Дхек перехватят очень скоро. Нам следует идти в каком-нибудь другом направлении и спрятаться в джунглях, может быть, даже на несколько дней, прежде чем отправиться уже в Пном Дхек.

— Мне все равно,— промолвила она,— и с тобой мне ничто не страшно, Гордон Кинг.

Вскоре они нашли эту дорогу. Было довольно неприятно входить в джунгли, освещенные только светом звезд, да и как они оба прекрасно понимали, чрезвычайно опасно. Они погрузились в звуки темного ночного леса: таинственный шелест кустарника, тихая поступь зверей, кашляющий рык в отдалении, рев и крик, но страшнее всего была следовавшая за этим тишина.

Спустя несколько месяцев Кинг, вспоминая об этом, думал, что в ту ночь он не представлял себе, насколько опасна была их ночь в джунглях. Но сейчас долгое знакомство с джунглями настолько приучило его к постоянной опасности, что он невольно перенял характерный для первобытных людей фатализм. Конечно, ожидавшими их в лесу опасностями он пренебрегать не собирался, но считал их наименьшим из двух зол. Оставаться поблизости от Лодидхапуры было безумием, так как их без сомнения, быстро бы обнаружили и судьба бы их была не в пример джунглям куда более жестокой и беспощадной. Близкое знакомство гораздо больше склоняло весы в пользу гигантских кошек: он уже знал, что они вовсе не бесстрашные истребители рода человеческого, он понимал, что далеко не все из них людоеды и охотно избегают встреч с людьми. Скорее всего, они ночью даже и не встретятся ни с одной из них, но даже если они и повстречают тигра, леопарда или пантеру, которые от голода, старости или страха решатся напасть, все равно их судьба в их собственных руках. А кроме того, в этом случае не имеет значения направление, которое они выберут для бегства.

Дорога, соединявшая Лодидхапуру с джунглями, постепенно перешла в обыкновенную охотничью тропу. Им следовало отойти от нее подальше, чтобы не попасться на глаза преследователям. Правда, это можно было отложить до наступления утра, тем более что вслепую передвигаться по лесному бездорожью в почти полной темноте означало навлечь на себя безусловную опасность.

— Даже если они найдут Лодивармана до рассвета,— сказал он,— вряд ли поиски начнутся до восхода солнца.

— Им будет приказано отправиться на поиски тотчас же по повелению Лодивармана,— возразила Фоутан,— но мало вероятно, что кто-нибудь рискнет приблизиться к его покоям, где он лежит, до тех пор, пока

затянувшаяся тишина не покажется подозрительной. Если твои узлы не развязались и ему не удалось освободиться от кляпа, я очень сомневаюсь, что его обнаружат до наступления полудня. Его люди боятся его мгновенного и беспощадного гнева. В Лодидхапуре есть только один человек, что рискнет войти в покои до того, как Лодиварман позовет его.

— И кто же это? — спросил Кинг.

— Вай Тхон, верховный жрец Шивы, — ответила девушка.

— Я думаю, что если обнаружится, что я пропал и это дойдет до слуха Вай Тхона, то это вызовет у него некоторые опасения.

— Почему?

— Потому что я с ним разговаривал сегодня, и я понял, что он угадал, что творится в моем сердце. Ведь это он сказал мне, что Лодиварман пошлет за тобой сегодня. И это Вай Тхон убеждал меня не совершать опрометчивых поступков.

— Он не любит Лодивармана, — объяснила девушка, — и если он догадается обо всем, то скорее всего будет хранить молчание, потому что он был добр ко мне, и я знаю, что ты нравишься ему.

Час за часом беглецы шли вдоль по тропе при свете луны, который едва просачивался сквозь густой покров листвы, но все же если это был и не совсем свет, то и не крошечная тьма.

По прошествии нескольких часов Кинг заметил, что шаги Фоу-тан начали становиться все более неуверенными. Он стал подстраивать свой шаг под ее, поддерживал ее под руку. Она выглядела такой маленькой, утонченной и неприспособленной для подобного рода испытаний, что Гордон испытывал благоговение перед ее выдержкой. Фоу-тан из Пном Дхека гораздо больше напоминала тепличный цветок, чем девушку из плоти и крови, и при этом проявляла чисто мужскую смелость и самообладание. Он думал о том, что ни разу за ночь она ни единым звуком не выказала своего страха, даже тогда, когда звери проходили настолько близко, что им было слышно их дыхание. Если таковы кхмерские рабы, то каких высот должны достигать их повелители!

— Ты очень устала, Фоу-тан, — сказал он, — нам надо отдохнуть.

— Нет, — возразила она, — не надо из-за меня оста-

навливаться. Если ты сам не собираешься отдыхать, значит, это неразумно, а то, что я рядом, не должно ничего менять. Когда ты почувствуешь, что нуждаешься в отдыхе и будешь считать, что это безопасно, тогда и я отдохну, но не раньше.

Рассвет, посланец дня, начал тихонько пробираться сквозь джунгли, смывая непроницаемые ночные тени. Из темноты выступили деревья, тропа, что была стеной непроходимой тьмы, вдруг появилась перед ними, за их спиной еще лежала ночь, а впереди... Со светом родилась и новая надежда. Теперь настало время покидать тропу и искать безопасное убежище, тем более что место здесь было подходящее — подлесок был довольно редкий.

Срезав тропу, Кинг резко взял влево, и в течение часа-двух они пробирались по нехоженным джунглям. Это было самое трудное время их побега: не было тропы, и они все время шли вгору, что оправдывало ожидания Кинга. Начали постоянно встречаться нагромождения камней, и в конце концов они попали в узкое ущелье, на дне которого протекал чистый родничок.

— Боги благосклонны к нам,— воскликнул Кинг.

— Я всю ночь им молилась,— сказала Фоу-тан.

Родник протекал глубоко в скале, но все же они нашли место, где можно было близко подойти к воде; она оказалась свежей и прохладной. Напившись, они почувствовали прилив силы и надежды.

Признаки эрозии в известняке натолкнули Кинга на поиски безопасного и удобного укрытия. Через ручеек можно было перейти, не замочив ног, и они прошли вверх по его течению. Им не пришлось долго искать: ручеек, сотни лет протекая по скале, в одном месте промыл основание скалы, где двое беглецов сумели обнаружить незаметное издали убежище.

Оставив Фоу-тан в маленьком гроте, Кинг опять перешел ручей и набрал сухой травы, росшей по другую сторону ручейка. После нескольких таких походов удалось устроить достаточно удобные постели.

— Ложись и спи,— сказал он Фоу-тан,— а когда ты отдохнешь, то я лягу.

Девушка пыталась протестовать, желая, чтобы он лег спать первым, но переутомление взяло свое, и она погрузилась в глубокий сон, не успев даже до конца договорить. Кинг сидел, прислонясь спиной к каменной стене, и изо всех сил боролся со сном. Но перекрывшее все осталь-

ные звуки, мирное журчанье воды подействовало усыпляюще и после долгой борьбы с усталостью он незаметно для себя начал сдаваться. Он дважды задремывал, затем вставал и прохаживался по их укрытию, очень недовольный собой, но ничто не помогало. Как только он сел, то моментально отключился.

Когда Кинг в ужасе вскочил, было уже за полдень. Ему приснился сон настолько реальный, что он схватился за копье и вскочил на ноги. Но все было спокойно. Он внимательно прислушался, но единственный звук, что донесся до него было журчанье воды.

Фоу-тан открыла глаза и посмотрела на него.— Что такое? — спросила она.

— Я уснул на посту,— на лице его было написано недовольство собой.— Я долго спал и только что проснулся.

— Я очень рада,— улыбнулась она,— надеюсь, ты хорошо поспал.

— Я спал столько же, сколько и ты, но представь себе, что было бы, если бы они пришли.

— Но они же не пришли,— успокоила она.

— Ладно, плохо это или хорошо, но мы оба выспались,— сказал он,— а теперь надо раздобыть еду.

— В джунглях ее полно,— напомнила девушка.

— Да, утром пока мы шли, я заметил.

— А мы можем выйти и поискать?

— Давай попытаемся,— ответил он.— Есть нам надо, а ночью добывать пищу мы не можем. Нам надо идти вместе, Фоу-тан, я не могу рисковать настолько, чтобы оставлять тебя одну даже на миг.

Пока Кинг и Фоу-тан, оставив свое убежище, спускались в ущелье, чтобы отыскать там удобный подъем в гору, покрытую лесом, некое существо на вершине скалы по ту сторону ручья пряталось за кустом и следило за ними. Глубоко посаженные глазки под копной спутанных волос следили за каждым их движением; когда же они прошли мимо, оно стало красться за ними следом, таясь как тигр. Но это было человеческое существо — огромное, здоровенное, не менее шести футов шести дюймов, с мощными плоскостопными ногами. На нем была узенькая набедренная повязка из шкуры какого-то животного. Украшений оно не носило, но несло оружие: короткую не то пикку, не то копьцо, лук и стрелы.

Познания, полученные американцем от Че, позволя-

ли ему быстро определять съедобные растения, фрукты и клубни при минимальной затрате времени и сил. Фоутан, воспитанная в городе, имела весьма туманные и самые практически неприменимые знания в области флоры джунглей. Она знала высокие прямые тиковые деревья, сейчас, в сухой сезон стоявшие без листьев, с детской радостью узнала и каучуковые деревья, знакомы ей были и высокие цветущие стебли кардамона, но в целом с ее знаниями и канарейка бы не выжила в джунглях. Знания Гордона вызвали у нее благоговение и восторг. Она следила взглядом за каждым его движением, и когда они собрали все, что он нашел и они могли унести, она возвращалась, переполненная гордостью и счастьем. Может быть, именно поэтому она не заметила неуклюжую фигуру, прячущуюся в кустах.

Когда они вернулись, то решили утолить голод теми фруктами и растениями, что не требовали приготовления.

— Вечером попробуем зажечь костер и приготовить кое-какие клубни. Сейчас это небезопасно, потому что дым можно увидеть на большом расстоянии. А ночью они все равно искать нас не будут, и маленький костерок из ущелья все равно никто не заметит.

После еды Кинг взял копье и пошел к ручью, где он видел рыбу. В основном ему хотелось убить время, особых надежд на успех он и не лелеял, но рыбы оказалось настолько много, что ему с помощью копья удалось поймать две, а Фоутан стояла рядом, восторженно попискивая от волнения.

Кинг, как и всякий нормальный мужчина, был далеко не равнодушен к одобрению со стороны представительниц прекрасного пола, но никогда он не испытывал такого удовлетворения, как сейчас, слыша похвалы Фоутан. В них было столько искренности, что даже не возникало мысли о лести. У него вообще не возникало ни разу сомнений в искренности этой крошки.

— У нас будет настоящий пир, — воскликнула она, когда они возвращались с добычей в свой маленький грот. — Мне очень повезло, что здесь со мной ты, Гордон Кинг, а не кто-нибудь другой.

— Почему, Фоутан?

— Представь себе Бхарата Рахона или кого-нибудь еще перед лицом необходимости найти мне еду в джунглях! Я или умерла бы от голода или отравилась из-за их невежества и тупости. Нет, второго такого

как Гордон Кинг, Фоу-тан, его рабыня, не знает.

— Не надо называть себя так,— попросил он.— Ты ведь не рабыня.

— Давай поиграем, будто я рабыня. Мне это нравится. Раб становится великим у великого господина. Значит, быть рабыней Гордона Кинга — вовсе не унижительно.

— Если бы я не нашел тебя здесь, в камбоджийских джунглях, я бы принял тебя за ирландку.

— Ирландку? — спросила она.— А что такое ирландка?

— Ирландцы — это такой народ, который живет на маленьком острове далеко, далеко отсюда. У них там есть знаменитый камень, и когда кто-нибудь его поцелует, то после этого начинает превозносить всех, кого встретит. Говорят, все ирландцы целуют этот камень.

— Мне не надо целовать камень, чтобы говорить тебе правду, Гордон Кинг,— сказала девушка.— Я не часто говорю людям приятные слова, но мне нравится говорить их тебе.

— Почему?

— Не знаю, Гордон Кинг,— ответила Фоу-тан, отводя взгляд.

Они сидели на сухой траве, служившей им постелями. Кинг молчал, глядя на девушку. В тысячный раз он поражался редкой ее красоте. Вдруг в его сознании всплыло лицо другой девушки — это была Сьюзен Энн Прентайс. Рассмеявшись, Кинг взглянул в сторону ручья. И опять никто из них не заметил, что за ними пристально следят чьи-то маленькие глазки.

— Почему ты смеешься, Гордон Кинг? — посмотрев на него, поинтересовалась Фоу-тан.

— Ты не поймешь, Фоу-тан,— сказал он. Он думал о том, что бы сказала Сьюзен Энн, если бы знала, в какую ситуацию он попал. Он понимал, что ситуация не только невероятная, но и невозможная. Он, Гордон Кинг, дипломированный врач, абсолютно нормальный продукт двадцатого века, сидит почти обнаженный под скалой с маленькой рабыней, принадлежащей к вымершей сотни лет назад расе. Само по себе одно только это уже абсурд. Но была и еще более невероятная причина для смеха: дело в том, что ему это нравилось и больше всего ему нравилось общество маленькой рабыни.

— Ты смеешься надо мной, Гордон Кинг,— проговорила Фоу-тан,— а мне не нравится, когда надо мной смеются.

— Я не смеюсь над тобой, Фоу-тан,— возразил он.— Я не могу смеяться над тобой . Я...

— Ты — что?

— Я не могу смеяться над тобой,— неубедительно объяснил он.

— Ты уже сказал это раньше, Гордон Кинг,— напомнила она.— Ты начал говорить что-то еще. О чем?

Он помолчал, а потом сказал, что не помнит.

Он отвернулся, но она продолжала смотреть на него своими пронизательными глазами, затем ее лицо осветила улыбка, и она замурлыкала песенку.

Человек, прятаящийся на противоположной скале бесшумно отполз в сторону. Когда он понял, что его эти двое уже увидеть не смогут, то выпрямился и тихонько ушел в лес. Лук и стрелы он держал наготове. При всех своих гигантских размерах он шел совершенно бесшумно, рыская по сторонам глазами. Внезапно и невероятно быстро он спустил тетиву, затем прыгнул вперед и подобрал добычу — огромную крысу. Затем он продолжил свой путь. При виде обезьянки он прореагировал также стремительно, тетива зазвенела и зверек упал к ногам первобытного охотника. Присев на корточки, он съел сырую крысу, а обезьяну притащил обратно на свой наблюдательный пункт на скале, удовлетворившись тем, что эти двое еще здесь, он принялся за свое основное блюдо.

Фоу-тан не нарушала сконфуженное молчание Кинга, но когда он поднялся на ноги, она спросила: — Куда ты идешь, Гордон Кинг?

— Там на той стороне лежит сушняк, намытый дождями. Нам нужны дрова для ужина.

— Я пойду с тобой и помогу тебе,— попросилась Фоу-тан, и они пошли собирать сухой хворост для костра.

Американец научился у Че и Кенгри разводить огонь без спичек, и вскоре глубоко под скалой разгорелся огонек. Он почистил и помыл рыбу, затем принялся жарить ее над огнем, а Фоу-тан, надев на палочки большие клубни, положила их на уголья.

— Я не поменяла бы этот грот на королевский дворец, Гордон Кинг,— сказала она.

— Я тоже, Фоу-тан,— признался эн.

— Ты счастлив, Гордон Кинг?

— Да,— кивнул он.— А ты, Фоу-тан, счастлива ли ты?

Она тоже кивнула, а потом просто сказала: — Это потому, что мы с тобой вместе, вдвоем.

— Мы с разных концов света,— принялся он размышлять вслух,— нас разделяют столетия, у нас нет ничего общего, твой и мой миры далеки друг от друга, как звезды, и все-таки, Фоу-тан, у меня такое чувство, что я знал тебя всегда. Просто невозможно, что я жил до сих пор, даже не зная, что ты существуешь.

— Я чувствую то же самое, Гордон Кинг,— промолвила девушка.— Я не могу этого понять, но тем не менее это так. Но в одном ты неправ.

— А в чем?

— Ты сказал, что у нас нет ничего общего. Есть.

— А что? — спросил Кинг.

Фоу-тан вздрогнула.— Проказа,— прошептала она.— Он дотронулся до нас обоих. У нас обоих будет проказа.

Гордон Кинг засмеялся.— Мы никогда не заразимся проказой от Лодивармана,— успокоил он.— Я врач, я знаю.

— Почему не заразимся?

— Потому что Лодиварман не прокаженный,— ответил американец.

Х

ЛЮБОВЬ И СТРАШИЛИЩЕ

На противоположном краю ущелья страшилище, жуя обезьянью ногу, следило за парой внизу. Он увидел огонь и забеспокоился. Огня он боялся. Он инстинктивно воспринимал его как некую опасную силу. Страшилище не знало бога, но оно знало, что есть силы, которые причиняют боль, несчастье и смерть, и зачастую они невидимы. Видимой причиной таких же бед были и враги, которые встречались в джунглях в образе человека или зверя, поэтому, естественно, он наделил невидимые причины, обладавшие такими же свойствами, физическими атрибутами видимых ему врагов. Он населил джунгли невидимыми людьми и зверями, которые приносят боль,

несчастье и смерть. Их он боялся гораздо больше, чем видимых. Он знал, что огонь — дело рук таких ужасных созданий, и один только его вид приводил его в смятение.

Страшилище голодно не было, оно не испытывало вражды к этим двоим, за которыми следило; им руководило иное чувство, чем голод или ненависть. Оно увидело девушку!

Огонь волновал эту страхолюдину и заставлял держаться поодаль, но для дикаря время ничего не значило. Он видел, что эти двое делали постели, значит, они будут тут же ночевать. А на утро они выйдут, чтобы раздобыть себе еду, и тогда огня с ними не будет. Страшилище ничего не имело против того, чтобы подождать до утра. Он нашел место, поросшее высокой травой, встал на четвереньки и несколько раз покрутился, точно так же, как собаки перед тем, как улечься. Он примял траву таким образом, чтобы она легла вся в одном направлении — он всегда так крутился перед сном, и трава никогда не кололась. Может быть, он научился этому от диких собак, а может быть, и наоборот, — собаки научились этому у человека. Кто знает?

Фоу-тан и Кинг сидели в темноте на своих постелях и разговаривали. У Фоу-тан было множество вопросов. Она хотела знать все о незнакомой стране, откуда пришел Кинг. Большинство вещей ей было непонятно, но довольно часто ее вопросы касались предметов вполне понятных — многое в человеческой жизни не меняется со временем, они общие и понятные для всех эпох.

— Женщины в твоей стране красивы? — спросила она.

— Некоторые да, — ответил Гордон.

— У тебя есть жена, Гордон Кинг? — вопрос был задан шепотом.

— Нет, Фоу-тан.

— Но ты кого-то любишь, — не унималась она, потому что любовь для женщин настолько важна, что она не в силах представить себе жизнь, обделенную любовью.

— У меня не было времени влюбиться, — добродушно ответил он.

— Но сейчас ты не занят, — предположила Фоу-тан.

— Думаю, что я буду очень занят еще несколько дней, пока не доставлю тебя обратно в Пном Дхек, — уверил ее Гордон.

Фоу-тан молчала. Было настолько темно, что он ее

почти не видел. Но она сидела рядом, а ее присутствие неподалеку он воспринимал с невероятной силой, почти как физический контакт. Силу столь неопределенной вещи как личность, он познал в разговорах с людьми, в их глазах, но он никогда не испытывал ее влияния в темноте и отдалении, в то время, как он ощущал ее почти как прикосновение теплых пальцев и находил этот эффект волнующим.

Они лежали каждый на своей постели и думали каждый о своем. Дневной жар понемногу спадал, его сменила сырость. Полная тьма вокруг чуть смягчалась тлеющими угольками их потухающего костра. Кинг размышлял о девушке, что была рядом, об ответственности, вызванной ее присутствием, о долге по отношению к ней и к себе. Он старался не думать о ней, но это оказалось невозможно, и чем больше он думал, тем больше он осознавал, насколько она завладела им. Совершенно немыслимым ему казалось даже представить, что чувство, что она в нем вызывает — любовь. Он старался убедить себя в том, что тому причиной ее редкая красота и близость и боролся со своей страстью, чтобы смочь выполнить свой долг по отношению к ней так, чтобы потом ни о чем не сожалеть и ничего не стыдиться.

Для укрепления столь благородного намерения он полностью выбросил Фоу-тан из головы и принялся думать о друзьях в такой далекой Америке. В воспоминаниях он смеялся и танцевал с Сьюзен Энн Прентайс, слушал ее интеллигентный голос и продолжал наслаждаться нежной дружбой с девушкой, что была для него олицетворением всего лучшего, что человек мог бы пожелать для своей сестры. А затем он услышал легкий вздох с соседней травяной подстилки, и образ Сьюзен Энн Прентайс мгновенно растаял.

Вновь продолжилось долгое молчание, нарушаемое мурлыканьем ручейка.

— Гордон Кинг! — раздался шепот.

— Что такое, Фоу-тан?

— Я боюсь, Гордон Кинг, — совсем по-детски сказала она. Но прежде чем он успел ответить, в ущелье послышался шум падающего тела и шорох осыпающейся земли.

— Что это? — прошептала испуганно Фоу-тан. — Что-то идет, Гордон Кинг. Смотри!

Молодой человек молча поднялся и схватил копье.

Внизу в ущелье он увидел две горящих точки. Он быстро подошел к своему костру, положил на угли сухие сучья и тихонько принялся дуть раздувая пламя. Две горящих точки продолжали светиться неподалеку.

Кинг подложил еще хвороста в костер, и он разгорелся, осветив маленький грот и сидящую на своей постели Фоу-тан, полными ужаса глазами смотревшую на зловещих предвестников смерти.— Господин Тигр! — прошептала она дрожащим голосом, в котором отразился ужас не только ее самой, но многовековой ужас ее предков, для которых Господин Тигр представлял самую страшную из смертельных опасностей.

Первобытные существа, постоянно живущие среди возможных смертельных опасностей, спят чутко. Прыжок зверя в ущелье и последовавший за ним звук осыпающейся земли и камней разбудили страшилище на другой стороне ущелья. Дикарь, думая, что источником звука была пара внизу в ущелье, быстро подобрался к краю скалы и посмотрел вниз. Как раз в этот момент разгоревшийся костер осветил все вокруг, и страшилище увидело огромного тигра, разглядывавшего мужчину и женщину в их укрытии.

Дикарь разгневался: это был страшный, смертельный враг, которого он расценивал как своего, личного врага. Дикарь выбрал стрелу потолще, самую тяжелую, что у него была, и натянул лук до предела: до тех пор пока тетива не достала до губ, тогда он ее спустил, целясь тигру под лопатку.

Потом все произошло мгновенно. Стрела попала зверю в легкое; шок, удивление и боль привели к мгновенной реакции. Не видя другого противника, Господин Тигр, естественно, решил, что виновники перед ним. И поступил соответствующим образом.

Гигантская кошка с устрашающим ревом, сверкающими глазами и широко раскрыв пасть с блестящими клыками бросилась прямо на Кинга. В свете костра она выглядела как олицетворение силы разрушения.

Крошка Фоу-тан, стоявшая позади Кинга, схватила горящую ветку из костра и бросила в морду тигру. Но тигру было настолько больно, и он был в такой ярости, что не испытывал страха перед огнем.

Рука Кинга пошла назад. В памяти всплыл предыдущий тигр, которого он убил одним ударом копья. Но тогда он знал, что на секунду удача улыбнулась ему.

Везение дважды не повторяется, но ему ничего не оставалось как попытаться.

Он сосредоточил нервы и мускулы под абсолютным контролем, все подчинил железной воле. Сознание и тело сконцентрировались на точности и силе удара. Если бы он позволил себе подумать, что произойдет потом, то все пошло бы насмарку. Он решительно и собранно ждал до той доли секунды, до или после которой метнуть копьё было бы нельзя. Затем бронзовая кожа на руке с копьём сверкнула при свете костра, и прижав к себе Фоу-тан левой рукой, он отпрыгнул в сторону.

Даже Господин Тигр не мог бы сработать с большей точностью, четкостью и расчетливостью. Даже страшилище на скале издало тихий вопль удивления и восхищения.

Атака привела тигра прямо в костер, горящие ветки разлетелись по сторонам. Сухая трава постелей мгновенно вспыхнула. Ослепленный и испуганный, тигр дико озираясь в поисках жертвы, но Кинг быстро перескочил через ручей на другую сторону ущелья. Гигантский кот, грызя копьё, торчащее из груди, оглашал окрестности криками боли и гневным рыком. Внезапно все стихло, тигр будто превратился в желто-черную статую из золота и черного дерева, сделал шаг, пошатнулся и упал мертвый на землю.

Гордон Кинг почувствовал слабость в коленях, слабость настолько сильную, что сел внезапно на траву. Ему повезло во второй раз, но он не в силах был в это поверить. Фоу-тан подошла и села рядом, прижавшись щекой к его руке.— Мой Гордон Кинг! — тихонько шепнула она.

Бессознательно он обнял ее одной рукой.— Моя Фоу-тан! — сказал он. Девушка тесно прижалась к нему.

Некоторое время они следили за тигром, не решаясь приблизиться до тех пор, пока в нем может теплиться хоть искорка жизни, они оба знали, что даже этого достаточно, чтобы зверь расправился с ними. Но животное больше не шевелилось.

Разгоревшийся было костер начал угасать, Фоу-тан и Кинг, понимая теперь необходимость постоянно его поддерживать, встали и отправились в грот. Перейдя через ручей, они выбрали разбросанные горящие и потухшие ветки, собрали их и подбросили еще дров в костер.

Страшилище продолжало следить за ними со скалы,

и из его груди еще раз вырвался восхищенный звук, когда он увидел, как Кинг выдергивает копье из груди тигра. Американцу пришлось упереться одной ногой в грудь зверя и напирать все силы, чтобы вытащить оружие — настолько глубоко оно вошло в тело его жертвы.

— Боюсь, что нам не удастся сегодня выспаться, — сказал вернувшись к костру Кинг.

— Мне не хочется спать, — ответила девушка. — Я не усну, и потом, становится прохладно. Я лучше посижу у костра до утра. Пока Господин Тигр разгуливает по ночам, лучше не спать.

Они опять сели рядом, опершись спиной о согревшуюся от костра скалу.

Страшилище, убедившись, что они устроились на ночь, тоже вернулось к своей примитивной постели и улеглось досыпать.

Фоу-тан тесно прижималась к Кингу, его рука обвивала ее плечи. Кинг крепко прижал ее к себе.

— Фоу-тан! — сказал он.

— Да, Гордон Кинг, что ты хочешь сказать? — спросила она. Он заметил, что голос ее дрогнул.

— Я люблю тебя, — сказал Кинг.

В ответ послышался прерывистый вздох. Он услышал, как забилося ее сердце у него под боком.

Нежная рука робко поднялась и обвила его шею, ласково притягивая его голову к ее очаровательному лицу. Глазами, полными слез, она смотрела ему прямо в глаза. Губы ее задрожали, и он притиснул ее к себе в первом поцелуе любви.

Красота подобной цветку девушки, ее мягкость, беспомощность в сочетании с восторгом его первой любви окружили Фоу-тан ореолом святости. Он испытывал благоговение перед этой верховной жрицей святая святых его сердца. Он был поражен, что завоевал любовь такого дивного существа. Маленькая рабыня стала ангелом, а он — ее рыцарем. Это-то и был секрет любви Кинга к Фоу-тан. Он был рад, что она маленькая и беспомощная, потому что ему нравилось думать о том, что он ее опора и защита. Ему приятно было ощущать, что безопасность любимой девушки — его дело, и что он и физически и морально способен исполнить обязательства, что Провидение возложило на него.

Но несмотря на свою нежность и слабость Фоу-тан была не лишена уверенности в себе и мужества, что она

убедительно доказала бегством из дворца Лодивармана и тем, как она переносила опасности в диких джунглях. Но она была настолько женственна, что величайшее счастье видела в защите со стороны любимого.

— Я очень счастлива,— прошептала Фоу-тан.

— И я тоже,— признался Кинг,— я никогда не был так счастлив, но теперь нам следует полностью изменить наши планы.

— Что ты этим хочешь сказать? — удивилась она.

— Мы можем не возвращаться в Пном Дхек. Нам надо найти выход из джунглей, чтобы я мог забрать тебя с собой в мою страну.

— Зачем? — спросила она.

— Прежде, чем я отвечу тебе,— промолвил он,— я хочу задать тебе один вопрос и получить на него ответ раньше, чем мы начнем строить планы на будущее.

— А что это за вопрос?

— Ты будешь моей женой, Фоу-тан?

— О, Гордон Кинг, я ведь уже ответила на него, ведь я тебе сказала, что люблю тебя. Фоу-тан никогда бы этого не сказала человеку, за которого не хотела бы или не могла выйти замуж. Но какое отношение это имеет к нашему возвращению в Пном Джек?

— Очень большое,— ответил Кинг,— потому что я не хочу возвращать женщину, что будет моей женой, опять к рабству.

Она посмотрела ему в лицо, сияя счастьем.— Теперь у меня никогда не возникнут сомнения в твоей любви, Гордон Кинг.

Он вопросительно взглянул на нее.— Что-то я не понимаю тебя.

— Потому что ты думаешь, что я рабыня, и все равно берешь меня в жены.

— Но когда мы впервые встретились, ты же сказала, что ты рабыня,— напомнил он.

— Я была рабыней в Лодидхапуре,— объяснила она,— но в Пном Дхеке я не рабыня. Я должна вернуться в отчий дом. Это мой долг. Когда король узнает, какой ты великий воин, он возьмет тебя в свою гвардию. И тогда ты сможешь жениться, и быть может, мой отец возражать не будет.

— А если будет?

— Давай не будем думать об этом.

К утру начал моросить дождик, предвестник сезона

дождей. Кинг поддерживал огонь, и его тепло согревало их, пока они сидели и говорили о будущем и о счастье, что посетило их жизнь.

На рассвете дождик кончился, небо очистилось, и солнце осветило джунгли. В воздухе разнеслись незнакомые запахи, прибитые было к земле дождем.

Кинг встал и потянулся. Посмотрев на тушу сраженного им тигра, он пожалел, что придется оставить такой трофей любителям падали или просто гнить.

Из туши торчал оперенный конец стрелы. Кинг был поражен. Он потянул стрелу и вытащил. Это было очень грубое приспособление, гораздо грубее стрел работы Че. Здесь крылась какая-то тайна, объяснения которой он найти не мог. Самое лучшее, что он мог придумать — что тигр таскал ее несколько дней. Потом на время он вообще забыл о стреле, о чем позже вспоминал с горечью.

На другой стороне ущелья страшилище встряхнулось. Он спокойно проспал под дождем, и лежище под ним оставалось сухим. Физический дискомфорт для него был неважен, он привык к нему. Дикарь встал и потянулся, точно так же, как Кинг. Затем он подполз к краю ущелья и посмотрел вниз на мужчину и женщину.

Дремавшая Фоу-тан проснулась и встала. Она подошла к Кингу, сияя молодостью, красотой и здоровьем, прильнула к нему, он обнял ее, наклонился и поцеловал в подставленные губы. Страшилище облизнулось.

— А теперь, — сказал Кинг, — я собираюсь в лес за фруктами. Завтрак, конечно, слишком легкий, но лучше чем ничего. Днем я не решаюсь разводить костер.

— Пока ты будешь ходить, я выкупаюсь, — решила Фоу-тан, — это освежит меня.

— Я боюсь оставлять тебя одну.

— Опасности же нет, — успокоила Фоу-тан. — Звери сейчас охотится не будут, и очень мало вероятно, что солдаты, разыскивающие нас, так рано примутся за поиски. Оставь меня купаться, Гордон Кинг, и не торопись возвращаться.

Пока Кинг спускался по ущелью к тому месту, где можно было выбраться в лес, страшилище следило за каждым его движением, а затем отправилось по ущелью в противоположном направлении. Для него в джунглях не существовало непроходимых троп и ему не надо было искать легкого спуска.

На девушке была только шелковая набедренная повязка и самодельный саронг. Так что едва Кинг скрылся из виду, как она бросилась в холодную воду ручья. Температура воды горного ручейка и страх, что Кинг скоро вернется, заставили ее поторопиться. Поскольку полотенца у нее не было, она воспользовалась краем саронга, одела набедренную повязку и обмотала свое изящное тело саронгом. Затем она стала смотреть в ту сторону, в которую удалился Кинг. Сердце ее было переполнено счастьем, и она не смогла удержаться от того, чтобы тихонько помурлыкать песенку.

Сверху позади нее кралось страшилище. Даже если бы он двигался недостаточно осторожно, она не услышала его, потому что все заглушали звуки ручья, у которого она продолжала стоять. Но дикарь как истинный житель лесов, крался подобно хищнику, не задев ни травинки. Дикарь был воплощением ловкости тигра, но на этом их сходство кончалось, так как тигр красив, а страшилище было уродливо.

На свете вообще существует множество созданий гораздо красивее человека, что вызывает сомнение в утверждении, что человек создан по образу и подобию Божьему. Многие считают, что красота образа Божьего превосходит человеческое понимание. Если это так, и Бог действительно избрал какое-то существо и создал его по своему подобию, то человек наверняка должен занимать одно из последних мест в ряду претендентов.

Страшилище тихонько подкралось к ничего не подозревающей девушке. Оно обошло скалу и увидело, что она стоит спиной. Дикарь стремительно, но по-прежнему совершенно бесшумно переступая ногами, бросился к ней. Она стояла с полузакрытыми глазами, вся в плену грез, и напевала.

Внезапно грубая грязная лапа зажала ей рот. Мощная грубая рука обхватила ее за талию и оторвала от земли. Страшилище повернуло назад и бросилось бежать, унося свою добычу.

Кинг быстро нашел то, что хотел, но возвращаться медлил, желая, чтобы Фоу-тан не торопясь занялась своим туалетом. Он медленно пробирался к ущелью, размышляя о будущем, строя планы. Он предполагал остаться в этом убежище на несколько дней, надеясь на то, что солдаты Лодивармана оставят в конце концов поиски и вернутся в Лодидхапуру. Он решил,

что можно пользоваться ущельем как убежищем только до тех пор, пока они не найдут более подходящее и безопасное, где они будут в меньшей опасности встретиться с ночными разбойниками или с воинами, их разыскивающими. Он также лелеял надежду на несколько идиллических дней наедине с Фоу-тан.

Переполненный энтузиазмом по поводу внушенных ему свыше планов, Кинг приблизился к ущелью и спустился на священную теперь для него землю, но когда он преодолел последний поворот, то увидел, что Фоу-тан там нет. Быть может, она еще купается. Он позвал ее, но ответа не было. Он позвал громче, но ответа снова не получил. Теперь он встревожился и бросился на розыски, ища хотя какого-нибудь знака или разгадки. Долго ему искать не пришлось. На мягкой, влажной от дождя земле он увидел отпечатки огромных — босых мужских ног. Он видел, где ноги остановились, а затем повернули, и пошел по следам. Бросив собранные фрукты, он поспешил по ясному следу, кипя от ярости и страха, сердце ледяным комком застыло у него в груди.

Теперь он вспомнил стрелу, что нашел между лопатками тигра. Он припомнил внезапную ярость зверя и его рев, полный боли и ярости, внезапное его нападение. И он принялся восстанавливать происшедшее: человек следил за ними сверху, увидев тигра, он выстрелил, чтобы сохранить добычу для себя, а потом ждал, когда Кинг уйдет и оставит Фоу-тан одну. Остальное ясно читалось по следам. Кинг был уверен, что это не солдат Лодивармана, грубая стрела подтверждала это так же, как и следы от огромных босых ног. Но что это был за человек и зачем он украл Фоу-тан? Ответ на вопрос заставил Кинга двигаться быстрее.

Недалеко от ущелья, наверху, Кинг обнаружил, что следы повернули направо вверх по руслу высохшего ручья вплоть до леса. Он благодарил Провидение, пославшее дождь, что помогло ему достаточно легко находить следы. Он знал, что похититель не мог уйти далеко, и был уверен, что нагонит его прежде, чем он сможет нанести обиду Фоу-тан. Тем не менее, спеша вслед, от ужаса он замирал, думая, что то, что ему постоянно нужно не упускать из виду следы преступника, может его сильно задержать, и вор выиграет в расстоянии. И действительно, на скалистом участке следы похи-

тителя стали менее заметны, пока совсем не исчезли. Американцу пришлось остановиться и приняться за поиски следов, когда же он их в конце концов отыскал, похититель уже выиграл много времени и был далеко.

И опять Кинг помчался по лесу, на диво лишенному подлеска. Торопясь, он вдруг осознал, что до него доносится какой-то совершенно новый звук. Он не сразу мог определить его среди множества звуков, раздававшихся днем в лесу, но в нем было что-то угрожающее. Вдруг он случайно наткнулся на тех, кто производил его — это были громадные серые слоны, маячившие между стволами деревьев прямо на его пути.

При других обстоятельствах он остановился бы или, наконец, изменил направление, и если бы он сумел задуматься хоть на секунду, то обязательно изменил маршрут. Но им владел великий страх за Фоу-тан и поэтому, даже когда он понял, что на его пути, он думал только о том, как преодолеть это препятствие, чтобы не задерживаться.

Если бы он был способен трезво мыслить, то постарался бы избежать контакта с этими страшными, мечущимися по лесу животными — у диких слонов характер не из лучших; а эти, чем-то возбужденные и напуганные, были в поистине истерическом состоянии. Среди них были малыши, что было еще опаснее, поскольку матери, встревоженные за потомство, способны на все. Да и огромные самцы, охраняющие стадо, были в таком состоянии, что лучше их было не провоцировать.

Навстречу бегущему человеку спешил слон, уши его были оттопырены, хвост поднят торчком. Лес дрожал от его бешеного рева, и только тут Кинг понял ужас своего положения и, что он ничем не может помочь Фоу-тан, летя навстречу неминуемой смерти.

XI

ВОИНЫ ИЗ ПНОМ ДХЕКА

Когда чудовище схватило ее, Фоу-тан сопротивлялась, стараясь освободиться, но она была совершенно беспомощна в геркулесовых объятьях похитителя. Она пробовала оторвать лапу страшилища от лица, чтобы за-

кричать и позвать Кинга, но и это ей не удалось.

Сначала существо несло ее одной рукой лицом вниз, но после того, как оно выбралось в лес, то взяло Фоу-тан на руки, так что она все время видела его лицо. При виде этого лица сердце ее упало. Это было уродливое лицо с толстыми губами и выступающими зубами, большими хлопающими на бегу ушами, низким нависшим лбом, прикрытым грубыми растрепанными волосами, почти сходявшимися с мохнатыми бровями, под которыми блестели неприятные налитые кровью глаза.

Фоу-тан было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что она попала в руки йика. Несмотря на то, что она никогда не видела ни одного из этих ужасных людей, и никто вообще никогда из известных ей людей их тоже не видел, она была совершенно в этом уверена, как если бы встречалась с ними изо дня в день всю свою жизнь. Настолько сильны в сознании человека впечатления детства. Ну кем же еще могло быть жуткое создание?

Ужас ее положения усиливался из-за контраста с состоянием счастья, в котором она пребывала во время похищения. Если бы ее Гордон Кинг был рядом с ней, она была бы уверена в спасении, настолько абсолютна была ее вера в его могущество. Но как же он узнает о том, что с ней? Будучи городской жительницей, она не могла представить себе, что Кинг может следовать за ними, читая отпечатки на земле, так что она потеряла всякую надежду. Она погибла! В этом Фоу-тан была совершенно убеждена — кто не знает, что йики питаются человеческим мясом?

Страшилище смутно догадывалось, что за ним гонятся, да и имело возможность видеть Кинга в деле, поэтому оно, не останавливаясь, спешило к знакомым скалам, где как ему было известно, можно было скрываться много дней, и если даже кто-то и обнаружит, то можно найти пещеру, вход в которую защитить нетрудно.

Но на бегу его внимание было привлечено знакомым шумом, опыт ему подсказывал, что следует избегать встреч с источником этих звуков и надо изменить курс. Почти сразу после этого он увидел, что наперез ему слева медленно движутся слоны. Желания оспаривать права на тропу у него не было, поэтому он свернул

правее, чтобы не встречаться с ними. Они действительно с ним не встретились, но почувствовали запах, и старый самец оставил стадо и направился к тому месту, где дикарь впервые увидел их. Остальное стадо сначала остановилось, а затем последовало за вожаком. Запах человека возбудил толстокожих. Они стали беспокоиться и метаться из стороны в сторону, тем более, что не могли определить, где находится источник этого запаха.

Когда дикарь обходил стадо на пути к своему старому логовищу, он постоянно держал слонов в пределах видимости, потому что он знал, что они могут его найти. Возможность минимальная, но предостеречься от нее требовал его первобытный инстинкт самосохранения. Поэтому все его внимание было устремлено в одну сторону, и он не заметил, что опасность подстерегала его с другой.

Человек двадцать солдат в потускневших от дождя и пыли джунглей доспехах остановились при виде страшилища и его ноши. Молодой офицер прошептал несколько слов своим подчиненным. Солдаты рассыпались, образовав полукруг. Один из них наступил на упавшую с дерева ветку. Страшилище моментально обернулось. Оно увидело двадцать хорошо вооруженных человек с копьями наготове, и соответственно закону природы, швырнуло девушку наземь и умчалось. Ему вслед посыпался дождь стрел, и некоторые из солдат хотели за ним бежать в погоню, но офицер остановил их.

— Девушка у нас,— сказал он,— пусть оно бежит. Нас за ним не посылали. Это не тот, кто похитил апсару из дворца Лодивармана.

Фоу-тан увидела солдат в тот же момент, что и страшилище, поэтому она тотчас же вскочила на ноги и бросилась обратно, в направлении к ущелью, где последний раз в жизни видела Кинга.

— За ней! — закричал офицер,— но не причиняйте ей вреда.

Фоу-тан бежала как стрела, и может быть, даже смогла бы от них скрыться, но она споткнулась и упала, когда же она поднялась, солдаты уже окружили ее. Держали ее крепко, но не причиняя боли, даже неприятных слов ей никто не говорил — ведь она была

и могла остаться фавориткой Лодивармана, а ссориться с фаворитами неразумно.

— Где мужчина? — спросил офицер, обращаясь к Фоу-тан.

Девушка на мгновение задумалась, так что никто даже и не заметил промедления, и решительно мотнула головой в сторону сбежавшего страшилища. — Вы же знаете не хуже меня, — сказала она, — почему вы не схватили его?

— Не этот, — ответил офицер, — я говорю о солдате гвардии, который похитил тебя из дворца Лодивармана.

— Никакого солдата гвардии, похитившего меня, не существует, — объяснила им девушка. — Это существо пробралось во дворец и утащило меня. А солдат гвардии погнался за нами в джунгли и пытался спасти меня, но ему не удалось.

— Лодиварман изволил сказать, что это был чужак, Гордон Кинг, что украл тебя из дворца, — пояснил офицер.

— Ты же видел существо, что украло меня, — продолжала Фоу-тан, — разве оно похоже на солдата Лодивармана?

— Нет, — согласился офицер, — но где же Гордон Кинг? Он исчез из Лодидхапуры.

— Я же тебе сказала, что он пытался освободить меня, — разъяснила Фоу-тан. — Он следовал за нами. Что с ним случилось, я не знаю. Может быть, йики прочли заклинание, что убило его.

— Йики! — воскликнул офицер. — Что ты хочешь сказать?

— Ты что, не понял, что мой похититель — йик? — спросила Фоу-тан. — Ты видел йика и не узнал его?

Среди окружавших их солдат слышались восклицания. — Кланусь богами, это был йик, — сказал один. — Может, они здесь где-то рядом, — предположил другой и испуганно огляделся.

Фоу-тан, перепуганная не меньше их, увидела в этом страхе, тем не менее, возможность освобождения от солдат. — Йики будут разгневаны, увидев, что вы отобрали меня у одного из них, — сказала она. — Он наверняка побежал предупредить их. Вам лучше скрыться. А если вы меня оставите здесь, то они за вами гнаться не будут.

— Клянусь Шивой, она права,— закричал один из воинов.

— Я не боюсь йиков,— храбро заявил офицер,— апсара с нами, и я не вижу смысла дольше здесь оставаться. Пошли! — и он мягко взял Фоу-тан за руку.

— Если вы заберете меня, они последуют за вами,— продолжала убеждать воинов Фоу-тан.— Вам лучше оставить меня здесь.

— Да, оставим ее здесь,— заворчали некоторые из них.

— Мы заберем девушку,— решил офицер.— Избежать мести йиков не так уж трудно, но если я вернусь в Лодидхапуру без апсары, то избежать мести Лодивармана мне не удастся,— и он отдал приказ отправляться в путь.

Пустившись в путь, многие продолжали оглядываться и обмениваться тревожными взглядами. То и дело слышалось ворчание и недовольные словечки, потому что никому из них не улыбалось сопровождать освобожденную пленницу йиков. Фоу-тан поддерживала их страхи и недовольство постоянным напоминанием о возмездии, которое постигнет их, когда йики их захватят.

— Ты глуп, что без нужды подвергаешь свою жизнь риску,— продолжала она уговаривать молодого офицера.— Если ты оставишь меня, то спасешься от йиков, а в Лодидхапуре совсем не обязательно знать, что вам удалось меня найти.

— Почему ты хочешь остаться здесь и стать жертвой йиков? — допытывался офицер.

— Никакой разницы нет, со мной вы или нет,— настаивала она,— йики все равно меня достанут. Они же в любом виде могут явиться и забрать меня. А если вы останетесь со мной, то они погубят и вас.

— А может быть, нам удастся спастись от них и вернуться в Лодидхапуру,— заупрямился офицер.

— Я предпочла остаться с йиками, чем возвращаться к Лодиварману,— вздохнула девушка. Она сохраняла надежду, что встретит Гордона Кинга до того, как йики заполучат ее — так велика была ее вера в силы возлюбленного, что она не сомневалась в том, что он их одолеет, несмотря на бесконечный ее страх перед йиками.

Доводы ее, однако, не подействовали. Ей не удалось отговорить молодого офицера от намерения забрать ее в Лодидхапуру. Рядовые же солдаты были не в восторге от

ее компании, это было ясно сразу же. Они могли достойно встретить воинов Пном Дхека или Господина Тигра, но размышления о сверхъестественной силе мифологических йиков наполняли их суеверные души самым обыкновенным ужасом. Среди них нашлись даже такие, что начали поговаривать о том, чтобы убить офицера, бросить девушку и вернуться в Лодидхапуру с каким-нибудь подходящим объяснением, а за ним и ходить далеко не приходилось после встречи с йиком. Но их планам не суждено было свершиться.

Когда Кинг увидел приближающегося к нему слона, он по-настоящему встревожился — ситуация была всерьез опасная. Он торопливо огляделся в поисках пути к бегству, но нигде поблизости не было достаточно мощного дерева, способного выдержать титанический натиск слона. Встречаться с самцом лицом к лицу или спастись бегством было почти одинаково безнадежно; но все же последний вариант был менее самоубийственен.

Но тут что-то случилось. Вожак остановился и посмотрел налево. Он перестал трубить, и вдруг совершенно неожиданно бросился бежать в диаметрально противоположном направлении, сопровождаемый всем стадом. Они ломались сквозь джунгли, ломая на пути деревья и кусты, пока не скрылись из виду.

С вздохом облегчения Кинг продолжил преследование похитителя, мчась вслед за слонами. Что случилось с вожаком, Кинг никак не мог догадаться, да и никогда так и не узнал. Он решил, что причиной тому причуды робкого и нервного животного. Он не знал, что изменившийся ветер донес до стада запах людей — солдат Лодивармана. Да, собственно, Кингу было все равно, его сознание было занято вещами для него более важными. Бегущие толстокожие совершенно затоптали следы, по которым он следовал, и это его очень беспокоило. Все, казалось, мешает успеху его дела. Он начал петлять вправо и влево от слоновьих следов в надежде найти хоть какой-нибудь след удравшего. Он уже почти оставил все свои надежды, как увидел слабый отпечаток знакомого следа — огромной босой человеческой ноги. Это было просто чудо, что этот единственный след оказался незатоптанным слоновьим стадом. След указал ему направление и воодушевленный Кинг поспешил вперед.

Кинг продолжал преследование, идя по поваленным слонами деревьям до тех пор, пока не столкнулся с картиной, наполнившей его душу ужасными предчувствиями. Недалеко впереди лежал человек, ноги его были придавлены упавшим на него деревом. К человеку медленно приближался, время от времени припадая брюхом к земле, огромный леопард. Человек был беспомощен. Леопард в любой момент может напасть и разорвать его. Первой мыслью Кинга естественно, было, что это и есть похититель, но где же Фоу-тан? Пока он не получит ответа, человек должен быть жив.

Крикнув, чтобы отвлечь внимание животного, Кинг бросился вперед, одновременно заряжая лук. Леопард вскочил и мгновение смотрел на приближающегося человека. Разглядев зверя, Кинг стрелять из лука не стал, поскольку понял, что стрелой он только раздражит зверя, и взял за копье.

Придя в замешательство от появления еще одного существа, леопард неожиданно повернулся и исчез в джунглях.

Человек, лежащий на земле, видел все это. Его от леопарда спасли, но на Кинга, остановившегося рядом, он смотрел с опасением, потому что узнал пришельца, у которого украл девушку. Если он даже и надеялся на то, что спаситель ничего не знает о его вине, то первые же слова Кинга доказали обратное.

— Где девушка? — спросил американец.

— Солдаты забрали ее у меня, — угрюмо пробурчало страшилище.

— Какие солдаты?

— Это были солдаты из Лодидхапуры, — ответил дикарь.

— Думаю, ты врешь, — сказал Кинг, — придется мне тебя убить, — и поднял копье.

Дикарю умирать не хотелось. Девушку он потерял, терять к тому же еще и жизнь было неприятно. С усилием его мозги заработали и у него родилась простая мысль.

— Ты спас мне жизнь, — сказал он. — Если ты убьешь это дерево с моих ног, то я помогу тебе найти девушку и отобрать ее у солдат. Я это сделаю, если ты не убьешь меня.

Копье дикаря лежало рядом с ним, тоже попав под дерево. Приняв предложение, Кинг вытащил его из-под дерева, потом забрал лук и копье.

— Зачем ты это делаешь? — спросил дикарь.

— Раз уж я решил освободить тебя, то мне не хотелось, чтобы ты убил меня.

— Ладно,— ответил дикарь,— но я не собираюсь убивать тебя.

Кинг подошел и обхватил ствол дерева. Оно не было слишком большим, но упало под таким углом, что в одиночку освободиться было невозможно. Когда Кинг приподнял его, страшилище вытянуло ноги.

— Что-нибудь сломано? — спросил Кинг.

Дикарь медленно поднялся на ноги.— Нет,— определил он.

— Тогда давай, в путь,— нетерпеливо прикрикнул Кинг,— у нас нет времени.

Вначале Кинг шел несколько позади. Его с первого взгляда поразило дикое выражение лица его спутника, теперь же он поражался его невероятным размерам. Его широкие покатые плечи, длинные руки говорили о поистине невероятных возможностях и фантастической силе. И тем не менее, существо, которое совершенно свободно могло бы убить его и с оружием и без оружия, послушно топало впереди до тех пор, пока Кинг не убедился, что страшилище никаких дурных намерений не питает и вполне может со всей простотой души спокойно нести свое оружие.

— Ты кто? — спросил Кинг после того, как они прошли в молчании довольно большое расстояние.

— Я Пранг,— ответил дикарь.

— А что ты делаешь тут, в джунглях?

— Я здесь живу.

— Где?

— Везде,— сделал Пранг широкий жест рукой.

— А где твои родственники?

— У меня никого нет, я живу один.

— Ты всегда жил в джунглях?

— Не всегда, но давно.

— А откуда ты?

— Из Пном Дхека.

— Так ты беглый раб? — спросил Кинг.

Дикарь кивнул.— Меня не надо возвращать. Если ты попробуешь, я убью тебя.

— Я не собираюсь тебя возвращать в Пном Дhek. Я не из Пном Дхека.

— Да, я знаю это по твоему оружию,— сказал

дикарь.— Ты из Лодидхапуры. Ты украл девушку, и они послали за тобой солдат. Это правда?

— Да,— кивнул Кинг.

— Наверно будет трудно забрать девушку у солдат из Лодидхапуры,— сказал Пранг.— Мы днем не сможем этого сделать, потому что их много, а нас мало. Но мы можем их найти и пойти за ними. А ночью ты можешь пробраться в лагерь и украсть девушку, если она пойдет с тобой.

— Пойдет,— сказал Кинг, а затем поинтересовался: — Сколько ты уже живешь в джунглях, Пранг?

— Я убежал, когда был мальчиком. С тех пор прошло много дождей. Я не знаю сколько, но уже много времени.

Они немного беседовали, идя по джунглям, но вполне достаточно для того, чтобы Кинг понял, что у этого громадного страшилища совершенно детский разум, и если не вызывать у него подозрений или страха, он послушен и покладист. Кинг заметил, что Пранг ведет его не тем путем, что они шли сюда. Он спросил дикаря, не идут ли они в неверном направлении, на что Пранг сказал, что он знает тропу, по которой солдаты будут возвращаться в Лодидхапуру, а так они смогут сильно сократить себе путь и догонят их.

В тех местах, где деревьев было мало, и большие пространства были покрыты слоновьей травой, Кинг чувствовал себя беспомощным — трава была выше их голов и полностью закрывала вид, а шорох листьев заглушал все остальные звуки. Но Пранга это не смущало, хотя он был безоружен и почти обнажен.

Они прошли довольно большой кусок зарослей слоновьей травы, пока не достигли чистой от травы и деревьев поляны. По ту сторону поляны недалеко от них был виден лес, но до него можно было добраться, вновь перейдя довольно широкий пояс слоновьей травы.

Когда они дошли приблизительно до середины поляны, их внимание было привлечено движением в траве перед ними, немного левее. Буквально в тот же момент показался из травы солдат в доспехах, затем вслед за ним появились еще воины. Кинг с первого же взгляда определил, что это солдаты не из Лодидхапуры: их оружие и доспехи были хотя и похожи, но не совсем, а шлемы совершенно не такого типа, что у него. При виде их Пранг остановился, а затем бросился бежать

в обратном направлении, крича: — Беги! Это воины из Пном Дхека!

Кинг стразу сообразил, что эти воины смогут помочь спасти Фоу-тан, если проводить к ней, но без Пранга это невозможно. Поэтому он бросился вслед за Прангом. — Стой! — закричал американец.

— Никогда! — завопил Пранг. — Они заберут меня в рабство. Не пытайся освободить меня, или я тебя убью! — Но поимка Пранга для Кинга значила больше чем жизнь. И он продолжал гнаться за ним, поскольку тот не так далеко убежал.

Насколько тщетной казалась попытка схватить эту гору мускулов и костей, хотя достаточно было бы только задержать ее, потому что он был уверен, что солдаты их схватят — он видел, что они пустились им вдогонку.

По собственному опыту Кинг знал способ задержать бегущего, не увеча и не убивая, чего ему и не хотелось делать, хотя оружие у него было и пользоваться им он умел. Поэтому он отбросил копье и бросился под ноги Прангу. Сделано это было лихо, и Пранг шлепнулся как подкошенный.

— Быстрее! — заорал Кинг воинам из Пном Дхека. — Я держу его! — Он слышал, как они продираются сквозь сухую траву.

— Пусти меня, — кричал боровшийся с ним Пранг. — Отпусти меня, они опять возьмут меня в рабство. — Но Кинг отчаянно вцепился в него, что было почти то же, что держать за хвост вздыбившегося мула, так мощно и энергично сопротивлялся Пранг. Но вот появились солдаты и навалились на них обоих разом.

— Не убивайте его! — закричал Кинг, увидев угрожающие острия копий. — Подождите, выслушайте меня.

— Ты кто? — спросил офицер. — Что все это значит? Мы тебя видели с ним, а потом ты, солдат Лодивармана, накинул на него как бы для нас. Что это означает?

— Это долгая история, — сказал Кинг, — а времени на объяснения нет. Где-то впереди девушка из Пном Дхека, которой я помог бежать из Лодидхапуры. Ее как раз опять захватили воины Лодивармана. Этот человек вел меня к ней. Можете вы помочь мне освободить девушку?

— Ты хочешь нас заманить в ловушку, — засомневался офицер. — Я не верю, что там вообще есть девушка.

— Там есть девушка,— подтвердил Пранг.

— Ее зовут Фоу-тан,— добавил Кинг.

В глазах офицера мгновенно возник интерес, а среди его парней раздался взволнованный шумок.— Я пойду с тобой,— решил офицер,— а если ты мне солгал, то ты умрешь тотчас же, как подтвердится твое предательство.

— Меня это устраивает,— согласился Кинг,— но у меня есть еще одно условие. Я провести вас к девушке не могу. Но этот парень говорит, что может, и мне известно, что он сделает это охотно и быстро, если вы пообещаете ему в награду свободу, когда мы вернемся.

В глазах Пранга появился проблеск надежды, и он испытующе посмотрел на офицера, ожидая его ответа.

— Обязательно,— твердо заявил офицер.— Если он приведет нас к Фоу-тан, то кроме свободы он получит любую награду, какую только пожелает. Я обещаю это.

— Я хочу только свободу,— сказал Пранг.

— Тогда веди нас,— велел офицер. Отправляясь в путь, он отдал приказ двоим солдатам идти рядом с Прангом и двоим с Кингом и стрелять при первой же попытке бегства или предательства.

Явно заинтересовавшись Кингом, сам офицер тоже пошел рядом с ним. Он заметил — это было видно — что Кинг по физическому типу отличается от кхмеров, и его мучало любопытство.

— Ты не слишком похож на парня из Лодидхапуры,— сказал он в конце концов.

— А я и не из Лодидхапуры,— ответил Кинг.

— Но на тебе вооружение воинов Лодивармана,— настаивал офицер.

— Я из дальней страны,— пустился в объяснения Кинг.— Я потерял дорогу в джунглях, и меня взяли в плен солдаты Лодивармана. Я понравился королю, и он отправил меня служить в королевскую гвардию.

— Но как же ты тогда подружился с девушкой из Пном Дхека?

— Я же тебе уже говорил, что это долгая история,— повторил Кинг,— но когда мы найдем ее, она подтвердит все, что я сказал. Лодиварману служить меня заставили силой. Верности я ему не соблюдал, поэтому, если я попаду к нему в руки, то пощады мне ждать не придется. Поэтому я намерен, когда мы вернемся в Пном Дхек с Фоу-тан, просить службы в вашей армии.

— Если ты подружился с Фоу-тан, то твоя просьба не останется без ответа, — твердо сказал офицер.

— А ты о ней слышал? — поинтересовался Кинг.

Офицер смерил Кинга долгим испытующим взглядом и лишь затем ответил: — Да.

ХП

ГОСТЬ И ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Захватившие Фоу-тан воины не делали никаких попыток спешить. Почти два дня они стремительно прочесывали джунгли в поисках Фоу-тан и ее пособника, но теперь, найдя ее, они никуда не торопились, не спеша возвращаясь к своему лагерю, чтобы переночевать там. Не подозревая о воинах Бенг Кхера из Пном Дхека, они не думали о погоне. Беседы их часто касались личности спутника Фоу-тан. Некоторые считали, что Кинг и йик — это одно и то же.

— Я всегда знал, что с ним что-то не так, — высказывал свои предположения один из воинов. — Он необычный какой-то. Он не кхмер, и вообще не похож ни на кого из смертных людей.

— Может, он наг, который превратился в человека, а потом стал йиком, — предположил другой.

— А может он вообще всегда был йиком, — раздумывал третий, — человеческий вид принял, чтобы обмануть нас, попасть во дворец Лодивармана и украсть девушку.

В то время как они обсуждали эту проблему, воин, шедший в арьергарде, услышал что-то сзади. Он оглянулся и закричал: он увидел, что их нагоняет страшное и группа солдат.

— Йики идут! — заорал он.

Остальные быстро обернулись на его крик. — Я же говорил, — завопил один из них. — Йик привел с собой своих!

— Да это солдаты из Пном Дхека, — крикнул офицер. — Стройся, будем сражаться. Никто не должен говорить, что воины Лодивармана сбежали от воинов Бенг Кхера.

— Это йики, которые приняли вид солдат из Пном Дхека, — взвыл воин. — Смертные не должны сражаться

против них,— и он отшвырнул копье и бросился наутек.

В тот же момент солдаты Бенг Кхера пошли в атаку, издавая боевой клич.

Дезертирства одного из воинов Лодивармана было достаточно, чтобы обуревавшие и другими ужас и недовольство достигли предела. Снедаемые суеверным страхом они все, кроме командира, бросились бежать, оставив его одного с Фоу-тан. Какое-то время офицер продолжал стоять, а потом, видимо, поняв свою беспомощность и безнадежность положения, тоже повернулся и помчался догонять своих парней.

Трудно себе представить, что чувствовала Фоу-тан. Совершенно внезапно появилась компания солдат из ее родного города, а с ними этот ужасный йик, который похитил ее у Гордона Кинга, и сам Гордон Кинг. Она стояла в немом изумлении и широко раскрытыми глазами смотрела на приближающихся мужчин, потом повернулась к своему возлюбленному.— Гордон Кинг,— сказала она,— я знала, что ты придешь.

Солдаты из Пном Дхека собрались вокруг нее. Рядовые держались на почтительном расстоянии, а офицер приблизился и встав на колени, поцеловал ей руку.

Кинга нисколько не смутило явное уважение и почтение, с которым они обращались с ней, кроме того он понимал, что незнаком с обычаями страны. Впрочем, ему было известно, что к апсарам или храмовым танцовщицам здесь относились с благоговением в связи с ритуальной природой их танцев, что в глазах людей связывало их с религиозной жизнью их нации и делало их в какой-то степени отражением богов.

Офицер коротко и почтительно расспросил ее, и когда он уверился в верности и честности Гордона Кинга, то подозрительность по отношению к нему сменилась сердечностью.

На вопросы Фоу-тан о Пранге, Гордон ответил, рассказав то, что услышал от него самого, и хотя Фоу-тан было очень трудно освободиться от мысли, что он йик, никому другому она не могла бы поверить так просто и с готовностью, как Гордону Кингу, чьи слова для нее были сочетанием правды и авторитетности.

— Теперь я привел тебя к девушке,— сказал Пранг, обращаясь к офицеру,— дай мне свободу, как ты мне обещал.

— Она твоя,— ответил офицер,— но если хочешь,

ты можешь вернуться и жить в Пном Дхеке, и я обещаю тебе, что король сделает тебя свободным человеком.

— Да,— подтвердила Фоу-тан,— и у тебя будет еда и одежда до конца дней твоих.

Дикарь покачал головой.— Нет,— отказался он.— Я боюсь города. Отпусти меня в джунгли, я здесь в безопасности. Отдай мне мое оружие обратно и отпусти меня.

Они сделали как он просил, и через минуту Пранг заковылял в лес, чтобы вскоре скрыться из виду: он променял городскую роскошь на свободу в джунглях.

Они снова пустились в путь, на сей раз в Пном Дхек. Фоу-тан шла рядом с Кингом: она тихонько сказала ему: — Давай не будем никому говорить о нашей любви. Я должна сначала убедить отца, а после этого об этом может знать весь мир.

По пути Кинг снова и снова поражался почтительности остальных по отношению к Фоу-тан. Она была настолько заметна, что их естественная легкая фамильярность, по сравнению с ней выглядела просто кощунственной. Для Кинга как человека западного воспитания казалось странным такое почтение к храмовой танцовщице, но он только радовался, зная всем сердцем, что какое бы благоговение по отношению к Фоу-тан они не проявляли, она его более чем достойна и заслужила прекрасными своими качествами и чистотой души.

Долгий переход прошел без приключений, и к концу второго дня перед ними выросли городские стены. Пном Дхек был похож на Лодидхапуру. Его великолепные каменные сооружения величественно возвышались посреди джунглей. Покрытые узорами башни и изумительные храмы свидетельствовали об искусстве и культуре их создателей; весь город носил трудно определимый отпечаток древности. Пном Дхек был живой город, но настолько смягченный и растворенный в веках, что даже в жизни он казался больше перевоплощенным в славе веков, чем в актуальности современности.

— Пном Дхек! — прошептала Фоу-тан с любовью и благоговением.

— Ты рада, что вернулась? — спросил Кинг.

— Трудно выразить этим словом, что я чувствую,— отвечала девушка.— Я сомневаюсь, что ты можешь осознать, что Пном Дхек означает для его сыновей или дочерей, и еще что ты способен осознать благодарность

к тебе, Гордон Кинг, потому что только тебе я обязана своим возвращением.

Он молча смотрел на нее. Ее взгляд, устремленный на Пном Дхек, был полон восторженной экзальтации. В голову его закралось сомнение.

— Фоу-тан, может быть,— вымолвил он,— ты приняла благодарность за любовь?

Она бросила на него взгляд.— Ты не понимаешь, Гордон Кинг,— огорчилась она.— Уже две тысячи лет любовь к Пном Дхеку питает кровь, что породила меня и живет во мне. Это умрет вместе со мной, но я могу не увидеть Пном Дхека больше никогда и быть счастливой, но если я не увижу никогда тебя, я не буду счастлива даже в Пном Дхеке. Теперь ты понимаешь?

— Ревность моя к камням и дереву лишь показывает, как я люблю тебя,— признался Кинг.

Один из солдат, сняв доспехи и оружие, побежал вперед к городским воротам, чтобы оповестить об их прибытии; у ворот раздался звук фанфар, которому стали отвечать фанфары по всему городу, затем послышалось низкое уханье гонгов и звон колоколов, город ожил. Кинг опять изумился, но это было только начало.

Пока они медленно шли по направлению к городским воротам, появилась компания солдат, а за ними вереница богато украшенных слонов. Кроме того появились поющие и танцующие люди — мужчины, женщины и дети, и их становилось все больше и больше. Тысячи людей так быстро собрались, что это Кингу казалось просто чудом, так же как и причина их ликования. В конце концов он решил, что Фоу-тан должна быть по крайней мере жрицей, так как все же было ясно, что вся эта шумиха и ликование в их честь.

Простой народ обогнал солдат, толпа быстро приближалась. Тогда солдаты, составлявшие их эскорт, выстроились кругом Фоу-тан и Кинга, но толпа держалась на почтительном расстоянии, а из беспорядочного шума Кинг стал улавливать отдельные слова их приветствий, которые повергли его в полное смятение.

— Фоу-тан! Фоу-тан! — кричали все.— Добро пожаловать нашей любимой принцессе, потерянной и вновь нашедшейся!

Кинг повернулся к девушке.— Принцесса! — воскликнул он.— Ты мне ничего не говорила, Фоу-тан, об этом.

— Много мужчин ухаживали за мной из-за того, что я принцесса,— объяснила она.— Ты полюбил меня просто, а не как принцессу, и мне хотелось, чтобы так оставалось как можно дольше.

— Так Бенг Кхер твой отец? — спросил он.

— Да, я дочь короля,— кивнула головкой Фоу-тан.

— Я рад, что не знал этого,— просто сказал Кинг.

— И я тоже,— согласилась девушка,— потому что теперь ничто не сможет заставить меня усомниться в твоей любви.

— Мне хотелось бы, чтоб ты не была принцессой,— сказал он встревоженным голосом.

— Почему?

— Никто бы не имел никаких возражений, если бы рабыня захотела выйти за меня замуж,— пояснил он,— но я могу себе представить, что многие будут против брака безымянного воина и принцессы Пном Дхека.

— Может быть,— печально согласилась она,— но давай не будем думать об этом.

На слоне, возглавлявшем шествие под красно-золотым зонтом сидел большой человек с твердым лицом. Когда слон, на котором он ехал, остановился около них, со спины животного была спущена лесенка и человек спустился на землю, в то время как все вокруг простерлись ниц. Фоу-тан выступила перед ним, опустилась на колени и взяла его руку. У человека с каменным лицом повлажнели глаза, он поднял девушку и заключил ее в объятия. Это был Бенг Кхер, король, отец Фоу-тан.

После первых объятий Фоу-тан что-то шепнула Бенг Кхеру, и он немедленно велел Гордону Кингу приблизиться. Следуя примеру Фоу-тан, Кинг встал на колени и поцеловал королевскую руку.— Встань! — сказал Бенг Кхер.— Моя дочь, принцесса, говорит, что своим спасением из Лодидхапуры она обязана тебе. Ты будешь соответствующим образом вознагражден. Тебе станет известна благодарность Бенг Кхера.— Он поманил одного из своих приближенных, и тот спустился со своего слона.— Проследи, чтобы этот храбрый воин ни в чем не нуждался,— приказал он.— Позже мы вновь призовем его.

Фоу-тан еще раз шепнула что-то отцу.

Король слегка нахмурился, как если бы ему не понравились чем-то слова Фоу-тан, но вскоре лицо его

опять смягчилось, и он опять обратился к своему сановнику.— Ты должен сопроводить воина во дворец и оказать ему все почести, ибо он гость Бенг Кхера.— Затем он вновь, взяв с собою Фоу-тан, забрался на слона. Сановник, которому был поручен прием Кинга, подошел к нему.

Первое впечатление у Кинга было не слишком приятное. Лицо у парня было вульгарное и чувственное, манеры полны высокомерия и надменности. Он даже не попытался скрыть своего отвращения, когда увидел грязное и пропыленное обмундирование рядового, стоявшего перед ним.— Следуй за мной, солдат,— сказал он.— Король был столь снисходителен, что повелел устроить тебя во дворце,— и не удостоив больше ни словом, повернулся и направился к слону, на котором прибыл из города.

На слоне кроме них было еще двое сановников и раб, державший над ними зонт. Совершенно не думая о том, каково ему, и вообще как будто рядом вообще никого нет, они принялись обсуждать неуместность приглашения рядового солдата во дворец. Неожиданно сопровождающий повернулся к нему.— Как твое имя, мой солдат? — брезгливо спросил он.

— Мое имя Гордон Кинг,— ответил американец,— но я не твой солдат.

Сказал он это твердо и решительно, прямо в глаза придворному.

Глаза сановника сузились, затем он вспыхнул и нахмурился.

— Ты, должно быть, не знаешь,— еле выговорил он,— что я принц и зовут меня Бхарата Рахон.— Голос был неприятный, а тон надменный.

— Вот как,— вежливо осведомился Кинг. Так вот он, Бхарата Рахон — человек, которого Бенг Кхер выбрал для Фоу-тан в мужья.— Неудивительно, что она сбежала и спряталась в джунглях,— пробормотал Кинг.

— Что такое? — спросил Бхарата Рахон.— Что ты сказал?

— Я уверен,— ответил Кинг,— что благородному принцу вовсе не интересно, что может сказать какой-то там рядовой.

Бхарата Рахон что-то прорычал, и разговор прекратился. Они оба ни разу не обратились друг к другу за все время, что процессия продвигалась по широким ули-

цам Пном Дхека ко дворцу короля. Вдоль дорог стояли радостно приветствующие люди, и Кинг видел искренность их встречи Фоу-тан.

Дворец Бенг Кхера представлял собой низкое очень разбросанное по огромной территории здание. Центральная часть его представляла собой гармоничное целое, к которому различные короли пристраивали кто что считал нужным, совершенно не считаясь с сохранением гармонии, но в целом он производил впечатление и был значительно больше дворца Лодивармана. Территория дворца была великолепно ухожена и представляла собой дивный сад. Ворота в королевскую резиденцию были невероятной величины, они были явно рассчитаны на то, чтобы в них свободно проходила колонна слонов, по двое в ряд.

Широкая аллея прямо от ворот вела к центральному входу во дворец здесь вся процессия спешила и последовала за Бенг Кхером и Фоу-тан, которым оказывались такие почести и совершалось все столь церемонно, что Кинг не в силах был себе поверить — он вообще не представлял себе ничего подобного. Он решил, что если прибытие и отбытие королей должны сопровождаться такими церемониями, то слава королевской власти обладает обратной стороной. Здесь было по крайней мере двести солдат, слуг, придворных, священнослужителей и рабов, и все они были заняты в церемонии встречи короля и принцессы, все проделывалось с такой механической аккуратностью, все так четко играли свои роли, что американцу стало ясно, что все это просто формальности, к которым привыкли за многие годы исполнения.

Бенг Кхер с Фоу-тан проследовали в сопровождении свиты по длинному коридору, ведущему в зал для аудиенции, там король отпустил всех, а сам с дочерью проследовал в зал, и за ними закрылась дверь. Большая часть свиты тотчас же разошлась.

Бхарата Рахон поманил Кинга за собой и отведя его в другую часть дворца, провел в комнату, которая потом оказалась одной из трех.

— Вот твои покои,— сказал Бхарата Рахон.— Я pošлю рабов за одеянием, более подходящим для гостя Бенг Кхера. Еду тебе будут подавать здесь. Изволь не покидать апартаментов без разрешения моего или короля.

— Я-то думал, что я гость,— ухмыльнулся Кинг,— а оказывается, я — заключенный.

— Таково желание короля,— отвечал принц,— тебе бы, парень, следовало быть более благодарным за те милости и почести, что ты удостоился.

— Фью-ю-ю! — присвистнул Кинг, когда Бхарата Рахон покинул комнату.— Какое счастье от тебя отделаться. Чем больше я тебя вижу, тем больше понимаю, почему Фоу-тан предпочла Господина Тигра принцу Бхарате Рахону.

Оглядывая комнаты, Кинг заметил, что они выходят в королевский сад — поистине дивное место, он уже не удивлялся, что Фоу-тан так любит свой дом.

Его размышления были прерваны приходом двух рабов: один из них принес теплую воду для мытья, а второй — одежду, подходящую для королевского гостя. Они ему сказали, что им велено быть к его услугам до тех пор, пока он будет оставаться во дворце, и что один из них будет постоянно ждать его приказаний в коридоре. Воду раб принес в двух глиняных сосудах на коромысле, а мыться можно было в дальней комнате в глиняной чаше таких размеров, что в ней спокойно помещался человек. Были принесены щетки, полотенца и всевозможные предметы туалета.

Кинг разделся и влез в чашу. Один из рабов принялся поливать его теплой водой, в то время как второй начал неистово тереть его двумя щетками. Мытье вышло вполне героическое, но после него Кинг почувствовал себя бодрым и посвежевшим.

Когда рабы были удовлетворены результатами растирания, они вывели его из чаши на мягкий ковер, где умастили его с ног до головы и втирали масло до тех пор, пока оно полностью не впиталось в кожу. По завершении этой процедуры они еще смазали его какой-то сладко пахнущей жидкостью. Пока водонос опорожнял чашу и выносил воду, второй раб помогал Кингу облачиться в новую одежду.

— Я Хамар,— прошептал он, когда водонос вышел.— Я принадлежу Фоу-тан, она мне доверяет. Она послала тебе вот это как знак, чтобы ты тоже доверял мне.

Он вручил Кингу тоненькое колечко дивной работы. Оно висело на золотой цепочке.— Носи его на шее,— сказал Хамар.— Во многих местах в Пном Дхеке оно

обеспечит тебе безопасность. Сильнее только власть короля.

— Она ничего не передавала? — спросил Кинг.

— Она просила сказать тебе, что не все так благоприятно, как она надеялась, но чтоб ты не терял надежду.

— Передай ей мою благодарность, если сможешь, — попросил Кинг, — и скажи, что ее слова и подарок подбодрили меня.

Вернулся второй раб, и поскольку Кингу больше ничего не было нужно, он отпустил их.

Едва они ушли, как явился молодой человек в великолепном придворном облачении.

— Я Индра Сен, — отрекомендовался посетитель. — Бхарата Рахон прислал меня проследить, чтобы ты не испытывал ни в чем недостатка во дворце Бенг Кхера.

— Похоже, Бхарате Рахону не по душе принимать рядового, — с улыбкой сказал Кинг.

— Да, — согласился молодой человек. — Именно таков он и есть. Иногда у Бхараты Рахона такой вид, будто король — он. Конечно, он надеется когда-нибудь стать королем, потому что говорят, что Бенг Кхер твердо решил выдать Фоу-тан замуж за него, а поскольку у Бенг Кхера нет сына, то Фоу-тан и Бхарата Рахон будут править после смерти Бенга Кхера, да не допустят того боги.

— Не допустят чего? — спросил Кинг. — Не допустят смерти Бенга Кхера или того, чтобы правили Фоу-тан и Бхарата Рахон?

— Все до одного будут служить Фоу-тан преданно, верно и с радостью, — парировал Индра Сен, — но я не знаю никого, кому бы нравился Бхарата Рахон, и есть опасность, что он в качестве мужа Фоу-тан сможет заставить ее делать то, что в другом случае она бы никогда не делала.

— Странно, — проговорил Кинг, — что в стране, где король может иметь много жен, у Бенга Кхера нет сына.

— У него много сыновей, — пояснил Индра Сен, — но сын наложницы не может стать королем. А королева у Бенг Кхера была одна, и когда она умерла, он не захотел взять другую.

— А если бы Фоу-тан не нашлась и Бенг Кхер умер, Бхарата Рахон все равно стал бы королем?

— В таком случае принцы бы выбрали нового короля, но это не был бы Бхарата Рахон.

— Значит, его женитьба на Фоу-тан — единственная надежда стать королем?

— Да, это единственная надежда.

— А Бенг Кхер благосклонен к его сватовству? — продолжал Кинг.

— Бенг Кхер находится под каким-то странным влиянием Бхараты Рахона, — объяснил Индра Сен. — Король всем сердцем сконяется к свадьбе Фоу-тан и Бхараты Рахона, а поскольку он стареет, то хочет, чтобы она была поскорее. Хорошо известно, что Фоу-тан против этого. Она не хочет выходить замуж за Бхарату Рахона, но если во всем остальном король ей уступает, то в этом он тверд как алмаз. Однажды Фоу-тан уже убежала в джунгли, чтобы избежать замужества, и до сих пор неизвестно, каков будет конец, потому что наша маленькая принцесса, Фоу-тан, обладает волей и разумом, а король — ну, он король.

В течение трех дней Индра Сен исполнял обязанности хозяина. Он показал Кингу дворцовую территорию, водил его в храмы и в город, на базарную площадь, на многочисленные рынки. Они вместе смотрели танцы апсар во дворце храма; но ни разу за эти дни Кинг не видел ни Фоу-тан, ни Бенг Кхер не посылал за ним. Дважды Хамар передавал ему короткие устные послания от Фоу-тан, но это были лишь слова, которые к тому же можно было доверить чужим, хотя и верным устам, и что совершенно не устраивало влюбленного.

На четвертый день Индра Сен не пришел, как обычно, утром. Хамар тоже не появлялся. Явился только второй раб — невежественный неразговорчивый малый, которого нипочем не удавалось вовлечь в беседу.

Кинг ни разу не выходил из своих покоев без Индры Сена, но хотя Бхарата Рахон предупредил его, чтоб он не вздумал выходить без разрешения, Кинг это всерьез не принял, отнеся предупреждение на счет мерзкого характера кхмерского принца. К тому же Индра Сен являлся прежде чем представилась необходимость или возможность выйти одному, кроме того, молодой сановник никогда не проявлял иного отношения к Кингу, как к какому-то нежеланному, он всегда вел себя с ним, как с уважаемым и приятным гостем. Поэтому у Кинга ни разу не создалось впечатления, что он не может

выйти когда захочет. Он подождал Индру Сена какое-то время и решил пройтись по королевскому саду, предупредив раба, постоянно ожидавшего приказаний за дверью, что если Индра захочет, то может найти его там. Но когда он открыл дверь, то увидел в коридоре не раба, а двух здоровенных воинов: они моментально повернулись и перегородили выход скрещенными копьями.

— Из комнат выходить нельзя,— резко сказал один из них: это был четкий приказ, который явно не полагалось обсуждать.

— А почему? — осведомился американец.— Я гость короля и хочу прогуляться по саду.

— У нас приказ,— ответил воин.— Вам не разрешено выходить из ваших покоев.

— Получается, я не гость короля, а его пленник.

Воин пожал плечами.— У нас приказ,— сказал он,— больше нам ничего не известно.

Американец вернулся в комнату и закрыл дверь. Что все это значит? Он подошел к окну и принялся размышлять, глядя в сад. Он мысленно восстановил каждое свое действие и слова с момента прибытия в Пном Дхек, ища, чтобы такое могло случиться, что отношение к нему так изменилось; но ничего не обнаружил. И он пришел к выводу, что это результат события ему не известного. Ясно было лишь, что все это связано с его любовью к Фоу-тан и решимостью Бенг Кхера выдать дочь замуж за Бхарату Рахона.

Время шло. Молчаливый раб принес еду, но ни Хамар, ни Индра Сен не появлялись. Кинг мерил шагами свои покои как тигр в клетке. Он часто останавливался около окон, завидуя свободе в саду по сравнению с ограниченным пространством в его комнатах. В тысячный раз он принимался изучать помещение, ставшее его тюрьмой. Росписи и драпировки, покрывавшие свинцовые стены постоянно вызывали у него интерес и любопытство, но сегодня из-за вынужденного пребывания среди них он почувствовал, что они ему надоели. Знакомые сцены, запечатлевшие королей, жрецов и танцующих девушек, замершие солдаты, чьи копья и стрелы всегда неподвижны сегодня производили на него удручающее впечатление. Их действия навсегда заторможены и остановлены художником, что усугубляло его беспомощное состояние в заключении.

Солнце стало склоняться к западу, в королевском

саду пролегли длинные тени, молчаливый слуга вновь принес еду и зажег в каждой из трех комнат лампы — обыкновенные масляные светильники, но все же мрак наступающей ночи они немного рассеивали. Молодость и здоровье взяли свое — Кинг поел с удовольствием. Раб убрал посуду, затем вернулся.

— Какие приказания будут на ночь, хозяин? — спросил он.

Кинг покачал головой. — Можешь до утра не возвращаться, — ответил он.

Раб удалился, и Кинг потихоньку принялся поигрывать с мыслью, засевшей в мозгу. Внезапное изменение его статуса, о чем говорило исчезновение Хамара и Индры Сена и присутствие воинов в коридоре, дало ему понять о приближающейся опасности и естественно направило его мысли к идее бегства.

Окна были расположены не слишком высоко, ночь — темная, город и джунгли он знает — все это вселяло веру в то, что можно обрести свободу без особого риска. Но он медлил, потому что не знал ничего определенного, на чем базируется гнев Бенг Кхера, и на него ли он направлен, ну, а самое главное, он не мог покинуть Пном Дхек, не поговорив с Фоу-тан.

Обсуждая сам с собой все эти проблемы, он продолжал расхаживать по всем трем комнатам своих апартаментов. Он остановился во внутренней, где колеблющийся свет светильника отбрасывал странную тень — он не сразу понял, что его собственную — на узорную драпировку, свисавшую от потолка до пола. Он остановился и глубоко задумался, устремив невидящий взгляд на чудную ткань, как вдруг заметил, что она шевелится и выпячивается. Там кто-то или что-то было.

ХІІІ

ПРОЩАЙ НАВСЕГДА!

В первый раз, с тех пор как Кинг вошел во владения короля Бенг Кхера, он сообразил, что среди узорных тканей и драпировок, окружавших его, нет оружия. Увидев таинственное колыхание и выпячивание ткани, он быстро подошел к ней, приготовившись встретить любого — друга или врага. Он видел как что-то выпуклое

движется под драпировкой, приближаясь к ее краю и замер. Быстрым движением ткань откинулась, и Хамар, раб, вошел в комнату: в тот же момент Кинг схватил его за горло.

Но он мгновенно узнал Хамара и с улыбкой отступил, отпустив жертву.— Я не знал кого ждать, Хамар,— извинился он.

— Врагу вас не застать врасплох, хозяин,— тихо сказал раб,— это хорошо, потому что в Пном Дхеке враги у вас могущественные.

— Что привело тебя, Хамар, да еще и так таинственно и тайно?

— Вы один? — прошептал Хамар.

— Да.

— Тогда моя миссия выполнена,— сообщил Хамар.— Я обеспечивал безопасность и секретность того, кто следует за мной.

Драпировка опять заколыхалась, как если бы за ней кто-то прошел, и из-за нее вышла Фоу-тан, в то время как Хамар, низко поклонившись, удалился.

— Фоу-тан! — воскликнул Кинг, шагнув к девушке.

— Мой Гордон Кинг! — шепнула Фоу-тан, падая к нему в объятия.

— Что случилось, что ты приходишь ко мне этим путем? — спросил Кинг.— Я знаю, что что-то случилось, потому что сегодня ко мне не пришли ни Хамар, ни Индра Сен и в коридоре выставлены часовые — я в заключении. Но зачем говорить о таких вещах раз ты здесь? Все остальное неважно, Фоу-тан.

— Ах, Гордон Кинг, очень много важного,— возразила девушка.— Я пришла бы и раньше, но стража была выставлена, чтобы не допустить меня к тебе. Король, мой отец, сходит с ума от гнева. Завтра ты будешь уничтожен.

— Но почему? — изумился Кинг.

— Потому что вчера я пришла к отцу и призналась в нашей любви. Я взывала к его благодарности к тебе за спасение от Лодивармана и к его любви ко мне, веря что они могут перевесить его решимость поженить нас с Бхаратой Рахоном. Он впал в совершенно неистовую ярость. Он велел мне удалиться в свои покои и приказал завтра уничтожить тебя. Но благодаря Хамару и Индре Сему я нашла выход, и вот теперь пришла попрощаться с тобой навсегда, Гордон Кинг, и сказать, что куда бы

ты ни ушел, мое сердце всегда будет с тобой, хотя тело и может стать подневольной рабой другого. Индра Сен и Хамар проведут тебя в джунгли и укажут путь к великой реке в той стороне, где восходит солнце. На противоположном берегу ты будешь в безопасности от интриг Бенг Кхера и Бхараты Рахона.

— А ты, Фоу-тан,— ты пойдешь со мной?

Девушка покачала головой.— Нет, Гордон Кинг,— я не могу,— печально сказала она.

— Но почему? Ты любишь меня, а я люблю тебя. Поедем со мной в страну свободы и счастья, где никто не будет спрашивать о нашем праве на счастье, и будем жить как нам велят боги, ибо мы; ты, Фоу-тан, и я созданы друг для друга.

— Этому не суждено сбыться, Гордон Кинг,— вымолвила девушка.— То, что предлагаешь мне ты — это единственное счастье, о котором я только могу мечтать, потому что для таких как я, обязательства уничтожают саму мысль о личном счастье. Я рождена принцессой, и это обстоятельство налагает на меня обязательства, избежать которых невозможно. Если бы у меня были братья или сестры, рожденные королевой, все могло бы быть иначе, но королевскую династию Пном Дхека продолжаю только я. Нет, Гордон Кинг, даже любовь не может внедриться между принцессой Пном Дхека и ее долгом по отношению к ее народу. Моя любовь всегда будет принадлежать тебе, и мне будет тяжелее, чем тебе. Если я, слабая, могу стать мужественной, то как ты, мужчина, позволишь себе слабость? Поцелуй меня еще раз, в последний раз, Гордон Кинг, и иди с Хамаром и Индрой Сеном, они проведут тебя в джунгли и покажут путь к свободе.

Замолчав, она обняла его за шею и прижалась губами к его губам. Он почувствовал, что щеки ее мокры от слез, и глаза у него заволокло пеленой. Может быть, до этого самого момента расставания Кинг не представлял себе, как глубоко пустил корни в его сердце этот нежный цветок диких джунглей. Хрупкая и прекрасная, как тончайший мейссенский фарфор, маленькая подкрашенная принцесса с длиннейшей родословной и многими веками истории позади держала его в стальных тисках рабства.

— Я не могу оставить тебя, Фоу-тан,— сказал он.— Давай я останусь. Может быть, если я поговорю с твоим отцом...

— Это бесполезно, даже если он удостоит тебя аудиенции, а он этого не сделает.

— Тогда если ты меня любишь так, как я люблю тебя, то ты пойдешь со мной.

— Не говори так, Гордон Кинг,— взмолилась девушка,— это жестоко. Я приучена ставить долг превыше всего, даже любви. Принцессы для счастья не рождаются. Их высокое рождение посвящает их долгу. Они тоже люди, а человеческого счастья им часто не достается. А теперь ты должен идти. Индра Сен и Хамар ждут тебя. Каждая секунда промедления сокращает твои шансы на спасение.

— Я не хочу бежать,— сказал Кинг,— я останусь и встречу лицом к лицу все, что мне суждено, потому что без тебя, Фоу-тан, жизнь ничего не стоит. Я предпочел бы остаться и умереть, чем уходить без тебя.

— Нет, нет! — воскликнула она.— Подумай обо мне. Я должна жить, и когда я буду думать о тебе, я буду гораздо счастливее, если буду думать о живом, чем если я буду знать, что ты мертв.

— Ты хочешь сказать, что пока я жив, есть надежда?

Она покачала головой.— Не в этом смысле,— объяснила она,— просто я буду счастлива, думая, что где-то есть ты и может быть, ты счастлив. Если ты любишь меня, то не лишай меня этого кусочка счастья.

— Если я уйду,— проговорил он,— знай, что где бы я ни был, я всюду несчастлив.

— Я женщина не меньше чем принцесса,— грустно улыбнулась она,— может быть мысль о том, что ты несчастлив из-за того, что я отказала тебе, принесет мне немножко печального счастья.

— Тогда я пойду, Фоу-тан, чтобы сделать тебя счастливой моим несчастьем, но думаю, что уйду недалеко и всегда буду лелеять надежду, даже если ты ее оставишь. Думай о том, Фоу-тан, что я близко и жду дня, когда смогу предъявить на тебя свои права.

— Этому не бывать, Гордон Кинг,— печально ответила она,— но хуже от того, что мы лелеем несбыточную надежду, нашим сердцам не будет. Поцелуй меня опять. Это будет последний поцелуй любви для Фоу-тан.

Их последнее прощальное объятие, полное любви и страсти, было коротким. Фоу-тан с трудом оторвалась от Кинга и ушла.

Ушла! Кинг долго смотрел на все еще колышущуюся

ткань. Невозможно, что она ушла из его жизни навсегда. — Фоу-тан! — шепнул он. — Вернись ко мне! Я знаю, ты вернешься! — Но тупая боль в груди была его собственным ответом на вопль разрывающейся души.

Ткань опять зашевелилась, и сердце у него едва не выскочило из груди, но это был всего лишь Хамар.

— Скорее, хозяин! — закричал раб. — Нельзя терять время!

Кинг кивнул. Он прошел за Хамаром, тяжело ступая — ноги будто свинцом налились — за драпировку и увидел стоящего в проходе Индру Сена с горящим факелом.

— По просьбе принцессы, — доложил Индра.

— Да будут боги ей защитой, — ответил Кинг.

— Пошли! — сказал Индра Сен, и повернув пошел впереди по какому-то коридору, а затем по длинной каменной лестнице, которую Кинг узнал — она вела далеко вниз, в подвалы дворца. Они проходили разветвленные коридоры, образующие сложный лабиринт под дворцом, напоминающий соты, пока наконец не вышли к туннелю, ведущему под землей прямо в джунгли.

— Там течет великая река, Гордон Кинг, — указал на восток Индра Сен. — Я хотел бы проводить тебя, но не осмеливаюсь — если заподозрят, что мы с Хамаром помогли тебе бежать, то вина падет на голову нашей принцессы, потому что Хамар ее раб, а я вхожу в ее свиту — я офицер ее гвардии.

— Об этом не может быть и речи, — возразил Кинг, — у меня и так нет слов, чтобы выразить мою благодарность тебе и Хамару.

— Возьми, хозяин, — Хамар протянул какой-то узел, — это одежда, в которой ты пришел сюда. А тут еще оружие: копье, нож, лук и стрелы. Это подарок принцессы, она сказала, что никто так хорошо не знает, как пользоваться всем этим, как ты. А одежду действительно лучше сменить, та что на тебе, для джунглей опасна.

Они подождали, пока Кинг переодевался в свою поношенную форму, и попрощавшись, вернулись в туннель. Он остался в полном одиночестве. На восток лежал Меконг, где, смастерив плот, можно было легко вернуться к цивилизации. На юге была Лодидхапура, а по ту сторону — хижина Че и Кенгри. Кинг знал, что если он выберет путь на восток к Меконгу, он никогда больше не вернется в джунгли, не вернется вообще. Он подумал

о Сьюзен Энн Прентайс и других своих друзьях из внешнего мира; он подумал о действенной, практической жизни, что ожидает его там. А затем перед ним предстало видение — девушка-цветок на огромном слоне. Оно напомнило о их совсем недавней первой встрече и все стало ясно: ему надо сделать выбор, раз и навсегда, между цивилизацией и джунглями — между цивилизацией и окончательным сознанием, что он никогда не увидит свой цветок, и джунглями и надеждой, пусть даже смутной.

— Сьюзен Энн решила бы, что я дурак, и я с ней согласен, — пробормотал он, пожав плечами, повернулся лицом к югу и начал свой долгий и одинокий путь по джунглям.

Определенного плана действий у него не было. Он единственно только определил одно: он идет к Че и Кенгри и будет там скрываться до тех пор, пока не пройдет настолько много времени, что можно будет предполагать, что Бенг Кхер прекратил поиски. А тогда, скорее всего, он вернется в окрестности Пном Дхека. Кто может сказать, что случится? Для человека характерно вечно сохранять надежду. Конечно, он знал, что он дурак, но это его не очень огорчало — лучше быть дураком в джунглях, особенно если его дурость сохранит для него Фоу-тан.

Джунгли вокруг были полны знакомых запахов и звуков. Держа копье наготове на всякий случай он принялся отыскивать тропу, которая, как он знал, вела на юг, в нужном ему направлении. Когда он нашел ее, что-то заставило его оставить на дереве рядом зарубку на всякий случай, чтобы, если понадобится, он смог легко найти путь в Пном Дхек.

Он шел всю ночь. Довольно долгое время неподалеку его сопровождал какой-то зверь, но напасть не осмелился и звуки, говорившие о его присутствии, исчезли. Вскоре наступил рассвет, а с ним и чувство большей безопасности.

После рассвета он набрел на стадо диких свиней, и прежде чем они заметили его присутствие, он успел убить стрелой поросенка. Вожак, сверкая клыками и налитыми кровью глазками, обнаружил его и бросился в атаку, но Кинг ждать его не стал, а взобрался на дерево по соседству, достаточно большое, чтобы не бояться нападения кабана.

Все стадо удрало, только вожак еще долгое время оставался поблизости, сердито расхаживая под деревом, на котором сидел Кинг, и время от времени злобно на него поглядывая. Голодному Кингу казалось, что прошло уже слишком много времени, но в конце концов и кабан сообразил, что бессмысленно ждать добычу, засевшую на дереве и он потрусил в джунгли, вслед за стадом. Еще довольно долго было слышно, как он продирается через кусты, но и этот звук затих в отдалении. Тогда Кинг слез и забрал свою добычу. Зная привычки кабанов в джунглях, Кинг не стал задерживаться на том же месте, а перекинул добычу через плечо и прошагал еще с милю. Найдя удобное место, он развел огонь, и вскоре здоровенный кусок свинины поджаривался на костре.

После еды он отошел от тропы подальше в джунгли, нашел место, где можно было бы прилечь, и уснул. Во сне ему снилось белоснежное белье и мягкие подушки и слышались голоса переругивающихся и спорящих людей. Они ему мешали, поэтому он решил продать дом и переселиться в другое место. В это время он проснулся, потому что на самом деле проспал больше шести часов. Он до сих пор был раздражен на соседей, и в его ушах продолжали звучать их громкие голоса. Он открыл глаза и в удивлении уставился перед собой. Потом улыбнулся: сон о доме заслонил реальность. А затем его улыбка стала еще шире — он увидел на дереве целую компанию верещащих обезьян.

Следующую ночь он тоже провел в пути, а когда наступило утро он увидел, что находится в окрестностях Лодидхапуры. Он больше не охотился и не разжигал огня, а питался фруктами и орехами, которые росли здесь в изобилии. Он не намеревался рисковать и днем ходить в окрестностях Лодидхапуры, поэтому нашел себе удобное местечко и решил проспать до ночи.

На сей раз ему снился очень приятный сон; они с Фоу-тан одни в джунглях и все препятствия на их пути исчезли, но вот они слышали приближающиеся человеческие голоса, их присутствие и шум беспокоят Фоу-тан и сердят Кинга. Он так разозлился, что даже проснулся. Фигура Фоу-тан стала таять и он крепче зажмурился, чтобы удержать ее, но голоса остались, что удивило Кинга. Он мог даже расслышать отдельные слова: — Говорю тебе, это он, — сказал один голос, а другой завопил: — Эй ты, проснись! — Тогда Кинг открыл глаза и

увидел двадцать крепких парней в медных сверкающих доспехах армии Лодивармана.

— Так ты вернулся! — воскликнул один из воинов. — Не думал я, что ты такой дурак.

— Я тоже, — согласился Кинг.

— А где девушка? — спросил тот же парень. — Лодиварман будет рад заполучить тебя, но он все же предпочел бы девушку.

— Он ее не получит, — сказал Кинг. — Она в безопасности во дворце своего отца в Пном Дхеке.

— Да-а, тогда тебе будет худо, — сочувственно протянул солдат, — и мне жаль тебя, ты парень смелый.

Кинг пожал плечами. Он огляделся в поисках пути к спасению, но все двадцать стояли вокруг. Он медленно поднялся на ноги.

— Вот он я, — сказал он, — что вы собираетесь со мной делать?

— Мы собираемся отвести тебя к Лодиварману, — объяснил тот, что все время вел с ним беседу. Солдаты отобрали у него оружие — и связали ему руки за спиной. Это не было ни жестокостью, ни грубостью — наоборот, они не скрывали своего восхищения им, его храбростью.

— Хотелось бы знать, как ты это сделал? — спросил воин, идущий рядом с Кингом.

— Что именно?

— Как ты незамеченным пробрался в королевские покои и выбрался оттуда, да еще и с девушкой. Уже трое погибли из-за этого, но Лодиварман так ничего и не добился.

— А кто погиб и почему?

— Первым — мажордом.

— А он-то за что? Мажордом ничего не делал, он только послушался приказа Лодивармана, — сообщил Кинг.

— Похоже, ты много об этом знаешь, — проговорил воин, — но именно поэтому он и умер. Один-единственный раз ему надо было послушаться короля, а он трусил, и Лодиварман лежал связанный с кляпом во рту пока не пришел Вай Тхон.

— А еще кто погиб?

— Часовой, что стоял с тобой на пару в пиршественном зале. Ему пришлось сознаться, что он оставил пост и тебя одного, а вместе с ним был казнен офицер стражи

за то, что поставил чужестранца на пост во дворец короля.

— Это все? — поинтересовался Кинг.

— Да,— ответил воин. Кинг улыбнулся; увидев улыбку, воин спросил, в чем дело.

— А, ничего особенного,— сказал Кинг,— просто я задумался.

Он думал, что самый виноватый в их бегстве — часовый, который позволил Фоу-тан упросить себя пропустить их в сад. Он догадывался, что этот человек будет не слишком рад его возвращению в Лодидхапуру.

— Так что Лодиварман до сих пор не знает, как я сбежал из дворца? — переспросил он.

— Нет, но узнает,— с жестокой улыбкой ответил один из солдат.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что прежде, чем тебе удастся умереть, он выжмет из тебя правду.

— Очевидно, мое пребывание в Лодидхапуре будет весьма приятным,— предположил Гордон Кинг.

— Не знаю, насколько оно будет приятным, но весьма недолгим,— не возражал воин.

— Это радует.

— Оно будет недолгим, но покажется вечностью, парень. Я видел людей, погибших в результате мести Лодивармана.

Кинг узнал, что его нашли чисто случайно — это был обычный дозор окрестностей Лодидхапуры. Вскоре и сам великий город предстал перед их глазами во всей своей многовековой красе, но безжалостной, как его собственные камни, как сердца, что бьются за его стенами. Он был построен на крови и жизнях миллиона рабов, его хмурые стены в течение двух тысяч лет были свидетелями жестоких кровавых преступлений во имя королей и богов.

— Мельница богов! — размышлял Кинг.— Удивительно не то, что она так тонко мелет, а то, что ее хозяева умудряются из глубины веков дотянуться до жертвы с другого края света, которая даже не знает об их существовании.

Они быстро приближались к одним из ворот Лодидхапуры, за порталами которых следует оставить всякую надежду. Это было хорошо известно Кингу, но единственное, что его сейчас интересовало, так это его собствен-

ная апатия к неумолимой судьбе. Он знал, что ему надо бы подумать о бегстве, но тем не менее он фаталистически воспринимал мысль о неминуемой смерти, ибо что ему оставалось ждать хорошего от жизни? Орбита его существования ограничивается сияющим солнцем, вокруг которого вращается его любовь — его маленькой пламенеющей принцессой. Отлученный навсегда от тепла и света ее близкого присутствия, он — просто одинокий спутник, бесцельно болтающийся в темноте и холоде межзвездного пространства. Что может предложить такое существование по сравнению с мирным забвением смерти?

Каковы бы ни были его мысли, внешне они никак не отражались: в Лодидхапуру он вошел твердой походкой, высоко подняв голову. В городе его и его эскорт быстро окружили любопытные, толпа росла — новость о том, что взят в плен похититель танцовщицы прокаженного короля, быстро распространилась по всему городу.

Его отвели в темницу в подвалах дворца Лодивармана и приковали цепями к стене. Его приковали как дикого зверя двойными цепями, да и еда, что швырнули перед ним, как перед диким зверем, была такова, что ее побоялись бы зверю предложить. Тьму его подвала должен был разгонять свет, проникающий через маленькое окошко под самым потолком — потолок, правда был низкий. Но окно и окном было трудновато назвать — просто маленькое отверстие, через которое пролезть мог бы разве домашний кот средних размеров. Но все-таки кое-какой свет и воздух сквозь него проникали.

И снова как много раз за последнее время, у Кинга появилось ощущение, что он галлюцинирует. Несмотря на множество событий, происшедших со времени его выздоровления, у него никак не могло уложиться в голове, что он свободнорожденный американец двадцатого века — пленник кхмерского короля. Это фантастика, это невероятно, немыслимо. Он прибег ко всяческим доводам, чтобы подтвердить ошибки и заблуждения в связи с помрачением ума, но в конце каждого из размышлений обнаруживал, что прикован двойной цепью в темном, грязном и вонючем подвале.

Пришла ночь, а с ней и самые мерзкие из обитателей подвалов — крысы. Он их гнал, но они всякий раз возвращались. Он был вынужден сражаться с ними всю ночь,

когда же забрезжил свет, они скрылись, и он, измученный, сел на каменный пол.

Он, видимо, уснул, но он в этом не был уверен, потому что почти сразу кто-то положил ему руку на плечо и слегка потряс, стараясь разбудить. Это была рука Вамы, командира десятки, что когда-то, впервые, взяла его в плен в джунглях вместе с Фоу-тан, это была дружеская рука, потому что воин в медных доспехах искренне восхищался храбрым чужестранцем, осмеливавшимся воспрепятствовать желаниям прокаженного короля, которого сам Вама боялся больше, чем уважал.

— Я рад снова увидеть тебя, Гордон Кинг,— сказал Вама,— но мне жаль, что мы встречаемся в таких обстоятельствах. Ярость Лодивармана неукротима, и никто не может спасти тебя, но может быть мучения последних часов тебе облегчит сознание, что у тебя много друзей среди воинов Лодидхапуры.

— Спасибо тебе, Вама,— отвечал Кинг.— На кхмерской земле я нашел больше чем дружбу, а если я найду и смерть, то по собственному выбору. Я готов ко всему, что ждет меня, но я хочу, чтоб ты знал, что твои уверения в дружбе облегчат мне предсмертные страдания. Но почему ты тут? Что, Лодиварман послал тебя исполнить приговор?

— Ну, так легко тебе от него не отделаться,— вздохнул Вама. — Я не знаю, что у него на уме. Мне было приказано привести тебя к нему — это знак почета по отношению к тебе, ведь ты произвел на него впечатление своим поведением.

— Наверно, он хочет допросить меня,— предположил Кинг.

— Без сомнения,— согласился Вама,— но это он мог доверить и своим палачам: они хорошо умеют выжимать все что угодно из своих жертв, любые признания.

Вама наклонился и отпер висячий замок, что скреплял цепи, освободил от них Кинга и вывел его в коридор, где ожидала вся десятка, чтобы эскортировать пленника к Лодиварману. Среди прочих были и Чек с Кау, с которыми Кинг подружился, пока служил в качестве воина в королевской гвардии Лодивармана, прокаженного короля. Приветствия их были суровы, но от этого не менее сердечны; и охраняемый и сопровождаемый друзьями, Гордон Кинг проследовал в приемный зал Лодивармана.

ГОСПОДИН ТИГР

Лодиварман с перекошенным от злобы лицом сгорбился на громадном троне. Его окружали военачальники, министры, верховные жрецы и сановники из свиты, слева, стоя на коленях, раб держал золотой поднос, полный грибов. Но в этот момент Лодиварман был настолько полон чувством мести, что даже не обращал внимания на предмет своей странной страсти. Наконец-то он заполучил того, на ком он может сорвать и удовлетворить свой необузданный гнев.

Дрожа от несдерживаемого гнева, Лодиварман устался на Гордона Кинга, которого подвели к подножию возвышения, на котором стоял трон.

— Где девушка? — злобно спросил король.

— Принцесса Фоу-тан находится в полной безопасности во дворце Бенг Кхера, — ответил Кинг.

— Как тебе удалось вывести ее? Тебе кто-то должен был помочь. Если ты хочешь избавить себя от страшных мучений, говори правду, — закричал король дребезжащим от ярости голосом.

— Король Лодиварман должен лучше других знать, как я отобрал у него девушку, — парировал американец.

— Я тебя не об этом спрашиваю, — вскрикнул, трясясь, Лодиварман. — Шива покарает тебя многими муками и страданиями за мое унижение и оскорбление, но я могу смягчить их, если ты назовешь своих сообщников.

— У меня нет сообщников, — отвечал Кинг. — Я забрал принцессу и ушел, и никто не видел меня.

— Как ты выбрался наружу? — спросил Лодиварман.

— Ты собираешься пытаться меня, Лодиварман, — улыбулся Кинг. — И ты хочешь убить меня. Так зачем мне доставлять тебе удовольствие признаниями? Ты уже уничтожил троих, я буду четвертым. Жизнь каждого из нас стоит больше твоей. Я бы на твоём месте не добавлял к тому, за что тебе придется ответить перед Господом после смерти.

— Что ты, чужестранец, знаешь о кхмерских богах?

— Я знаю мало или почти ничего ни о Брахме, ни о Вишну, ни о Шиве, — возразил Кинг, — но я знаю, что превыше всех Бог, перед которым держат ответ и короли

и тираны. И в его глазах добрый король значит не больше чем раб, а самый презренный в его глазах — тиран.

— Ты испытываешь на себе могущество и Брахмы, и Вишну, и Шивы! — прошипел Лодиварман. — Ты осмелился поставить своего Бога выше их! Клянусь богами, перед смертью ты испытываешь мучения во славу их милосердия.

— Каковы бы ни были мои мучения, Лодиварман, они будут происходить от тебя, — возразил Кинг. — Боги к этому не имеют никакого отношения.

К королю подошел младший жрец и принялся что-то шептать ему на ухо. Вай Тхон, верховный жрец, тоже был здесь. Старик с сочувствием глядел на Кинга, зная что беспомощен и ничем не может облегчить участь своего друга — кто лучше верховного жреца представляет себе власть короля и бессилие богов.

Жрец с заметным энтузиазмом продолжал что-то доказывать королю.

Лодиварман выслушал тихий совет и задумался. Затем он вновь поднял глаза на Кинга. — Нам доставит большое удовольствие доказать могущество наших богов перед нашим народом. Господин Тигр бога не ведает, ты сразишься с ним. Если твой Бог столь могуществен, он сохранит тебя. — Лодиварман подцепил щепотку грибов и откинулся на троне. — Отведите к Господину Тигру, — велел он, — но не выпускайте зверя, пока мы не придем.

Солдаты окружили Кинга и повели его к выходу, но они еще не успели выйти из зала для аудиенций, как Лодиварман остановил их.

— Стойте! — крикнул он. — Никто не сможет сказать, что Лодиварман нечестен даже с врагом. Когда парень войдет к Господину Тигру, дайте ему для защиты копьё. Я уже наслушался рассказов о его доблести, попробуем убедиться в ней собственными глазами.

Кинга вывели из дворца и через королевский сад повели к огромному храму Шивы. Там, на одной из нижних террас, где он никогда не был, его провели в небольшой амфитеатр, в центре которого находилось углубление, похожее на арену, общей площадью футов сто квадратных. Арена была расположена много ниже самого амфитеатра. Вход в нее был вниз по лестнице, затем через узкий каменный коридор, заканчивавшийся массивными деревянными дверями. Воины распахнули двери.

— Входи, Гордон Кинг,— сказал Вама.— Вот мое копье, и да помогут тебе и твой и наши боги.

— Спасибо! — ответил Кинг.— Думаю, что они все мне пригодятся,— и вошел на залитую солнцем арену. Двери за ним закрылись.

Пол и стены арены были сложены из каменных блоков без признаков какого-либо раствора, но пригнаны они были так превосходно, что почти не было видно границ камней. Оглянувшись, Кинг обнаружил на противоположной стороне еще одну огромную дверь, за которой он почувствовал присутствие — зловещее присутствие — дикого голодного хищника.

Кинг перехватил рукой копье, определяя его вес. Это было крепкое, хорошо сбалансированное копье. Он опять обратился мыслями к студенческим дням, когда он метал копье,— почти такое же — под восторженные вопли своих однокашников. Но тогда учитывалась только дистанция, только поверхностная демонстрация, что и отличает нашу цивилизацию.

Какое тогда имело значение, что кто-то метает более точно? А на самом деле именно это и должно быть практическим критерием эффективности. Гордон Кинг умел метать на более далекое расстояние, что выглядит с нашей точки зрения гораздо более убедительно и красиво, чем точность. Но неграмотный Че научил его тому, чему не умел учить колледж, и он овладел искусством менее видимым, но более важным — точности попадания.

Уже дважды он встречался с Господином Тигром и поражал его копьем. Каждый раз Кингу это казалось чудом. Ему казалось невероятным, что это может повториться в третий раз, что в третий раз он сможет одолеть повелителя Азии. Да и что это ему даст на сей раз? Спасшись от жестоких клыков и когтей тигра, он попадет в не менее, а скорее всего гораздо более жестокие лапы Лодивармана.

Стоя на каменных плитах арены под палящими лучами солнца он следил за тем, как на скамейках амфитеатра над ареной начинают собираться зрители. Свидетелями его гибели должны были стать члены королевской свиты: принцы, знать, воины, министры и священнослужители. Среди них были и женщины. Самым последним явился Лодиварман в сопровождении охраны и рабов. По мере того, как он шествовал к покрытому украшениями трону, все становились на колени, а самые

подобострастные даже касались лбом каменных плит пола. Около трона Лодиварман остановился, тусклым взглядом обвел собравшихся и перевел его на арену, где стоял одинокий воин. В долгом взгляде короля были ненависть и сдерживаемая ярость — низкое создание, осмелившееся поднять руку на персону короля!

Лодиварман медленно опустил на трон. Затем он сделал короткий знак слуге, и секундой позже раздался звук трубы. Коленопреклоненные мужчины и женщины встали и заняли свои места. Лодиварман вновь поднял руку и снова послышался звук трубы: все повернулись к низкой двери по другую сторону арены от американца.

Кинг увидел, как медленно поднялся тяжелый барьер. Сначала в темноте за ним ничего видно не было, но потом что-то зашевелилось и двинулось к выходу, и Кинг увидел то, что и предполагал: знакомые желтые и черные полосы великолепного меха. Громадный тигр медленно вышел и остановился в проходе, щурясь от яркого солнечного света. Вначале его внимание привлекли люди на каменных скамейках над ним, он посмотрел на них и зарычал. Затем он взглянул перед собой и увидел Кинга. Моментально поведение его изменилось. Он припал к земле, угрожающе помахивая хвостом, он вытянул голову, и глаза его загорелись.

Гордон Кинг нападения ждать не стал. У него была своя теория, базирующаяся на знании поведения этих диких тварей. Он знал, что они теряются и даже робеют, если объект нападения ведет себя неожиданно и непривычно.

Среди людей, собравшихся над ареной раздались возгласы удивления смешанного с восхищением, когда они увидели совершенно поразительное зрелище — Кинг надеялся, что оно так же поразит и тигра — вместо зверя, нападающего на человека, они увидели, что человек нападает на тигра: Кинг бежал прямо на припавшее к земле животное с копьём наизготовку.

Тигр пришел в замешательство. Он не предполагал ничего подобного; а затем он повел себя так, как надеялся Кинг. Перепуганный неожиданным поведением человека, тигр повернулся и бросился бежать, подставив — как Кинг и рассчитывал — свой левый бок противнику.

Рука с копьём сделала молниеносное движение. Тяжелое копьё, посланное точной и сильной рукой американца, вонзилось в полосатую шкуру прямо под левой

лопаткой. В тот же миг Кинг отбежал в самый дальний угол арены. Бегущий по инерции тигр перекувырнулся несколько раз на каменных плитах: его устрашающий рев и кашляющее рычание потрясли амфитеатр. Кинг был уверен, что попал в сердце, но он знал, что гигантские кошки и умирая, в состоянии уничтожить своего врага. Именно поэтому он и постарался оставить между собой и им максимально возможное расстояние. И хорошо, что сделал это: тигр поднялся на ноги, поискал его взглядом и бросился прямо на Кинга.

Человек продолжал стоять безоружный и беспомощный. Зрители, затаив дыхание, поднялись со своих мест и замерли в напряжении, ожидая жестокого и кровавого конца.

Приблизительно половину арены тигр преодолел большими прыжками. Человек содрогнулся, решив, что он промахнулся и не попал в сердце. Он уже приготовился перебежать в сторону, чтобы избежать первой атаки хищника, хотя и знал, что все тщетно, как вдруг буквально в воздухе, во время прыжка тигр рухнул и громадная его туша, перевернувшись, свалилась прямо к ногам Кинга.

Какое-то время все молчали, а потом внезапно зрители разразились криком. — Он завоевал жизнь, Лодиварман! Он завоевал свободу! — кричали самые храбрые, остальные их поддерживали.

Лодиварман сгорбившись, с отвратительной гримасой на лице, подозвал к себе приближенного и шепотом сказал несколько слов. Затем прокаженный король поднялся и прошел среди встающих по мере его приближения на колени людей, и вышел из амфитеатра.

Чуть позднее открылась дверь на арену и скрипя, пропустила Ваму и воинский эскорт.

Кинг приветствовал своего бывшего сотоварища улыбкой. — Тебе велено закончить то, что должен был сделать тигр? — поинтересовался он. — Или ты будешь сопровождать меня на пути к свободе?

— Ни то, ни другое, — ответил Вама. — Нам приказано отвести тебя обратно в темницу, во всяком случае, таков был приказ короля. Но если он не отпустит тебя, — тихо добавил Вама, — это будет позор для Лодивармана, потому что нет человека более заслуживающего жизни и свободы, чем ты. Ты первый из тех, кто встречался с тигром на этой арене и вышел живым.

— Что никак не удовлетворило жажду мести Лодивармана,— предположил американец.

— Боюсь, что ты прав,— согласился Вама, идя рядом с ним по коридору к темнице.— Но тебе следует знать, что сегодня у тебя появилось много новых друзей в Лодидхапуре, среди нас ведь есть люди, что в состоянии оценить смелость, силу и ловкость.

— Моя ошибка заключается не в выборе друзей,— объяснил Кинг,— а в выборе врага, ведь врага я сумел выбрать такого, что с ним могут не суметь справиться все друзья в мире.

Снова Кинга приковали к знакомому холодному камню в сыром, мрачном подвале. Но на сей раз ему было немного легче: Вама и его воины на прощанье подбодрили его теплыми, дружескими словами, да и раб, принесший затем еду, высказал ему свое восхищение. Еда, кстати, была хорошо приготовлена и ее было много. День прошел, миновала и долгая ночь, а наутро к Кингу пришел посетитель. Когда он остановился у входа, заключенный узнал его желтое одеяние и седую бороду — это был Вай Тхон, верховный жрец Шивы. Лицо заключенного просветлело от удовольствия при виде гостя.

— Добро пожаловать, Вай Тхон,— воскликнул он,— и прими мои извинения за жалкое гостеприимство, с которым я могу принять столь достойного и желанного гостя.

— Не думай об этом,— возразил старик.— Мне совершенно достаточно того, что ты встречаешь бедного старого жреца с таким удовольствием и радостью. Я очень рад видеть тебя, но я хотел бы, чтобы это происходило в более благоприятных обстоятельствах и чтобы я был глашатаем более приятных новостей.

— Ты хочешь мне что-то сообщить? — спросил Кинг.

— Да,— отвечал Вай Тхон.— Благодарность и дружеское расположение к тебе привели меня сюда. Я хочу предупредить тебя, хотя предупреждение в таких условиях мало чего стоит.

— Лодиварман не хочет дать мне свободу, не так ли?

— Нет,— промолвил Вай Тхон.— Он считает, что ты нанес ему такое оскорбление, которое предать забвению невозможно. Ты должен быть уничтожен, но таким образом, чтобы ответственность за твое убийство легла на плечи не Лодивармана.

— А каким образом это должно произойти?

— Тебя доставят в приемную Лодивармана, где тебе объявят о том, что тебе даруют свободу, потом тебя выведут и убьют солдаты его гвардии под предлогом, что ты покушался на жизнь короля, и они были вынуждены в целях защиты короля убить тебя.

— Вай Тхон,— сказал Кинг,— может быть твое предупреждение и не спасет мне жизнь, но мне будет легче в последние часы, ведь я теперь знаю всю силу твоей дружбы. А теперь иди, чтобы если вдруг мне удастся избежать тяжелой судьбы, что желает мне Лодиварман, никто не мог заподозрить тебя.

— Благодарю тебя за заботу, друг мой,— произнес старый жрец,— и хотя я ничем не могу тебе помочь, я буду молить богов защитить тебя.— Он подошел и положил руки на плечи Кингу.— Прощай, сын мой, сердце мое полно горечи,— слезы выступили у него на глазах, он повернулся и вышел из темницы.

Вскоре после ухода Вай Тхона Кинг слышал звук приближающихся шагов, а затем и клацанье и звон оружия и доспехов. Когда воины подошли к нему, он увидел только незнакомые лица. Офицер, возглавляющий отряд, приветливо обратился к Гордону.

— Я принес тебе хорошие новости,— сказал он, отпирая замок и снимая с Кинга цепи.

— Здесь любые новости хороши,— ответил американец.

— Но это лучшие из новостей,— произнес офицер,— Лодиварман приказал привести тебя к нему, чтобы лично объявить тебе о том, что ты свободен.

— Великолепно,— согласился Кинг, с трудом выдавив улыбку и вспоминая слова Вай Тхона.

Заключенного снова привели в знакомый зал для аудиенций, и снова он стоял перед тронном Лодивармана. Около короля на сей раз было немного членов свиты, видимо он не хотел, чтобы все знали об очередном его коварстве. Но как бы мало их ни было, раб с блюдом грибов стоял рядом с тронном, и вид этих непритязательных лакомств привлек внимание пленника. Его осенила идея как спасти свою жизнь, и идея эта была связана с грибами.

Он понимал, что думать и действовать надо быстро, ведь неизвестно, когда и как последует сигнал к его убийству.

Окруженный солдатами, он пересек помещение и остановился прямо перед тронем. Ему следовало бы пасть ниц, но он не стал этого делать, наоборот, он взглянул тирану прямо в глаза.

— Лодиварман,— произнес он,— выслушай меня, прежде чем подать сигнал к исполнению задуманного тобой плана, потому что твоя собственная жизнь и счастье висят на волоске.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Лодиварман.

— Ты расспрашивал меня о могуществе моего Бога,— Лодиварман,— продолжал Кинг,— но ты видел, как я одолел Господина Тигра перед лицом гнева Шивы, а теперь ты видишь, что я знаю о твоих планах убить меня. Как ты думаешь, как бы я смог одолеть тигра или узнать твои планы без вмешательства и помощи моего Бога?

Лодиварман, казалось, пришел в замешательство.— Меня предали,— гневно сказал он, переводя взгляд с одного из подданных на другого.

— Наоборот,— возразил Кинг,— тебе предоставляется такая возможность, какой без меня никогда бы не представилось. Ты можешь выслушать меня до того, как меня убьют?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Я послал за тобой, чтобы освободить тебя. Но говори, я слушаю.

— Ты прокаженный,— проговорил Кинг,— и при этом ужасном слове Лодиварман вскочил с трона, дрожа от ярости. Лицо его исказилось, а обычно тусклые глаза засверкали.

— Смерть ему! — закричал он.— Еще никто не мог при мне произнести это проклятое слово и остаться жить!

В ответ на крик Лодивармана солдаты окружили Кинга.— Подожди! — крикнул американец.— Ты сказал мне, что выслушаешь меня. Подожди пока я договорю, потому что для тебя это важнее жизни.

— Говори тогда, и быстро,— прорычал Лодиварман.

— В той великой стране, откуда я пришел,— продолжал Кинг,— очень много великолепных врачей, которые изучили все виды болезней, от которых страдает человечество. Я тоже врач, и учился у этих людей, и учился и знаю проказу. Лодиварман, ты думаешь, что болезнь твоя неизлечима, но я, человек, которого ты хочешь уничтожить, могу вылечить тебя.

Все в зале услышали эти слова, произнесенные тихо, но четко и ясно. Стало так тихо, будто все перестали дышать.

Лодиварман после приступа гнева сник на троне, казалось, он потерял сознание. Его трясло, подбородок опустился на грудь. Кинг знал, что произвел впечатление и на Лодивармана, и на всех остальных, более того, он знал, что победил. Он, зная человеческую натуру, понимал, что и Лодиварман — человек и ухватится за любую возможность избавиться от измучившей его болезни.

Наконец к тирану вернулся дар речи. — Ты можешь вылечить меня? — почти жалобно спросил он.

— Залогом тому будет моя жизнь, — твердо ответил Кинг, — при условии, что поклянешься в присутствии Вай Тхона, верховного жреца, всеми своими богами, что если я вылечу тебя, ты даруешь мне жизнь и свободу...

— Жизнь, свобода и все почести, что я в силах тебе предоставить, будут дарованы тебе, — дрожащим голосом вскричал Лодиварман, — если ты вылечишь меня, можешь просить все, что пожелаешь. Не будем медлить. Лечи меня.

— Ты страдаешь от этой болезни много лет, Лодиварман, — объяснил Кинг, — и за день ее не вылечить. Мне надо приготовить лекарство, и ты должен следовать моим инструкциям, потому что я смогу вылечить тебя только при условии полного послушания.

— А может быть ты захочешь отравить меня?

Кинг задумался. Этого момента он не предусмотрел, но решение пришло само. — Я смогу успокоить тебя, Лодиварман, — добавил он, — каждый раз, когда я буду давать тебе лекарство, я при тебе буду его пробовать сам.

Лодиварман кивнул. — Это предохранит меня, — согласился он, — а что еще?

— Помести меня там, где я буду все время находиться перед глазами Вай Тхона, верховного жреца. Ты ему доверяешь, и он проследит, чтобы я не принес тебе вреда. Он поможет мне добыть те снадобья, которые нужны, и завтра я буду готов начать лечение. Но для того, чтобы твой организм был готов к принятию лекарства, и чтобы лекарства смогли на него подействовать, мне не нужно ничего, кроме твоего сотрудничества.

— Говори! — велел Лодиварман. — Я сделаю все, что ты предложишь.

— Следует уничтожить все грибы в Лодидхапуре,— заявил Кинг.— Вели рабу сжечь эти, что он приготовил, и никогда в жизни не прикасайся больше к грибам.

Лодиварман разозлился.— Какое отношение грибы имеют к лечению? — возмутился он.— Это единственное, что доставляет мне в жизни удовольствие. Это просто выдумка, ты просто хочешь поиздеваться надо мной.

— Как хочешь,— пожал плечами Кинг.— Я могу тебя вылечить, только если ты будешь повиноваться моим инструкциям. Мои лекарства не произведут никакого эффекта, если ты будешь продолжать есть грибы. Но это твое дело, Лодиварман. Делай как хочешь.

Некоторое время правитель сидел в задумчивости, нервно барабанил пальцами по ручке трона, затем резко повернулся к коленопреклоненному рабу у трона.— Выбрось эти проклятые штуки! — закричал он.— Выбрось! Уничтожь! Сожги! И никогда больше не показывайся мне на глаза!

Раб, дрожа, ретировался вместе с грибами, и Лодиварман обратился к одному из своих сановников.— Грядки с королевскими грибами уничтожить,— закричал он,— и проследи, чтобы все было уничтожено.— А затем к другому: — Пригласи Вай Тхона.— Когда сановники удалились, он вновь повернулся к Кингу.

— Сколько времени уйдет на лечение? — спросил он.

— Я смогу тебе ответить только тогда, когда увижу как ты реагируешь на мои лекарства,— отвечал американец,— но я думаю, что улучшение наступит почти сразу. Все может быть. Быть может, лечение будет долгим, а может, выздоровление наступит быстро.

Пока они дожидались Вай Тхона, Лодиварман засыпал Кинга вопросами. Теперь, когда он узнал, что можно вылечиться от проказы, и что его будут лечить, он как будто переродился. Исчез с недавний его страх, и безнадежность будто смыло твердым обещанием американца. Когда Вай Тхон вошел в зал, он был поражен улыбкой на лице Лодивармана: он так давно ее не видел, что и забыл, что этот человек умел улыбаться.

Лодиварман быстро все объяснил Вай Тхону и дал ему инструкции относительно американца, потому что хотел, чтобы тот ускорил процесс приготовления лекарств.

— Завтра,— закричал он, когда Вай Тхон с Кингом выходили из зала,— завтра начнется мое лечение!

Гордон Кинг не стал ему объяснять, что лечение уже началось. Оно началось в тот самый момент, когда король велел уничтожить грибы, потому что он не хотел, чтобы Лодиварман знал, что никогда не болел проказой. Болезнь, от которой так страдал король, была просто острой формой дерматита, вызванного пищевым отравлением. Кинг молил Бога, чтобы его диагноз оказался верным.

XV

ВОЙНА

Когда Вай Тхон с Кингом пришли в жилище Вай Тхона, то тотчас же рабы были посланы в джунгли на поиски и сбор различных странных трав и корней, из которых Кинг составил три варианта лекарств, но в основе каждого было мягко действующее слабительное. Предназначение остальных ингредиентов было в основном создать впечатление и придать таинственности, потому что как бы Кинг ни порицал свое собственное шарлатанство, он ни в коем случае не хотел, чтобы создалось у кого бы то ни было впечатление, что лечение слишком просто. Он имел дело с примитивным сознанием и вел борьбу интеллекта за собственную жизнь, и условия вынуждали его принять за основу мышление окружающих, что не вызвало бы осуждения и со стороны самых щепетильных современных врачей.

Трижды в день он являлся в маленькую приемную около спальни короля, и там в присутствии Вай Тхона и офицеров свиты пробовал лекарство сам, перед тем как предложить его Лодиварману. На третий день стало ясно, что язвы на теле короля начали подсыхать. Столь явное подсыхание привело Лодивармана в восторг. Он смеялся и шутил с окружающими, и еще раз подтвердил свои заверения, что в случае полного выздоровления предоставит американцу все, что тот только ни пожелает. Каждый день в состоянии больного улучшение было все заметнее, пока, недели через три на теле не осталось даже и признака ужасных язв, безобразивших монарха столь долгие годы.

Кинг постепенно уменьшал дозы лекарств, затем начал сокращать прием их до двух раз в день, потом до

одного. На двадцать первый день Кинг пригласил Лодивармана в спальню и там в присутствии Вай Тхона и трех высших сановников королевства обследовал все тело короля и обнаружил, что кожа его совершенно чиста и здорова.

— Ну? — спросил Лодиварман, когда осмотр закончился.

— Ваше величество совершенно здоровы, — сказал Кинг.

Король встал с постели и набросил одежду.

— Жизнь и свобода — твои, Гордон Кинг, — объявил он. — Дворец, рабы, богатства в твоём распоряжении. Ты показал себя великим воином и великим врачом. Если ты останешься здесь, то будешь офицером королевской гвардии и личным врачом Лодивармана, короля.

— Существует только одна причина, по которой я хочу остаться в стране кхмеров, — ответил Кинг, — и эта причина должна быть тебе известна, Лодиварман, до того как я соглашусь принять твои дары.

— Так что же это? — спросил Лодиварман.

— Быть как можно ближе к принцессе Фоу-тан из Пном Дхека в надежде, что наступит день, когда я смогу добиться ее руки так же, как я завоевал ее любовь.

— Я простил тебе то насилие, что ты причинил мне, похищая девушку, — не запнувшись ни на мгновение ответил Лодиварман. — Раз ты сумел завоевать ее, я не буду чинить тебе никаких препятствий, напротив, помогу тебе во всем, что в моей власти. Никто не посмеет сказать, что к благодарности Лодивармана может быть примешана месть или эгоизм.

Лодиварман сделал больше чем обещал: он объявил Гордона Кинга принцем кхмеров. И Кинг из осужденного преступника превратился в титулованное лицо, стал владельцем дворца, множества рабов и командиром пятисот кхмерских воинов.

Велико было ликование в Лодидхапуре, когда стали известны результаты врачевания, и целую неделю город танцевал, устраивал пышные шествия и празднества. Кинг на королевском слоне рядом с Лодиварманом проехал по улицам Лодидхапуры во главе процессии из тысячи слонов в великолепных шелках, золоте и драгоценных камнях.

И в последний день, когда торжества достигли апогея, все оборвалось в одно мгновенье. Обливающийся

потом, измученный вестник, шатаясь, добрался до ворот Лодидхапуры и почти падая в обморок от усталости, успел сказать офицеру около ворот:

— Бенг Кхер во главе армии идет сюда, чтобы отомстить за оскорбление его принцессы,— и упал без чувств к ногам офицера.

Весть была быстро сообщена Лодиварману и быстро разнеслась по Лодидхапуре. Праздничные украшения исчезли как по волшебству. Все сменила военная боевая форма. На слонах была поношенная и потемневшая сбруя. Тысяча слонов рядами продефилировала через северные ворота Лодидхапуры, неся на спинах крепких парней Лодивармана с луками и копьями. С ними был и Гордон Кинг, принц, начальник нового отряда. Он ехал на быстром слоне практически один — с ним был только погонщик.

Американец мало что знал о тактике ведения войны у кхмеров, разве только то, что слышал от своих товарищей по службе и от других офицеров уже после своего назначения. Он узнал, что битвы состоят в основном между расчетами на слонах, а в обязанности офицера входит не более как указывать направление, в котором его отряд может преследовать врага, в случае если он отступает и бежит.

Боевые слоны вразвалку, но большими шагами двинулись по дороге в джунгли. Их покрывали простые чепраки, хотя кое-где под пробивающимися сквозь листву солнечными лучами и поблескивали остатки праздничных тканей или украшений. Сверкающие доспехи воинов отражали свет, у многих копья были украшены до сих пор лентами. Большинство сидело молча, правда, в зависимости от характера воина и можно было кое-где услышать непристойные шуточки и обмен мнениями. Шествие двигалось под музыку боевых труб и барабанов.

Армия остановилась на огромной поляне и замерла в ожидании армии Бенга Кхера, потому что войны между Лодидхапурой и Пном Дхеком велись по старинному обычаю. Именно здесь уже в течение тысячи лет встречались армии всякий раз, когда Пном Дхек нападал на Лодидхапуру. Именно здесь должна была происходить первая встреча, и если солдаты Бенг Кхера не смогут разбить армию Лодивармана, они должны повернуть назад. Это была военная игра со строгими правилами до того момента, пока одна из сторон не дрогнет и не обра-

тится в бегство. Если силы Лодивармана дрогнут, то их могут преследовать до ворот Лодидхапуры и остановиться они могут только за городской стеной. Но если первыми побегут воины Бенг Кхера, то Лодиварман может считать себя победившим и решать, преследовать врага или нет. Применять иную стратегию, стараться попасть в тыл врага, маневрировать и обгонять было здесь просто невозможно: слоны в густом лесу не в состоянии маневрировать, да и просто разворачиваться. Для бегства или наступления были только определенные тропы, известные всем.

Поляна, на которой стояла в ожидании армия Лодивармана, была длиной около двух миль и с половину или три четверти мили в ширину. Земля была утоптана и почти совсем лишена растительности, потому что здесь постоянно проводились тренировки и учения слонов.

Как только последние из толстокожих добрались до места, затихли трубы и барабаны. Вскоре с севера, откуда двигалась армия Бенга Кхера, послышался слабый звук военных барабанов Пном Дхека. Враг приближался. Воины принялись проверять стрелы и тетивы. Погонщики вели ободряющие беседы со своими могучими подопечными. Офицеры медленно объезжали подчиненных, призывая их к героическим действиям. По мере приближения звука вражеских труб и барабанов слоны начали нервничать. Они переступали ногами, поднимали и опускали хоботы и хлопали громадными ушами.

Каждый слон был нагружен запасными копьями и огромным количеством стрел. Только у Кинга было двадцать копий и более ста стрел. Когда он увидел, как их грузили на слона, он подумал, что не представляет себе, что может использовать их против людей, его просто передергивало при одной только мысли об этом. Но услышав звук боевого барабана, почувствовав запах кожи слона и увидев у себя за спиной длинную линию хмурых лиц и сверкающих кирас, он внезапно ощутил безумную жажду крови, буквально сотрясающую его. Это был уже не образованный и культурный джентльмен двадцатого века, а скорее такой же кхмерский воин, как и тот, что поклонялся древнему Йаковарману, славному королю.

Враг приблизился. Рев труб доносился с другого конца поля и голова колонны появилась на поле. Тут заревели трубы и загрохотали барабаны Лодивармана. Какой-

то слон задрал хобот и тоже заревел. Погонщикам стало трудно сдерживать своих подопечных.

Враг принялся выравниваться в линию на противоположном конце поля. На мгновение затихли все трубы и барабаны, а затем раздался хриплый сигнал фанфар со стороны трубачей Бенг Кхера. Казалось, он говорит: «Все готово», и тут же послышался ответ трубачей Лодивармана. Обе линии одновременно двинулись вперед, какое-то время сохранялись порядок и дисциплина, но то в одном месте, то в другом слоны начали вырываться вперед. Они перешли на рысь. Кинга чуть не опрокинули его собственные воины.

— Вперед! — закричал он погонщику.

Началось столпотворение. Рев труб и грохот барабанов смешался с боевыми криками воинов. Возбужденные слоны взреывали и трубили. По мере приближения линий друг другу лучники принялись осыпать врага буквально дождем стрел. Теперь со звуками труб и грохотом барабанов смешивались не только воинственные крики, но и крик боли раненых воинов и страшный рев раненых слонов. Все вместе образовало безумную песнь войны.

Кинг обнаружил, что его несет в самую гущу битвы прямо на слона, на котором как моряк в бурю покачивается офицер вражеской армии. Противник приближался, удобнее перехватывая копье и ожидая большего сближения слонов. Кинг ждать не стал. Он был мастером своего дела и неуверенности не чувствовал. Его люди следовали за ним. Он не знал, следят ли они за ним, но они следили — ведь он был новенький и это была его первая битва. Его положение должно было определиться сегодня и навсегда. Все они слышали о его доблести, но многие сомневались в правдивости этих рассказов. Но они увидели, как он замахнулся, увидели как полетело тяжелое копье, и хриплые одобрительные возгласы раздались при виде того, как копье пронзило сверкающую кирасу противника.

В следующее мгновение ряды сошлись с такой неистовой силой, что опрокинулось десятка два слонов. Кинг чуть не слетел со своего, но почти тут же вступил в рукопашную схватку, окруженный воинами Бенга Кхера. Сражение превратилось в медленное топтание слонов на месте, в то время как погонщики старались сохранить или добиться сохранения наиболее удобных позиций для воинов на спинах толстокожих. То и дело молодые

слоны, или тяжело раненные и обезумевшие от боли вырывались из толчеи и устремлялись к лесу. Воины соскакивали со слонов, рискуя получить ранение, но не быть ниминуемо уничтоженными, как только обезумевшее животное доберется до джунглей. Только погонщики не оставляли своих подопечных даже под угрозой смерти. Палящее солнце освещало воняющую, потную массу. Топчущиеся слоны поднимали тучи пыли, сквозь которые временами ничего не было видно.

В тот момент, когда Кинга окружили, в руку ему вонзилась стрела, стрелы отскакивали от шлема и кирасы десятками. Он видел озверевшие лица, от которых оборонялся копьем. Он ошалел от пыли и ослеп от пота. В ушах его звенело от рева его собственного слона и криков и жалоб его погонщика. Казалось невозможным выйти из подобного положения, выдержать же столь долгую атаку воинов убитого им офицера было не под силу никому, но тут в поле зрения появились слоны с воинами его отряда, и вскоре его окружали только его собственные воины.

Они продолжали пробиваться вперед. Что происходило по всей линии фронта, они не знали, потому что носившаяся в воздухе пыль все скрывала. Противник подался под их напором, но затем вновь бросился вперед, и так продолжалось долго — наступали то одни, то другие — но Кингу казалось, что все же его отряд отступает меньше, а отбивает противника дальше. Такое положение сохранялось до тех пор, пока противник все же не выдержал и бежал на север. Он не знал не только о том, что происходит с остальными силами Лодивармана, но даже не мог различить лиц своих подчиненных — такие тучи пыли носились в воздухе.

Кинг подзабыл правила ведения войны у кхмеров. Он думал только о том, чтобы закрепить достигнутый успех, но что бы то ни было, он заорал своим воинам, чтобы они следовали за ним и приказал погонщику преследовать отступающих в Пном Дхек. Но в пылу битвы воины его не услышали, и Гордон Кинг в одиночестве последовал за бегущим противником.

Когда же он выбрался с середины поля туда, где пыль была не столь густа, он прямо перед собой увидел огромного слона, затем обнаружил, что впереди маячат и другие вражеские слоны. На слоне, что двигался прямо впереди него, он увидел двоих и уже поднял копье, чтобы

метнуть его, как внезапно узнал человека, находящегося под прицелом — это был Бенг Кхер, король Пном Дхека и отец Фоу-тан. Кинг опустил копье: он не мог убить отца любимой. Но кто был его спутником? Сквозь редящее облако пыли Кинг почувствовал что-то знакомое. Ему пришло в голову, что можно попробовать захватить Бенга Кхера в плен и тем вынудить его отдать Кингу в жену Фоу-тан. Вообще в голове его начали мелькать сумасшедшие идеи.

Но Бенг Кхер не обращал ни малейшего внимания на воина, следовавшего на слоне за ними, и Кинг пришел к выводу, что они принимают его за какого-то из своих. Кинг увидел, что спутник Бенга Кхера наклонился вперед, видимо давая приказания погонщику, и почти сразу же их слон пошел в другом направлении. Другие же слоны сил Пном Дхека продолжали двигаться, не меняя направления, пока не исчезли из виду.

Воздух здесь был уже сравнительно чист и Кингу было видно все, что происходило перед ним. Он оглянулся и по тучам пыли над центром поля понял, что битва еще продолжается, но решил следовать за королем Пном Дхека.

К своему огорчению он заметил, что королевский слон уже далеко, он оказался быстрее его собственного. Увидел он также и нечто другое, а именно, что Бенг Кхер спорит со своим спутником, и тут Гордон узнал в спутнике короля Бхарату Рахона.

Кинг принялся уговаривать своего погонщика заставить слона идти быстрее, а когда он снова обратил свой взгляд на преследуемых им, то увидел, что Бхарата Рахон внезапно поднял нож и вонзил его в шею Бенга Кхера. Король от удара пошатнулся и прежде чем он восстановил равновесие, Бхарата Рахон наклонился вперед и вытолкнул короля. Кинг видел как Бенг Кхер, правитель Пном Дхека слетел со слона и свалился на землю.

Ужаснувшись жестокому убийству, происшедшему на его глазах и подумав о любви Фоу-тон к отцу, Кинг приказал погонщику остановить слона. Гордон слез и помчался к лежащему на земле. Король был без сознания, кровь потоком лилась из раны. Кинг как мог быстро остановил кровотечение, но что же делать дальше? Бенг Кхер его пленник, но что за польза сейчас от этого?

Он знаком показал погонщику, чтобы тот подвел слона поближе и заставил его лечь. Затем они вдвоем под-

няли раненого Бенга Кхера и уложили на слона.

— Что ты хочешь от раненого врага? — спросил погонщик, и Кингу стало ясно, что он не узнал Бенга Кхера. — Почему ты не добиваешь его? — продолжал парень.

— Твое дело править слоном, а не вмешиваться в мои дела, — рыкнул Кинг, и после этого, каковы бы ни были его мысли, погонщик держал их при себе.

— Куда, господин? — спросил он в данный момент.

Этот вопрос мучал и самого Гордона — куда? Если привезти его в Лодидхапуру, то Кингу было не известно, что решит делать Лодиварман, может решит убить. Если везти его в Пном Дхек, то король может умереть еще по пути, а если даже и удастся его довести, то едва ли ему доведется уже увидеть как Бенг Кхер умрет. А кроме того, хотя американец к Бенгу Кхеру любви не испытывал, ему хотелось уберечь Фоу-тан от горя и спасти Бенга Кхера. И тут решение пришло.

Он обернулся к погонщику. — Я хочу ехать на юг, но миновать Лодихапуру и всех вообще. Ты понял меня?

— Да, мой господин, — отвечал тот.

— Тогда поспешим. Я должен достичь определенного места до темноты. Когда мы проедем Лодидхапуру, я покажу тебе куда ехать.

Маленький Уда играл недалеко от хижины и слышал знакомый звук — это были шаги слона на тропе неподалеку от места, где он играл. Слоны частенько проходили там, иногда Уда их видел, но чаще — нет. Слонов, проходящих мимо, Че, Кенгри и Уда не боялись, потому что их тропа проходила в стороне от их каменного жилища, да и развалины были неподходящим местом для слоновьих ног. Так что Уда продолжал играть, не особенно обращая внимания на приближающиеся шаги, но на сей раз его изощренный слух уловил то, что он не видел, и вскочив на ноги, он бросился в хижину, где Кенгри готовила еду к возвращению Че с охоты.

— Мама! — закричал Уда. — Слон идет. Он ушел с тропы и идет сюда.

Кенгри шагнула к двери. К ее удивлению, слон действительно шел прямо к ее жилищу. Сначала она видела только его ноги, а когда он появился из-за дерева целиком, женщина тревожно вскрикнула: она увидела, что на слоне сидит погонщик, а за его спиной какой-то воин. Схватив Уду за руку, она бросилась бежать, вне себя от

ужаса перед властью Лодивармана, но знакомый голос остановил ее, назвав по имени.

— Не бойся, Кенгри,— успокоительно произнес голос.— Это я, Гордон Кинг.

Женщина остановилась и повернула назад.— Благодарение богам, Гордон Кинг, что это ты, а не кто-нибудь другой,— воскликнула она, приветливо улыбнувшись.— Но что привело тебя на этом огромном и великолепном слоне и в форме Лодивармана в бедную хижину Кенгри?

Погонщик остановил слона у дверей хижины, и по его команде громадное животное опустило свое тяжкое тело на землю.

— Я привез тебе раненого воина, Кенгри,— сказал Кинг,— чтобы ты его выходила, как когда-то меня,— и с помощью погонщика он снял Бенга Кхера со слона.

— Ради тебя, Гордон Кинг, Кенгри выходит хоть самого Лодивармана,— улыбнулась женщина.

Они перетащили Бенга Кхера в жилище и уложили на постель из сухой травы и листьев, прикрытую шкурами диких животных. Кинг вместе с Кенгри сняли с Бенга Кхера золотую кирасу. Сняв заскорузлую перевязку, наложенную Кингом для остановки крови, Кенгри промыла раны водой, принесенной Удой. Ее ловкие пальцы действовали легко и быстро. Приготовив новые бинты она послала Уду в джунгли нарвать определенных листьев, которые затем положила на раны и перевязала.

Погонщик вернулся к слону. Кенгри и Кинг, стоя на коленях, кончали перевязывать раненого, в это время Бенг Кхер открыл глаза. Он, ничего не понимая, огляделся вокруг, видя убогое жилье, затем перевел взгляд с женщины, склонившейся над ним, на мужчину в форме воина Лодивармана, и Кинг понял, что Бенг Кхер не узнал его.

— Где я? — спросил раненый.— Что случилось? Хотя нет нужды спрашивать. Я ранен в битве и попал в плен в руки моего врага.

— Нет,— возразил Кинг,— ты у друзей, Бенг Кхер. Эта женщина будет ухаживать за тобой, а когда ты выздоровеешь, мы решим, что делать дальше.

— Кто ты? — удивился Бенг Кхер, рассматривая его.

Американец вместо ответа вытащил из-под доспехов и кожаной туники тоненькое колечко, что висело у него

на шее на золотой цепочке. Когда Бенг Кхер увидел, у него вырвался возглас удивления.

— Это кольцо Фоу-тан,— изумился он.— Как оно попало к тебе, парень?

— Ты не узнал меня? — спросил американец.

— Клянусь Шивой, ты тот чужеземный воин, кто осмелился домогаться любви принцессы Пном Дхека. Боги оставили меня.

— Почему ты так говоришь? — возмутился в ответ американец.— Мне кажется, что они к тебе чертовски добры.

— Они отдали меня в руки тому, кому выгодно покончить со мной,— возразил Бенг Кхер.

— Напротив, они слишком добры к тебе, потому что отдали тебя под защиту человека, который любит твою дочь. Эта Любовь, Бенг Кхер,— твой щит и спасение. Эта она спасла тебя от смерти, и она же вернет тебе здоровье.

Бенг Кхер помолчал в задумчивости, затем заговорил: — Что же случилось со мной? — спросил он.— Мы ведь были вдали от битвы, Бхарата Рахон и... Клянусь Шивой, я вспомнил! — внезапно воскликнул он.

— Я видел как это произошло, Бенг Кхер,— сказал Кинг.— Я следовал за вами немного сзади и видел как Бхарата Рахон неожиданно ударил тебя ножом, а потом сбросил со слона.

— Теперь я все вспомнил,— кивнул Бенг Кхер.— Вероломный негодяй! Фоу-тан предостерегала меня, но я не мог поверить ей. Другие тоже предупреждали меня, но я не поддавался. Он подумал, что убил меня? Но нет. Я поправлюсь и отомщу, но все равно будет слишком поздно, чтобы спасти Фоу-тан.

— Что ты хочешь этим сказать? — прервал его Кинг.

— Мне его план ясен настолько, будто он мне сам все рассказал. Сейчас он на пути в Пном Дхек. Он расскажет всем, что я погиб в сражении. Он заставит Фоу-тан выйти за него замуж и тем самым станет королем Пном Дхека. Ах, если бы здесь был кто-нибудь из моих людей, я бы смог предотвратить это.

— Я здесь,— промолвил Кинг,— и для меня предупредить выполнение плана Бхараты Рахона гораздо важнее, чем для кого бы то ни было.— Он поднялся на ноги.

— Что ты собираешься делать? — спросил Бенг Кхер.

— Я еду в Пном Дхек,— ответил Кинг,— и если я не опоздаю, то спасу Фоу-тан, а если и опоздаю, то сделаю ее вдовой.

— Подожди,— попросил Бенг Кхер. Он снял с пальца один из своих массивных перстней и протянул американцу.— Возьми, в Пном Дхеке он придаст тебе полномочия Бенга Кхера, короля. Используй его, если найдешь возможность спасти Фоу-тан и наказать Бхарату Рахона по справедливости. Прощай, Гордон Кинг, и да защитят тебя боги и да дадут тебе силы.

Гордон Кинг выбежал из хижины и взобрался на слона.— Назад в Лодидхапуру,— скомандовал он.— Самой короткой дорогой и как только возможно быстро!

XVI

ВО ДВОРЦЕ КОРОЛЯ БЕНГА КХЕРА

Король Лодиварман отдыхал после сражения, принесшего ему победу. Он никогда еще не был в таком прекрасном настроении: никогда еще боги не благоволili так ему. Избавившись от страданий из-за ужасной болезни, столько лет мучавшей его, а теперь к тому же одержав победу над старинным своим врагом, Лодиварман действительно имел право ликовать. Конечно, счастье его не было безоблачным — он потерял много солдат и офицеров во время битвы, и не последней причиной огорчения была потеря Гордона Кинга, нового принца. Для Лодивармана Гордон был не только спасителем, но и своего рода защитником от болезней в будущем. По его приказу люди разыскивали его бывшего врага на поле брани, но никаких следов не обнаружили не только его, но даже погонщика и слона, и общее мнение было таково, что слон, обезумев от ран и шума битвы, сбежал в лес и оба седока погибли, когда он продирался под ветвями больших деревьев. Сотня воинов продолжала поиски в джунглях, но от них не было никаких сообщений. Оставалась очень слабая надежда на то, что принц жив.

Когда Лодиварман лежал на своем королевском ложе, предаваясь печальным размышлениям быть может больше из-за себя, чем из-за Гордона Кинга, слуга сообщил, что явился дворцовый чиновник.

— Впустить его,— разрешил Лодиварман.

Придворный вошел в покой и преклонил колени.

— В чем дело? — спросил Король.

— Принц Гордон Кинг испрашивает аудиенции у Лодивармана, — объявил чиновник.

— Что? — изумился Лодиварман, сев на ложе. — Он жив? Он вернулся?

— Он жив и невредим, Ваше величество, — ответил придворный.

— Привести его тотчас же, — распорядился Лодиварман, и Кинг предстал перед ним.

— Боги поистине благоволят нам, — произнес Лодиварман. — Мы думали, что ты пал в бою.

— Нет, — ответил Кинг. — Я слишком далеко преследовал врага, но зато я обнаружил нечто, что для меня означает больше чем жизнь, Лодиварман, и я пришел к тебе, чтобы испросить помощи.

— Только скажи что и все будет исполнено, — молвил король.

— Принц Бхарата Рахон убил Бенга Кхера и теперь спешит в Пном Дхек, чтобы принудить принцессу Фоу-тан выйти за него замуж. Я спешил к тебе, дабы попросить людей и слонов, с помощью которых я могу последовать за ним и освободить Фоу-тан.

Лодиварману, скорее всего пришлось проглотить достаточно горькую пилюлю — ни один из людей, а особенно король — не в состоянии забыть пережитого унижения, а ему было чрезвычайно неприятно вспоминать, что Фоу-тан отвергла его, а человек, что стоит перед ним, отобрал ее у него, короля. Но его благодарность Гордону была сильнее, и надо признаться, что он не медлил ни мгновения, услышав просьбу американца.

— Ты получишь все, что просишь, — воинов, слонов — все. Ты слышал? — обратился король к чиновнику, продолжавшему стоять рядом.

Тот кивнул. — По приказу короля, — продолжал Лодиварман, — принца следует снабдить всем, о чем он просит, без промедления.

— Ста слонов и пятисот воинов будет достаточно, — сообщил Кинг, — самых быстрых слонов и самых храбрых солдат.

— Ты их получишь.

— Благодарю, Ваше величество, — поблагодарил Гордон Кинг. — А теперь я позволю себе отправиться, ибо успех дела не терпит промедления.

— Иди,— сказал Лодиварман,— и да сопутствуют тебе боги.

Через час сотня слонов с пятьюстами воинами вышла через северные ворота Лодидхапуры и углубилась в джунгли.

Дальше на север, спеша сквозь лесные заросли, двигалась разбитая армия Бенга Кхера, в авангарде Бхарата Рахон втайне предвкушал плоды своего преступления. Он уже испросил и получил прерогативы короля, так как пустил слух, что Бенг Кхер погиб в сражении и что он спешит в Пном Дхек для женитьбы на Фоу-тан.

На следующий день рано утром Фоу-тан, выглянув из окна своего дворца увидела, что из леса выходит колонна слонов и воинов. Безмолвие труб и барабанов дали ей понять, что солдаты ее отца потерпели поражение. Слезы выступили у нее на глазах и она отвернулась от окна и бросилась на ложе.

Примерно через час одна из ее маленьких фрейлин зашла в ее покои.— Моя принцесса, принц Бхарата Рахон ожидает вас в зале для аудиенции,— сказала она.

— А мой отец, король, не посылал за мной? — спросила Фоу-тан.

— Принц хочет передать вам слова вашего отца,— отвечала девушка, и в тоне ее прозвучало то, что было скрыто словами, но что отозвалось в сердце маленькой принцессы.

Она быстро поднялась.— Вели передать принцу Бхарате Рахону, что принцесса идет.

Рабыни быстро занялись ее туалетом, убирая следы слез и поправляя растрепавшуюся прическу.

В коридоре по выходе из ее апартаментов стояли в ожидании сопровождающие лица и Индра Сен с отрядом ее гвардии. Маленькая принцесса Фоу-тан должна была всегда передвигаться с помпой и церемониями.

Она в приемный зал вошла через свой личный вход. В зале уже собрались высшее офицерство, жрецы храма и капитаны в сверкающих доспехах и шлемах. Когда она вошла, все встали на колени и стояли так, пока она не подошла к трону, где ее дожидался Бхарата Рахон.

— Где же король, мой отец? — испуганно спросила она.

— Возлюбленная принцесса,— торжественно заявил Бхарата Рахон,— я принес тебе дурные новости.

— Король умер! — закричала Фоу-тан.

Бхарата Рахон склонил голову.— Он доблестно пал в битве,— сказал он,— но перед смертью он доверил мне передать последнее свое повеление для тебя.

— Говори,— разрешила принцесса.

— Ожидается, что Лодиварман захочет продолжить и последует за нами, чтобы атаковать Пном Дхек, к тому же мы опасаемся врагов в пределах городских стен — все это требует, чтобы на троне был король. Это и было последнее пожелание твоего отца перед смертью: чтобы ты немедленно вышла замуж, чтобы Пном Дхеком правил и руководил человек, который может защитить город от опасности.

— И это, конечно же, ты,— ледяным тоном произнесла Фоу-тан.

— Кто же другой, принцесса,— удивился Бхарата Рахон.

— Я не желаю обсуждать этот вопрос на официальном приеме, в присутствии посторонних,— твердо заявила Фоу-тан.— После соответствующего периода траура по моему отцу, королю, мы, может быть, обсудим эту проблему еще раз.

Бхарата Рахон подавил гнев и продолжал говорить мягким тоном.

— Я понимаю чувства Вашего величества в такой момент,— сказал он,— но дело не терпит отлагательств. Я прошу отпустить всех и спокойно выслушать меня.

— Отпусти их,— устало разрешила Фоу-тан, а когда зал опустел, она кивнула Бхарате Рахону: — Говори, но прошу, будь краток.

— Фоу-тан,— начал принц,— мне хотелось бы, чтобы ты с охотой вышла за меня замуж, но сейчас нет места всяким детским забавам. Мы должны пожениться сегодня. Это приказ. Я могу стать королем и без тебя, у меня для этого достаточно людей и власти. Но есть люди, что будут за тебя, и Пном Дхек ослабеет от гражданской войны и станет легкой добычей Лодивармана. Сегодня вечером верховный жрец сочетает нас браком, даже если для этого придется тебя приволочь насильно.

— Тогда это будет насильно,— сказала Фоу-тан и поднявшись, позвала стражу, ожидавшую ее в коридоре за дверью.

— Насильно,— прорычал Бхарата Рахон,— и ты увидишь, насколько легко это будет сделать.— Говоря, он

указал на стражу, входившую в зал для сопровождения Фоу-тан.

— Но это не мои люди,— вскричала она.— Где Индра Сен? Где воины моей стражи?

— Они уволены, Фоу-тан,— ответил Бхарата Рахон.— Будущий король Пном Дхека будет охранять свою королеву с помощью своих людей.

Принцесса Фоу-тан ничего не отвечая, вышла из зала, окруженная солдатами Бхараты Рахона, и вернулась к себе, где ее ожидала новая неприятность. Все рабы и даже фрейлины были заменены женщинами из дворца Бхараты Рахона.

Дело ее было безнадежно. Даже верховный жрец, к которому она могла бы обратиться в крайнем случае за помощью, будет скорее всего глух к ее призыву, так как он связан узами родства с Бхаратой Рахоном и охотно будет содействовать своему родственнику.

— На всем свете есть только один человек,— прошептала она самой себе,— да и то далеко. А может быть, он даже и умер. Как бы я хотела умереть.— Потом она припомнила, что говорил Бхарата Рахон об опасности, грозящей Пном Дхеку, и горло ее сжалось от сдерживаемых рыданий, облегчить которые не мог даже слабый лучик надежды.

В течение долгих часов Фоу-тан пыталась осуществить хоть какой-нибудь план спасения, но тщетно: когда она попыталась передать послание Индре Сену или другим сановникам и дворцовым чиновникам, которые как она знала, обязательно помогли бы ей, выяснилось, что она находится в положении пленницы и не может никому и ничего передать, за исключением Бхараты Рахона, и даже не имеет права покинуть свои покои без его разрешения.

У нее были все возможности утонуть в слезах от горя и гнева, но принцесса Пном Дхека была создана из более твердого материала. Несколько часов она просидела в полном молчании, пока рабыни обряжали ее для брачной церемонии. Когда же час настал, то по длинным коридорам дворца в огромный зал для приемов сопровождали не маленькую плачущую королеву, но решительную, разгневанную маленькую королеву со стальной решимостью в сердце и сверкающим стальным лезвием, спрятанным в складках ее свадебного туалета. Губы ее шептали молитвы Шиве, Разрушителю, дать ей сил вон-

зить тонкое лезвие в сердце Бхарате Рахону или в свое собственное до восхода солнца.

А в это время сквозь темный лес с юга быстро шли слоны, на спинах которых сидели сумрачные с диковатыми лицами воины. Во главе их ехал Гордон Кинг, негодующий на то, что темнота и опасности в джунглях заставляют их двигаться медленно.

Рядом с Кингом ехал офицер, хорошо знавший окрестности Пном Дхека и указывавший погонщику путь в ночи. В данный момент он велел остановить слона.

— Мы приближаемся к Пном Дхеку,— сообщил он,— и мы совсем рядом с тем местом на тропе, которое ты мне описывал.

— Возьми факел и пошли со мной,— велел Кинг, и они вдвоем слезли со слона. Офицер зажег факел и вручил его Кингу.

Медленно следуя по тропе, американец внимательно изучал деревья с левой стороны. Где-то в сотне футов от того места, где остановилась колонна, он помедлил.

— Это здесь,— сказал он.— Пойди и приведи воинов, только пусть они спешатся. Проводникам вели держать слонов здесь до нашего возвращения или до получения нового приказа. Поспешите. Я подожду здесь...

...В громадном зале для приемов во дворце Бенга Кхера собралась знать Пном Дхека. Военачальники в сверкающих доспехах, священнослужители в великолепном облачении, женщины в изумительных шелках и переливающихся драгоценностях. На возвышении на тронах сидели принц Бхарата Рахон и принцесса Фоу-тан. Между ними стоял верховный жрец, а позади них полукругом стояли знатные родственники Бхараты Рахона и военачальники, поддерживающие его. Из сторонников Фоу-тан не было никого. В зале не было ни Индры Сена, ни других ее офицеров или солдат ее личной стражи, она не слышала о них ничего еще с утра, с тех пор как они были удалены из приемной. Она думала о их судьбе, и сердце ее замирало от страха, потому что она прекрасно представляла себе, что Бхарата Рахон в своем стремлении к власти не остановится ни перед чем.

Перед возвышением под звуки барабана, ксилофона, цимбал и флейты танцевали апсары. Маленькие танцовщицы, обнаженные до пояса, переступали и изгибались в долгом и сложном ритуале танца. Но Фоу-тан не видела

их, хоть глаза ее были устремлены на них. Она видела лишь воина в помятых доспехах — воина с бронзовой кожей и ясными глазами, который держал ее в объятьях и говорил ей слова любви. Где он? Он сказал Индре Сену, что не покинет джунгли, всегда будет рядом, и Индра Сен передал ей эти слова — слова, что она бережет в сердце. Каким близким он казался сегодня! Еще ни разу со времени его ухода Фоу-тан не ощущала его присутствие так близко, и ни разу она не нуждалась в нем так сильно. Задыхаясь, она заставила себя вернуться к реальности и пониманию тщетности своей мечты. Теперь она увидела апсар. Танец их подходил к концу. Когда он закончится, верховный жрец и его прислужники приступят к церемонии, которая сделает Фоу-тан женой Бхараты Рахона и даст Пном Дхеку нового короля.

В тот самый момент, когда девушка вздрогнула и пальцы ее сжали рукоятку кинжала, спрятанного под великолепным нарядом, какой-то человек, спотыкаясь, вышел из джунглей к внешним стенам Пном Дхека; за ним, молчаливые как привидения вышли еще пятьсот воинов в медных доспехах.

Ничто теперь не освещало их путь, так как они были уже у самых стен города, охраняемого многочисленной стражей. Но весь путь бегства из Пном Дхека настолько четко запечатлелся в памяти Гордона Кинга, что ему и свет-то был ни к чему. Он провел своих воинов мелким оврагом, а в том месте, где его пересекала городская стена, он нашел маленькую дверцу, скрытую кустарником и виноградной лозой. Эта дверь была настолько хорошо скрыта, что не была даже заперта. Какой из древних королей запланировал этот тайный ход, уже никому не было известно, но он был незаменим в том случае, когда необходимо было войти в город и дворец незамеченным, и тогда, когда его надо было тайно покинуть. Но какова бы ни была причина появления этого прохода под городом, для Кинга и его спутников в эту ночь это был просто подарок судьбы.

Оказавшись наконец в подземном коридоре, они зажгли факелы, и в их колеблющемся свете колонна продолжала двигаться к цели. Они уже прошли довольно большое расстояние по коридору, минуя его разветвления, другие коридоры и какие-то комнаты, когда Гордон Кинг обнаружил, что заблудился. Он знал, что когда Индра Сен и Хамар выводили его из дворца, они по

такому коридору не проходили. На секунду он упал духом и надежда ослабела.

Заблудиться в лабиринте под городом и дворцом могло стать не просто неудачей, это было опасно для его планов, да и для жизней его спутников. Он чувствовал, что нужно как можно дольше скрывать правду от своих товарищей, потому что в таком положении реакция может оказаться губительной.

Он совершенно извелся, строя предположения о Фоутан. Он был убежден, что она находится в страшном безысходном положении, и эта мысль приводила его в ярость, усиливающуюся его собственной беспомощностью.

В таком состоянии он шел по коридору, в который с каждой стороны выходило множество дверей, пока не увидел, что он упирается в коридор, идущий перпендикулярно. Куда свернуть? Он знал, что медлить нельзя, и в тот же самый момент он услышал, что кто-то зовет его по имени; голос слышался из-за одной из многочисленных дверей, выходивших в коридор.

Кинг остановился, так же как и его люди, прислушиваясь, удивленный и встревоженный, с оружием наготове. Кинг шагнул к двери, из-за которой и раздался голос.

— Кто говорит? — спросил он.

— Это я, Индра Сен,— отвечал голос, переведя с облегчением дух Кинг быстро вошел в помещение.

Свет его факела осветил узкий подвал, на полу которого сидел Индра Сен, прикованный к стене.

— Возблагодарим богов, за то, что ты пришел Гордон Кинг,— закричал молодой офицер,— и да позволят они прийти тебе вовремя, чтобы предотвратить трагедию.

— А в чем дело?

— Фоутан насильно выдают сегодня ночью замуж за Бхарату Рахона,— объяснил Индра Сен.— Весьма возможно, что церемония уже совершена. Все, в чьи обязанности входит защита Фоутан, здесь, в темнице, закованные в цепи.

— А где должна совершаться церемония? — спросил Кинг.

— В парадном зале для приемов.

— Ты можешь провести меня кратчайшим путем?

— Сними с меня оковы, освободи моих людей и я

не только проведу тебя, но и буду сражаться вместе с тобой во имя нашей принцессы.

— Отлично! — воскликнул Гордон Кинг. — Где твои парни?

— По обеим сторонам коридора.

Освобождение их оказалось делом нескольких минут, несмотря на крепость оков; но вот, предводительствуемая Индрой Сеном компания двинулась вперед. У воинов стражи Фоу-тан не было оружия, только руки и ненависть в сердцах. Но им было известно, что как только они попадут в приемную, найдется у кого отобрать оружие.

Верховный жрец Шивы выступил вперед и повернувшись, обратился лицом к Фоу-тан и Бхарате Рахону.

— Встаньте, — велел он, — встаньте на колени.

Бхарата Рахон встал со своего трона и полуобернувшись, стал ждать, когда поднимется Фоу-тан, но девушка продолжала выпрямившись сидеть на своем резном стуле.

— Ну! — шепотом сказал Бхарата Рахон.

— Я не могу, — объяснила Фоу-тан, обращаясь к верховному жрецу.

— Вы должны, принцесса, — попытался убедить ее жрец.

— Я его ненавижу. Я не могу с ним сочетаться браком.

Бхарата Рахон быстро шагнул к ней. Губы его улыбались для тех, кто стоял ниже возвышения, но сердце кипело от ярости, нежную ручку Фоу-тан он схватил грубо и больно сжал.

— Ну, — прошипел он, — или клянусь богами, я тебя уничтожу и буду править один.

— Тогда убей меня, — согласилась Фоу-тан. Но он, дернув, поднял ее на ноги. Те, кто стояли внизу, видели его улыбающееся лицо и думали, что он просто поддерживает принцессу, ослабевшую на мгновение от волнения, причиненного событием.

В этот момент громадная драпировка позади трона откинулась, и из-за нее вышел воин и остановился позади полукругом стоявших родственником Бхараты Рахона. Возможно, кто-то из присутствующих и заметил его, может быть даже кто-то и восторженно удивился, но прежде чем хоть кто-нибудь поднял тревогу или вообще понял, что тревога необходима, высокий воин протиснулся сквозь кордон из воинов между ним и тремя принципа-

лами на возвышении, а за ним через тот же ход двинулись толпой вражеские воины.

Тревожные крики раздались одновременно среди присутствующих внизу и среди воинов, стоящих на помосте; их неожиданно перекрыл яростный боевой клич Лодидхапуры.

Бхарата Рахон и Фоу-тан в одно и то же время обернулись и узнали Гордона Кинга, но насколько отличались их чувства!

Бхарата Рахон, изрыгая проклятия, вытащил меч. Дюжина воинов бросилась к незваному гостю, но тут же были отброшены воинами Лодидхапуры и безоружными солдатами стражи Фоу-тан, ведомыми Индрой Сеном.

— Грязный раб! — закричал Бхарата Рахон в лицо Кингу и обрушил мощный удар на шлем Кинга. Кинг удар парировал столь молниеносно, что кхмерский принц не успел защититься.

Удар Гордона Кинга во славу любви к принцессе и в знак мести за короля был чудовищен. Лезвие пробило золотой шлем и раскололо надвое голову вероломного принца. Тело Бхараты Рахона еще только начинало падать на пол, как Кинг повернулся, чтобы встретить возможного врага лицом к лицу. Но оказалось, что он окружен его собственными воинами, а быстрый взгляд на окружающее убедил его в том, что все приказы выполняются точно. Воины действовали так быстро, что около каждого входа стояли уже воины в медных доспехах.

Сопrotивление было незначительным, настолько стремительной была атака и присутствующие были настолько ошеломлены происходящим, что уже будучи окруженными со всех сторон превосходящими силами только начали понимать, что же происходит.

Индре Сену и его воинам действительно удалось позаимствовать оружие у солдат Бхараты Рахона, так что Кинг держал все в своих руках, во всяком случае в зале для приемов перевес был на его стороне. В городе, однако, оставались еще тысячи солдат, которые могли оказать сопротивление и одолеть их. Но Кинг это предвидел и не намеревался допустить подобного положения.

Повернувшись лицом к удивленным людям в зале для приемов, он поднял руку. — Тихо! — крикнул он. — Пусть никто из мужчин не пробует поднять против нас оружие, в таком случае никому не причиним никакого вреда. Я прибыл сюда не для того, чтобы нападать на Пном

Дхек, а чтобы отомстить за его короля. Бенг Кхер не пал в битве, он был ранен Бхаратой Рахоном. Он не умер. Бенг Кхер все еще король Пном Дхека.

Среди воинов Индры Сена раздались приветственные восклицания, возгласы радости слышались и среди присутствующей знати — после смерти Бхарату Рахона уже не боялись и сохраняли к тому же преданность своему королю.

Фоу-тан подошла к высокому воину, стоявшему около тела Бхараты Рахона и обращенному лицом к офицерам и сановникам Бенга Кхера. Она нежно дотронулась до него. — О мой Гордон Кинг! — шепнула она. — Я знала, что ты рядом. Я знала, что ты придешь. Но повтори мне опять, что мой отец не умер и в безопасности.

— Он ранен, Фоу-тан, но я оставил его у честных людей, тех же самых, что выходили меня, когда я заблудился и заболел в джунглях. Они будут ухаживать за ним. Он послал меня сюда спасти тебя от Бхараты Рахона, хотя я сделал бы это и так. Здесь жрец, Фоу-тан, а ты в свадебном платье. Ты опять хочешь мне отказать?

— Что скажет отец? — прошептала она, помедлила, а затем решительно и гордо подняла голову. — Его здесь нет, я королева! — воскликнула она. — Мне нет дела до того, кто что скажет. Если ты хочешь меня, Гордон Кинг, я — твоя!

Кинг повернулся к присутствующим. — Все приготовлено для свадьбы, — внятно произнес он. — Жрец здесь, невеста готова. Пусть церемония продолжается.

— Но жених мертв! — выкрикнул один из лейтенантов Бхараты Рахона.

— Я — жених, — объяснил Кинг.

— Никогда! — раздался еще один голос. — Ты — раб из Лодидхапуры!

— Он не раб и не из Лодидхапуры, — ответила Фоу-тан. — Этого человека выбрала я, а сегодня я королева!

— Никогда! Никогда! — раздалось много голосов.

— Послушайте, — воскликнул американец. — Диктовать волю сейчас не в вашей власти: сегодня королева — Фоу-тан, а я ваш завоеватель.

— Вы уже окружены солдатами Бенга Кхера, — сказал один из сторонников Бхараты Рахона. — Несколько человек успели сбежать, когда вошли ваши люди, и сейчас они разговаривают с воинами в бараках.

Они сейчас придут сюда и ты со своими воинами будешь уничтожен.

— Вполне возможно,— согласился Кинг,— но тогда погибнут и все, кто находится в этой комнате, потому что я держу вас здесь только как заложников. Если вы достаточно разумны, то пошлете вестника к воинам с приказом вернуться в бараки.— А своим воинам Гордон приказал: — Если хоть один воин Пном Дхека войдет в это помещение без моего разрешения, всех мужчин взять и истребить до одного, оставив в живых женщин. Если же мое слово для вас неубедительно, то у меня есть и веское ему подтверждение,— и с этими словами он вытащил королевский перстень и поднял его так, чтобы видно было всем.

Потерпев поражение по всем фронтам, сторонникам Бхараты Рахона пришлось смириться с неизбежным, а те, кто ненавидел его, были втайне довольны, потому что получили подтверждение тому, что и принцесса и король ручаются за этого чужеземного воина. И наконец в парадном зале для приемов кхмерского короля Бенга Кхера, принцесса Фоу-тан, танцовщица прокаженного короля, соединилась с человеком, которого любила.

XVII

ЭПИЛОГ

В эту ночь впервые, наверно, за тысячу лет солдаты Лодидхапуры и Пном Дхека сидели за одним столом, смеялись, шутили, божились, пировали и пили вместе. Солдаты Лодидхапуры хвастались доблестью своего принца, в одиночку, вооруженного одним копьем, сразившего Господина Тигра, а солдаты Пном Дхека похвалялись красотой своей принцессы. В конце концов некоторые свалились под стол, а оставшиеся за столом плакали друг другу в плечо, уткнувшись носами в доспехи. К утру, когда воинам Лодидхапуры пора было отправляться, у многих болела голова. Но тем не менее они все позалезали на своих слонов и пустились в обратный путь.

В это же время большой отряд из Пном Дхека, включая высоких чиновников, во главе с Фоу-тан и Гордоном

Кингом, тоже на слонах направились через джунгли к хижине Че и Кенгри.

К полудню следующего дня они достигли своей цели. Че, Кенгри и маленький Уда были совершенно потрясены великолепным зрелищем, внезапно открывшимся их удивленным глазам. Им было очень не по себе до тех пор, пока они не уверились в том, что Гордон Кинг тоже тут — он-то их защитит.

— Как больной, Кенгри? — спросил Кинг.

Женщина покачала головой. — Он не поправляется, — сказала она.

Фоу-тан с Гордоном Кингом в сопровождении верховного жреца Шивы и высокопоставленными сановниками вошли в простую хижину.

Бенг Кхер лежал на своем бедном ложе из травы и шкур. При виде Фоу-тан, подбежавшей к нему и ставшей около него на колени, глаза его засияли. Старый воин обнял и прижал ее к груди, и хотя он был очень слаб, он решительно настоял на том, чтобы она рассказала ему обо всем, что произошло с тех пор как Кинг оставил его и отправился в Пном Дхек.

Когда она закончила, он вздохнул и погладил ее по голове. Затем он повернулся к Гордону Кингу и тот подошел и встал на колени рядом с Фоу-тан. Бенг Кхер взял их руки в свои.

— Шива добр ко мне в мой последний час, — сказал он. — Он спас Пном Дхек и Фоу-тан от предателя, и он дал мне нового сына, чтобы он правил, когда я умру. Хвала Шиве!

Король Бенг Кхер закрыл глаза. Дрожь прошла по его телу, сразу как-то уменьшившемуся и успокоившемуся.

Гордон Кинг поднял плачущую Фоу-тан на ноги. Самый высокопоставленный сановник кхмерского двора подошел и стал перед ними на колени. Он взял руку Гордона Кинга и прижал ее к губам.

— Я приветствую сына Бенга Кхера, — произнес он, — нового короля Пном Дхека.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЧНЫЙ ДИКАРЬ

3

ЗА САМОЙ ДАЛЁКОЙ ЗВЕЗДОЙ

173

ЗЕМЛЯ ПОТЕРЯННЫХ ЛЮДЕЙ

301

Литературно-художественное издание

Эдгар Райс Берроуз

ВЕЧНЫЙ ДИКАРЬ

ВЕЧНЫЙ ДИКАРЬ
ЗА САМОЙ ДАЛЕКОЙ ЗВЕЗДОЙ
ЗЕМЛЯ ПОТЕРЯННЫХ ЛЮДЕЙ

Повести

Перевод с английского
С. Глебкина, А. Губергриц
Редактор *Г. Соркина*

Сдано в набор 29.05.93. Подписано в печать 14.06.93. Формат 84 × 108¹/₃₂. Гарнитура
Тип Таймс. Высокая печать с ФПФ. Печ. л. 14,5. Тираж 100 000 экз. Заказ 229.

Книга печатается при участии АО «Валев». Лицензия ЛВ № 216.

Акционерное общество «Принтэст», Эстония. Таллинн, Пярнуское шоссе, 10.
Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им Я. Коласа.
220005, Минск, Красная, 23.

ВЕЧНЫЙ ДИКТАРЬ

ЭДГАР БЕРРОУЗ

П Р И Н Т Э С Т

33